

От автора трилогии this man,
бестселлера номер 1 по версии Times

ДЖОДИ ЭЛЛЕН МАЛПАС

СТРАСТЬ
НАЙДЕТ
ВЫХОД

Одна

ОТВЕРГНУТАЯ

Ночь

Книжный червь Переводы книг

Он поразительно богат, до безобразия великолепен и способен вознести ее на вершины удовольствия, о которых она и не подозревала. Для Ливи дороги назад уже нет. Она полна решимости стать светом в темном мире Миллера Харта. Только за эту новую жизнь приходится платить слишком высокую цену... Миллер знает, что власть, которой он обладает, не может быть без жертв — но он не позволит Ливи стать одной из них. И пусть он хочет не что иное, как обладать ею всеми возможными способами, его первоначальная обязанность — защитить ее любой ценой. От его проступков, его врагов и особенно от него самого. Но по мере того, как их любовная история набирает обороты, эти двое привлекают внимание третьего лица, одержимого и опасного. Обнаружив о Миллере подробности, ударившие ее в самое сердце, Ливи должна будет решить, испорчен ли он настолько, что ничего нельзя исправить. А ему придется взглянуть в лицо своим страхам, чтобы удержать ее или потерять...

Посвящается

Бабуле, тётушке Долл и тётушке Филис. В образе бабушки Оливии лучшая часть каждой из вас. Мы скучаем по вам. XXX

Благодарности

Миллион спасибо завсегда. Вам всем известно, кем вы являетесь! Мне повезло иметь вас за своей спиной. Особое спасибо Ли, моему редактору, которая сделала процесс редактирования почти приятным. Я сказала почти! Как бы то ни было, работа с тобой — истинное удовольствие. Спасибо тебе за всё и за создание «джодиизмов». Художественным отделам в издательских домах Соединённых Штатов и Великобритании. Я абсолютно ужасно объясняла, какими именно хочу видеть обложки, и всё же вы всё всегда понимали. Спасибо вам!

И моим девочкам. Хочу отвезти вас куда-нибудь и пить с вами мохито, пока мы все не отключимся.

Надеюсь, вам нравится *Отвергнутая*.

Джоди. XXX

Пролог

Уильям Андерсон медленно и задумчиво положил телефон на место, а потом развалился в большом офисном кресле. Его огромные руки то и дело прикрывали рот в течение десятиминутного разговора до тех пор, пока мужчина не оказался на грани сумасшествия. Он не знал, что думать, но понимал, что нужно выпить. Хорошенько выпить. Уильям прошел к шкафику с алкоголем и поднял старомодную выпуклую дверцу. Он не остановился подумать, что именно будет пить: прямо сейчас любой алкоголь сойдет. До краев наполнив стакан бурбоном, он тут же осушил его наполовину и долил снова. Ему стало жарко, он взмок. Обычно собранный, мужчина был ошеломлен сегодняшними открытиями,

и теперь все, что он мог видеть — прекрасные сапфировые глаза. Куда бы он ни посмотрел, всюду видел их, они истязали, напоминая о его провале. Он сорвал галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки в надежде, что это облегчит дыхание. Увы, нет. Горло сжалось. Прошлое вернулось, чтобы преследовать Уильяма. Он так отчаянно старался не привязываться, не заботиться. И вот теперь это случилось снова.

В его мире решения должны приниматься на свежую голову и с объективным взглядом — то, в чем обычно он являлся экспертом. Обычно. Все в мире Уильяма случалось по определенной причине, и этой причиной обычно были его слова, потому что люди его слушали, они его уважали. Сейчас же он чувствовал, как ускользает весь контроль, и это ему не нравилось. Особенно там, где была *она*.

— Я слишком стар для этой фигни, — прорычал он, падая в кресло. Сделав еще один большой, тяжелый глоток бурбона, он запрокинул голову и уставился в потолок. Она заставила его потерять контроль прежде, и он вот-вот позволит ей повторить это снова.

Он глупец. Но появление Миллера Харта в этом и без того сложном уравнении не оставило ему выбора. Так же, как его принципы... Или любовь к этой женщине.

Глава 1

Моей судьбой управляет кто-то другой. Все мои усилия, осмотрительные поступки и защитные барьеры, которые я так старательно выстраивала вокруг себя, были уничтожены в день, когда я встретила Миллера Харта. Вскоре стало очевидно, что я достигла в своей жизни той точки, где стало важно вести себя благоразумно, сохранять внешнее спокойствие и оставаться осторожной. Потому что этот мужчина, бесспорно, собирался проверить меня на прочность. Так и случилось. Так и было сейчас. Довериться мужчине, открыться мужчине, отдаться ему было пределом. Это и случилось, и теперь всем я сердцем жалею, что не сделала по-другому. Напрасным беспокойством было бояться, что он оставит меня из-за моего прошлого. Это должно было быть самым последним из моих страхов.

Миллер Харт — высококлассный мужчина-проститутка. Назвал «эскортом», только от менее резких слов смысл не меняется.

Миллер Харт продает свое тело.

Жизнь Миллера Харта — фальшивка.

Миллер Харт — это мужской аналог моей мамы. Я влюбилась в мужчину, с которым не могу быть. Он заставил меня чувствовать себя живой после моего слишком долгого блеклого существования, а потом он забрал придающее сил чувство, оставив на его месте пустоту. Теперь в моей душе жизни меньше, чем когда-либо до встречи с ним.

Унижение от неоправдавшейся реальности утопает в боли. Я не чувствую ничего, кроме парализующей боли. Это были самые долгие две недели, которые только можно представить, и мне придется мириться с этим всю оставшуюся жизнь. Одной мысли достаточно, чтобы появилось желание закрыть глаза и никогда больше их не открывать.

Снова и снова прокручиваю в голове ту ночь в отеле — ощущение ремня Миллера на своих запястьях, холодное безразличие на его лице, когда он со знанием дела заставлял меня кончить, боль на его лице, когда он осознал, какую обиду нанес. Конечно, я должна была исчезнуть.

Я просто не осознавала, что бегу напрямик в ещё большую проблему. Уильям. Знаю, это только вопрос времени — он найдет меня снова. Я видела удивление на его лице, когда он

заметил меня и точно узнал Миллера. Уильям Андерсон и Миллер Харт знакомы, и Уильям заинтересуется, откуда я знаю Миллера, и, Боже упаси, чтобы он интересовался тем, что я делала в том отеле. Я не только провела две недели в аду, я провела две недели, оглядываясь через плечо в ожидании его появления.

Заставив себя принять душ и надеть первое, что попало под руку, спускаюсь с лестницы и нахожу Нан стоящей на коленях, загружающей стиральную машинку. Я молча сажусь за стол, только у бабули, кажется, все эти дни на меня настроен радар, и каждое движение, каждый вздох и каждая слезинка замечены, не важно, находится ли она со мной в комнате или нет. Она переживает, но не понимает, сочувствует и подбадривает. Попытки заставить меня увидеть положительное в моих встречах с Миллером Хартом стало целью ее жизни, только я не вижу ничего, кроме неминуемых страданий, и не чувствую ничего, только затянувшуюся боль. Никого больше быть не может. Ни один мужчина не разожжет эти чувства, не заставит меня чувствовать себя защищенной, любимой и в безопасности.

Что смешно, на самом деле. Всю свою жизнь я презирала то, что мама бросила меня ради жизни среди мужчин, удовольствий и подарков. А потом выясняется, что Миллер Харт — мужской эскорт. Он продает свое тело, берет деньги за то, что доставляет женщинам удовольствие. Для него каждый раз, когда он брал у меня свое, ласково держал в своих руках, это был способ стереть грязь от встреч с другими женщинами. Из всех мужчин в мире, кто мог бы так всецело меня пленить, почему это сделал именно он?

— Хочешь пойти со мной на сбор клуба по понедельникам? — буднично спрашивает Нан, пока я пытаюсь проглотить немного хлопьев.

— Нет, останусь дома, — отправляю ложку в миску и снова набиваю рот. — Ты выиграла в бинго прошлой ночью?

Фыркнув пару раз, она захлопывает дверцу стиральной машины и начинает насыпать стиральный порошок.

— Черт побери! Пустая трата дурацкого времени.

— Зачем тогда ты ходишь туда? — спрашиваю, медленно пережевывая свой завтрак.

— Потому что сотрясаю этот зал бинго, — она подмигивает и едва заметно улыбается, и я молча умоляю ее не приставать ко мне снова со своими ободряющими словами. Мои мольбы не услышаны. — Я провела годы, оплакивая смерть твоего дедушки, Оливия, — ее слова немного шокируют: упоминание дедушки — последнее, чего я ожидала. Жую теперь еще медленнее. — Я потеряла спутника жизни и выплакала океаны слёз. — Она пытается посмотреть на вещи в перспективе, и именно в эту секунду я спрашиваю себя, неужели бабушка думает, что я настолько жалкая, чтобы так убиваться по мужчине, с которым знакома совсем недолго. — Не думала, что снова когда-нибудь почувствую что-то, свойственное человеку.

— Я помню, — говорю тихо. И помню, насколько приблизилась к тому, чтобы умножить горе Нан. Она еще не отошла от исчезновения моей мамы, когда столкнулась с преждевременной кончиной ее обожаемого Джима.

— Но это случилось, — она ободряюще кивает. — Сейчас ты этого не чувствуешь, но вот увидишь, жизнь продолжается, — теперь она поднимается по лестнице, а я размышляю над ее словами и чувствую вину, ведь я горюю о том, что едва ли имела. И еще большую вину

за то, что она, в попытке утешить меня, сравнивает это с потерей своего мужа.

Погружаюсь в воспоминания, встреча за встречей, поцелуй за поцелуем, слово за словом. Мое размытое сознание, кажется, во что бы то ни стало стремится мучить меня, но это моя собственная глупая ошибка. Я просила этого. У безнадежности теперь новое лицо.

Звон мобильного заставляет меня подскочить на стуле, вырывая из мыслей, где все потери снова становятся реальными. Я не особо хочу с кем-то выходить на связь, в особенности с мужчиной, по чьей вине разрывается сердце, поэтому при виде его имени на экране бросаю ложку в миску и безразлично плююсь на экран. Сердце рвется из груди. Я впадаю в панику и еще больше вжимаюсь в спинку стула, как можно больше увеличивая расстояние между мной и телефоном. Не могу отодвинуться еще дальше, потому что каждая безвольная клеточка тела впала в ступор. Не работает ничего, только чертова память, и она приносит новую боль, заставляя мысли проходить через каждый момент, проведенный с Миллером Хартом. Глаза наполняются слезами отчаяния. Не слишком осмотрительно открывать сообщение. Ну конечно, неосмотрительно открывать это сообщение. Только прямо сейчас я не очень-то осмотрительна. С тех пор, как встретила Миллера Харта.

Хватаю телефон и открываю сообщение.

Как ты? Миллер Харт

Хмурюсь, глядя на экран, и перечитываю сообщение, спрашивая себя, думает ли он, что я уже могла его забыть. Миллер Харт? Как я? Как я, по его мнению? Танцую на потолке, потому что совершенно бесплатно получила несколько раундов с Миллером Хартом, самым скандально известным мужским эскортом Лондона? Нет, не бесплатно. Далеко не бесплатно. Время и опыт, пережитый с этим мужчиной, дорого мне обойдутся. Я еще даже не начинала переваривать то, что случилось. В голове куча вопросов, все перемешалось, но мне нужно распутать и разобраться с каждым, прежде чем я смогу это осмыслить. С одним только фактом, что единственный мужчина, с которым я поделила всю себя, вдруг исчез, безумно сложно жить. Только попытки понять, почему и как, являются изнурительной работой для эмоций, отказывающихся заглядывать на вершину моей потери.

Как я?

— Гребаная развалина! — я ору на свой телефон, нажимая на кнопку удалить снова и снова, пока большой палец не начинает болеть. В порыве злости, швыряю телефон через кухню, даже не вздрогнув от грохота, когда он, врезавшись в кафельную стену, разлетается на мелкие кусочки. Падаю на стул, сквозь бешеное дыхание едва ли слышу спешный звук шагов по лестнице.

— Какого черта? — шокировано кричит Нан из-за моего плеча, только я не оборачиваюсь, чтобы увидеть потрясенный взгляд, который, должно быть, омрачает ее старое лицо. — Оливия?

Резко встаю, отчего стул отлетает, звук скрипа ножек по полу эхом заполняет нашу старую кухню.

— Я уйду, — не смотрю на бабушку, сбегаю, просто мчусь по коридору и яростно срываю с вешалки свою куртку и сумку.

— Оливия! — ее шаги почти настигают меня, когда я, распахнув входную дверь, чуть не сбиваю с ног Джорджа.

— Утр — ох! — Он смотрит, как я протискиваюсь мимо него, и я только успеваю

заметить, как радостная улыбка на его лице превращается в шокированную гримасу, прежде чем я убегаю по дорожке, ведущей от дома.

Знаю, что выгляжу не к месту, стоя у входа в тренажерный зал, явно колеблющаяся и немного ошеломленная. Все тренажеры кажутся космическими летательными аппаратами, сотни кнопочек и рычагов на каждом, и я без малейшего понятия, как ими пользоваться. Часовое вводное занятие на прошлой неделе стало для меня прекрасным отвлечением, но вся информация и инструкции вылетели из головы в ту же секунду, как я покинула эксклюзивный фитнес-центр. Осматриваю помещение, теребя кольцо, и вижу большое количество мужчин и женщин, которые усиленно работают на беговых дорожках, отчаянно крутят педали велосипедов и сражаются с тяжестями на огромных подъемных тренажерах. И все выглядят так, будто они совершенно точно знают, что делают.

В попытке включиться подхожу к кулеру и набираю стакан ледяной воды. Колеблясь, я попусту теряю время, а могла бы выплеснуть немного стресса и злости. Замечаю боксерскую грушу в дальнем углу, рядом с ней нет никого на расстоянии тридцати шагов, так что я решаю испытать. На ней нет ни кнопок, ни рычагов.

Подойдя, сама беру перчатки, висящие на стене неподалеку. Просовываю в них руки, как профессионал, как будто прихожу сюда каждое утро и начинаю свой день с часового обливания потом. Закрепив липучки, несильно ударяю по груше. Ничего себе она тяжелая! Мой слабый удар едва ее сдвинул. Замахиваюсь и ударяю сильнее, а после хмурюсь: все, чего смогла добиться, это небольшое покачивание гигантской груши. Решив, что она, должно быть, полна камней, вкладываю свои силы в слабую руку и новым ударом пытаюсь сдвинуть. Еще и рычу, и груша на этот раз значительно сдвигается, отклоняясь от меня, и как будто останавливается на полпути, прежде чем двинуться на меня. Быстро. Я паникую и отдергиваю кулак назад, а потом вытягиваю руку, чтобы не оказаться на полу. Шоковые волны стремятся вверх по рукам, когда перчатки встречаются с грушей, и она снова от меня отлетает. Улыбаюсь и расставляю ноги немного, готовясь к ее возвращению, а потом опять сильно бью, заставляя грушу отклониться.

Рука уже болит, и я вдруг понимаю, что обе мои руки в перчатках, так что работаю левой на этот раз, улыбаюсь шире, соприкосновение кулака с грушей ощущается прекрасно. Я покрываюсь потом, в ногах появляется дрожь, и руки подбирают ритм. Вскрики удовлетворения разрывают меня, так что груша превращается нечто большее. Я выбиваю из нее дерьмо и наслаждаюсь каждой секундой.

Не знаю, как долго я здесь, но когда даю себе передохнуть и подумать, я измотана, костяшки болят, дыхание неровное. Хватаюсь за грушу и даю ей остановиться, потом бросаю осторожный взгляд на зал, интересуюсь, был ли замечен мой отрыв. Никто не смотрит. Я осталась абсолютно незамеченной, каждый сосредоточен на собственной изнурительной работе. Улыбаясь сама себе, забираю стакан и полотенце с ближней полки, стираю с лица пот и уверенным шагом выхожу из огромного зала. Впервые за недели, я готова к новому дню.

Иду в раздевалку, отпивая воду и чувствуя, что выбила из себя мой пожизненный стресс и горести. Какая ирония. Чувство освобождения ново, и очень сложно сопротивляться соблазну вернуться назад и поколотить еще один час, но я и так уже рискую опоздать на

работу, так что заставляю себя идти, думая, что это может стать зависимостью. Я вернусь сюда завтра, может даже сегодня после работы, буду бить эту грушу, пока не останется и следа Миллера Харта и той боли, что он мне причинил.

Прохожу мимо дверей: одна за другой, все они стеклянные, и я бросаю взгляд на каждую. Сквозь одну я вижу десятки упругих спин людей, крутящих педали так, словно от этого зависят их жизни, за другой женщины принимают всевозможные приводящие в ужас позы, а за третьей мужчины бегают назад и вперед, беспорядочно падая на маты, качая пресс и отжимаясь. Это должно быть занятия, о которых мне говорил инструктор. Мне, возможно, стоит попробовать одно или два. Или я могла бы попробовать их все.

Проходя мимо последней двери перед женской раздевалкой, я останавливаюсь, когда взгляд цепляется за что-то, и возвращаюсь, пока не оказываюсь перед стеклянной дверью и не смотрю на грушу, похожу на ту, что только что сама колотила. Она раскачивается на крюке под потолком, но я не вижу никого, кто мог заставить ее двигаться. Хмурюсь и подхожу ближе к двери, пристально следя за движения груши то влево, то вправо. А потом выдыхаю и отскакиваю, когда в поле зрения появляется кто-то с голым торсом и босыми ногами. Мое и без того колотящееся сердце виртуозно разрывается под обрушившейся на меня волной шока. Стакан с водой и полотенце падают на пол. Застываю.

На нем те самые шорты, которые он надевал, когда пытался заставить меня чувствовать себя комфортно. Меня всю трясет, но шоковое состояние не останавливает меня, и я смотрю сквозь стекло, только чтобы удостовериться, что это не галлюцинации. Нет. Его бешеные движения завораживают. Он кажется неистовым, атакуя эту грушу, как будто в ней угроза для его жизни, наказывая ее сильными ударами кулаков и еще более сильными ударами ног. Движения спортивных ног сменяются движением мускулистых рук. Он передвигается бесшумно, раскачивая грушу и уклоняясь от нее, когда она обратно на него налетает. Он кажется профессионалом. Бойцом.

Я замираю на месте, наблюдая за Миллером, с легкостью перемещающимся вокруг груши, его руки забинтованы, он превосходно контролирует движения рук и ног, снова и снова рассекая ударами воздух. Звук его хриплых рыков и ударов посылает по спине незнакомую дрожь. Кого он видит перед собой?

Голова идет кругом, вопросов становится все больше, а я стою и молча наблюдаю за тем, как утонченный, с хорошими манерами, временами джентльмен превращается в одержимого мужчину, теперь тот нрав, о котором он меня предупреждал, ясно и четко виден. А потом я отступаю на шаг, когда он вдруг хватает обеими руками грушу и прижимается лбом к коже, телом повторяя теперь слабые покачивания груши. Его спина влажная и грузная, и я вижу, как вдруг резко поднимаются его плечи. А потом он начинает разворачиваться к двери. Все происходит, как в замедленной съемке. Я приросла к месту, когда его покрытая капельками пота грудь оказывается в поле зрения, и мой взгляд медленно ползет вверх по его торсу, пока я не вижу его профиль. Он знает, что за ним наблюдают. Сдерживаемый воздух вырывается из моих легких, и я быстро прихожу в движение, проносясь по коридору и залетая в раздевалку, мое измученное сердце умоляет дать передышку.

— Ты в порядке?

Смотрю на душевые и вижу женщину, завернутую в полотенце и с тюрбаном на голове, в который завернуты мокрые волосы, она смотрит на меня немного выпученными глазами.

— Конечно, — выдыхаю, осознавая, что спиной прижимаюсь к двери. Не могу

вспыхнуть, потому что лицо и так уже ярко-красного цвета и невероятно горит.

Она улыбается, но брови все еще немного нахмурены, и продолжает заниматься собой, оставляя меня искать свой шкафчик и доставать оттуда сумку с душевыми принадлежностями. Вода более чем горячая. Мне нужен лед. Спустя пять минут поисков нужной температуры я оказываюсь просто не способна охладить ее. Так что обхожусь тем, что есть, и принимаюсь мыть запутавшуюся и потную себя, намыливаю липкое тело. Расслабленное состояние головы и тела были стерты его видом, теперь в голове снова всплывают образы. В Лондоне сотни фитнес-центров, почему я выбрала именно этот?

У меня нет времени на пустые размышления и выражение благодарности действию горячей воды, которая теперь массирует перегруженные мышцы, не обжигая и без того пылающую кожу. Мне нужно идти на работу. Десять минут уходит на то, чтобы высушить тело и волосы и одеться. А потом я выбираюсь из тренажерного зала с опущенной головой и ссутуленными плечами, храбрясь услышать этот голос, зовущий меня, или поувствовать эти прикосновения, разжигающие пламя внутри. Но я сбегая незамеченной и спешу к метро. Глаза благодарны за напоминание о совершенстве Миллера Харта, только разум нет.

Глава 2

По мере того как время ланча в бистро, где я работаю, стремительно близится к концу, Сильвия набрасывается на меня, словно волчица.

— Рассказывай, — говорит она, падая на софу рядом со мной.

— Нечего рассказывать.

— Да хватит уже, Ливи! Ты все утро ходила с кислой миной.

Бросаю в сторону хмурый взгляд и вижу, как моя напарница нетерпеливо поджимает ярко-розовые губы.

— Что?

— У тебя все лицо перекосило от раздражения.

— Он мне написал, — бормочу я. Не рассказываю ей об остальном. — Он написал, чтобы спросить, как я.

Она посмеивается, забирает мою колу и громко отхлебывает.

— Высокомерный придурок.

Тут же набрасываюсь на нее, не подумав:

— Он не придурок! — я кричу, защищая его, но тут же захлопываю рот и вжимаюсь в диван, уловив понимающий взгляд Сильвии. — Он не придурок и не высокомерный, — говорю спокойно. Он был любящим, внимательным и задумчивым... когда не был высокомерным придурком... или самым скандально известным мужским эскортом Лондона. Вздохнув, опускаю голову. Попасться на крючок один раз — неудача. Два? Ну, это просто необъяснимая шутка свыше.

Она наклоняется и сжимает мое колено:

— Надеюсь, ты не удостоила его ответом.

— Не могла, даже если бы захотела. А я не хочу, — говорю, поднимаясь.

— Почему?

— Телефон разбился, — оставляю Сильвию одну на диване с нахмуренными бровями и без дальнейших объяснений.

О своем разрыве с Миллером ей я лишь сказала то, что была другая женщина. Так легче.

Правда отвратительна.

Когда я захожу на кухню, Дэл и Пол смеются, как гиены. У каждого по ужасному ножу в одной руке и по огурцу в другой.

— Что такого смешного? — спрашиваю, отчего их радостное хихиканье прекращается. Оценив мой безвольный силуэт и психическое состояние, они напустили на лица тень жалости. Стою тихо и позволяю им прийти к единственно возможному заключению. По-прежнему выгляжу изможденной.

Первым отмирает Дэл, указывая на меня своим ножом, явно заставляя себя улыбаться:

— Ливи сможет рассудить. Она будет беспристрастной.

— Рассудить что? — спрашиваю, отступая от направленного на меня лезвия.

Пол, цыкнув, с силой опускает руку Дэла и улыбается мне:

— У нас состязание по нарезке огурцов. Твой глупый босс думает, что сможет меня уделать.

Я не собиралась, но смеюсь. В результате Пол с Дэлом вздрагивают, шокированные. Я видела, как Пол нарезает огурцы, ну или пыталась увидеть. Его рука едва заметна в движении несколько секунд, после которых овощ порезан аккуратно, каждая долька идеальна.

— Удачи!

Дэл улыбается мне широко:

— Ливи, милая, мне не нужна удача, — он ставит ноги на ширину плеч и кладет огурец на разделочную доску. — Скажи, когда.

Пол закатывает глаза, глядя на меня, и отступает — разумный шаг, учитывая то, как Дэл вцепился в нож.

— Готова засекасть? — спрашивает, протягивая мне секундомер.

— Это вообще нормально? — я беру его и настраиваю экран.

— Ага, — отвечает Дэл, сконцентрировавшись на огурце. — Он сделал меня с перцем, луком и салатом латук, но огурец за мной.

— Время! — кричит Пол, и я тут же включаю таймер, а Дэл действует, снова и снова зверски впиваясь ножом в бедный огурец.

— Готово! — кричит он на выдохе и смотрит на меня. Он покрылся испариной. — Сколько у меня?

Опускаю взгляд:

— Десять секунд.

— Пых! — он подпрыгивает в воздухе и Пол тут же отбирает у него нож. — Попробуй побей, мистер Шеф-повар!

— Проще простого, — заявляет Пол, занимает место перед разделочной доской и отодвигает расчлененный огурец, после чего кладет на доску свой. — Говори, когда.

Я быстро сбрасываю таймер, как раз вовремя, Дэл кричит:

— Время!

Пол, как я и думала, точно и спокойно проходится по огурцу, что совсем не похоже на тяжелые, зверские движения рук Дэла.

— Готово, — заявляет он хладнокровно, ни пота, ни тяжелого дыхания, свойственных для его излишнего веса.

Посмотрев на секундомер, улыбаюсь про себя:

— Шесть секунд.

— Не может быть! — кричит Дэл, подходит ко мне и вырывает из рук секундомер. — Ты, должно быть, сжульничала.

— Неправда! — на самом деле я смеюсь. — И в любом случае, Пол нарезал, а ты рубил. Дэл вздыхает, а Пол смеется вместе со мной и очаровательно мне подмигивает.

— Итак, теперь у меня есть перец, лук, латук и огурец, — он берет маркер и делает пометку в центре крупного изображения огурца на стене.

— Чушь, — рычит Дэл. — Если бы не «Tuna Crunch», ты бы уже вошел в историю парень. — Недовольство Дэла еще больше распаляет наш смех, мы оба хихикаем, когда наш босс уходит с громким топотом. — Приберитесь тут, — кричит он нам, уходя.

— Мальчишки, — бормочу я.

Пол открыто улыбается:

— Рад видеть хоть немного настроения, милая, — он ласково пожимает мне руку, не уделяя этому жесту излишнего внимания, после чего отходит и встряхивает что-то в разогревающейся на плите сковородке. Наблюдая за тем, как он счастливо насвистывает себе под нос, я понимаю, что бурлящей ранее злости во мне больше нет. Отвлечение. Мне нужно отвлечение.

Это был самый долгий из всех дней, и он не предвещал ничего хорошего. Я осталась закрывать бистро с Полом, Сильвия убежала пораньше, чтобы успеть занять центральное место в баре недалеко от своего дома: сегодня там выступает ее любимая группа. Она изводила меня добрых полчаса, пытаюсь уговорить пойти с ней, но, судя по всему, эта группа играет хэви-метал, а у меня голова и так сильно болит.

Пол опять сжимает мое плечо в дружеском жесте, большому парню явно неуютно с взвинченной девушкой, а потом он уходит в сторону метро, я же в одиночестве бреду в другую сторону.

— Милашка! — взволнованный голос Грегори пронзает меня со спины, и я разворачиваюсь, чтобы увидеть, как он бежит ко мне в армейских штанах и футболке, одежда выглядит грязной и неопрятной.

— Привет, — борюсь с желанием прятаться в кокон, избегая еще одного ободряющего разговора.

Он догоняет меня, и мы вместе идём к автобусной остановке.

— Я пытался дозвониться тебе миллион раз, Ливи, — говорит он, взволнованный и раздраженный.

— Телефон накрылся.

— Как?

— Неважно. Ты в порядке?

— Нет, не в порядке, — он на меня скалится. — Я о тебе волнуюсь.

— Не стоит, — бормочу, не говоря ничего больше. Так же, как Сильвии, ему ничего не известно о мужском эскорте и номерах отеля, да и не нужно. Мой лучший друг и так уже достаточно ненавидит Миллера. Нет нужды давать ему еще больше поводов. — Со мной все хорошо.

— Хуесос! — выплевывает он.

Я над ним не подшучиваю, просто перевожу разговор на другую тему.

— Ты уже говорил с Бенджамином?

Грегори делает долгий, усталый вдох.

— Недолго. Он ответил на один из моих звонков и сказал мне держаться подальше.

Твой хуесосовый кофененавистник до чертиков его напугал.

— Ну, и чья это вина? Ты говорил, что не позволишь ничему со мной случиться той ночью, но когда ты был мне нужен, развлекался с Бенджамином.

— Знаю, — шепчет он. — Я и подумать не мог, так ведь?

— Нет, не мог, — подтверждаю, мысленно залепив себе пощечину.

— И теперь Бен окончательно от меня закрылся, — говорит он.

Смотрю на Грегори и вижу боль, и она мне не нравится. Он влюбился в парня, который хочет казаться не тем, кто есть на самом деле... Немного напоминает Миллера. Или он притворялся все время, пока был со мной?

— Окончательно? — спрашиваю я. — Нет возможности связаться?

Грегори удрученно вздыхает:

— Той ночью в субботу он привел домой женщину и был чрезвычайно рад мне об этом сообщить.

— О-о-о, — выдыхаю я. — Ты не упоминал об этом прежде.

Он пожимает плечами, наигранно легкомысленно.

— Типа задел мое эго, — говорит он, его вымученно безразличное лицо обращается ко мне. — Ты выглядишь немного румяной.

Все еще?

— Ходила в тренажерный зал утром. — Я поднимаю руку и касаюсь лба. Мне жарко целый день.

— Правда? — спрашивает друг удивленно. — Это же здорово. Что ты делала? — он начинает пританцовывать на лужайке. — Что-то типа круговой тренировки? Йоги? — Грегори принимает самую непристойную позу и смотрит на меня, улыбаясь. — Поза собаки?

Не могу удержаться и улыбаюсь ему в ответ, тяну его, заставляя встать прямо.

— Я выбивала дерьмо из боксерской груши с камнями.

— С камнями? — смеется он. — Думаю, ты удивишься, выяснив, что эти кожаные груши набиты песком.

— А по ощущениям камнями, — ворчу, опуская глаза на свои костяшки, и вижу дорожку красных волдырей на каждом.

— Дерьмо! — Грегори хватает мои руки. — Неплохо ты приложилась. Полегчало?

— Да, — подмечаю. — В любом случае, не позволяй Бену тебе навредить.

Он прыскает со смеху.

— Оливия, ты ведь меня простишь, если я не стану обращать внимания на твой совет? Что насчет тебя? Слышно что-нибудь от придурочного кофе-ненавистника?

Сдерживаю порыв снова заступиться за Миллера, или рассказать Грегори о его сообщении, или сцене в тренажерном зале. Это меня никуда не приведет, разве что к новой порции нравоучений.

— Нет, — лгу я. — Телефон сломан, и никто не может со мной связаться. — Мысль вдруг оглушает меня, и это, несомненно, хорошо в случае, если Миллер решит мне снова написать. — Это моя, — указываю на автобусную остановку.

Грегори наклоняется и целует меня в лоб, одаривая сочувствующим взглядом.

— Я собираюсь на ужин к родителям сегодня. Хочешь пойти?

— Нет, спасибо, — родители Грегори милые люди, но разговор с ними требует умственных усилий, а у меня сейчас на это нет сил.

— Тогда, завтра? — умоляет он. — Прошу, давай займемся чем-нибудь завтра.

— Ладно, до завтра, — я смогу найти силы на полномасштабные обсуждения завтра, до тех пор, пока они будут направлены на дьявольскую любовную сторону жизни Грегори, не мою.

Его довольная улыбка заставляет меня улыбнуться в ответ.

— Увидимся позже, милашка! — он взъерошивает мои волосы и уходит прочь, оставляя меня одну ждать свой автобус, и, словно в подтверждение моему мрачному настроению, небеса показывают всю тяжесть туч и обрушивают на меня их содержимое.

— Что? — восклицаю я, сбрасывая с себя куртку и прикрываясь ею, в голову приходит мысль о том, как же это подходяще, ведь именно моя остановка оказывается без козырька. И вдобавок ко всему, у ожидающих автобуса есть зонты, и они смотрят на меня как на идиотку. *Я и есть* идиотка — и причин этому больше, чем одно лишь отсутствие зонтика. — Черт! — ругаюсь я, озираясь вокруг в поисках дверей, чтобы хоть где-нибудь укрыться от ливня.

Разворачиваюсь, сутулясь под курткой, но не вижу ничего, что могло бы меня защитить. Тяжелый вздох побежденного срывается с губ, а я стою без всякой надежды, под проливным дождем, и думаю, что этот день не может стать еще утомительнее или ужаснее.

Я аргументированно неправа. Вдруг перестаю чувствовать капли дождя, бьющие по телу, шум соприкосновения воды с тротуаром исчезает, осталась только интенсивность слов. Его слов.

Черный мерседес замедляется и останавливается у автобусной остановки — мерседес Миллера. Абсолютно импульсивно, потому что знаю, что он не захочет намочить свой идеальный костюм, я разворачиваюсь и ухожу по тротуару, хаос лондонского часа-пик атакует мое смутное сознание.

— Ливи! — я едва слышу его на расстоянии сквозь шум дождя. — Ливи, подожди!

Подойдя к дороге, я вынуждена остановиться, машины спешат на зеленый свет, и я стою среди множества других пешеходов, ожидающих, чтобы перейти улицу, и все они с зонтами. Хмурюсь, когда люди по обе стороны от меня отскакивают назад, но слишком поздно осознаю причину... Огромный зеленый грузовик пронесется мимо, прямо по озеру из лужи у самого тротуара, разбрызгивая океан воды прямо на меня.

— Нет! — со вздохом роняю куртку, когда меня окатывает ледяной до онемения водой. — Дерьмо! — светофор меняет цвет, и все начинают переходить дорогу, оставив меня, словно мокрую крысу, на тротуаре, дрожащую и полную слез.

— Ливи, — голос Миллера звучит тише, но я не уверена, причина в расстоянии или его заглушает дождь. Его теплое прикосновение к моей мокрой руке вскоре говорит мне о последнем, а я удивляюсь, что он вышел из своей машины, несмотря на ужасную погоду, и то, что дождь делает с его дорогим костюмом.

Сбрасываю его руку:

— Оставь меня в покое.

Наклонившись, поднимаю с земли промокшую куртку и борюсь с растущим в горле комом и искрами внутри, которые разожгло его прикосновение к холодной, мокрой коже.

— Оливия.

— Откуда ты знаешь Уильяма Андерсона? — выпаливаю, разворачиваясь к нему лицом,

и вижу, что он стоит в безопасности и сухости гигантского зонта. Могла бы и догадаться. Сама себя удивила таким вопросом, и Миллера, очевидно, тоже, судя по тому, как он едва заметно вздрогнул. Есть много вопросов, которые мне следует задать, а разум сконцентрировался именно на этом.

— Неважно, — его тон пренебрежителен, и от этого я становлюсь более настойчивой.

— Готова поклясться в обратном, — фыркаю я. Он знал. Знал все это время. Я могла бы только упомянуть имя Уильяма, выворачивая душу, выкладывая Миллеру все о своей матери, а он точно бы знал, о ком я говорю, и теперь я уверена, именно *это* послужило главной причиной его дикой реакции и шока.

Он, должно быть, видит невысказанное решение на моем лице, потому что его безэмоциональное выражение превращается в оскал.

— Ты знаешь Андерсона и ты знаешь меня, — его челюсть сжимается. Он имеет в виду, я знаю, чем они оба занимаются. — Наши дорожки пересекались годами.

Сквозь горечь, исходящую от него волнами, я быстро кое-что подмечаю.

— Ты ему не нравишься.

— И он не нравится мне.

— Почему?

— Потому что он сует нос, куда не следует.

Смеюсь внутри, думая о том, как же я согласна с этим, опускаю взгляд к земле и наблюдаю, как капли дождя разбиваются об асфальт. Заявление Миллера только усиливает мой страх. Я бы ошиблась, если бы хоть на секунду поверила, что Уильям исчезнет туда, откуда пришел, не вынюхав информацию о нашей с Миллером связи. Я многое запомнила о Уильяме Андерсоне, и одной из таких вещей было его желание знать обо *всем*. Не хочу объясняться ни перед кем и уж точно не перед бывшим сутенером моей мамы. В любом случае, я ничего не должна ему объяснять.

Вырываюсь из раздумий, когда в поле зрения появляются коричневые ботинки Миллера.

— Как ты, Оливия?

Отказываюсь сейчас на него смотреть, его вопрос раскаляет мою злость.

— А ты как думаешь, Миллер?

— Не знаю. Поэтому и пытался с тобой связаться.

— Ты на самом деле не имеешь понятия? — гляжу на него, удивленная. Его идеальные черты режут глаза, заставляя меня упорно опускать взгляд, как будто, если бы я смотрела на него слишком долго, я бы никогда не смогла его забыть.

Слишком поздно.

— У меня есть подозрения, — произносит он тихо. — Я говорил тебе принять меня таким, какой я есть, Ливи.

— Но я не знала, кто ты, — выплевываю слова, продолжая следить за разбивающимися у ног каплями воды, думая о том, насколько дебильное извинение он выбрал, чтобы выбраться из этой ситуации. — Единственное, что я приняла, это то, что ты другой, с твоей навязчивой идеей делать все до боли идеальным и с твоими первоклассными манерами. Они могут раздражать до чертиков, но я приняла их и даже стала находить милым, — нужно было использовать какое-нибудь другое слово: привлекательными, очаровательными, обаятельными — но не милыми.

— Я не так плох, — слабо протестует он.

— Так! — теперь я смотрю на него. На лице никаких эмоций. Ничего нового. — Смотри! — пальцем провожу вдоль его сухой, облаченной в костюм фигуры. — Стоишь здесь под зонтом, которым можно было быть укрыть половину Лондона, только чтобы не промочить свои идеальные волосы и дорогой костюм.

Он выглядит немного сердитым, пробегая глазами по своему костюму и медленно переводя взгляд обратно на меня. А потом он бросает свой зонт на дорогу, дождь быстро пропитывает Миллера, волосы беспорядочно падают на лицо, вода стекает по щекам, а дорогой костюм начинает липнуть к телу.

— Счастлива?

— Ты думаешь, дав себе немного промокнуть, исправишь это? Ты трахаешь женщин, чтобы заработать на жизнь, Миллер! И ты трахнул меня! Сделал меня одной из них! — пячусь назад, голова кружится от ярости и картинок о том времени, которое мы провели в номере злосчастливого отеля.

Вода, стекая по его лицу, блестит.

— Не стоит быть такой пошлой, Оливия.

Вздрагиваю, отчаянно пытаюсь собраться с силами.

— Да пошел ты со своим погнутым моральным компасом! — ору я, отчего у Миллера начинают играть желваки. — Забыл, о чем я тебе рассказывала?

— Как я мог забыть? — любой другой сказал бы, что у него безразличное лицо, но я вижу ямочку на его щеке, злость в глазах — глазах, которые умею читать. Я бы сказала, что он прав, что он правда эмоционально недоступен, но я испытала с ним что-то, — невероятное чувство — теперь же я чувствую себя просто обманутой.

Убираю с лица промокшие волосы.

— Твой шок, когда я открывалась тебе, рассказывала о своем прошлом, был не потому, что я занималась этим, и не из-за мамы. Потому что я описывала твою жизнь, с пьяными и богатыми людьми, подарками и деньгами. И. Оттого. Что. Ты. Знал. Уильяма. Андерсона, — я прилагаю невероятные усилия, сдерживая эмоции. Хочу просто наорать на него, и если он в скором времени не сделает хоть что-нибудь, возможно, так и будет. Вот те слова, которые стоило сказать раньше. Не надо было вынуждать его меня трахать или лезть в шкуру тех женин, доказывая правду — правду, которую до сих пор не могу осознать. Ярость толкает на глупые поступки, а я была в ярости. — Для чего ты пригласил меня на ужин?

— Я не знал, что еще делать.

— Ты ничего *не можешь* сделать.

— Тогда зачем ты пришла? — задает он вопрос.

Простой вопрос, и я в ловушке.

— Потому что я была зла на тебя! Дорогие машины, клубы и шикарная собственность не делают все это правильным! — кричу я. — Потому что ты заставил меня влюбиться в мужчину, которым не являешься! — Я чертовски замерзла, но дрожь в теле совсем не от этого. Я злюсь — злюсь так, что кровь закипает.

— Ты моя привычка, Оливия Тейлор, — его заявление не подкрепляется эмоциями. — Ты принадлежишь мне.

— Принадлежу тебе? — спрашиваю я.

— Да, — он подходит ближе, вынуждая меня отступить, оставляя между нами расстояние, близкое к безопасному. Это пустые надежды, когда он находится в поле зрения.

— Ты, должно быть, ошибаешься, — выпячиваю подбородок, изо всех сил стараясь

звучать спокойно. — Миллер Харт, которого я знаю, высоко ценит то, что ему принадлежит.

— Не надо! — он берет меня за руку, но я вырываюсь.

— Ты хотел и дальше вести тайную жизнь, трахая женщин одну за другой, и ты хотел меня, доступную и ждущую тебя дома в кровати, — мысленно поправляю себя. Он называл это «снимать стресс», но пусть называет это как угодно. Суть остается той же.

Он удерживает меня на месте своим непреклонным взглядом:

— Я никогда не трахал тебя, Ливи. Я всегда только преклонялся перед тобой, — он подходит ближе. — Только занимался с тобой любовью.

Делаю долгий, успокаивающий вдох.

— Ты не занимался со мной любовью в том номере отеля.

Он ненадолго зажмуривает глаза, а потом снова их открывает, и я вижу в них боль.

— Я не понимал, что делаю.

— Ты делал то, что Миллер Харт делает лучше всего, — я выплевываю, ненавидя яд в своем голосе и дикий шок, исказивший его прекрасное лицо в ответ на мое заявление. Многие женщины, возможно, думают, что это лучше всего получается у самого скандально известного мужского эскорта Лондона, но мне известно другое. И где-то глубоко внутри Миллер тоже знает.

Он смотрит на меня с минуту, невысказанные слова плещутся в его глазах. И только сейчас понимание пробивает меня током.

— Ты думаешь, я лицемерка, так ведь?

— Нет, — он качает головой кротко... неубедительно. — Я принимаю то, что ты делала, когда сбежала и отдавала себя... — Он останавливается. Не может закончить. — Я принимаю то, почему ты это делала. Ненавижу это. Это заставляет меня ненавидеть Андерсона еще больше. Но я принимаю это. Я принимаю *тебя*.

Стыд выедаёт меня изнутри, и я тут же теряю всю храбрость. Он принимает меня. И, читая между строк, думаю, он хочет, чтобы я приняла его. *Прими меня таким, какой я есть, Оливия.*

Я не должна. *Не могу.*

Целую вечность я перебираю причины, почему должна уйти, удерживаю его взгляд и на свой лад переворачиваю его слова.

— Не хочу, чтобы другие женщины тебя касались.

Он сутулится, выпуская побежденный вдох:

— Это не так просто, как взять и уволиться.

Слова выстреливают как пуля мне в голову, и, не сказав больше ни слова, я разворачиваюсь и ухожу, оставляя моего идеального Миллера Харта все таким же идеальным под проливным дождем.

Глава 3

Неделя тянется мучительно медленно. Я проживала свои рабочие часы в бистро, избегала Грегори и больше не возвращалась в тренажерный зал. Хотела, но я рискую встретить там Миллера. Каждый раз, когда я, кажется, продвигаюсь немножко вперед, он будто чувствует и появляется из ниоткуда, — то в моих мыслях, то несколько раз по-настоящему — возвращая меня к точке отсчета.

Нан появляется в дверях гостиной, пару минут вытирает пыль с книжной полки неподалеку, а потом вырывает из моих рук пульт от телевизора.

— Эй, я же смотрела! — вовсе я не смотрела, и даже если бы я полностью сосредоточилась и заинтересовалась документальным фильмом о плотоядных летучих мышах, Нан и глазом бы не моргнула.

— Прикрой свой ротик и помоги мне решить, — она бросает пульт на диван рядом со мной и выбегает в коридор, быстро возвращаясь с двумя платьями на вешалках. — Никак не могу выбрать, — говорит она, прикладывая к себе одно из платьев. Оно голубого цвета с яркими рассыпанными по нему желтыми цветами. — Это, — заменяет его зеленым, — или вот это?

Поднимаюсь, садясь на диване, и рассматриваю платья.

— Мне нравятся оба.

Она закатывает синие глаза:

— Помощи от тебя...

— Куда ты собралась?

— Обед с танцами в пятницу, иду с Джорджем.

Улыбаюсь:

— Хочешь встряхнуть бальный зал?

— Пф! — она качает головой и изображает джигу, отчего моя улыбка становится еще шире. — Оливия, твоей бабушке по силам встряхнуть все, за что бы они ни взялась.

— И правда, — соглашаюсь я и снова рассматриваю платья. — Голубое.

Улыбка, озаряющая ее лицо, приходит на место затянувшегося равнодушию, которое длилось днями, и посылает искры тепла в мое сердце.

— Я тоже так думаю, — она убирает в сторону зеленое платье и прикладывает к себе выбранное голубое. — Идеально для танцев.

— Это конкурс?

— Неофициально.

— Хочешь сказать, это просто танцы?

— Ох, Оливия, никогда не бывает *просто* танцев, — она кружится, седые кудри развеваются, отчего бабуля становится еще красивее. — Зови меня просто Джинджер.

Усмехаюсь:

— А Джордж тогда твой Фред¹?

Она вздыхает, раздраженно.

— Да поможет ему Господь, он старается, но у парня две ноги левые.

— Сделай ему поблажку. Бедному парню далеко за семьдесят!

— Я и сама уже не девчонка, но все еще могу танцевать стриптиз с лучшими элементами бути-дэнса.

Хмурю брови:

— Танцевать с чем?

Ее ноги сгибаются до тех пор, пока она не приседает, а потом она начинает подтягивать вперед свои старые бедра.

— Бути, — говорит она, после чего меняет направление и виляет бедрами, — дэнс.

— Нан! — я смеюсь, наблюдая за тем, как она чередует подтягивания бедер с вилянием. Она кажется ловкой, ускоряя шаги, становится невозможно сдерживать хихиканье, так что я сижу на диване и держусь за живот. — Прекрати это!

— Может, мне стоит пойти на прослушивание в следующий клип Бейонсе. Как думаешь, я бы их встряхнула? — она подмигивает и садится рядом со мной, обнимая.

Утихомириваю свой смех и вздыхаю ей в грудь, крепко обнимая бабулю в ответ. — Ничто не приносит мне большей радости, чем блеск в этих прелестных глазках, когда ты смеешься, моя дорогая.

Мое веселье сходит на нет, а на смену ему приходит благодарность — благодарность за эту прекрасную старую леди, которую мне посчастливилось называть бабушкой. Она работала без устали, заполняя пробелы, которые оставила моя мама, и Нан в известной мере преуспела. Теперь она применяет ту же тактику, восполняя отсутствие в моей жизни другого человека.

— Спасибо тебе, — шепчу я.

— За что?

Пожимаю плечами:

— За то, что ты такая.

— Старая любопытная калоша?

— Я никогда на самом деле так не думаю, когда говорю это.

— Да, думаешь, — она смеется и отстраняет меня от себя, морщинистыми руками обхватывает мои щеки и целует сладкими губами. — Моя прекрасная, прекрасная девочка. Покопайся в себе и выгони наружу ту дерзость, Оливия. Не слишком много, только чуть-чуть. Она сослужит тебе добрую службу.

Поджимаю губы. Она имеет в виду не так много, как моя мама.

— Моя родная девочка, схвати уже жизнь за яйца и скрути их.

Я смеюсь, и она смеется тоже, прислоняется к спинке дивана и увлекает меня за собой.

— Я постараюсь.

— И раз уж мы заговорили об этом, скручивай еще и яйца любого засранца, с которым встречаешься, — она не говорит прямо, но я понимаю, о ком идет речь. О ком же еще?

Домашний телефон звонит, отчего мы обе подскакиваем.

— Я возьму, — говорю я, быстро целую ее в щеку и бегу в коридор, где на старомодном телефонном столике на подставке стоит беспроводной телефон. С тяжелым чувством волнения, глаза загораются при виде телефонного номера быстро, высветившегося на экране, и я надеюсь, что знаю, почему.

— Дэл! — восклицаю, оживленно и чересчур радостно.

— Привет, Ливи, — приятно слышать его сильный «кокни» акцент². — Я набирал твой мобильный, но он отключен.

— Да, он сломался, — мне срочно нужен новый мобильный, но с другой стороны, я наслаждаюсь преимуществом жизни «вне доступа», что *не* каждому удастся.

— Ладно. Теперь я знаю, что ты не слишком-то заинтересована в вечерних...

— Я согласна! — выпаливаю, быстро поднимаясь по лестнице. *Отвлечение, отвлечение, отвлечение.*

— А-а?

— Ты хочешь, чтобы я обслуживала? — врываюсь в ванную, слишком взволнованная мыслью об идеальной возможности избежать возвращения к мысленным терзаниям, когда выходки Нан исчезнут по истечении дня.

— Да, в отеле «Pavilion». На этих чертовых сотрудников агентства нельзя положиться.

— Нет проб... — застываю на полуслове, прислоняюсь к двери ванной, вдруг подумав о чем-то, что может уничтожить мой план отвлечения. — Могу я спросить, по какому случаю этот банкет?

Мысленно уже представляю, как нахмурился Дэл.

— Эм, да, ежегодный праздничный сбор судей и адвокатов.

Расслабляюсь всем своим телом. Миллер не судья и не адвокат. Я в безопасности.

— Мне надеть черное? — спрашиваю.

— Да, — он кажется озадаченным. — Начало в семь.

— Замечательно. Увидимся там, — я разъединяюсь и бегу в душ.

Забегаю через служебный вход «Pavilion» и тут же вижу Дэла и Сильвию, разливающих шампанское.

— Я здесь! — стаскиваю с себя джинсовку и кидаю сумку. — Что мне делать?

Дэл улыбается и смотрит на Сильвию, молчаливое понимание моего необычайно радостного настроения плещется между ними.

— Заканчивай с шампанским, конфетка, — говорит он, протягивая мне бутылку и оставляя нас с Сильвией.

— Все хорошо? — спрашиваю Сильвию, приступая к делу.

Взмахнув черным хвостом, она качает головой:

— Ты выглядишь... жизнерадостно.

— Жизнь продолжается, — говорю быстро, прежде чем сменить тему разговора. — Сколько богатеев нам нужно накормить и напоить сегодня вечером?

— Около трехсот. Прием с восьми до девяти, после чего их всех пригласят в бальный зал на ужин. Мы зайдем снова, когда они закончат и начнется вечеринка, — она ставит пустую бутылку шампанского. — Готово. Идем.

Несмотря на желание отвлечь себя работой, сегодня я чувствую себя неудобно. Скользю сквозь толпу, раздавая канапе и шампанское, но мне тревожно. И от этого я не в восторге.

Когда метрдотель объявляет ужин, комната быстро пустеет, на шикарном мраморном полу остаются сотни коктейльных салфеток. Может, они и сотрудники юридической службы, но жутко изгадили эту потрясающую комнату. Ставлю поднос и иду по комнате, собирая мусор и кидая его в черный мешок, по пути находя даже остатки канапе.

— Ты там в порядке, Ливи? — спрашивает Дэл с противоположного конца комнаты.

— Конечно, ну и неряшливые эти адвокаты, — говорю, пытаюсь забить мешок. — Не возражаешь, если я воспользуюсь туалетом?

Он смеется, качая головой:

— И что ты будешь делать, если я скажу, что против?

Вопрос меня ужасает:

— Ты собираешься сказать, что против?

— Господь с тобой, иди уже в чертов туалет, женщина! — босс исчезает в кухне, оставляя меня искать дамскую комнату.

Поднимаюсь по лестнице, следуя указателям, пока не оказываюсь в длинном коридоре, восхищаясь картинами по обе стороны от меня. На всех — прошлые короли и королевы, самый первый из них Генри VIII. Останавливаюсь и вглядываюсь в крупного, бородатого мужчину в годах. Глупо, но задаюсь вопросом: на что бы рискнула женщина, чтобы обладать им?

— Он не Миллер Харт, не так ли?

Разворачиваюсь и лицом к лицу сталкиваюсь с «деловым партнером» Миллера. Кэсси. Какого дьявола она здесь делает? Она смотрит на картину задумчиво, руки скрещены под бюстом серебристого платья, шелковистые черные волосы рассыпаны по плечам.

— Он, вполне возможно, горяч в спальне, но не так горяч, как Миллер, — ее коварные, обидные слова, словно булавки, жестоко воткнуты в самое сердце. — Он действительно так хорош, как все говорят? — Поворачивается ко мне с наглым выражением и удовлетворенно осматривает. Я распадаюсь, но нахожу в себе скрытые силы, чтобы дать отпор.

— Все зависит от того, насколько хорошо о нем говорят, — отвечаю и смотрю на нее с такой же уверенностью. Ее вопрос быстро дает понять, что она спрашивает, потому что не знает сама, и это приносит мне слишком сильное удовлетворение.

— Очень хорош.

— Тогда они *очень* правы.

Она едва ли пытается скрыть свой шок, поглубже заталкивая свою самоуверенность.

— Понимаю, — говорит она тихо, резко кивнув головой.

— Но я скажу тебе еще кое-что, — подхожу ближе, чувствуя необъяснимое превосходство от понимания того, что я была с ним, а Кэсси нет. Не даю ей возможности спросить что. Нападаю. — Любовью он занимается даже лучше, чем трахает, привязав к кровати.

Она выдыхает, шарахаясь от меня, только в эту секунду я осознаю всю глобальность репутации Миллера. От этого начинает тошнить. Но, тем не менее, каким-то невообразимым способом я держусь за свою дерзость.

— Если в твои планы входило испытать меня и шокировать новостями о занятиях Миллера, это пустая трата запасов твоей стервозности. Я уже все знаю.

— Верно, — произносит она медленно, задумчиво.

— Мы закончили, или ты просветишь меня еще и о правилах Миллера?

Она смеется, но это удивленный смех. Я шокировала ее даже больше, ошарашив своей самоуверенностью. Она не была к этому готова, и я тут же этим пользуюсь.

— Думаю, мы закончили.

— Хорошо, — демонстрирую уверенность, прежде чем зайти в туалет и мысленно рассыпаться, безопасно спрятавшись за закрытой дверью кабинки. Не уверена, почему плачу, если так довольна собой. Думаю, я только что скрутила чьи-то яйца, и Нан бы мной гордилась... Если б я могла ей рассказать.

Проведя вечность в попытках собрать себя по кусочкам, я возвращаюсь обратно на кухню и загружаю подносы шампанским, готовясь к возвращению гостей с их ужина.

Кэсси одной из первых заходит в комнату, в сопровождении зрелого мужчины, по крайней мере, на тридцать лет старше нее. Только теперь очевидность накрывает меня, как торнадо, заставляя покачнуться бокалы с шампанским на подносе в моих трясущихся руках. Она тоже первоклассная шлюха!

— О Боже, — шепчу я, наблюдая за тем, как она хихикает, с удовольствием принимая внимание, которым он ее одаривает. Для чего? У нее ведь есть доля в эксклюзивном ночном клубе. Естественно, ей не нужны деньги или подарки. И в эту секунду я мгновенно осознаю, что даже не задумывалась о мотивах Миллера окунуться в этот мир. Он владелец «Ice». Деньги ему определенно не нужны. Мысленно возвращаюсь к нашей встрече в ресторане, перематывая разговор назад к словам, которые смутно припоминаю.

Достаточно, чтобы купить ночной клуб.

Любопытство накрывает меня, а я ненавижу быть любопытной. Оно и так уже завело меня слишком далеко. Продолжая дальше, я просто утону.

— Ты собираешься стоять там всю ночь и мечтать? — голос Сильвии возвращает меня обратно в комнату, теперь полную гостей и радостной болтовни. Взглядом медленно прохожусь по группкам людей, все, как обычно, безукоризненно одеты, и я задаюсь вопросом, сколько из них живут в мире первоклассной проституции. — Ливи?

Я вздрагиваю, так что приходится свободной рукой удерживать поднос.

— Прости!

— Что случилось? — спрашивает Сильвия, осматривая комнату, и я знаю это, потому как все это время ощущала покалывания по коже.

— Ничего, — выпаливаю я. — Я лучше буду сервировать.

— Эй, это та женщина... — она останавливается и смотрит на меня, поджимая свои розовые губки и сдерживаясь от окончания вопроса.

Я не отвечаю, вместо этого ухожу и оставляю Сильвию, теряясь в толпе и позволяя ей самой делать выводы. Я позволила своим друзьям думать, что Кэсси — девушка Миллера, так бы все и оставалось, если бы эта сучка не щеголяла тут с другим мужчиной.

Глава 4

Возвращаясь с работы следующим вечером, по пути делаю пару остановок, чтобы увидеть свои любимые места. Как всегда отвлечение помогает, но когда я останавливаюсь у уличного ларька, чтобы купить бутылку воды, фотография на обложке газеты возвращает меня к самому началу страданий. Он дал это интервью недели назад. Почему его напечатали только сейчас? Пульс учащается по мере того, как я впитываю фотографию красивого мужчины, украшающую обложку газеты. И вот, когда я читаю заголовок, он уже безжалостно грохочет:

«Самый завидный лондонский холостяк открывает самый эксклюзивный ночной клуб Лондона».

Я осторожно беру газету и пялюсь на слова, а в голове вспыхивают воспоминания того счастливого момента, когда он признал свои чувства и, казалось, был готов перестать избегать их. Он ведь сказал той наглой журналистке подобрать другой заголовок. Она, должно быть, наслаждалась новостью о том, что Миллер Харт практически холостяк. Боль внутри сейчас слишком сильная, а чтение статьи только распалит ее, так что я заставляю себя вернуть газету на прилавок, забыв купить воду, из-за которой остановилась.

Он все так же повсюду. Я бесцельно рассматриваю тротуар, пытаюсь понять, куда идти дальше. В своем забытии выхожу на дорогу, мне просигналил проезжающий мимо автомобиль, только я даже не вздрагиваю. Если бы та машина меня сбила, я бы ничего не почувствовала.

Она замедляется и останавливается в нескольких шагах от меня. «Лексус» незнаком, чего нельзя сказать о номерах автомобиля. Две буквы. Всего две.

У.А.

Дверца со стороны водителя открывается, и из машины, салютуя мне шляпой, выходит незнакомый мужчина, поспешно обходит лексус и открывает заднюю дверцу, удерживая ее и жестом приглашая меня в машину. Отказаться было бы глупо. Он найдет меня, неважно, где

я буду скрываться, так что я осторожно подхожу и сажусь в машину, опустив взгляд и изо всех сил стараясь сдержать слезы. Нет нужды оглаживаться, проверяя, одна ли я. Знаю, что нет. Я почувствовала силу, которую он источает, еще снаружи. Теперь, когда я в зоне его досягаемости, она осязаема.

— Здравствуй, Оливия, — голос Уильяма звучит именно так, каким я его запомнила. Мягкий. Успокаивающий.

Опускаю голову. Я к этому не готова.

— Ты могла бы быть, по крайней мере, достаточно вежливой, посмотреть на меня и на этот раз поздороваться. Той ночью в отеле ты чертовски спешила.

Медленно перевожу взгляд и впитываю каждую утонченную черту Уильяма Андерсона, что пробуждает далекие воспоминания, которые я годами прятала на задворках сознания.

— Как же насчет твоего поведения и манер? — бросаю коротко, смотря прямо в его искрящиеся серые глаза. Они, кажется, стали еще более сияющими, голова, полная седых волос, сделала его глаза похожими на расплавленный металл.

Он улыбается и тянется, сжимая в своей лапе мою маленькую руку.

— Я был бы разочарован, если б ты не бросила в мою сторону какую-нибудь маленькую колкость.

Его прикосновение такое же успокаивающее, как и дружелюбное лицо. Не хочу, чтобы так было, но так есть.

— А я ненавижу тебя разочаровывать, — вздыхаю. Дверца рядом со мной захлопывается, и водитель оказывается на своем месте, отъезжая от тротуара. — Куда ты меня везешь?

— На ужин, Оливия. Кажется, нам есть о чем поговорить, — он тянет мою руку, поднося ко рту, и целует костяшки пальцев, прежде чем вернуть ее обратно на мои колени. — Сходства невероятны, — говорит он тихо.

— Не смей, — рычу я, отворачиваясь к окну. — Если это все, о чем ты хочешь поговорить, я лучше деликатно отклоню твое приглашение на ужин.

— Хотел бы я, чтобы это было единственной темой для разговора, — отвечает он серьезно. — Но определенный богатый молодой джентльмен стоит выше в списке причин моей озабоченности, Оливия.

Я медленно закрываю глаза, и, если бы это было возможно, закрыла бы и уши. Не хочу слышать то, что должен сказать Уильям.

— Твое беспокойство необязательно.

— Это решать только мне. Я не стану молча сидеть и смотреть, как тебя затягивают в мир, которому ты не принадлежишь. Я долго и упорно боролся за то, чтобы оградить тебя от него, Оливия, — он тянется и костяшками пальцев проводит по моей щеке, пристально меня разглядывая. — Я этого не допущу.

— Ты ничего не сможешь сделать, — меня уже тошнит от людей, думающих, будто они знают, что для меня лучше. *Я хозяйка своей судьбы*, рассуждаю как идиотка. Берусь за ручку дверцы, когда машина останавливается на красный свет, готовая выскочить и бежать. Только действую не слишком быстро. Дверца не подчиняется, и Уильям уже крепко держит меня за руку.

— Ты остаешься в машине, Оливия, — заверят Уильям строго, когда машина трогается с места. — Сегодня я не в настроении для твоих выходок. Ты совершенно точно дочь своей матери.

Я сбрасываю его руку и откидываюсь на мягкую кожу сиденья.

— Пожалуйста, не говори о ней.

— Значит, отвращение не прошло?

Бросаю голодный взгляд на бывшего сутенера своей матери.

— С чего бы? Она предпочла твой мрачный мир своей дочери.

— Ты хочешь выбрать еще более мрачный, — констатирует он.

Я закрываю рот, сердце теперь стучит в два раза быстрее.

— Я ничего не выбираю, — шепчу. — Никогда больше с ним не увижусь.

Он тепло мне улыбается, едва заметно качая головой:

— Кого ты пытаешься убедить? — спрашивает, и возможно, не зря. Я слышала себя. В словах нет уверенности. — Я здесь, чтобы помочь тебе, Оливия.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Уверяю тебя, нужна. Больше, чем семь лет назад, — говорит он резко, почти холодно, заставляя меня *ощутить* холод. Я помню мрачный мир Уильяма. Вряд ли сейчас его помощь нужнее, чем тогда.

Он отворачивается от меня, достает из внутреннего кармана телефон, нажимает несколько кнопок, после чего подносит его к уху.

— Отмени все встречи до конца вечера, — распоряжается он, а потом разъединяется и убирает телефон обратно в пиджак. Остаток пути он смотрит прямо перед собой, оставив меня мучиться вопросом, что же будет после ужина. Знаю, что услышу вещи, о которых слышать не хочу, и понимаю: я не в силах ничего сделать, чтобы это прекратить.

Водитель останавливается у небольшого ресторанчика и открывает для меня дверцу. Уильям кивает, давая молчаливый знак выходить, и я слушаюсь без промедления, потому что знаю: протесты меня ни к чему не приведут. Улыбаясь водителю, я жду, когда Уильям присоединится ко мне, а потом смотрю, как он застегивает пуговицы пиджака, после чего кладет руку мне на спину, направляя вперед. Двери ресторана открываются перед нами, и Уильям приветствует практически каждого, мимо кого мы проходим. Его влияние на других посетителей и обслуживающий персонал велико. Он улыбается и кивает все время, пока мы не оказываемся за уединенным столиком в конце зала, вдали от любопытных глаз и ушей. Сообразительный официант передает мне карту вин, и я благодарно улыбаюсь, занимая место.

— Она будет воду, — распоряжается Уильям. — И как обычно для меня, — ни пожалуйста, ни спасибо тебе. — Рекомендую ризотто, — улыбается мне мужчина напротив.

— Я не голодна, — желудок сжался в узел, коктейль нервов и злости. Я, наверное, не смогу есть.

— Ты на грани истощения, Оливия. Прошу, доставь мне удовольствие наблюдать, как ты ешь потрясающую еду.

— Мне хватает бабушки, зудящей по поводу моего веса. Твои занудства мне не нужны, — я кладу на стол меню и беру только что наполненный водой стакан.

— Как поживает неподражаемая Жозефина? — принимая от официанта бокал с темной жидкостью, спрашивает он.

Она не была такой неподражаемой, когда Уильям отослал меня обратно к ней. Я пару раз упоминала о ней во времена своих безрассудных припадков, но была слишком ослеплена поисками прошлого, чтобы вдаваться в подробности их знакомства.

— Ты знал ее? — ну вот, теперь я снова любопытничаю, а я ненавижу быть

любопытной.

Он смеется, и этот звук приятен — ровный и светлый.

— Я никогда ее не забуду. Она всегда звонила в первую очередь мне, когда Грейси выделывала этот свой трюк с исчезновением.

При упоминании имени моей матери желчь разливается внутри, но услышав про бабушку, внутри я улыбаюсь. Она бесстрашная, ни капли никого не боится, и я точно знаю, Уильям не стал бы исключением. Его изумленный тон в разговоре о Нан тому подтверждение.

— Она в порядке, — отвечаю я.

— Все такая же пылкая? — спрашивает он с легкой улыбкой на губах.

— Больше, чем когда-либо, — отвечаю я. — Но ей не было так же хорошо, когда ты привез меня домой в ту ночь семь лет назад.

— Знаю, — понимающе кивает он. — Ты была нужна ей.

Сожаление накатывает, и я рассыпаюсь под его тяжестью; хотела бы я изменить свою реакцию на мамин дневник и бабушкино горе.

— Мы через это прошли. И она по-прежнему сильная.

Он улыбается. Открыто.

— Никто никогда не заставлял меня дрожать от страха, Оливия. Только твоя бабушка. — Мысль о Уильяме, дрожащем от страха, просто нелепа. — Но глубоко внутри она понимала, что я был не в силах контролировать Грейси больше, чем она или твой дедушка.

Уильям откидывается на спинку стула и заказывает два ризотто, как только официант появляется у столика.

— Почему? — спрашиваю я, как только официант вновь убегает. Вопрос, который мне следовало задать годы тому. Тогда мне стоило задать много вопросов.

— Почему что?

— Почему моя мама была такой? Почему ее нельзя было контролировать?

Уильям заметно ерзает на стуле, явно ощутив от моего вопроса дискомфорт, и взгляд серых глаз избегает меня.

— Я старался, Оливия.

Хмурюсь на него через стол, странно видеть столь преуспевающего мужчину таким неуверенным в себе.

— Что?

Он вздыхает и ставит локти на стол.

— Мне следовало быстрее отослать ее. Так же, как я поступил, когда понял, кто ты.

— С чего бы тебе было ее отсылать?

— Потому что она любила меня, — он следит со своего места за моей реакцией, только многого ему не увидеть, потому что шок погружает меня в темноту. Мама любила своего сутенера? Тогда какого дьявола она пропустила через себя весь город? Почему... Осознание приходит быстро, останавливая внутри поток вопросов.

— Ты ее не любил, — шепчу я.

— Я любил твою маму как сумасшедший, Оливия.

— Тогда, почему... — прижимаюсь к спинке стула. — Она тебя наказывала.

— Изо дня в день, — вздыхает он. — Каждый гребаный день.

Не этого я ожидала. Вообще ничего не понимаю.

— Если вы любили друг друга, тогда почему не были вместе?

— Она хотела, чтобы я делал вещи, которые делать просто не мог.

— Или не хотел.

— Нет, *не мог*. У меня были обязательства. Я не мог просто бросить своих девочек и позволить им попасть в руки какого-нибудь аморального ублюдка.

— Поэтому ты бросил мою маму.

— И позволил ей попасть в руки аморального ублюдка.

Я выдыхаю, глазами пробегаюсь по слабоосвещенному залу ресторана, пытаюсь осмыслить только что услышанное.

— Ты знал. Я искала ответы, а ты все это время знал?

Его губы поджимаются, а ноздри раздуваются:

— Тебе не нужны были гадкие подробности. Ты ведь была молоденькой девочкой.

— Как ты мог позволить ей вот так уйти?

— Я держал ее рядом с собой годами, Оливия. Позволить ей потеряться в моем мире было чудовищной ошибкой. Я просто был рядом и смотрел, как мужчины утопают в ее красоте и душе, падают к ее ногам. Каждый гребаный день эта картина вырывала мне сердце, и она знала об этом. Я больше не мог этого выносить.

— И поэтому ты ее выгнал.

— Как бы я хотел не делать этого...

Проглатываю ком в горле. Все, что сейчас сказал Уильям, может заполнить огромную дыру в моем прошлом, но не заполнит дыру в сердце. Несмотря на его рассказ о ее мучительной любви, она все же бросила свою дочь. Что бы он ни сказал, этот поступок правильным не станет. Смотрю на зрелого, приятного мужчину, которого любила моя мать, и, с ума сойти, я могу это оценить. Еще более невероятно то, что я последовала за мамой, пытаюсь понять ее мысли. Забрала ее дневник и отыскивала тех мужчин, о которых она писала, отчаянно пытаюсь понять, что она нашла такого привлекательного. А вместо этого я нашла утешение в ее сутенере. За то короткое время, что я провела с Уильямом, я видела отзывчивого, заботливого мужчину, которого быстро полюбила, мужчину, который обо мне заботился. Не было ни желания, ни физического влечения, но я точно могу утверждать, что чувствовала любовь к этому мужчине.

— Как ты мог не понять, кто я? — задаю я вопрос. Я выживала целую неделю, пока Уильям не выяснил это. Помню его лицо, это осознание... Злость. Я знаю, что пугающе похожа на свою мать. Как же он этого не увидел?

Он делает глубокий, почти срывающийся вдох.

— Когда ты появилась, прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как я видел Грейси. Сходство было поразительным, я был так ослеплен этим, что не прекращал просчитывать вероятность. Когда же прекратил, сроки не сходились, — его брови взлетают в обвиняющем жесте. — Не то имя, не тот возраст.

Отвожу взгляд, пристыженная. Кое-чему лучше оставаться в прошлом, и маме в том числе.

— Спасибо, — шепчу тихо, когда на столе появляется наше ризотто.

Уильям позволяет официанту посуветиться пару секунд, прежде чем махнуть рукой, молчаливо приказывая исчезнуть.

— За что?

— За то, что отправил меня обратно к Нан, — я смотрю на него, а он тянется через стол

и берет мою руку. — За то, что помог мне и ничего не рассказал бабушке, — так все и сработало. Угроза Миллера нанести визит бабуле пугала меня, как ничто другое, потому что это бы ее довело. Она была в ужасно темном месте. Как только дело коснулось Нан, я убежала, скрываясь от жестокой реальности, которую представлял дневник мамы. Не могла добавить себя в список ее горестей. Не после того, через что ей пришлось пройти со своей дочерью, а потом и мужем. — Но я читала ее дневник, — позволяю словам сорваться с губ в секунду недоумения. — Именно так я тебя тогда нашла.

— Маленькая черная книжка в кожаном переплете? — спрашивает он с чувством обиды в голосе.

— Да, — меня волнует то, что он понимает, о чем я говорю. — Ты знаешь о нем?

— Конечно, знаю, — челюсть Уильяма заметно напрягается, заставляя меня вжаться в стул. — Она была достаточно добра, оставив его на моем столе, я прочел его однажды ночью.

— О-о-о, — я беру вилку и начинаю ковырять ею рисовое блюдо, хотя и не голодна — что угодно, лишь бы избежать той невероятной горечи, которую источает Уильям.

— Твоя мать могла быть жестокой, Оливия.

Киваю, цель маленькой черной книжки вдруг становится очень ясной. Она и правда испытывала удовольствие, исписывая все те страницы, описывая многочисленные встречи с невероятным количеством мужчин, в мельчайших подробностях. Но не потому что ей нравилось это делать. А может и нравилось. Кто знает? Главной целью было помучить Уильяма. Удовольствие ей доставляло знание о той боли и злости, которую она причиняла мужчине, которого любила.

— В любом случае, — вздыхает он, — все это в прошлом...

Мне смешно от его обиды:

— Для тебя, возможно! Для меня это вопрос каждого дня, почему она меня бросила.

— Не мучай себя, Оливия.

— Ну, этим я и занимаюсь! — меня бесит от того, как он может переступить через мою потерю с такой легкостью. Пыталась убедить себя, что не было обстоятельств, в которых ей было бы легче просто исчезнуть, чем встретиться лицом к лицу с жестокой реальностью. История мучительной любви не делает ситуацию лучше, ровно как не заставляет меня понять.

— Успокойся, — Уильям наклоняется и успокаивающе поглаживает мою руку, но я ее убираю. Меня бесит так много всего в моей жизни, и я чувствую, что все это мне неподвластно.

— Я спокойна! — кричу, отчего Уильям отстраняется на стуле с выражением злости на своем дружелюбном лице. — Я спокойна, — опять начинаю ковыряться в ризотто. — Думаешь, она жива?

Резкий вздох мужчины передо мной полон боли.

— Я... — он ерзает на стуле, избегая моего взгляда. — Я...

— Просто скажи мне, — продолжаю спокойно, а в голове вопрос, почему мне вообще есть до этого дело. Она в любом случае мертва для меня.

— Я не знаю, — Уильям берет вилку и ковыряется в своей тарелке. — Грейси с ее способностью сводить мужчин с ума от ярости и похоти могла довести кого-то и до убийства. Поверь мне, я знаю, — он бросает вилку, разговор явно отбил у него весь аппетит. Я вторю ему и делаю то же самое.

— Кажется, она была еще той головной болью, — говорю, потому что просто не знаю, что еще *сказать*.

— Ты даже не представляешь, — отвечает он с улыбкой, как будто задумавшись. — Как бы то ни было, вернемся в тему нашего разговора, — он быстро отключает воспоминания и возвращает свою деловитость, так что я представляю себе, как именно все происходило годы назад с моей матерью. Даже разговоры о ней вызывают чувство незащитности в этом безжалостном, сильном мужчине. — Миллер Харт.

— Что с ним? — выпячиваю подбородок с таким видом, как будто он не важен.

— Откуда ты его знаешь?

— Откуда *ты* его знаешь? — у меня есть предположения, но мне еще более любопытно после туманных объяснений Миллера. Все эти предупреждения и забота. К чему?

— Он испорчен.

— Это не ответ на мой вопрос.

Уильям наклоняется вперед, и я отстраняюсь, осмотрительно.

— Этот мужчина живет в мрачном мире, Оливия. Мрачнее, чем мой. Он играет с дьяволом.

Я с трудом сглатываю, боль пропитывает сердце. Слова не идут, и даже если бы пришли, я б не произнесла их онемевшими губами.

— Я знаю, чем он занимается, и как он этим занимается, — продолжает Уильям, — он не зря прослыл самым скандально известным мужским эскортом Лондона, Оливия. Я слишком сильно старался держать тебя подальше от своих дел, а теперь наблюдаю, как ты слепо ныряешь в мрачный мир Миллера Харта. Я живу в этом мире уже очень долгое время. Осталось не так много вещей, мне неизвестных, если они вообще остались, и я знаю, что... — он замолкает, оставляя между ними нежеланную, затянувшуюся тишину. — Он ломает тебя.

Вздрагиваю от его холодного заявления. Я отчаянно хочу сказать ему, что Миллер не давал мне ничего, кроме нежности... До той ночи в отеле. Ночи, когда Уильям увидел меня, убегающей оттуда, где Миллер привязал меня к перекладине балдахина и обращался со мной, как с любой из своих клиенток. До сих пор я не была уверена, что хуже — его холодное безразличие той ночью или то, как его умелые пальцы и язык заставили меня кончать в тонкой агонии.

— Благодарю за краткое экстренное предупреждение, — единственные слова, которые я смогла протолкнуть через боль.

— Ты дочь своей матери, Оливия.

— Не смей так говорить! — кричу, заставляя Уильяма дернуться. И все же, он не отвечает тем же. Он просто делает глоток своего напитка и ждет, когда я успокоюсь. — Я несколько не похожа на маму. Она бросила свою дочь ради мужчины, который ее не хотел.

Он наклоняется вперед, взгляд серых глаз пылает:

— Отношения между мной и Грейси Тейлор были невозможны. Ты даже на секунду не задумалась, не пытался ли я сделать так, как было лучше для нее. Или для тебя.

Меня застает врасплох несвойственное Уильяму проявление злости. Я никогда не видела от него ничего, кроме идеальной собранности.

Он делает еще один глоток перед тем, как продолжить:

— И отношения между тобой и Миллером Хартом также невозможны.

— Я знаю, — шепчу, чувствуя, как на глаза наворачиваются эти проклятые слезы. —

Уже знаю.

— Я рад, но знать о том, что для тебя плохо, не значит перестать желать это. Гнаться за ним. Я был плохим вариантом для Грейс, и все же она не сдавалась.

— Ты перестанешь нас с ней сравнивать, Уильям? — качаю головой, не в силах больше слушать леденящую, жестокую правду. — Мне правда пора домой. Бабушка будет волноваться.

— Так позвони ей, — он кивает на мою сумку. — Я наслаждаюсь компанией, и мы еще не заказали десерт и кофе.

— Телефон сломан, — идеальное оправдание для побега. Заставляю себя встать, поднимая с пола позади себя сумку. — Спасибо за ужин.

— Не слышу благодарности в твоём голосе, Оливия. Как же мне за тобой присматривать?

Его вопрос меня беспокоит:

— С чего бы это?

— Удостовериться в твоей безопасности.

— От чего?

— От Миллера Харта.

Закатываю глаза, забыв в который раз, с кем я имею дело.

— Я просто прекрасно справлялась без твоего надзора, Уильям. Думаю, у меня все хорошо, — отворачиваюсь и ухожу от него, молясь, чтобы это была последняя наша встреча. Прошедший ужин, хоть и поучительный, вернул слишком сильную боль. Попадая в мое уже кровоточащее сердце, она может оказаться последним гвоздем в крышку моего гроба.

— Ты не выживешь с Миллером Хартом в твоей жизни, Оливия.

Торможу конверсами, его заявление льдом покрывает мои вены. Силуюсь не смотреть на него, боясь того выражения лица, с которым могу столкнуться. *Его нет в моей жизни*, говорю сама себе, слышу звук отодвигаемого стула и медленных шагов, но продолжаю смотреть вперед до тех пор, пока Уильям не обходит меня и не смотрит вниз на мой жалостливый силуэт.

— Я с первого взгляда вижу, когда девушка попала в сети мужчины, Оливия. Видел это в твоей матери и вижу в тебе, — он кладет палец мне на подбородок и приподнимает мое лицо. Тень понимания есть в его серых глазах. — Я вижу, что тебе больно, и ты злишься, а эти две составляющие могут привести тебя к глупым поступкам. То, как он ведет дела, сомнительно, в лучшем случае. И тебе следует знать, что он уехал в Мадрид на пару дней, — Уильям одаривает меня красноречивым взглядом, побуждая задать вопрос. Мне это не нужно. Он с клиенткой.

— Я благоразумная девушка, — бормочу сухо. Слышу в собственном голосе неуверенность. Верю в свои силы меньше, чем Уильям, хотя знаю, что все сказанное — холодная, жестокая правда. Он справедливо волнуется. — Я в состоянии о себе позаботиться.

Он прижимается губами к моему лбу и вздыхает сквозь нежный поцелуй.

— Тебе нужно больше, чем просто слова, Оливия, — Уильям снимает с моего плеча сумку и ведет меня прочь из ресторана. — Я отвезу тебя домой.

— Я хочу прогуляться, — возражаю, высвобождаясь из его рук.

— Будь благоразумной, Оливия, уже поздно и темно, — он направляет меня увереннее, чем прежде. — В любом случае, мы остановимся у магазина и заменим твой телефон.

— Я сама могу купить себе телефон, — артачусь я.

— Может и так, но я хотел бы купить его тебе в качестве подарка. — Он предостерегающе изгибает брови, серые глаза темнеют, как только я открываю рот, чтобы возразить. — Подарка, который ты *примешь*.

Я больше не спорю. Хочу просто поехать домой и попытаться переварить то, что сказал и не сказал Уильям, так что я позволяю ему увести себя из ресторана, усадить в свою машину, не сказав при этом ни слова.

После остановки у магазина и покупки мне айфона последней модели водитель Уильяма отвозит меня домой, учтя мою просьбу остановиться за углом так, чтобы Нан не могла увидеть незнакомую машину и меня, выходящей из автомобиля.

— Убедись, что зарядила его, — распоряжается Уильям, закрывая коробку крышкой. — У меня есть номер, и я забил в него свой.

— С какой целью? — спрашиваю я, раздраженная его посягательством на мою жизнь.

— Банальное успокоение души, — он передает мне коробку и кивком головы указывает на дверь, приказывая убраться. — Я бы сказал тебе передать Жозефине мои наилучшие пожелания, но сомневаюсь, что она их оценит.

— Без сомнений, — я выбираюсь из машины и поворачиваюсь, чтобы захлопнуть дверцу. Окошко опускается, и мне приходится снова лицезреть Уильяма. Блеск в серых глазах, крупная фигура расслаблена, выделяя торс. Он несомненно походит на сорокалетнего мужчину. — Бабуля, наверное, ударила бы по твоей шикарной машине бейсбольной битой.

Он запрокидывает голову от смеха, заставляя и меня саму едва заметно улыбнуться.

— Могу себе представить. Я искренне рад, что она вернулась к себе прежней, — Уильям удерживает улыбку на какие-то секунды, после чего она угасает, заставляя погаснуть и мою. — Просто запомни одно, Оливия.

Я почти не хочу спрашивать, что именно, да мне это и не нужно, потому что он делает вдох, чтобы продолжить, очевидно, заметив мою неуверенность. Он скажет, хочу я это слышать, или нет.

— Твое тело инстинктивно узнает опасность. Если почувствуешь, как волосы встают дыбом, плечи напрягаются, или просто дрожь внутри — беги, — окошко закрывается, и серьезное выражение Уильяма исчезает из виду, оставляя меня палиться на тротуар, ощутив поразительный эффект от этих ледяных слов.

Глава 5

Нан ставит передо мной тарелку и передает вилку. При виде гигантского куска пирога желудок скручивает, но я не отказываюсь и отламываю кусочек, и бабуля все это время за мной наблюдает. К тому же, не только бабушка так пристально изучает меня взглядом. Грегори присоединился к нам на ужин, также как и Джордж, все они притихли и наблюдают за тем, как я подношу к губам кусочек пирога. На вкус как крысиный яд, только это не имеет ничего общего с кулинарными талантами Нан. Все кажется протухшим, мои вкусовые рецепторы будто наказывают меня за пренебрежительное к ним отношение.

— Восхитительно, — Грегори нарушает неловкую тишину, показательно облизывая пальцы. — Вам стоит открыть кондитерскую.

— Пфф! — восклицает Нан. — Может, и надо было, двадцать лет назад, — она отворачивается к раковине и включает кран. Я благодарна за передышку.

Джордж пухлым пальцем тянется к тарелке с пирогом, собирая излишки лимонной

начинки, и Нан, будто почувствовав что-то неладное, разворачивается в нашу сторону.

— Джордж! — шлепает его своим фартуком. — Где твои манеры?

— Прости, Жозефина, — он садится ровно, как нашкодивший мальчишка, и с бесстрастным выражением лица опускает руки на колени.

Грегори ударяет меня под столом, кивая в сторону Нан, и я вижу, как она качает головой, глядя на престарелого мальчишку. Мы оба сдерживаем смех, а потом Джордж нахально подмигивает нам, так что контролировать себя становится уже невозможно. Мы вместе хихикаем, получая от Нан неодобрительный взгляд, а потом она поворачивается обратно к раковине, и снова Джордж подмигивает.

— Джордж, ты готов помочь бабуле встряхнуть танцевальный зал? — спрашиваю я, сдерживая смех, прежде чем меня отчитают в пух и прах. Старик Джордж кажется гораздо более энергичным в коричневом костюме, хотя галстук горчичного цвета под вопросом.

— Жозефине не нужна помощь, чтобы тряхнуть стариной, — отвечает он, оборачиваясь и глядя на спину моей бабушки. — Она и сама хорошо может зажечь, как ты это называешь, — Нан не отвечает и не оборачивается, хотя и улыбается, я это точно знаю.

— Она хочет научить тебя соблазнительно двигаться, — злорадствую, под столом ударяя Грегори, но тут же отдергиваю ногу, потому что Нан так молниеносно разворачивается, что подол ее симпатичного платья разлетается, ровно как это произойдет на танцполе. Она смотрит на меня, вытирая об фартук руки, седые брови взметнулись вверх.

— Замечательно выглядишь, бабуля, — говорю я.

Презрительное выражение лица исчезает в тот же момент, и она с улыбкой опускает взгляд.

— Спасибо, милая.

— Что значит «двигаться соблазнительно»? — спрашивает Джордж, глядя на бабулю, явно сбитый с толку. Мне нравится искренний румянец, что появляется на ее щеках.

— Это танец, Джордж, — бросает мне бабуля предупреждающий взгляд, только он исчезает, как только она замечает мою широкую улыбку. — Я тебя научу.

Чуть не падаю со стула, когда в голове возникает картинка Джорджа и Нан, пустившихся вразнос.

— Что такого смешного? — спрашивает Джордж, хмурым взглядом окидывая кухню. — Так и знал, — фыркает он, снова подбирая пальцем лимонный крем с пирога. На этот раз Нан его не останавливает. Она слишком занята, смеясь на всю кухню.

— Я могу надеть сексуальные трусики, — шутит она, тем самым заставляя нас с Грегори покатываться со смеху.

— Оо, крошечные штуковины? — глаза Джорджа сияют. — Да, прошу!

— Джордж! — вопит Нан.

— Фу, ну пожалуйста, прекратите! — Грегори хватается меня для поддержки, но валится прямо на пол, утаскивая меня за собой. Мы, безостановочно смеясь, бьемся в истерике. — Они прозрачные?

— Нет, кожаные, — улыбается бабуля. — С прорезью.

Я давлюсь от смеха, кашляя на весь стол, а у Джорджа такой вид, как будто его вот-вот хватит удар. Но он берет себя в руки и поднимает газету, используя ее как щит, закрывая лицо.

— А у вас коварные помыслы, Жозефина Тейлор.

— Так и есть, — усмехается Грегори, мимолетно мне подмигивая.

Мы все берем себя в руки, и я вздыхаю, снова начиная ковырять свой пирог. А потом я начинаю волноваться, потому что слышу вздох Нан — долгий, тот самый, который может значить только одно: то, что она скажет, мне не понравится.

— Почему бы тебе не развеяться с Грегори?

Вжимаюсь в стул, снова чувствуя на себе пристальные взгляды трех пар глаз. И тоска вернулась.

— Да, давай же, Ливи, — вмешивается мой друг, несильно ударяя меня по плечу. — Пойдем в обычный бар.

— Видишь! — визжит Нан. — Как это мило! Он даже хочет пожертвовать ночью страсти для твоей пользы.

Я выдыхаю. Грегори смеется, а Джордж фыркает. Он обожает Грегори. Но отказывается признавать его сексуальные предпочтения. Не то чтобы дело в Грегори, думаю, это скорее в силу возраста. К слову, Грегори слишком сильно подтрунивает на эту тему, и когда он делает глубокий вдох, я тут же понимаю, что последует дальше.

— Да, — он прислоняется к спинке стула. — Я откажусь от возможности зависнуть с голым, потным парнем, если это будет значить, что ты выберешься отсюда.

Я прикусываю губу, останавливая себя от того, чтобы засмеяться вслух от неловкой возни, исходящей от Джорджа. Только не от Нан. Она наоборот содрогается от смеха при виде Джорджа, продолжающего ерзать и бурчать что-то себе под нос.

— Вы все злюки, — рычит он. — Дурномыслящие.

— Как мило с твоей стороны, Грегори, — хихикает Нан. — Вот это хороший друг.

Джордж, глядя на Грегори, хмурит морщинистое лицо:

— Я думал, ты бисексуал.

— Ой, — улыбается Грегори. — Я готов быть кем угодно, когда меня хотят, Джордж.

Спутник Нан, будучи не в состоянии побороть отвращение, снова фыркает, а бабуля тщетно пытается скрыть свое веселье.

Ну и хорошо. Обсуждение сексуальных пристрастий Грегори спасает меня от дальнейших наставлений выбраться куда-то и от моих усилий делать вид, что все в порядке. Смотрю на него какое-то время и вижу, как трясутся его плечи, пока он продолжает выводить из себя бедного Джорджа, а Нан своими смешками его только подначивает. Их подшучивания в один миг будто становятся напоминанием того, что я несчастлива, и никакие попытки или отвлечения этого не исправят. На мгновения это срабатывает, но очень скоро все возвращается, и становится больнее — плата за мое отвлечение и мимолетную улыбку.

Жую неспешно, так же и глотаю. Однако желудок быстро скручивает, выворачивая изнутри, поэтому я вскакиваю и бегу из кухни напрямиком в ванную, склоняюсь над унитазом, хоть все это и без толку. Ничего не выходит, кроме горькой желчи, от которой вкус во рту становится только хуже.

Безнадежно.

Из-за тихого стука в дверь заставляю себя поднять голову и безучастно смотреть на деревянную поверхность.

— Малышка? — Грегори открывает дверь и проскальзывает внутрь, не удосужившись предупредить меня на случай, если я занята своими делами. На его милом лице пытается оказаться утешительная улыбка, только попытка с треском проваливается. Знаю, он в таком же отчаянии, что и я. Он заталкивает мне в рот пластинку мятной жвачки, поднимает на

ноги и убирает с лица волосы, обеспокоенно смотря на меня.

— Ливи, ты исхудала, — друг пробегает взглядом по моей тонкой фигуре. — Идем.

Проведя меня по прихожей, он заводит в спальню и осторожно закрывает за нами дверь, подталкивает меня к кровати, устраивается на ней и утягивает меня за собой, обнимая. Я прижимаюсь к нему, только его объятия не приносят комфорта. Это не *мое*, которое было у нас с Миллером. Они не согревают меня изнутри и не дарят умиротворения. Нет урчания или ласковых губ, то там, то тут прижимающихся к макушке головы.

Мы лежим в тишине целую вечность, а потом я чувствую, как Грегори делает глубокий вдох, собираясь заговорить:

— Ты уже готова все мне рассказать? Тебе нехорошо, и не пытайся скормить мне историю «есть другая женщина», потому что такие подозрения были у тебя и прежде. И тогда тебя это не остановило.

Прижимаясь к его груди, я отрицательно качаю головой, только не уверена — это ответ на его просьбу объяснить все, или так я говорю ему, что дело не в потенциальном существовании другой женщины. Первое мне утверждать не нужно. Все предельно ясно, а вот с последним сложнее. Я никогда не смогу объяснить настоящую причину того, почему моя жизнь развалилась. И Уильям? Нет-нет, я не смогу.

— Ладно, — вздыхает он, крепче меня сжимая, а потом начинает звонить его телефон, и Грегори ослабляет хватку, доставая телефон из кармана. Мне правда сложно представить, насколько ускорилось его сердцебиение у меня под ухом. Приподнимаюсь с его груди и вижу, как он пялится на экран, выглядя абсолютно разбитым. Это выражение напоминает мне о том, что пока я утопала в жалости к себе, мой лучший друг тоже страдал. Чувствую себя неопишимо виноватой и, что еще более эгоистично, это намного лучше, чем постоянно ноющая боль в сердце.

— Ты ответишь? — спрашиваю тихо, когда он продолжает просто пялиться на экран. Не уверена, почему он так расстроен. Конечно, он должен быть счастлив, что Бен звонит. Или я что-то пропустила? Возможно. Я не часто перезванивала за последние пару недель, но я отчетливо помню, что он разговаривал с Беном недолго, и все было хорошо. Или мне показалось?

Он поднимает глаза и улыбается, только улыбка грустная.

— Полагаю, должен. Я этого ждал.

Хмурюсь слегка, когда он отвечает на звонок, только молчит. Он просто держит трубку у уха, и спустя секунд я уже слышу гневную тираду Бена, грубую и четкую. Грегори вздрагивает от оскорблений своего бывшего любовника, орущего и взбешенного. Я потрясена еще больше, когда Грегори тихо извиняется. Ему не за что просить прощения. Не он разыгрывал из себя того, кем не является. Не он бегал от правды. Уже знакомая злость снова закипает, и в секунду, когда срабатывает чисто защитный механизм, я вырываю телефон из руки друга и выплескиваю копившуюся в течение двух недель ярость. Ору в трубку.

— Какого черта ты о себе возомнил?! — кричу, вскакиваю с постели, когда Грегори делает попытку вернуть себе телефон. Упрямо вышагиваю по комнате, кипя от злости.

— Кто это? — голос Бена стал тихим. Кажется, он шокирован.

— Да не важно, кто это. Ты просто обманщик! Трус бесхребетный!

Теперь Бен молчит, лишь тяжело дышит, пока я продолжаю нападать на него.

— Ты заслуживаешь того, чтобы быть несчастным! Надеюсь, ты будешь утопать в

несчастье до конца жизни, ты, жалкая, трусливая задница! — я задыхаюсь от возмущения, меня всю трясет. — Ты не заслуживаешь внимания и времени Грегори, и скоро поймешь это. Только будет слишком поздно! Он с тобой закончит! — с силой нажимаю кнопку сброса и кидаю телефон Грегори, а он просто шокированно смотрит на меня, выпучив глаза и раскрыв рот.

Пытаясь успокоить кипящую внутри кровь и дрожь в теле, стою и смотрю, как Грегори пытается выдавить из себя хоть слово. Он запинается, абсолютно потрясенный, почти как я. Я не имела права так поступать. Не имела права вмешиваться, особенно учитывая тот факт, что поругалась со своим другом, когда он попытался вклиниться в мои нездоровые отношения с определенным мужчиной под маской джентльмена.

— Прости, — восклицаю, не в силах справиться с рваным дыханием. — Я не...

— Дерзкая, — говорит он просто, и снова я рассыпаюсь на куски, злость превращается в отчаяние, которое накатывает в полную силу. Роняю голову, руки безвольно свисают вдоль тела, бесконтрольно всхлипываю. Теперь меня уже совсем по другим причинам пробивает жалкая дрожь. Лучше после моей тирады совсем не стало.

Слышу со стороны кровати тяжелый, полный отчаяния вдох, и Грегори, крепко обнимая, прижимает меня к груди.

— Ш-ш-ш, — шепчет он, покачивая меня и поглаживая мои волосы. — У меня такое чувство, что слова не были предназначены Бену.

Киваю, и он только крепче меня обнимает. Они были для Бена, но я бы хотела, чтобы их услышал другой человек. И как бы я хотела иметь силы пожинать то, что сама посеяла.

— Ну что мы за парочка, — вздыхает он. — Как мы загнали себя в это месиво?

Не знаю, так что просто качаю головой, всхлипывая и бесконтрольно дрожа.

— Эй, — он отстраняет меня от моего укрытия и осторожно держит мое лицо, глядя полным сочувствия взглядом. — Что будем делать друг с другом, малышка?

— Не знаю, — выдавливаю из себя, позволяя Грегори стереть с моих щек мокрые дорожки слез. — Чувствую себя безнадежно.

— Я тоже, — соглашается он, и наши взгляды встречаются. — Я тоже.

Атмосфера вдруг становится какой-то иной. Два друга, которым комфортно вместе, теперь смотрят между собой с тоской, а опустошение и одиночество, кажется, ведут к чему-то еще.

К чему-то чуждому.

К чему-то запретному.

Я сбита с толку, и когда губы моего друга приоткрываются, его взгляд перемещается на мой рот, он медленно придвигается ближе, мысли начинают метаться в моей голове. Есть куча причин остановить то, что вот-вот произойдет, но сейчас я не могу об этом думать. Не могу думать ни о чем, разве что это мне и нужно, возможно.

Я тоже придвигаюсь ближе, наши губы встречаются, и сердце в груди начинает грохотать. Непривычное ощущение губ моего лучшего друга на моих не пугает. Я передвигаюсь, перебрасывая ногу через полулежащего Грегори, так, что оказываюсь на нем, не разрывая наш поцелуй, продолжая бешеный танец языков. Ощущение его рук, блуждающих по моей спине, его рта, с силой прижимающегося к моему, приносит незнакомый комфорт, даже если он мне чужд и не привычен. Неважно. Мне и нужно что-то другое.

— Ливи, — он разрывает наш поцелуй, тяжело дыша мне в лицо. — Мы не должны. Этс

неправильно.

Я не позволяю ему попытаться отговорить меня от этого. Снова кидаюсь к его губам, отчаянно убеждая друга, чувствуя его сильные руки и то, как расслабляются его мышцы. Он стонет, его очевидное возбуждение подо мной только подстегивает.

— Ливи, — протестует он слабо, не делая попытки меня оттолкнуть.

— Мы поможем друг другу, — выдыхаю я, потянув за край его футболки. Он меня не останавливает. Он передвигается, облегчая мне задачу, и вскоре футболка отброшена в сторону, моим блуждающим рукам открыт доступ к его обнаженному торсу. Почти сразу чувствую, как мой топ скользит вверх, так что я отпускаю его губы и сажусь, давая возможность лучшему во всем мире другу меня раздеть. Лифчика, прикрывающего мою скромную грудь, нет, я остаюсь в одних пижамных шортах, и Грегори пялится на мои затвердевшие соски, всего в сантиметре от себя.

— Твою мать, — рычит он и переводит на меня глаза, я же тяжело дышу ему в лицо. — Черт, черт побери, — он берет меня за руки и толкает на спину, с жадностью накидываясь на мой рот и стаскивая с меня шорты и трусики. Он твердый и прижимается к моему бедру, бесконтрольно пульсируя, я же тянусь к змейке на его джинсах. Он помогает мне, приподнимая бедра так, что я легко освобождаю его от одежды, и мы оба уже обнажены, переплетаясь, катаясь по постели, целуясь и просто чувствуя дру друга.

— Твою мать, — снова ругается он, лаская губами мою щеку, пока я тяжело дышу в потолок. — Нам надо остановиться.

— Нет, — выдыхаю я.

— Мы не должны этого делать, — он не делает попыток остановиться, снова находя мой рот и яростно толкаясь в него языком. Мы подходим друг другу в самых бешеных проявлениях. Руки и губы повсюду — мы исследуем незнакомую территорию. Мы оба дошли до отчаяния, вырывая свою боль, и ни один из нас, кажется, не готов это прекратить. Мы должны остановиться. Это не поможет.

— О Боже! — кричу я, запрокидывая голову, когда Грегори обхватывает мою грудь. Я извиваюсь под ним, тело обжигают лихорадочные уколы отчаянного наслаждения. Наши рты снова быстро находят друг друга, и я опускаю руку до тех пор, пока его крепкий, жаркий член не оказывается в моей хватке.

— Охренеть! — он рычит и подается вперед, так что рукой я провожу по всей его длине. — Вооот блин!

Полные наслаждения звуки заполняют комнату. Мы потерялись. Грегори отстраняется и смотрит на меня, на лбу выступили капельки пота, тепло его дыхания расходится по моему лицу.

— Сделай так еще раз, — выдыхает он, двигая бедрами.

Я с силой провожу ладонью по его члену, и он с шумом выдыхает. Он резко опускает голову, всего на секунду, а потом снова поднимает ее и припадает к моим губам, проскальзывая внутрь языком. Так не должно быть, но мне хорошо. Я фокусируюсь только на поцелуе своего лучшего друга, ощущениях его рук на мне, его телу, прижимающемуся ко мне.

— У тебя клубничный вкус, — шепчет он хрипло.

Клубника.

Слова ударяют как обухом по голове, я вдруг убираю с Грегори руку и ерзаю под ним.

— Грег, остановись!

Он замирает, отстраняется и смотрит на меня:

— Ты в порядке?

— Нет! Мы должны прекратить, — я выбираюсь из-под него, заворачиваюсь в покрывало, пряча свою наготу и чувствуя себя пристыженной... Виноватой. — О чем мы думаем?

Грег садится и яростно трет свое лицо, стонет, только теперь это стон сожаления.

— Не знаю, — произносит он. — Я не думал, Ливи.

— Я тоже, — встречаю его взгляд и сильнее прижимаю к себе покрывало, в то время как Грегори остается неприкрытым, и его это совершенно не заботит. Он по-прежнему... готов... и я стараюсь смотреть куда угодно, только не на твердый, мускулистый член у него между ног. Это сложно. Он как будто магнит для моих глаз. Я никогда не позволяла себе смотреть на своего друга-гея вот так, но когда он полностью обнажен и такой фактурный, это невозможно. Он все, о чем может просить мужчина, и женщина, если уж на то пошло. Сексуальный, такой добрый и абсолютно настоящий. Но он мой лучший друг. Я не могу потерять его из-за чувства неловкости, которое придет, если мы продолжим — если еще не слишком поздно. И это не единственная причина. Ни один мужчина никогда уже не сможет заполнить зияющую дыру в сердце, так же как и удовлетворить мои желания. Только одному мужчине это под силу.

— Мне жаль, — говорю тихо, чувство вины съедает изнутри. Не знаю, почему. Мне не в чем раскаиваться, разве в том, что подставила под угрозу дружбу с Грегори. — Прости.

— Эй, — он усаживает меня к себе на колени и крепко обнимает. — Мне тоже жаль. Думаю, мы оба немножко сошли с ума.

Я прижимаюсь к нему в поисках такого необходимого мне комфорта. Его нигде не найти.

— Моя ошибка.

— Нет, это я спровоцировал. Моя ошибка.

— Готова поспорить, — шепчу, позволяя ему попытаться вдохнуть в меня немного жизни.

Движения его груди под моей головой — свидетельство тяжелого вдоха.

— Ну что за парочка, — бормочет он. — Два грустных неудачника, вздыхающих по тому, чего не можем иметь.

Я согласно киваю.

— Ты ведь не побежишь отсюда и не подцепишь другую девушку, да? — спрашиваю, зная, что именно так и бывает, когда его бросает какой-нибудь парень, и, возможно, именно поэтому сейчас все закрутилось так быстро. — Не хочу, чтобы ты это делал.

— Клянусь, я завязал с парнями и девчонками на время, — он усмехается, заставляя меня слабо улыбнуться.

— Я тоже.

— Так что, ты снова станешь отшельницей? — подкалывает друг.

— Посмотрим, какая у меня есть альтернатива.

— Никаких парней вроде этого членососа, — он отодвигает меня от себя и решительно треплет за щеки. — Не все парни будут тебя обманывать, малышка.

— Я и не дам им такого шанса.

— Ненавижу видеть тебя такой.

— Ненавижу видеть *тебя* таким, — замечаю, вдруг его боль становится очевидной и

реальной, так что теперь эта информация просачивается сквозь туман моего отчаяния. — И я украду «членосос» для Бена, потому что он самый настоящий членосос, даже если не признается в этом.

Грегори улыбается, и я вижу блеск в его глазах:

— Ничего не имею против.

Киваю и позволяю своим глазам опуститься к бедрам Грегори. Он смеется и быстро хватает покрывало, прикрываясь и оставляя меня в чем мать родила. Выдыхаю и вырываю обратно, так начитается битва за покрывало. Мы оба смеемся, тянем его туда-сюда, наша дружеская непринужденность полностью восстановлена... Даже несмотря на то, что мы оба обнажены. Не то чтобы это сильно нас беспокоило в шуточной борьбе за покрывало.

Но мы оба замираем, когда в наш звонкий смех вклинивается противный скрип половицы, а потом раздается любопытный голос Нан:

— Грегори, Оливия? Что там происходит?

— Вот блин! — взвизгиваю я, соскакивая с кровати и мечась по комнате. Голая прижимаюсь к двери. — Ничего, бабуля!

— А звук такой, как будто стадо слонов танцует канкан.

— Мы в порядке! — пишу я, лбом ударяясь о дверь, крепко зажмуривая глаза и собираясь с духом противостоять атаке.

— Да, а говоришь ты так, как будто только что висела на потолке!

— Прости. Мы сейчас спустимся.

— Мы уходим на танцы.

— Повеселитесь там!

— Ты в порядке? — спрашивает она уже более ласково.

Улыбаюсь слабо:

— Все хорошо, бабуль.

Она больше ничего не говорит, а потом я слышу скрип половицы: свидетельство того, что бабуля спускается по лестнице. Оборачиваюсь и прижимаюсь спиной к двери, а потом вижу, как взгляд Грегори путешествует вверх и вниз, сам он сидит на постели, прикрытый покрывалом.

— Хороший вид, — он улыбается, напоминая мне, что я по-прежнему абсолютно голая. — Но ты слишком худая.

Делаю жалкую попытку прикрыться, отчего Грегори валится на кровать в приступе смеха. Он не может остановиться, а я вспыхиваю от злости:

— Прекрати!

— Прости! — смеется он. — Правда, прости.

Я только сильнее краснею, бегло осматривая комнату в поисках ближайшей вещи, которой можно прикрыть мою наготу, поэтому останавливаюсь на футболке, брошенной на спинку стула в углу. Подхожу и быстро ее натягиваю, действительно чувствуя себя лучше, будто вернула себе самоуважение после того, как набросилась на лучшего друга. А вот Грегори не так озабочен своей наготой, а вскоре вообще прыскает со смеху, запутавшись в одеялах на моей постели. Я тоже улыбаюсь, восхищаясь его крепкой спиной, но еще больше истеричным, беззаботным состоянием.

— Давай, — говорит он, приподнимаясь и похлопывая по матрасу рядом с собой. — Домогаться не буду, обещаю.

Закатываю глаза, но все же присоединяюсь к нему, прислоняясь к спинке кровати рядом

с ним. Кручу кольцо, пытаюсь придумать, что сказать. Я правда не знаю, поэтому говорю единственное, что должна, единственное, что меня волнует:

— Это ведь ничего не меняет? — задаю я вопрос. — Я без тебя не смогу, Грег. Не хочу, чтобы это нас изменило.

— Эй, малышка, — он перекидывает руку мне через плечо и придвигает меня к себе. — Никогда, потому что мы не позволим. Думаю, эти 20 процентов делают меня лучше.

Я улыбаюсь:

— Спасибо.

— Нет, тебе спасибо, — вздыхает он. — Давай заключим договор.

— Договор, — я хмурюсь. — Какой договор? — Меня вдруг беспокоит, что Грегори предложит соглашение, согласно которому мы поженимся, если к тридцати годам никого себе не найдем.

— Мы останемся сильными, — шепчет он, — друг для друга.

Перевожу на него взгляд и вижу лицо, умоляющее о помощи.

— Мне тоже трудно, Ливи.

Я чувствую себя ужасно:

— Прости, — я настолько погрязла в собственной боли, что перестала заботиться о бедах своего лучшего друга, не замечала его печали размером с океан. Слепла от жалости к себе. — Мне так жаль.

— Мы сможем пройти через это вместе, — продолжает он. — Я помогу тебе, а ты поможешь мне.

— Это включает конфискацию твоего телефона? — поддразниваю его.

— Нет, но это значит, ты можешь удалить его номер. — Он хватается свой телефон и кладет его мне в руку. — Вперед.

Пролистываю список контактов и удаляю номер Бена, а потом перехожу к его сообщения — отправленным и принятым — и удаляю все его следы и оттуда тоже. Счастливая, что смогла убрать его из мобильного Грегори, надеюсь, из жизни тоже, я протягиваю телефон обратно и вижу, как Грегори выжидающе поднимает брови. Он хочет отплатить тем же.

— Я тебе говорила, мой телефон сломан.

— И ты его не заменила?

— Неа, — это прозвучало гордо, так я себя и чувствую. Не хочу пользоваться телефоном, который дал мне Уильям, или каким-либо другим. Недоступна. В любом случае, хотела бы я, чтобы Грегори удалил Миллера Харта из моей головы, а не только из телефона, которым я бы пользовалась.

— Ну, мы оба свободны от членососов.

— Слово «членосос» забронировано, — останавливаюсь я на секунду. — Ты знаешь, для кого.

— Ладно.

— Рада, что мы это прояснили, — я тут же вздрагиваю, и Грегори хмурится, правда не понимая, в чем проблема. Качаю головой и прислоняюсь к нему, чувствуя себя немножечко лучше, несмотря на странность последних тридцати минут и знакомые слова, срывающиеся с наших губ, случайно или намеренно.

У нас с Грегори плохо получается помочь друг другу справиться с нашей болью. Следующим же вечером в попытке двигаться дальше мы вместе отправляемся в тихий итальянский ресторанчик, все проходит мило, только вино оказывает на нас определенное воздействие, и вот мы уже вваливаемся в клуб «Ice», хихикая и слегка пошатываясь. В моей пьяной голове появились мстительные мысли, поэтому я не упускаю тот факт, что Миллера сейчас нет в городе, а по возвращении он обязательно просмотрит все записи с видеокамер. Я предоставлю ему для просмотра кое-что интересное.

— Откуда ты знаешь, что он уехал? — спрашивает Грегори, подводя нас к концу очереди, на этот раз нас нет в списке приглашенных или VIP-гостей.

— Пришло сообщение, перед тем, как телефон разбился, — я не могу рассказать ему об Уильяме.

— Как он разбился?

— Упал, — я отвлекаю Грегори от причины непредвиденной смерти моего мобильного, достав клиентскую карту «Ice».

Он усмехается и забирает ее из моих рук, быстро изучая.

— Погоды не сделает, так ведь?

Пожимаю плечами и отбираю у него карточку почти у входа. Получаю подозрительный взгляд от охранника, но он не отказывается впустить меня, когда я предъявляю карту. И все же он звонит Тони, сообщая о моем появлении. Только я чувствую себя наглой и смелой; причина, возможно, кроется в трех бокалах вина, выпитых за ужином. Ни один из нас не виноват в том, что оказался в клубе Миллера. Мы просто оказались здесь после того, как я упомянула о клиентской карте и бесплатном входе. Ни один из нас не был против. Я — потому что чувствую жестокость внутри себя, а это единственный способ сделать ему больно, Грегори — потому что внутри надеется, что Бен будет здесь сегодня. Сколько еще мы будем продолжать мучить себя?

На входе нас встречает композиция «Feel so close»³ Келвина Харриса, мы сразу же направляемся к бару, на автомате заказываем шампанское, и это глупо. Что мы празднуем? Нашу дурость? Не обращая внимание на клубнику в бокале, я отпиваю и осматриваю зал, жду появления Тони откуда-нибудь, и вот проходит несколько минут, а Тони нет.

Грегори не говорит мне притормозить, может, потому что упорно пытается заглушить алкоголем собственную боль. Нам обоим опасно здесь находиться, алкоголь в компании с попытками излечить наши разбитые сердца обязательно приведет нас к беде. Повсюду вижу камеры. А еще я вижу мужчин, они смотрят на меня, я же хищным взглядом пытаюсь привлечь к себе внимание, от которого обычно мне становится некомфортно. Делаю глубокий вдох, поглубже заталкивая остатки здравых мыслей, и теряюсь в лондонской элите. Ни в чем себе не отказываю. Принимаю напитки, уверенно болтаю, позволяю мужчинам трогать себя за талию и поясницу, когда они прижимаются, перекрикивая шум громкой музыки. Бесчисленное количество мужчин целует меня в щеку, а Грегори, хоть и выглядит осмотрительным и немного обеспокоенным, все время улыбается.

Он подходит ко мне, едва я отстраняюсь от высокого, элегантного парня.

— Кажется, тебе комфортно. Что изменилось?

— Миллер Харт, — говорю небрежно, прежде чем осушить бокал шампанского. Грегори протягивает мне еще один, и мы на долгое время остаемся друг с другом, замолкая на пару секунд, чтобы выпить шампанское. Повсюду головы, запрокинутые от смеха, и

самые разные поцелуи. На самом деле, здесь, среди элиты, нам с Грегори не место.

Только не Бену.

И он здесь.

Я знаю, что нужно делать. Мне надо увести отсюда Грегори, но как только я приказываю своему пьяному организму поступить именно так, Бен замечает нас и начинает приближаться.

Черт, ругаю себя, прикидывая варианты. Пьяная голова мыслит недостаточно быстро, так что прежде чем я успеваю увести Грегори, Бен уже стоит перед нами, а Грегори неловко топчется на месте. Я по-прежнему зла, особенно, когда Бен смотрит на меня, выгнув брови. Я делаю вдох, чтобы обрушить на него новый поток ругани, но он опережает меня с извинительной речью. Закрываю рот, переводя взгляд с Бена на Грега и обратно, гадая, чем это может закончиться.

— Я был таким козлом, — начинает Бен тихо, но так, что мы слышим его сквозь грохот музыки. Он все еще скрывает свою ориентацию. — Я не хочу, чтобы кто-то узнал, прежде чем я буду готов... поделиться.

— И когда это будет? — выплевывает Грегори, повергая меня в шок. Я думала, он растает под очаровательным взглядом Бена. Приятно удивлена.

Бен смущенно пожимает плечами и опускает взгляд к бокалу шампанского в своей руке.

— Мне нужно подготовиться, Грег. Это непросто.

— Ты сам все усложняешь, прикидываясь и отрицая, — Грегори берет меня под локоть. — Мы здесь закончили, — говорит он, увлекая меня на танцпол. Я ему позволяю, оглядываюсь через плечо и вижу Бена, одинокого и немного потерянного, а потом появляется сногшибательная девушка, кладет на него руки, и Бен снова превращается в улыбчивого сердцееда. Каждая капля жалости к нему тут же исчезает.

— Горжусь тобой, — говорю я Грегори, когда мы останавливаемся на танцполе и оказываемся под чарами музыки Jean Jacques Smoothie.

Он улыбается, убирая наши бокалы, и обнимает меня, кружа в танце:

— И я собой горжусь. Давай потанцуем, малышка.

Не возражаю, но, кружась на танцполе, думаю о том, не предназначена ли улыбка и вымученная беззаботность Грегори для Бена, который стоит неподалеку, болтая с другой девушкой, и изо всех сил старается вслушиваться в разговор, продолжая сверлить моего друга взглядом. Все хорошо, пока Грегори будет стоять на своем и не позволит Бену снова прокрасться в свою жизнь.

Я идеально играю свою роль, смеюсь с Грегори и позволяю ему кружить меня, обольстительно обнимая за талию, а потом музыка резко обрывается, еще до конца композиции, и не перетекает в другую. Все застывают на месте, ошеломленно озираясь по сторонам. Теперь слышны только полные недоумения перешептывания.

— Электричество отключили? — спрашиваю и сразу же осознаю нелепость вопроса, учитывая неоновый мерцающий со всех сторон свет.

— Не уверен, — отвечает Грегори озадаченно. — Может, пожарная сигнализация полетела.

Озираюсь вокруг и вижу застывшие силуэты, все озадачены внезапной тишиной. Даже охранник зашел внутрь, чтобы выяснить, в чем дело, и когда я перевожу взгляд на ди-джея, вижу, как он, глядя на охранника рядом с собой, пожимает плечами, очевидно не понимая, что происходит.

Внутри зарождается тревога, в горле пересыхает, а потом волосы на затылке встают дыбом. Теперь все, что я слышу — слова Уильяма. Тянусь, чтобы взять Грегори за руку, чувствуя себя незащищенной и уязвимой, хотя тому нет причин, кроме глупой тишины.

— Что происходит? — спрашиваю, оглядывая клуб в поисках... не уверена, чего именно.

— Не знаю, — пожимает плечами Грегори, озадаченный не меньше меня.

А потом клуб снова наполняется музыкой, все вокруг, кажется, расслабляются, включая Грегори, который заливается смехом.

— Думаю, ди-джей просто пошутил, — он оборачивается ко мне, и улыбка тут же сходит с его губ, когда он замечает мое бледное лицо и неподвижный силуэт. Не могу пошевелиться. — Ливи, что случилось?

Слова просачиваются сквозь пелену алкоголя, ударяя меня в живот... сильно. «Наслаждайся тишиной». Закрываю глаза.

— Ливи? — Грегори трясет меня несильно, заставляя открыть глаза и взглядом осмотреть клуб. — Оливия?

— Прости, — выдавливаю из себя улыбку, пытаюсь сделать вид, что все хорошо, только сердце бьется в грудной клетке, ища способ вырваться наружу. Он здесь. — Мне нужно в туалет.

— Я с тобой, — он начинает уводить меня с танцпола.

— Нет, честно. Закажи выпить, встретимся у бара.

Грегори быстро уступает, позволяя мне пройти к туалетам, а сам направляется заказать еще больше выпивки. Только я не иду к дамской комнате. Оказавшись вне поля зрения Грегори, сворачиваю в другую сторону и иду в центральную часть клуба, быстро преодолеваю ступеньки вниз, к лабиринту коридоров под «Ice». Уильям говорил мне бежать, но сомневаюсь, что он имел в виду бежать к опасности. Я словно одержимая бегу по коридорам, много раз поворачивая не туда, кричу от бессилия, оказавшись перед дверью кладовой. По-прежнему слышу музыку — слова отвлекают, напоминают, я бегу туда, откуда начала и пробую другой путь. Вид металлической панели перед дверью в кабинет Миллера наполняет меня чувством облегчения и ужаса одновременно, это ведь искала. Понятия не имею, какой здесь код, что там найду или что делать, если вообще что-нибудь найду — найду его.

Мне не нужен код. Дверь приоткрыта, слабый толчок — и она распахивается.

Внутри меня фейерверк.

Он стоит посреди кабинета, в костюме, никаких эмоций, просто смотрит на меня, застывшую на пороге. Мои глаза тут же наполняются слезами, дышу лихорадочно и гляжу, как он смотрит на меня. Ноги подкашиваются. Музыка безжалостно бьет по ушам. Наслаждаюсь им: темный костюм безупречен, волосы, кажется, стали длиннее, мягкие пряди видны за мочками ушей. Слов нет, только напряженный зрительный контакт. Его лицо или тело не дают никаких подсказок, чтобы я могла понять, о чем он думает. Хотя ему и не нужно говорить, о чем он думает. Взгляд все выдает. И я вижу там злость. Миллер просматривал камеры видеонаблюдения. Он видел, как ко мне подкатывало множество парней. Делаю тревожный вдох. Он видел, как я поощряю внимание и отвечаю им.

— Ты позволила хоть одному из них попробовать тебя на вкус? — он делает шаг вперед, а я инстинктивно отступаю назад, насторожившись.

Приятной эта встреча не будет. Он имеет наглость задавать такие вопросы после того,

как был в другой стране с другой женщиной. Потрясение от его присутствия быстро перерастает в злость.

— Не твое дело, — он опять ревнует, и от этого внутри меня необъяснимое волнение.

Идеальные скулы напрягаются на его лице.

— Когда ты в моем клубе, это мое дело.

— Это больше никогда не будет тебя касаться.

— Ошибаешься.

Качаю головой и продолжаю отступать, ненавидя свое предательски пошатывающееся тело.

— Я права.

Он недовольным взглядом пробегает вверх-вниз по моей туго обтянутой коротким платьем фигуре.

— Ты пьяна.

Игнорирую его обвинение, вспомнив кое-что.

— А значит, ты не можешь меня трахнуть.

— Замолчи, Оливия!

— Потому что хочешь, чтобы я запомнила каждый поцелуй, каждое прикосновение, каждое...

— Ливи!

— Только вот я не хочу помнить каждое мгновение. Хочу забыть их все.

Вены на его шее выступают, готовые взорваться:

— Не говори того, что на самом деле в виду не имеешь.

— Как раз это я и имею в виду!

— Замолчи! — он рычит, заставляя меня отступить еще на несколько шагов, его ярость поражает меня. Я быстро прихожу в себя, распахнутые глаза, несомненно, передают весь испытываемый мной шок. Шок от того, что я пришла сюда, шок от того, что он здесь, шок от того, что он так чертовски зол. Он не имеет на это права, даже если я сама его провоцирую. Я ведь знала, что делала. И ему тоже об этом известно.

— Ты сказал Тони пропустить меня, если приду, так ведь? — вдруг это становится предельно ясным. Этого он и ждал. — Ты велел Тони следить за мной.

— Для этого у меня в клубе есть две сотни камер.

— Как ты смеешь! — выплевываю, чувствуя, как от злости закипает кровь, обычно она так закипает от желания, когда я оказываюсь на расстоянии прикосновения от Миллера Харта. Я думала, мое присутствие шокирует его, но нет. Он точно этого ждал.

Он снова делает шаг ко мне, но я сохраняю дистанцию. Я уже в коридоре, правда, это его не останавливает. Спустя секунду он уже передо мной, рукой накрывает мой затылок и решительно ведет к своему рабочему столу. Толкает меня в свое кресло, и я вижу себя в его клубе, кадр за кадром — на всех в компании мужчин. Мне стыдно, но одновременно с этим я собой довольна. Все это было ради того, чтобы ранить его единственным знакомым мне способом. И, похоже, я преуспела. Обычно лишенный эмоций, сейчас он в ярости. Хорошо. Просто я не рассчитывала быть рядом, когда он увидит эти записи.

— На этих кадрах пять «мертвецов», — шипит он, наклоняясь ко мне и нажимая кнопку на пульте управления. Картинки меняются, но на всех по-прежнему я... с мужчинами. — На этих — шесть, — он продолжает пролистывать кадры, добавляя парней, которых собирается прикончить. — Довольна?

— Ни один из них никогда не узнает мой вкус, — говорю я тихо.

— Они хотят! И ты ни черта не делаешь, чтобы им отказать! — он кричит на меня так, что я подпрыгиваю в кресле. Чувствую ярость, исходящую от него. Он прав. Его терпение — не то, с чем я хочу играть. — Где твое гребаное самоуважение?

Слова пульей влетают в голову.

— Мое самоуважение? — ору, вскакивая с кресла, сумка падает на пол, страх от его злости испаряется. Прямо сейчас я чувствую себя чертовски беспощадной. — Мое самоуважение? — ладони безжалостно врезаются в его грудную клетку, отчего он вздрагивает. Я сама шокирована такой силой. — Мое гребаное самоуважение!

В его глазах появляется едва заметное удивление, реакция на мое бешеное поведение и дерзкий язык.

— Да ты шутишь! — кричу ему в лицо, сдерживая желание дать ему пощечину. Но я снова ударяю его в грудь. В этот раз он перехватывает мои руки, разворачивает меня и крепко прижимает спиной к себе, удерживая руки. Его губы у моего уха, дыхание жаркое, злость разрывает воздух. Ненавижу желание, прорывающееся сквозь злость. Ненавижу.

— Шутки не для меня, Оливия Тейлор! — губами он прижимается к моей щеке, спускается ниже, так что я отчаянно хнычу. — Шутки — это твое. Это ты, сладкая, затеяла битву, которую выиграть не сможешь.

— Я сильнее, чем ты думаешь, — выдыхаю, и крепко зажмуривая глаза, понимаю, что слова звучат недостаточно убедительно.

— На то и делаю ставку, — зубами он прихватывает мочку моего уха, отчего я выгибаю спину, соприкасаясь с явным свидетельством его возбуждения. Я хнычу. Он рычит. — Мне *нужно*, чтобы ты была сильной для меня, — он разворачивает меня, подхватывает под ягодицы и одним легким движением приподнимает меня так, что приходится ногами обвить его сильные бедра. Миллер прижимает меня к двери кабинета, одной рукой придерживая за поясницу, второй упираясь в дверь над моей головой. Я даже не сопротивляюсь. Нет сил противостоять желанию, овладевшему каждой клеточкой моего тела.

Синие глаза изучают меня минуту, вглядываясь в каждую черточку лица, а потом он с рывком кидается на мои губы. Я принимаю его неистовый поцелуй. Руками запутываюсь в его волосах, всем телом прижимаюсь к нему, а он прижимает меня к двери со стоном и бессвязными бормотаниями. Этот контакт с одной стороны меня успокаивает, а с другой пугает, оживляя слишком много плохих воспоминаний с момента той нашей встречи в отеле. Я извиваюсь под ним, хватаясь за его пиджак, и он, приняв мои действия за нетерпимость, стаскивает его, не разрывая наших изголодавшихся губ.

— Миллер, — отворачиваю лицо, а он все равно умудряется за долю секунды найти мои губы. Все выходит из-под контроля, и внутри зарождается паника. — Миллер!

— Ты так чертовски хороша на вкус.

— Миллер, пожалуйста!

— Блять! — рычит он, найдя в себе силы отпустить меня и позволить соскользнуть вниз по двери, после чего отходит и манжетой рукава вытирает бровь. Он кажется потрясенным. Мы оба запыхались и вспотели.

— Этого не будет, — я бегу, хватаю с пола сумку, а потом спешу к двери, думая, что должна успокоиться, прежде чем найду Грегори.

— Оливия!

Поворачиваюсь к нему и вижу, как он поспешно надевает пиджак.

— Нет! — кричу я. — Все закончилось, Миллер! — он не преклонялся передо мной только что. Если бы я позволила зайти этому дальше, не было бы преклонения, это стало бы обыкновенным трахом. Все это время он боролся со своими инстинктами, и теперь просто измучен, опустошен. Достаяю из сумки клиентскую карту клуба «Ise» и бросаю в него, а потом вижу, как он просто позволяет ей упасть на пол к его ногам. — Я говорила, тебе никогда больше не почувствовать мой вкус, и я действительно это имела в виду!

— Я делал это только что и хочу большего. Больше часов. Черт, намного больше.

— Ты разрушаешь мою жизнь!

— Да ты едва существовала раньше, — слова жестокие, но голос ласковый. — Я вернул тебя к жизни, Ливи.

— Да, для других мужчин, — мне не страшно от полного ужаса взгляда на его лице, совсем не страшно. Не будет другого мужчины. Я возвращаюсь к добровольному, полному одиночеству, потому что теперь я чувствую полное разрушение. Пустоту. Безжизненность. Ни один мужчина не в силах этого исправить, даже Миллер.

— Сейчас же заberi свои слова обратно, — он предостерегающе показывает на меня пальцем. — Заberi!

Я молчу, смотрю, как он надо мной нависает.

— Я знаю, что сломлен, Оливия! — его дыхание замедляется, руки опускаются на бедра, и он берет пару секунд, чтобы собраться, осторожно одергивает рубашку, как будто вернет себе самообладание, поправив ее. — Я качусь напрямиком в ад.

Нижняя губа начинает дрожать, когда вижу, каким ледяным становится его взгляд, холод распространяется по кабинету, заставляя мое сердце замедлить свой стук.

Он подходит ближе:

— Только один человек может меня вытащить.

Я всхлипываю, он же сейчас не выражает никаких эмоций. Не вижу ничего, кроме бросающего в дрожь взгляда. Мне он не нравится. Миллер просит меня о помощи? Человек с обсессивно-компульсивным расстройством, до ужаса идеальными манерами и озлобленным отношением. Женщины, подделка, мерзкий трах, ремни и правила...

Нет, я не смогу смотреть на все это сквозь пальцы.

— Я не настолько сильная, чтобы тебе помочь, — шепчу я. Слова Уильяма крутятся в голове, путают. Миллер и правда сломлен. — Ты слишком испорчен.

Бегу.

Ноги быстро уносят меня от источника моей боли и мужчины, которому, думаю, нельзя помочь. Никто не сможет. Я хорошо запомнила коридоры, ужас помогает мне найти выход, и вот я выбираюсь из подземных лабиринтов клуба Миллера. Разрываюсь, заметив выход, из стороны в сторону верчу головой, оглядывая непринужденный зал, в котором меня ждет Грегори.

Мне нужно его найти. Пробираюсь сквозь толпу, натываясь и врезаюсь в отдыхающих, которые матерятся или орут, когда я проливаю их напитки или нечаянно ударяю.

Вижу Грегори.

— Где ты была? — спрашивает он, как только я резко останавливаюсь перед ним, озадаченным взглядом всматривается в мое бледное, вспотевшее лицо. Осторожно протягивает мне бокал, а потом забота в его глазах превращается в злость, напитки забыты, взгляд направлен мне за спину.

— Мне нужно уйти, — бормочу, хватая его за руку. — Прощу, мне нужно уйти.

— Что он здесь делает? — он ставит мой бокал на барную стойку и оттягивает меня, удостоверившись, что сам наткнется на Миллера, когда мы будем проходить, но очень скоро Миллер хватает меня за руку и выдергивает из-за спины Грегори. — Убери от нее свои чертовы лапы! — рычит Грегори, его всего начинает трясти. — Сейчас же!

— Советую тебе того же, — говорит Миллер угрожающим шепотом, подтягивая меня за руку. — Мы не закончили.

— Нет, закончили, — вырываю руку и подталкиваю Грегори вперед, прекрасно понимая, что Миллер не сдастся. Бен подходит с обеспокоенным выражением, но вскоре отступает, увидев следующего за нами Миллера. А потом появляется Тони, останавливая Миллера, и, на свою беду, оказывается оттолкнутым в сторону.

— Миллер, сынок, здесь не время и не место, — шипит Тони, нервно пробегая взглядом по клубу.

— Да пошел ты! — выплевывает Миллер.

Я слышу только крики. Ругань Миллера. Ругань Тони. Ругань Грегори. Злость пропитывает радостную атмосферу клуба вокруг меня, приумножая мое намерение бежать.

Охранник отступает в сторону, позволяя нам выйти из клуба, а потом его глаза распахиваются.

— Не позволяй ей уйти! — Миллер рычит, заставляя охранника действовать. Он ловит меня и закидывает на свое широкое плечо, я слишком шокирована, чтобы выказать свое недовольство, все еще слышу крики мужчин.

Повсюду нецензурные слова, вид происходящего вокруг меня открывается вверх тормашками, так как я вишу в крепкой хватке охранника.

— Дай ее мне! — голос Миллера полон решимости, и на талии я чувствую руки, пытающиеся опустить меня.

— Дейв, поставь ее! — кричит Тони.

— Поставлю, только дайте мне хоть немного чертова пространства! — рычит охранник, отстраняя меня от цепких рук и перемещая на противоположную сторону дороги. Он ставит меня на ноги и бегло осматривает. — Ты в порядке, милая?

Я нерешительно одергиваю свое короткое платье, чувствуя себя измотанной и сбитой с толку.

— Конечно, — бормочу и снова чувствую на талии крепкие мужские руки. Внутри фейерверк, и подняв глаза, вижу Грегори в нескольких метрах от себя. Миллер держит меня, и ужас от его прикосновения превращает меня в истеричную, драчливую дуру. — Отстань же от меня!

— Никогда!

Грегори мгновенно оказывается рядом со мной. Меня тянут в разные стороны, оба мужчины кричат, оба настойчивы. Теперь это становится борьбой двух эго.

— Прекратите *оба*! — ору, только эффекта никакого, меня продолжают тянуть в разные стороны, пока Миллер не оборачивает руку вокруг моей талии и не прижимает к своей груди. Мое лицо в сантиметре от его лица. Первое, что я замечаю, взглянув на него, это убийственная ярость в глазах, когда он смотрит мне за спину. В них нет и намек на тот блеск, что всегда меня завораживал. Это другой человек. Не тот скрывающийся под маской джентльмена или преклоняющийся передо мной любовник. Кто-то другой.

— Я, блять, убью тебя! — рычит Миллер, получая от Грегори хук справа, только по пути к цели кулак задевает мою щеку. Он отшатывается, и Грегори, не упуская секундной

заминки Миллера, использует возможность отобрать меня, вытягивая из его рук. Но его поддержка недостаточно сильна, так что я на обмякших ногах падаю на землю и, приземляясь, ударяюсь головой о бордюр.

— Блин! — боль ослепляет меня на миг, я чувствую головокружение и еще большую дезориентацию. Поднимаю взгляд и вижу, как Миллер сбивает Грегори с ног, они, как животные, катаются по земле, раздаётся свист кулаков, воздух разрывают ругательства, а потом вмешиваются Тони и Дейв, растаскивая мужчин.

И все это время я жалко валяюсь на земле, кровь стучит в голове, глаза наполняются слезами. Они оба настолько заняты желанием одержать победу, что потеряли из виду то, за что борются. Я поранилась, кровь стекает по лицу, а они, пытаясь вырваться из хваток Тони и Дейва, по-прежнему меня не замечают.

— Держись от нее подальше, — орет Миллеру Грегори, прекратив, наконец, бороться с Тони.

— Только через мой гребаный труп!

— Тогда я убью тебя к чертям! — Грегори высвобождается и бросается к Миллеру, врезаюсь в них с охранником. Я вздрагиваю от звука кулаков, ударяющихся о тела, брызгов крови и рвущейся одежды. И хотя Грегори неплохо сложен, Миллер явно сильнее и демонстрирует навыки хорошо натренированного человека.

Я уже видела его в действии, только тогда он бил кожаную грушу с песком, висящую на железной цепи и рассчитанную на такую силу. Только не мой бесценный друг. Ни один из них не замечает меня или того, что я поранилась и в растерянности сижу на асфальте. Их рациональность затмили животный инстинкт и бешеные гормоны.

Ошеломленная, я пытаюсь подняться на ноги в то время, как драка продолжается. Мои шаги тихие и осторожные. Мне нужно это прекратить, только меня вдруг берут за руку и отводят в сторону. Поднимаю взгляд и вижу Тони, сосредоточенно ведущего меня к дороге. Он ловит такси и пытается запихнуть меня внутрь.

— Тони, я должна их остановить.

— Я разберусь. Тебе лучше уехать, — выпаливает он резко, сажая меня в такси.

— Прощу, останови их, — молю, когда он захлопывает дверцу.

Он кивает, кивает утвердительно, наклоняясь к окошку и давая водителю двадцатку.

— Отвези ее в приемное отделение больницы, — а потом он исчезает, делает шаг назад, источая ярость. Когда водитель отъезжает от ужасающей меня сцены, он смотрит на меня в зеркало заднего вида, провоцируя поднять руку и коснуться головы. Вздрагиваю, слезы продолжают катиться, скорее от отчаяния, чем от боли.

— Ты в порядке, милая? — взволнованно спрашивает водитель.

— Я в порядке, честно, — роюсь в сумке в поисках салфетки, но сдаюсь, когда водитель протягивает мне одну сквозь маленькое окошко разделительной стеклянной панели. — Спасибо.

— Без проблем. Давай отвезем тебя в больницу.

— Спасибо, — шепчу жалобно, откидываясь на спинку сиденья и вглядываясь в огни ночного Лондона, мелькающие за окном.

Водитель останавливается у отделения приемного покоя и дает мне своей номер телефона, предлагая позвонить ему, как только я освобожусь. Зарегистрировавшись, я сижу в комнате, полной ночных пьяниц, все с повреждениями, кто-то возмущается, кто-то в отключке.

Четыре часа спустя я по-прежнему сижу в комнате ожидания, задница затекла, голова раскалывается. Встаю и иду в туалет, опускаю взгляд и вижу, что мое бледно-синее платье заляпано кровью. Мое отражение в зеркале, едва я захожу в туалет, еще больше повергает в отчаяние. Волосы растрепаны, на правой щеке засохшая кровь. Выгляжу так же жалко, как и чувствую себя. Слишком долго смотрю на себя в зеркало и даже не пытаюсь скрыть свое жалкое состояние, потом возвращаюсь в комнату ожидания, тут же уловив концовку моего произнесенного имени. На другом конце комнаты вижу медсестру, осматривающую помещение.

— Здесь! — кричу поспешно, благодарная за то, что мое время в пропитанном алкоголем пространстве закончено. — Я Оливия Тейлор.

— Давай посмотрим, что с тобой, — она добродушно улыбается и ведет меня в одноместную палату, ловко задергивает шторы и усаживает меня на кушетку. — Что с тобой стряслось? — спрашивает, хмурясь при виде моего испачканного кровью лица.

— Я упала, — тихо бормочу, что не так уж далеко от правды.

— Ладно, милая, — говорит медсестра, доставая из упаковки стерильную салфетку. — Будет жечь, — я делаю глубокий вдох, едва она касается моей головы, и деушка успокаивает меня, как поранившегося ребенка. — Все-все. Выглядит хуже, чем есть на самом деле. Немного пластыря, и все будет в порядке.

Я облегченно выдыхаю:

— Спасибо.

— Наверное, еще понадобится более комфортная обувь, — она улыбается, глядя на мои шпильки, и продолжает обрабатывать мою рану.

Я сижу на краю кушетки и слушаю болтовню медсестры, время от времени соглашаясь и отвечая на ее вопросы. Лицо очищено, а с волосами сделать ничего нельзя, так что я небрежно поднимаю их и перевязываю резинкой, завалявшейся на дне моей сумки. Вид платья говорит о том, что оно готово к мусорному ведру. *Я и сама* выгляжу так, словно готова к помойке.

После тщательного осмотра и проверки на сотрясение я свободна и собираюсь домой. Только я не звоню тому милому таксисту, потому что другой кэб уже паркуется. Я как раз выхожу через автоматические двери больницы, и меня обдает зябкой утренней прохладой. А еще меня трясет, так что я обнимаю себя руками, пытаюсь прогнать дрожь, и спешу к такси. Забираюсь внутрь, но прежде чем успеваю захлопнуть дверцу, чей-то силуэт блокирует ее, мешая моим попыткам.

А потом ладонь опускается на мой затылок, и внутри начинается фейерверк.

— Ты идешь со мной.

Глава 7

Видя отчаяние и его решительный взгляд, я воздерживаюсь от споров. У меня нет сил бороться с Миллером, так что я просто позволяю ему вытащить себя из такси и увести.

— Садись, — приказывает он, когда мы подходим к его небрежно припаркованной машине.

Делаю, как мне сказано, и позволяю ему самому закрыть дверцу. Миллер садится внутрь и повергает меня в шок, принимаясь разглаживать складки на своем костюме.

— Чертов беспорядок, — бормочет, глядя на меня краешком глаза. Он, наверное,

всматривается в мой растрепанный вид, дурак. Слабо качнув головой, он заводит машину и выезжает с парковки слишком быстро, но я ничего не говорю. Глупо было бы что-то говорить. У него вид убийцы, абсолютно ненормального. И я этого опасаясь.

— Ты в порядке? — спрашивает он, резко свернув влево, вливаясь в поток машин.

Я не отвечаю, концентрируюсь на дороге. Он знает ответ на свой вопрос.

— Я задал вопрос.

Молчу, впитывая бешеную ярость, источаемую его неопрятным силуэтом.

— Черт побери, Оливия! — он ударяет боковое окно, отчего я испуганно подпрыгиваю на сиденье. — Где твои гребаные манеры?

Рискую взглянуть на него, вижу лоб в испарине и непослушную прядку, спадающую на лоб и вздрагивающую от резких движений головы.

— Нормально, — шепчу я.

Он делает глубокий, успокаивающий вдох и смотрит в зеркало заднего вида.

— Почему твой телефон выключен?

— Разбился.

Он смотрит на меня, потом снова в зеркало и делает еще один резкий рывок влево.

— Как?

— Я бросила его в стену, когда ты мне написал, — не колеблясь, рассказываю ему. — Потому что была на тебя очень зла.

Он поворачивается ко мне и всматривается в мое непроницаемое лицо, кажется, целую вечность. А потом его рука отпускает переключатель скорости и не спеша приближается к моим коленям до тех пор, пока осторожно и нежно не опускается на мою обнаженную кожу. Перевожу взгляд на его руку, вырисовывающую маленькие круги на моей коленке, после чего отодвигаю ногу и снова смотрю на дорогу, его рука падает на кожаное сиденье рядом с моим бедром. Он тихо матерится, и боковым зрением я вижу, что он в который раз смотрит в зеркало заднего вида. Рукой я хватаюсь за дверцу, когда он, продолжая тихо материться, делает еще один резкий рывок и сворачивает в темный переулок, я инстинктивно оборачиваюсь, глядя назад, Он думает, нас кто-то преследует?

Только я собираюсь задать вопрос, как машина с визгом тормозит, Миллер выходит, быстро огибает машину и открывает мне дверцу. Предлагает свою руку:

— Возьми, — командует он, и я нерешительно протягиваю ладонь, чувствуя настойчивость в его голосе. Он сжимает мою руку и вытягивает из машины, после чего его рука перемещается к задней части моей шеи.

— Что ты делаешь? — спрашиваю, быстро перебирая ногами и стараясь успеть за его решительным шагом. — Миллер?

— Я слишком много выпил, чтобы вести машину, — он игнорирует мой вопрос, просто направляется к метро через всю улицу, взгляд постоянно мечется по сторонам. — Сейчас не время все усложнять, Оливия.

— Почему? — теперь уже и я нервно озираюсь вокруг.

— Доверься мне.

Он дерганный, и меня это пугает:

— Что ты сделал, чтобы я верила?

— Все, — он тут же отвечает, заставляя меня нахмуриться, глядя на него, и при этом продолжая поспевать за его быстрым шагом.

Мы заходим на станцию метро, и он мгновенно меня отпускает, легким движением

перепрыгивает входной турникет, не готовый тратить время на билетный автомат. Он оборачивается и хватает меня, переносит за собой, не заботясь об охране или зевках. Снова берет меня за шею, и мы спускаемся в паутину Лондонского метро, быстро и лихорадочно пробегая по эскалатору.

— Миллер, пожалуйста, — прошу я, ноги меня убивают, в голове гудит.

Он останавливается, оборачивается и берет меня на руки:

— Прости, что заставил тебя идти пешком.

Смотрю на него, его близость и неожиданный искусственный свет позволяют мне разглядеть его лицо. На щеке синяк и губа разбита. И все же он по-прежнему потрясающий. И моя реакция на его красоту и прикосновения все так же очевидна. Я загнипнотизирована, сердце неистово бьется, в голове гудит, и это никак не связано с моей раной. Мне не нравится так реагировать на него. Это опасно.

Платформа пуста, и хотя мы больше не двигаемся, он не ставит меня на ноги, предпочитая крепко прижимать к себе.

Свист разрывает тишину, сообщая о прибытии поезда; как только открываются двери, Миллер заносит меня в вагон и спиной прислоняется к вертикальной подушке в самом конце. Наконец, ставит меня на ноги, расставляет свои и притягивает меня к себе так, что наши грудные клетки соприкасаются, отчего внутри взрывается фейерверк. Его дыхание неестественно напряженное, когда он касается моего затылка и притягивает ближе к себе, как будто пытаюсь слить нас воедино. Сила его рук останавливает меня от попытки сбежать. Хочу ли я бежать? Чувствую, как меня окутывает знакомая легкость, это отвратительно, учитывая странное поведение Миллера, да и мое подсознание усиленно напоминает мне... обо всем. И в то же время, Миллер изо всех сил старается заставить меня забыть, его тактика — прижаться посильнее и окутать заботой. Боготворить меня.

— Позволь мне еще раз почувствовать твой вкус. Я умоляю, — шепчет он мне в шею, прокладывая к скуле дорожку из поцелуев. Знакомое ощущение неспешных движений его губ заставляет меня закрыть глаза и молить о силе. — Забудь об окружающем мире, останься со мной навсегда.

— Не могу забыть, — шепчу тихо, лицом инстинктивно ласкаюсь о его губы.

— Я могу заставить тебя, — он приближается к моим губам и ласково их касается, утопая во мне глазами. — Ты согласилась никому больше не позволять обладать тобой. — Нет ни тени высокомерия в голосе, он едва заметно отстраняется, позволяя мне разглядеть непослушную прядь волос и другие слишком милые черты.

— Я не знала, кому даю свое согласие.

— Ты дала согласие мужчине, без которого не можешь полноценно жить, — голос тихий и хриплый, взгляд постоянно останавливается на моих губах. Едва ли есть повод отрицать сказанное, когда его слова — это отражение моих собственных, сказанных вслух и лично ему. Наш разрыв этому только доказательство. — Мы созданы друг для друга. Идеально друг другу подходим. Ты должна это чувствовать, Оливия, — он не дает мне времени согласиться, или, может, не согласиться. Наклоняется ко мне медленно, осторожно, не отпуская мой взгляд до тех пор, пока наши губы не соприкасаются, и довольно мурлычет. Поднимаю руки и цепляюсь за него, вжимаюсь в него, безмятежно закрыв глаза. Мы целуемся целую вечность, медленно, нежно, любяще. Чувствую, как разбитые частички нас сходятся и сливаются воедино, ощущение того, что все на своих местах, окружает нас, отвергая всю неправильность наших обреченных отношений. Мне позволено его целовать.

Мне разрешено к нему прикасаться.

Поезд замедляется, и мы останавливаемся, двери открываются, но взглянув украдкой, не разрывая наш всепоглощающий поцелуй, я вижу, что никто не выходит, и на платформе никого нет. Мне позволено его целовать. Эта мысль и звук закрывающихся дверей вырывают меня из непонятного мира Миллера Харта и толкают обратно в пространство, где все... невозможно. Он был в Мадриде. Был с клиентами, будучи со мной.

Я выскальзываю из его рук и через крошечное пространство между почти закрывшимися дверьми оказываюсь на платформе, прежде чем даже могу осознать свои резкие движения. Обернувшись назад, вижу, как поезд отходит, и Миллер начинает яростно колотить по дверям. У него шок и паника, он кричит, а я стою, не шевелясь, и смотрю, как он исчезает в туннеле метро. Последнее, что я вижу размытым от слез взглядом, это то, как он с животным рыком запрокидывает голову, а потом ударяет кулаком по стеклу.

Время как будто замедлилось. Я застыла и беспомощно перебираю в голове каждую причину того, почему должна оставаться на безопасном от Миллера расстоянии, а кончики пальцев сами тянутся к губам: все еще чувствую на них его вкус. Чувствую его тело, прижимающееся ко мне, и ожоги на коже, оставленные его взглядом. Он пробрался глубоко под кожу, и я боюсь, нет способа его оттуда вытравить.

Входная дверь распаивается прежде, чем я могу пройти половину дорожки к дому, Нан в ночной рубашке застыла на пороге и смотрит на меня.

— Оливия! Боже мой! — она сбегает вниз по ступенькам, берет меня под локоть и ведет в дом. — О Боже, что случилось? Господи!

— Все хорошо, — бормочу я, усталость берет верх, так что я просто не в силах выдать что-то внятное. И все же я должна, потому что Нан выглядит по-настоящему напуганной. Обычно прибранные волосы находятся в беспорядке, лицо кажется старше. Ее необходимо успокоить.

— Я приготовлю чай, — она подталкивает меня к кухне, но я застываю на пороге от ощущения того, как волосы на затылке встают дыбом.

— Где он? — спрашиваю, немного сдвигаясь вперед, когда бабушка врзается мне в спину.

Она не отвечает, вместо этого обнимает меня и ведет в кухню.

— Проходи, я приготовлю чай, — повторяет она в попытке избежать ответа на мой вопрос.

— Нан, где? — спрашиваю, останавливая ее от попытки протолкнуть меня вперед.

— Оливия, он сошел с ума, — она обнимает меня крепко, пока я не захожу в кухню, и в поле зрения не появляется он. Миллер сидит за столом, взлохмаченный и по-настоящему взбешенный. И все же его очевидное недовольство и раздражение, прожигающие меня, не останавливают от желания повторить тот наш поцелуй в поезде.

Абсолютно разбитый.

Он медленно поднимается, стреляя в меня предостерегающим взглядом. Это невозможно игнорировать. Он беспринципно использует пожилую женщину, как средство достижения собственной цели. Она, очевидно, в ужасе от того, что наши отношения умерли и, как следствие, умирает и мое сердце. Хочу заорать ему в лицо в отчаянной попытке выказать свою ярость от его бесчестной тактики, но прежде чем я могу собраться с силами,

острая боль прокалывает висок, заставляя меня с шипением стиснуть голову и пошатнуться на каблуках.

— Иисусе, Оливия, — меньше чем за секунду он оказывается передо мной, гладит мое лицо, осыпает поцелуями и шепчет какие-то бессвязные слова, в основном тихо матерясь.

Я слишком устала, чтобы отталкивать его, так что я просто жду, пока он не заканчивает меня успокаивать и не отстраняется. Прожигаю его холодным взглядом.

— Ба, проводи, пожалуйста, Миллера до двери.

— Оливия, — упрекает она меня осторожно, — Миллер ужасно беспокоился. Я ведь говорила, тебе нужно купить новый телефон.

— Не надо, потому что я не хочу с ним говорить, — мой голос, определенно, такой же холодный, как и мой взгляд. — Нан, ты забыла, на что были похожи последние несколько недель? — поверить не могу, что меня снова вот так провели. У него нет никаких моральных принципов.

— Конечно, но Миллер все объяснил. Ему очень жаль, он сказал, что произошло недопонимание, — она поспешно достает из шкафчика три кружки и заваривает чай, как будто это меня успокоит. Или как будто хороший английский чай сможет все исправить.

— Недопонимание? — спрашиваю, смотрю на него и вижу его обычный, ничего не выражающий взгляд. Смешно, но после сегодняшней встречи с его взглядом маньяка этот успокаивает. Он мне близок, что, я полагаю, плохо. — Скажи мне. Что из всего я не так поняла?

Миллер делает шаг ко мне, но я тут же отступаю.

— Ливи, — он раздраженно проводит рукой по темным волосам и пытается расправить свой костюм. — Мы можем поговорить? — делает попытку, поигрывая желваками.

— Да ладно тебе, Ливи. Будь благоразумной, — восклицает Нан. — Дай ему шанс объясниться.

Позволяю смешку сорваться с губ, от которого бабушка хмурится, а Миллер сильно стискивает челюсть.

— Никогда, — я разворачиваюсь, оставляя на кухне две отчаявшиеся души. Хотя никто из них не сломан больше меня. Я распадаюсь на мелкие кусочки.

Голова гудит, когда я поднимаюсь по лестнице. Слишком много всего нужно осознать. Никогда не чувствовала себя более запутавшейся и беспомощной, или злой и раздраженной.

— Ливи, — его голос останавливает меня на полпути, и я собираюсь с силами, они нужны мне, чтобы посмотреть в лицо врагу моего сердца. Взгляд стеклянный, плечи заметно сутулены, только аура самоуверенности до сих пор его окружает. — Ты недооценила мою решимость исправить нас.

— Нас нельзя исправить.

— Ошибаешься.

Хватаюсь за перила для поддержки. Его односложное заключение сочтется решимостью и уверенностью.

— Я уже сказала, я не могу тебе помочь. И не могу позволить тебе сломать меня так, чтобы я не смогла пережить это... — голос к концу моего заявления ломается. Злюсь на себя за то, что не могу закончить так же храбро, как начала. Я уже сломлена. Не разбита, сломлена. Разбитое можно склеить. Сломленное нет. Сломлена безнадежно. — Доброй ночи.

— Ты ошибаешься, принимая меня за того, кто так просто сдается.

— Нет, я по ошибке приняла тебя за того, кому могу доверять, — захожу в комнату и раздеваюсь еще до того, как забраться в постель и спрятаться под одеялом. Хотя я и знаю, что веду себя разумно, стремление оставаться сильной уничтожает. *Он меня уничтожает.*

Сон приходит быстро, по большей части, потому что мозг блокирует тяжелые мысли, закрываясь и давая мне несколько часов покоя, после которых я увижу еще один мрачный день.

Я в тепле — слишком жарко. Никак не могу выбраться из-под одеял. А потом я слышу дыхание, и оно не мое. А еще я замечаю, что что-то твердое прижимается к спине. Но мое обнаженное тело и крепкие мышцы отделяет ткань. По ощущениям дорогая. Ткань костюма. Костюма, сшитого на заказ.

Если бы могла, я бы пошевелилась, но он сжимает меня так, как будто боится, что я сбегу, пока он спит.

— Миллер, — толкаю его локтем, он стонет едва слышно, крепче меня сжимая. — Миллер!

— *Мое*, — шепчет он сонно, носом утыкаясь мне в шею. — Задержи эту мысль.

Ощущения восхитительные, Миллер рядом со мной, но мой уже проснувшийся мозг быстро сообщает о том, что это нехорошо.

— Миллер, прошу!

Он быстро отпускает меня и отодвигается, давая мне пространство сесть и убрать с лица волосы. Тут же тихо шиплю, резко проведя рукой по ране, боль быстро напоминает о травме.

— Оливия, — он быстро оказывается передо мной, держит мои руки, чтобы я не двигалась, но я от него отмахиваюсь. — Болит? — спрашивает он ласково, давая необходимое мне пространство.

Позволяю взгляду подняться к его лицу, знаю, что это ошибка, но его глаза-магниты слишком сильны. Он все так же красив, несмотря на усталость на лице и беспорядок на голове. Взгляд безжизненный, на костюме складка за складкой, загорелая кожа кажется болезненно-желтой.

— Не так больно, как делаешь ты, — почти плачу я, стараясь сдержать подступившие слезы. — Выметайся!

Он опускает взгляд, и я выбираюсь из постели, сбегая в душ. Не могу на него смотреть. Сломаюсь.

Вода, будто лезвия ножа, течет по раненой голове, пока я справляюсь с шампунем, наношу на кончики немного кондиционера, все это время напоминая себе слова Уильяма. Тяну время, не спеша начиная день, и к тому моменту, как я заканчиваю, ожидаю, что Миллер уже ушел. Но, заходя в спальню в одном полотенце, вижу его, сидящим на краю постели, все так же взъерошенным. В руках кружка чая.

— Бабушка знает, что ты здесь?

— Да.

Ну конечно, думаю я. Кто же еще мог приготовить чай так старомодно?

— Ты не имеешь права посягать на мою постель, — для эффекта хлопаю за собой дверь, не то чтобы это подействовало. Он остается безжизненным, абсолютно невозмутимым.

— Мне нужно было держать тебя в своих руках. Ты ни за что бы не согласилась на это добровольно, так что я взял инициативу на себя, — кажется, он не раскаивается, не спеша отпивая чай, а я просто стою и пялюсь, борясь с внутренним инстинктом тела отреагировать

на движение этих губ.

— Ты будешь врываться сюда каждую ночь и нарушать мое уединение?

— Если придется.

Я на опасном пути. Во всевозможных отношениях стала жертвой его решимости. Мне нужно быть сильной. Воспоминания любящего, боготворящего меня Миллера между эмоциональным ступором все больше ускользают от меня.

— Почему ты все еще здесь? — подхожу к стулу и поправляю полотенце так, чтобы можно было надеть нижнее белье и футболку.

— Почему ты стесняешься?

Оборачиваюсь и вижу, как его взгляд путешествует по всей длине моих ног. Вид самодовольный и победоносный, и от этого я чувствую себя... побежденной.

— Я бы хотела, чтобы ты ушел.

— Я бы хотел, чтобы ты дала мне возможность поговорить. Но мы не всегда получаем то, что хотим, верно? — он встает и приближается ко мне.

— Я врежу тебе, если подойдешь еще ближе! — кричу я, паника наступает по мере того, как отступаю я. Блин, он собирается прижать меня к стене, чтобы я попала в его плен. Но к моему полнейшему потрясению он падает передо мной на колени и смотрит, самонадеянность во взгляде исчезла, и теперь в них искреннее сожаление.

— Я на коленях, Оливия, — он неспеша поднимает руки и осторожно пробирается ими под мою футболку, руки двигаются к бедрам, как будто он ждет, что я заставлю его остановиться. Я бы закричала, если бы могла. Глядя на меня синими глазами, он тянется вперед и губами касается моего живота. — Позволь мне исправить то, что сломал.

— Это я, — задыхаюсь. — Ты сломал *меня*.

— Я могу тебя восстановить, Оливия. И мне нужно, чтобы ты тоже спасла меня.

Губы начинают дрожать от его искренних слов:

— Это полностью твоя ошибка, — всхлипываю, отказываясь чувствовать его непослушные волосы, понимая, что это принесет мне комфорт, который я от него получать не должна.

— Я беру на себя всю ответственность, — он снова целует мой живот, поглаживая бедра. — Мы ломаемся еще больше, если нас нет друг у друга. Позволь мне соединить нас в одно целое. Ты нужна мне, Оливия. Отчаянно. Ты освещаешь мой мир.

Слово, которое хочу сказать, почти срывается с губ, но нужно сказать слишком о многом. Слишком многое, боюсь, никогда не будет правильным. Я опускаюсь на колени и прикасаюсь к его пухлым, мягким губам. Знакомое чувство комфорта пропитывает все мое тело.

— Миллер, — отстраняюсь и беру его за руку. — Думаешь, это так просто?

Глубокая складка пролегает между его потрясающими бровями, пока он изучает мое лицо:

— Слишком тщательно обдумываешь.

Не могу удержаться, закатываю глаза на его жалкое заявление.

— Мы должны поговорить.

— Хорошо, давай поговорим сейчас, — подталкивает он.

Чувствую, как меня опять начинает охватывать негодование:

— Мне нужно подумать.

— Люди слишком много думают, Ливи. Я тебе уже говорил.

Он должен осознавать, что говорит. Умный ведь мужчина.

— И раздувают из мухи слона? — спрашиваю с легким оттенком сарказма в голосе.

— Дерзить необязательно.

Вздыхаю:

— Я уже говорила тебе, Миллер. С тобой обязательно.

— Сколько времени тебе нужно? — у него просто не осталось выхода.

— Да не знаю я. У меня никогда не было отношений, с тобой же я их захотела. А потом я узнаю, что ты зарабатываешь на жизнь, трахая женщин!

— Ливи! — кричит он. — Прошу, не надо быть такой грубой!

— Прости. Я задела твои чувства?

Я ожидала увидеть хмурый взгляд, но получила холодный тон и безжизненное лицо.

— Какого черта случилось с моей сладкой девочкой? — Миллер поднимает брови, отчего волосы у меня на затылке встают дыбом. — Напиваешься, предлагаешь себя другим мужчинам.

— Ты случился! — да, я напилась, но только чтобы заглушить боль, которую причинил мне он.

— Я не хочу, чтобы кто-то еще к тебе прикасался.

— Аналогично! — кричу так, что он подсакивает, а потом рычит. Отсутствие ответной реплики должно меня удивить, но не удивляет. Меня это беспокоит. И что-то приходит на ум. — Я видела газету.

Его враждебность тут же испаряется. Теперь ему, кажется, откровенно неуютно, и он не бросается защищаться, подтверждая мои подозрения. Диана Лоу не самостоятельно изменила заголовок. Миллер велел ей.

Звон кастрюль, доносящийся снизу, отвлекает меня, так что я со стоном раздражения запрокидываю голову.

— Что ты наплел бабушке? — мне нужно это прояснить, потому что, как только Миллер уйдет, она набросится на меня, словно стервятник.

— Что у нас была перепалка, что ты ошибочно приняла женщину, с которой я встретился, больше, чем за делового партнера, коим она является, — хруст раздаётся в шее, когда я резко поворачиваю к нему голову. Он пожимает плечами и садится на пятки. — Что я еще должен был сказать?

Ответа у меня нет. Я должна быть благодарна за его быструю смекалку, но то, что он посмел врать моей любимой бабушке, останавливает меня от выражения признательности.

— Я тебе позвоню, — выдыхаю я.

— Что значит, ты мне позвонишь? — недовольство налицо. — У тебя даже нет телефона!

— Ты был в другой стране с другой женщиной, — заставляю себя подняться на ноги, хотя чувствую себя более изможденной, чем когда-либо.

— Ливи, я с ней не спал. Я не спал ни с одной из них с момента нашей встречи, клянусь.

Мне должно стать легче, но нет. Я в полном шоке:

— Ни с кем?

— Нет, ни с кем.

— Ни с одной? — он же в эскорте. Я видела его с женщинами. Его не было...

Его глаза улыбаются:

— Не важно, как ты поставишь вопрос, ответ останется тем же. Ни с одной.

— Тогда что ты делал в Мадриде? И с той женщиной в ресторане «Quaglino»?

— Давай присядем, — он поднимается и тянет меня к кровати, но я упрямо отмахиваюсь.

— Нет, — подхожу к двери в спальню и открываю ее. Он не сможет сказать ничего, что могло бы исправить этот беспорядок, и даже если найдет смягчающие слова, он все равно останется эскортом с ужасными манерами. Я должна послушаться Уильяма.

Миллер не делает и попытки уйти из моей спальни, в его потрясенной голове, очевидно, вихрь мыслей.

— Я приглашаю тебя на ужин, и ты не можешь отказаться, потому что невежливо отказывать джентльмену, предлагающему накормить тебя и угостить вином, — Миллер кивает в подтверждение своим словам. — Спроси свою бабушку.

— На следующей неделе, — предлагаю, пытаюсь выпроводить его прежде, чем сдамся, и мысленно задаю себе вопрос, смогу ли когда-нибудь устоять перед ним. Не знаю, с чего он взял, что у меня достаточно сил помочь ему.

Его глаза слегка распахиваются, а вот самообладанию можно позавидовать:

— На следующей неделе? Боюсь, не выйдет. Сегодня. Я веду тебя на ужин сегодня.

— Завтра, — выпаливаю, не подумав, поражая саму себя.

— Завтра? — спрашивает он, явно подсчитывая, сколько это часов, а потом тяжело вздыхает. — Обещай, — его губы двигаются неспешно. — Обещай мне.

— Я обещаю, — шепчу, не отводя глаз от его рта и думая, что это может все облегчить.

— Спасибо, — его высокая, немного неопрятная фигура проходит мимо меня и останавливается в дверном проеме. — Могу я тебя поцеловать? — его манеры повергают в шок. В таких ситуациях он обычно о них не заботится.

Качаю головой, понимая, что у меня снесет крышу, и я закончу на постели под ним.

— Как пожелаешь, — он на грани. — Пока я буду уважать твои просьбы, но долго это не продлится, — предупреждает он, задумчиво шагая дорожками тупыми по полу. — Завтра, — заверяет, спускаясь по лестнице.

Закрываю дверь, чувствуя одновременно облегчение, растерянность и гордость.

Я по-прежнему хочу Миллера Харта.

Глава 8

Из-за отсутствия определенного джентльмена за столом ужин состоит из знакомых мне блюд и проходит за кухонным столом, а не за тем роскошным в столовой. Верхняя пуговица на рубашке Джорджа расстегнута, и никто никого не отчитывает за манеры. Нет ни вина, ни лучших парадных нарядов, и нет ананасового пирога-перевертыша.

Но есть три пары пытливых глаз, которые смотрят на меня пристально, пока я ем через силу. Мое молчание красноречивее всяких слов, да Грегори и так вне себя, он уже получил нагоняй от Нан еще до того, как я успела спуститься к столу. Я слышала резкие перешептывания, шокированный вдох, и еще я слышала, как бабушка рассказывает взбешенному Грегори о недопонимании и деловом партнере, насчет которого я ошибалась. Грегори не купился, так что оставаться за столом как можно дольше и избегать его пытливых вопросов — самое важное. У него синяк под глазом и сбиты костяшки пальцев. Не обратить на это внимание невозможно, и мне интересно, что он сказал бабушке.

Когда Нан принимается убирать со стола, Грегори кивком головы просит меня выйти из кухни. Знаю, что прятать голову в песке дальше нельзя. Благодарю бабушку, с нежностью похлопываю Джорджа по плечу и следую за своим лучшим другом в коридор.

Я взрываюсь первой:

— О чем ты вообще думал? — начинаю шипеть, поглядывая на дверь кухни, а потом подталкивая его к лестнице. — Мне не надо, чтобы ты играл своими мускулами и бодался с ним рогами!

Мы доходим до верхней ступеньки, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть его открытый в шоке рот.

— Я тебя защищал!

— Поначалу да, но очень скоро это превратилось в борьбу двух самых больших эго! Ты первым ударил!

— Он посмел тебя трогать!

Мы оба, смотрим в сторону, когда слышим Нан.

— Что у вас там происходит?

— Ничего! — кричу я, заталкивая Грегори в свою комнату, и хлопаю дверью. — Ты забрал меня у него и оттолкнул на тротуар, прежде чем свалить его с ног! — поворачиваюсь и показываю на свою голову. — Я провела часы в отделении приемного покоя, чтобы меня залатали, пока вы дрались посреди улицы!

— Ты просто испарилась! — орет он, тыча в меня пальцем. — И у тебя нет гребаного телефона! — Грегори раздраженно размахивает руками.

Я замираю на секунду, чтобы задуматься о том, о чем бы никогда больше думать не хотела.

— Это на нас повлияло, — говорю тихо.

Он втягивает голову в плечи:

— Конечно, он повлиял.

— Я не о Миллере.

— О чем тогда? — он закрывает рот, выпучив глаза. — О, нет! Не сваливай все на тот наш пустяк, — он машет рукой в сторону кровати, при этом саркастично смеясь. — В этом дерьме между нами виноват долбаный ублюдок, в которого ты влюбилась!

— Он не ублюдок! — кричу, изо всех сил пытаюсь найти в себе силы, чтобы успокоиться.

— Клянусь Богом, Ливи, если ты увидишься с ним еще раз, с нами будет покончено!

— Не говори ерунды! — меня ужасает то, что он так говорит. Я помогла пройти ему через кучу дерьмовых разрывов и никогда таким не угрожала.

— Я и не говорю, — говорит он уже спокойнее. — Так и будет, Оливия. Мы оба прекрасно понимаем, что этот членосос — ходячая проблема. И я знаю, что ты мне чего-то не договариваешь.

— Да! — защищаюсь я поспешно.

— Не смей меня крайним делать!

— Он хотя бы побеспокоился и стал меня искать!

Грегори вздрагивает в отвращении:

— Он ломает тебя, — закусив губу, несколько долгих секунд он пристально смотрит на меня. Мне не нравится этот его взгляд, и я знаю, что мне не понравятся его следующие слова. Он слишком старательно их обдумывает. — Я не могу видеться с тобой, если он есть в

твоей жизни.

Я выдыхаю, а он просто разворачивается и уходит, громко хлопая дверью, и оставляет меня застывшей посреди спальни. Слов нет, только боль и злость. Он не ставил условия, когда дело касалось его. Я никогда не ставила.

Тихо матерясь, я забираюсь на постель и прячусь под одеялом. И снова голова благодарна за передышку от болезненных мыслей, очень скоро мне снится тепло, согревающее спину и ласковое мурлыканье мне на ухо. Я только сплю, но рельефные мышцы под костюмом на заказ и знакомое ощущение ласковых рук, поглаживающих голую кожу живота, согревают, даже если они нереальны. Они желанны, в отличие от обычных кошмаров.

Утро понедельника встречаю не с большим энтузиазмом, чем встречала каждое утро с тех пор, как покинула тот отель. К спутанным мыслям о конкретном мужчине теперь добавилось беспокойство о Грегори. Ирония в том, что жизнь, кажется, в полной мере решила отыграться на мне за все предшествующие скучные годы.

Часть меня спрашивает, чего я жду от ужина с Миллером сегодня, если вчера он довел меня до отчаяния, практически заглотив, а другая часть спрашивает, чего я жду от будущего в целом. Он ни с кем не спал? Мне нужно составить список вопросов. Раз уж я достаточно глупа, чтобы с ним встретиться.

Откидываю одеяло и тут же хмурюсь при виде своего полуобнаженного тела. Трусики на мне, но все остальное исчезло. Подняв глаза, вижу всю свою одежду аккуратно сложенной на стуле. Я же не совсем еще свихнулась. Я ведь забралась в постель в одежде сразу после того, как Грегори вылетел отсюда, знаю ведь, что в одежде. Думаю о вероятности того, что Нан раздела меня спящую, но стопка аккуратно свернутой и сложенной одежды говорит о другом.

Продолжая хмуриться, выбираюсь из постели, прохожу по комнате и тихонько приоткрываю дверь, прислушиваясь к Нан. Слышу счастливое пение и клацанье тарелок, но никаких разговоров. Перевожу взгляд обратно к аккуратной стопке одежды и старательно вдумываюсь, пытаюсь вспомнить, сделала ли это сама. Ничего не приходит в голову. Может, я хожу во сне, ну или прибираюсь.

Скорый взгляд на часы говорит о том, что у меня уже больше нет времени размышлять на этой загадке, так что я быстро принимаю душ и одеваюсь на работу, натянув джинсы и белые конверсы, как будто хочу, чтобы обувь отражала мое настроение. Безжизненность... Пустота.

Еще до того, как я успеваю сесть за стол, передо мной уже стоит миска с хлопьями, Нан смотрит на меня со смесью довольства и озабоченности во взгляде. Впервые со вчерашнего утра мы оказались одни, что значит, у нее, наконец-то, появилась возможность выпытать у меня ответы. Быстро размышляя над словами, прежде чем она замучает меня своими, я придумываю... кое-что.

— Как танцы? — спрашиваю я.

— Всех порвали, — отрезает она, хотя я и уверена, что у нее есть много историй о вечере, который она провела как Джинджер Роджерс. — И это было два дня назад.

Я вздрагиваю:

— Прости.

— Неважно, — настаивает она, и я знаю, почему. — Миллер выглядел очень грустным, когда уходил вчера, — она копошится с кухонным полотенцем, следя за моей реакцией. — И

мне не нравится, как вы с Грегори ругаетесь.

Вздыхаю, прислоняясь к спинке стула, и наливаю в хлопья немного молока, бабуля же добавляет в мой чай слишком много сахара. — Это сложно, Нан.

— О-о-о, — она опускается на стул рядом со мной, в ее синих глазах слишком много любопытства. — Я могу справиться со сложностями. Фактически, могу поспорить, что у меня найдется ответ.

Искренне улыбаюсь и накрываю своей рукой ее руку:

— Это мне исправлять.

— У меня такое впечатление, что Грегори недолгобливает Миллера, — говорит она настороженно.

— У тебя правильное впечатление, но можем мы закончить этот разговор?

Она слегка надувает свои тонкие губы, недовольная тем, что я не хочу с ней делиться. Я не стану делиться всей мерзостью моих сложностей, так что ей остается только сердиться и принять ложь, которую скормил ей Миллер. Не могу рисковать, еще раз давая ей причину для печали и переживаний.

— Я могла бы помочь, — настаивает она, сжимая мою руку.

— Я уже большая девочка, Нан, — поднимаю брови, заставляя ее хмуриться.

— Полагаю, так и есть, — соглашается она, все же продолжая хмуриться. — Но помни одну вещь, Оливия.

— Какую?

— Жизнь слишком коротка, чтобы попусту ждать ответов, которые можно получить, только подняв свою тощую задницу и отыскав их, — она встает и со злостью опускает морщинистые руки в мыльную воду с посудой, тарелку за тарелкой со звоном ставя в сушилку.

День в бистро проходит спокойно, пока в дверях не появляется Миллер. Он сразу же привлекает к себе всеобщее внимание. И засранец понимает это.

— Готова уйти? — спрашивает он вежливо, но у меня такое чувство, что на этот вопрос подразумевается только один правильный ответ, и своим бесстрастным выражением лица он лишь подзадоривает меня нервно среагировать.

— Эм... — слова не формулируются. Дел, осторожно кивнув, протягивает мне сумку и джинсовую куртку, но Миллеру приходится буквально вытолкнуть меня из-за стойки и заставить мои ноги передвигаться. Рукой он нежно накрывает заднюю часть моей шеи и ведет к выходу из бистро, привычным жестом массируя мне шею, не оставляя мне иного варианта, кроме как поспевать за его тяжелыми шагами.

Его черный «мерседес» припаркован на двойной желтой линии⁴, и только когда он открывает дверцу, предлагая мне сесть, я заговариваю:

— Ты что делаешь? — спрашиваю, глядя на него.

Мой вопрос не заставляет его прекратить попытки запихнуть меня в машину.

— Ты обещала мне ужин. Садись в машину.

— Это было до того, как ты меня унизил, — я выворачиваюсь из-под его руки и отступаю. Я определенно заметила подобие злости на свой отказ, но толика эмоций Миллера не единственное, что привлекает мое внимание.

Он наклоняется так, что его глаза оказываются на уровне с моими. Они ласковые и успокаивающие. Они захватывают меня.

— Почему ты продолжаешь меня отвергать?

Отвожу свой взгляд от его глаз, прежде чем успеваю в них потеряться, и ухожу от него шагами быстрыми, но и бесполезными. Я никуда не уйду.

Он позади меня, дорогие туфли ритмично стучат об асфальт.

— Я не люблю повторять, — Миллер ловит меня и разворачивает в своих руках. А потом он приводит меня в порядок, осторожным движением перекидывает мне через плечо волосы, делает шаг назад. — На этот раз я сделаю исключение. Почему ты продолжаешь меня отвергать?

Его наглость как спусковой механизм для моих эмоций. Губы начинают дрожать, в глазах слезы. Злость тоже возрастает, обида раздувается, смятение утраивается.

— Потому что, — на миг закрываю глаза, чувствуя, как силы уходят, несмотря на его высокомерие. — Из-за всего, — я знаю, Уильям прав. Я не должна была попасться в паутину удовольствия Миллера. Может, мне и не нравится вмешательство Уильяма, возможно, у него нет прав настойчиво что-то требовать, но я не могу отрицать того, что он знает, о чем говорит. Все, что мне сейчас известно, утверждал Уильям. Я должна его слушать. Он мудрый и знаком *с этим миром*.

Миллер поджимает потрясающие губы и опускает глаза, отчего мягкий локон падает на лоб, но я не напоминаю о его же правиле не отводить глаз, когда с кем-то говоришь.

— Ты меня не хочешь? — спрашивает он тихо.

Мое лицо искажает гримаса непонимания. Что за вопрос в такое время?

— Конечно, хочу, — осознаю свою ошибку в секунду, когда он поднимает глаза, и накрывает меня волной его желания. Мое собственное желание отражается в его бездонных синих глазах.

— И я тебя, — шепчет он. — Больше, чем организму нужна вода, а легким — воздух.

Борюсь за глоток воздуха:

— А еще я тебя боюсь, — признаюсь я.

— И я тебя.

— Я тебе не доверяю.

Это заявление заставляет его запнуться на секунду, а потом он бросает в ответ:

— Я доверяю тебе свою жизнь, — он поднимает руку, подушечкой большого пальца проводит вдоль моей брови. Такой контакт толкает меня в мою зону комфорта, внутри все искрится. — Доверяю тебе мне помочь, — пальцем очерчивает мою щеку, скулу, а потом он поглаживает мою нижнюю губу. На слабом выдохе закрываю глаза. — Позволь мне ощутить твой вкус.

Автоматически киваю в знак согласия. Чувствую, как жизнь внутри меня взрывается.

— Спасибо, — шепчет он тихо, дыхание щекошет мне щеку, а потом его губы ласково касаются моих. Он нежно, почти осторожно сплетает наши языки, медленно меня разрушая. — Обними меня.

— Обниму, и я снова твоя, — заставляю себя сделать шаг назад, оставляя его в той же позе искать мой взгляд.

— Я зарезервировал столик, — он выпрямляется. — Окажешь мне честь присоединиться?

В голове беспорядок мыслей, конфликтующий между собой в попытке выяснить,

является ли Миллер моей судьбой. Но в мгновение, когда его ладонь осторожно ложится мне на спину, и его прикосновение прожигает кожу сквозь футболку, мне в голову кое-что приходит:

— Где ты был прошлой ночью?

Я не придумываю легкое напряжение в ладони на моей спине и тень вины в этих глазах:

— Поужинай со мной.

Он это сделал. Вломился в мой дом. Это... мерзко! Чувствую себя оскорбленной.

— Ты раздел меня? — поверить не могу, что не проснулась. — Мне не приснилось, так ведь?

— Надеюсь. И когда я тебе не снюсь, надеюсь, ты постоянно обо мне думаешь.

— Думаю. Думаю, что у тебя проблемы!

— Были, — отвечает он быстро, со всей серьезностью. — Мой мир снова накрывала чернота, и единственное, что придает ему свет, продолжает убежать!

Вздрагиваю от искреннего раздражения в его голосе:

— У меня есть вопросы.

Он кивает и делает глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— Я готов ответить на все вопросы, которые ты бы хотела задать.

Чувствую колоссальное облегчение, но и страх в таких же масштабах. Не уверена, что хочу услышать его ответы.

— За ужином, — заявляю я. Мы должны находиться на нейтральной территории. Никакой постели поблизости. — Просто ужин, — это меня устроит. Может, я и выложила ранее все свои карты, но их все еще можно переиграть. На самом деле, совершенно невозможно, но Миллеру об этом знать не нужно.

— Просто ужин, — соглашается он, могу поспорить, что неохотно.

— Тебе не разрешается целовать меня или касаться, — не знаю, зачем лягнула такую глупость, ведь отчаянно нуждаюсь в ощущении комфорта, которое он мне дарит.

Тень недовольства, мелькнувшая на его совершенном лице, делает меня еще более решительной. Он может включить свои самонадеянные чары джентльмена и быстро заполнить меня, поступая со мной, как ласковый и внимательный любовник.

— Теперь ты ведешь себя просто глупо.

Качаю головой:

— Я не пойду, если ты собираешься привлечь меня своим поклонением, — это будет означать конец игры. Я по-прежнему принадлежу ему, несмотря на возрастающую осмотрительность и обретенные знания.

— Прекрасно, как пожелаешь, — бормочет он.

Киваю и заставляю себя спросить:

— Где я должна с тобой встретиться?

— Встретиться со мной? — он хмурит лоб.

— Мы встретимся в ресторане, — поведение Миллера слишком знакомо, а я не могу позволить Нан думать, что все хорошо, когда это не так.

Такое заявление простреливает меня раздражением, но Миллер хладнокровно его сдерживает. Искать покой с Миллером опасно, и не только потому, что он, кажется, не собирается мне его давать. Он опять в моей жизни, и я этого хочу. Мне нужно его тепло, его объятия. Мне все это нужно. Ничто никогда не давало мне чувства такой защищенности и в то же время такой уязвимости. Ничто не заставляло меня чувствовать себя такой сильной,

хотя и невероятно слабой. Должна же быть середина.

— Ладно, — выдыхает он со смесью отчаяния и недовольства. — Когда ты стала такой сложной?

— В секунду, когда ты ко мне прикоснулся, — отвечаю тихо, понимая, что постоянно грублю с тех пор, как окунулась в сбивающий с толку мир Миллера Харта. Мне без этого не выжить. Не выжить без *него*.

Он не спеша поднимает руку и ладонью накрывает мою щеку, ласково ее поглаживая.

— В ту секунду, когда посмотрел на тебя, я увидел свет в привычной для меня темноте, — он подходит ко мне вплотную, его губы становятся ближе, и это все, на чем я могу сфокусироваться. — Увидел яркий, полный надежды свет, отражавшийся в этих удивительных сапфировых глазах, — он меня не целует, но наши губы близко, его дыхание согревает мое лицо, и это тепло проникает в самую суть меня. Закрываю глаза. — Сегодня вечером я буду уважать твои просьбы. Но запомни, ты моя одержимость, Оливия. Ты моя привычка, и я не сдамся без борьбы, — он отпускает меня, а я не могу дышать, голова кружится, чувствую себя брошенной. Открываю глаза и вижу мучительную красоту. — И я не проиграю, не важно, кто бросит мне вызов. Даже, если ты.

— Где я должна с тобой встретиться? — выдыхаю, не удосуживаясь противостоять его самоуверенному заявлению. Я видела его в действии, размахивающим кулаками, а еще я ощущала его в действии... в поклонении мне. Любой, кто бросит ему вызов, обречен. Включая меня.

— Здесь, в семь часов, — он достает из внутреннего кармана ручку и царапает на потертом чеке из бумажника адрес, который, закончив, отдает мне. — Я буду ждать.

Киваю, когда он начинает отступать, расправляя свой костюм, после убирая руки в карманы. Мы не разрываем зрительный контакт. В его глазах я вижу надежду. Уверенность. Страх. И я вижу предостережение. Только вот я не уверена, для него оно или для меня. Возможно, для нас обоих.

Миллер отводит глаза, разворачиваясь, и направляется к своей машине.

Прижимаю ладони к щекам и с силой втираю в них крупички жизни. Мне жарко, в голове грузное месиво противоречивых мыслей, волнений... страхов. Я боюсь его, но он же и дает мне чувство невероятной безопасности. Я волнуюсь за него, но и за себя тоже. Не могу даже оценить глубину своих мыслей, которые вырвались из отчаянных попыток противостоять ему. Все это не имеет смысла.

Я в своем собственном мире пытаюсь осмыслить слишком многое, когда понимаю, что поглаживаю затылок. Волосы под рукой буйно танцуют, щекочут, от чего кожа покрывается мурашками.

— Именно этого я и боялся, — я медленно и осторожно оборачиваюсь на звук бархатистого голоса, сердце подскакивает к горлу.

Глава 9

Не уверена, облегчение ли я должна чувствовать или беспокойство от того, что вижу. Уильям прислонился к своему Лексусу, скрестив ноги и руки. Он не кажется счастливым. В обычно сияющих серых глазах видно раздражение, а мягкие черты лица омрачены беспокойством.

— Ты следишь за мной? — виновато выдыхаю. Вина — за мою слабость во всем, что

касается Миллера, а выдох из-за шока по случаю встречи с Уильямом здесь.

— Я пытался до тебя дозвониться, — он отталкивается от машины и вальяжно шагает ко мне, пока его внушительный силуэт не возвышается надо мной. — Где телефон, который я купил тебе?

— Я им не пользуюсь, — опускаю взгляд, сама не знаю, почему. Он, может, и прав насчет Миллера, но я не такая. Самый скандально известный мужской эскорт Лондона, может, и живет в мрачном месте, но я его освещаю. Он хочет измениться ради меня. Я должна принимать свои собственные решения. Я же сама хозяйка своей судьбы.

— Значит, будешь, — командует он. — Скажи мне, зачем ты была в его клубе?

Поднимаю глаза, в шоке:

— Ты *следил* за мной!

— Я уже говорил тебе. Знать, что творится в этом мире — мое дело. Когда я услышал об инциденте в «Ice» при участии Миллера Харта и хорошенькой блондиночки, не так уж много времени нужно было, чтобы понять, кто она, — он накрывает рукой мою щеку и приподнимает лицо за подбородок. — Откажись от этой затеи.

Качаю головой, глаза наполняются слезами:

— Я пыталась, десятки раз пыталась, но не могу.

— Старайся лучше, Оливия. Ты падаешь в его мрак, а когда окажешься там, обратного пути уже не будет. Ты ведь понятия не имеешь, во что на самом деле ввязываешься.

— Я люблю его, — хнычу, впервые признаваясь вслух, что все еще люблю этого сбивающего с толку мужчину, который теперь стал еще большей загадкой, чем был до того, как начал раскрывать свои секреты. Я не могу упасть в его темноту, если освещаю ее. — Люблю до боли.

Он вздрагивает от моего признания, и я понимаю, что ему это чувство знакомо.

— Боль утихнет, Оливия.

— Твоя утихла? — спрашиваю я.

— Я не... — он хмурится и убирает с моего лица руку. Я удивила его своим вопросом.

Не даю ему возможности собраться.

— Эта боль уродует тебя изо дня в день. Ты позволил своей Грейси уйти.

— Я не...

— Нет, — я обрываю его, и он меня за это не осуждает. Устрашающий Уильям Андерсон стискивает покрытую щетиной челюсть, не сказав ни слова. — И не смей говорить, что станет легче.

Он сутулит свои широкие, облаченные в костюм, плечи, и я обхожу его, направляясь к метро; сказанные Уильяму слова только подкрепляют мои намерения быть с Миллером.

Спустя годы после разрыва с Грейси Уильям по-прежнему сторает в своей боли. Он не забыл ее, и, похоже, никогда не забудет. Если Уильям Андерсон годами чувствует то, что чувствую я прямо сейчас, тогда я лучше умру.

— Садись в машину, — зовет Уильям из автомобиля, как только он замедляется рядом со мной.

— Нет, спасибо.

— Черт тебя подери, Оливия! — кричит он, прерывая мой решительный шаг. — Не заставляй меня принуждать тебя.

Я застываю в тишине от его угрозы, холодность этого многоуважаемого, всегда собранного мужчины превратилась в кипящую лаву.

— Да ты просто достал меня поучать! — выплевываю, не зная, что еще сказать.

Он закатывает глаза, на самом деле, еще больше меня шокируя:

— Я же не твой отец.

— Тогда перестань так себя вести, — бросаю в ответ, это слово только усилило пустоту от нехватки в моей жизни близкого мужчины. Мне он не был нужен двадцать четыре года. Но, опять же, все это время я не встречала Миллера Харта. До настоящего момента.

— Не будешь ли ты так добра сесть в мою машину и позволить мне отвезти тебя домой?

— Ты хочешь меня доконать?

Он сдерживает смех, наклоняясь и открывая дверцу.

— Я в свое время совершал сомнительные поступки, Оливия, но раньше не был уличен в чтении нотаций.

Подозрительно прищуриваю глаза, в то время как он кидает на меня выжидательный взгляд. Даже не сомневаюсь в том, что Уильям меня заставит, так что, во избежание публичных сцен, я осмотрительно залезаю в машину и осторожно закрываю дверцу.

— Благодарю, — говорит он, расслабляясь на своем месте. Водитель трогается, и я кладу сумочку к себе на колени, теребя ремешки, только чтобы не ждать, когда же он заговорит. — Что бы я ни сказал, это не убедит тебя в том, что он плохая идея?

Вздыхаю, раздраженная, и с шумом прислоняюсь к спинке сиденья.

— Ты сказал, что не будешь читать мне нотации.

— Нет, я сказал, что никогда не делал этого прежде. Все когда-то случается впервые.

— Просто прелестно, — бормочу я. — Я ужинаю с ним сегодня вечером.

— Зачем?

— Поговорить.

— О чем?

— Думаю, ты и так знаешь.

— Что случилось в том отеле?

— Ничего, — выдаю, стиснув зубы. Я сбрендила, если думала, что он упустит это из виду. Не скажу ему, даже не смотря на тот факт, что ему, наверное, все слишком хорошо известно. Да и в любом случае, я никогда не смогу произнести эти слова. Думать о них более чем достаточно.

— Ничего, — бормочет он. — Так ты походила на перепуганного котенка потому, что ничего не случилось?

— Да, — выплевываю, презирая тот факт, что он явно что-то подозревает. Я никогда не дам ему подтверждения.

— Ну конечно, — вздыхает он. — Меня пугает, что тебе все мало.

— Мало чего?

— Мало Миллера Харта.

Мне приходится заставляя себя не закричать “*Это не было Миллером Хартом!*”

— Где вы встречаетесь? — продолжает он, после тщательного изучения меня в течение нескольких секунд.

— Не знаю. Он дал мне адрес ресторана.

— Дай взглянуть.

Теряя остатки терпения, роюсь в сумочке и достаю чек, протягиваю его, даже не глядя на Уильяма.

— Вот.

Чек исчез из моей руки, и я слышу, как Уильям мямлит задумчиво:

— Милое местечко. Я тебя отвезу.

— О нет! — смеюсь я, в неверии переводя на его глаза. — Я сама туда доберусь, — не хочу, чтобы Уильям вмешивался. И так уже замешано достаточно людей, пусть они и не в курсе всего ужаса истории. Их решительные попытки остановить меня от встреч с Миллером так и кричат о том, с каким ужасающим сопротивлением я столкнусь, узнай они всю правду.

— Я просто тебя подброшу.

— Нет необходимости.

— Либо ты принимаешь мое предложение, либо никуда не едешь, — он говорит со всей серьезностью.

— Зачем ты все это делаешь? — спрашиваю, а потом причины становятся слишком очевидными. — Это такая попытка облегчить свою вину?

— Что? — он защищается, разжигая мое любопытство и *мое* раздражение.

— Грейси. Ты бросил ее, и теперь пытаешься реабилитироваться, помогая мне?

— Чушь! — он смеется, отводя глаза.

Совсем не чушь. Самое *правильное* ощущение

— Мне не нужна твоя помощь, Уильям. Я не моя мать!

Его красивое лицо медленно поворачивается ко мне. Прежнее веселье исчезло, как будто его никогда и не было. Теперь он выглядит мрачным.

— Тогда зачем ты была в том клубе?

Тут же закрываю рот.

— Я...

Седые брови слегка приподнимаются, от его вопроса и взгляда я отодвигаюсь на сиденье. Открываю рот, чтобы заговорить, но ничего не выходит, Уильям, видя это, двигается ближе:

— Чтобы наказать его, так ведь?

От осознания не могу двигаться, пойманная холодной, жестокой правдой.

— Я не... — не могу закончить.

Уильям медленно отодвигается, опускает глаза к моей руке, на которой я верчу кольцо.

— Ты похожа на свою мать больше, чем можешь себе представить, Оливия, — он осторожно накрывает мою руку, останавливая движения кольца. — Не принимай это ошибочно за плохое. Она была красивой, страстной женщиной с вызывающей зависимостью душой.

Ком размером с Лондон встает в горле, и я отворачиваюсь Уильяма к окну так, чтобы он не увидел моих слез. Я не хочу быть похожей на нее. Эгоистичной. Безответственной. Наивной. Не хочу быть такой.

Пока я плачу, Уильям крутит кольцо на моем пальце. Он, как и я, больше ничего не говорит.

К моему глубочайшему облегчению Нан нет дома. Она оставила кастрюлю тушеного мяса и записку, в которой дала мне знать, что ушла с Джорджем. Найдя свой новый телефон, отправляю ей сообщение, в котором говорю, что встречаюсь с Сильвией, и оставляю ей свой новый номер. А потом я целый час не спеша собираюсь; большая часть времени уходит

скорее на моральную подготовку, нежели на физическую.

В шесть тридцать я прохожу по садовой дорожке к ожидающему меня «лексусу». Водитель открывает дверцу, я молча сажусь и тут же чувствую на себе взгляд *его* серых глаз.

— Выглядишь очаровательно, — Уильям говорит искренне, я поворачиваюсь и вижу, что он рассматривает мое короткое черное платье, одно из трех вечерних, которые у меня есть.

— Благода... — меня прерывает незнакомый звонок мобильного, но Уильям не достает свой телефон, так что после нескольких секунд я понимаю, что звонок доносится из моей сумки. Я роюсь в ней, хмурясь, достаю свой новый айфон и смотрю на экран. А потом смотрю на Уильяма.

— Всего лишь проверка, — улыбается он, вытаскивает руку и сбрасывает звонок на своем телефоне.

— У тебя нет больше дел, кроме как доставать меня? — спрашиваю, кидая телефон обратно в сумку.

— Есть, и много, одно из самых важных — остановить тебя от падения в его мир.

— Ну ты и лицемер, — обвиняю его, честно или нет, мне уже все равно, — твой мир, его мир. Практически одно и то же дерьмо. Как ты можешь заявлять, что знаешь его так хорошо?

— Наши миры периодически сталкиваются, — отвечает он поспешно и равнодушно.

— Сталкиваются? — спрашиваю, немного озадаченная, а еще осмотрительная с употреблением слова “сталкиваются” в данном контексте. Столкновение подразумевает разрушения. Он не сказал “*соприкасаются*” или “*пересекаются*”.

Он наклоняется ко мне и говорит шепотом:

— У меня есть моральные принципы, Оливия. У Миллера Харта нет. В этом и состоит грань между *нашими мирами*. Я не согласен с тем, как он ведет дела, и не боюсь говорить об этом, несмотря на его кровожадный характер.

Отступаю, не в силах ему возразить. Я видела, как Миллер ведет дела, и видела ту вспышку гнева.

— Он может измениться, — шепчу, понимая, что с треском провалила попытку придать голосу уверенность. Язвительный смешок Уильяма говорит о том, что он тоже сильно в этом сомневается. — Я бы хотела, чтобы ты высадил меня за углом, — уверенно заявляю я, понимая, что Миллер вряд ли оценит, что меня привез другой мужчина, особенно Уильям, и особенно учитывая, что их миры периодически *сталкиваются*. Не хочу, чтобы сегодня стало этим *периодически*.

— Конечно.

— Спасибо.

— Скажи мне, — начинает он, — как такая стойкая, милая девушка могла влюбиться в такого, как Миллер Харт?

Такого, как Миллер Харт? Стойкая и милая? Копаюсь в голове в поисках ответа на этот вопрос. Ничего не нахожу, так что повторяю слова бабушки:

— Не мы выбираем, в кого влюбляться.

— Может, ты и права.

— Знаю, что права, — говорю сама себе. Я живое тому доказательство.

— И зная это, ты по-прежнему чувствуешь то же самое?

— Я знаю, что он не был с другой женщиной с тех пор, как встретил меня.

— У него были встречи, Оливия, и прошу, не пытайся убедить меня в обратном. Не забывай: нет ничего, что бы мне было неизвестно.

— Тогда тебе известно, что он не спал ни с одной из них, — говорю я раздраженно, чувствуя, что мое терпение на исходе.

— Хотел бы я знать, как он этого избегал, — пробубнил Уильям. На это я не ответила, молча радуясь, что он не стал опровергать мое заявление. — У меня есть вопрос. Вероятно, самый важный вопрос.

— Что за вопрос?

— Он любит тебя?

Услышав такой вполне резонный вопрос Уильяма, я поникла. Меньше, чем «да», здесь будет недостаточно. Уильяму это известно. Без такого заверения я даже думать не должна о возможности подвергнуть свое разбитое сердце еще большей боли.

— Он ко мне равнодушен, — отворачиваюсь, глядя в окно, и чувствую себя глупой и незрелой.

— Равнодушие равняется любви?

— Не знаю, — шепчу едва слышно, но когда он кладет руку на мое колено и ласково его пожимает, я понимаю, что он меня услышал.

— Сначала думай, — произносит он тихо, — и уж потом говори.

Я согласно киваю, чувствуя странное утешение от искреннего прикосновения Уильяма. Я скажу и подумаю, но на самом деле, не *думаю*, что Миллер сможет сказать что-то, что могло бы уменьшить или унижить мое восхищение самым скандально известным мужским эскортом Лондона. Хочу этого, но я реалистка. Я попала в его таинственный мрачный мир, и уже не верю, что что-нибудь или кто-нибудь сможет меня освободить, даже Уильям, и не важно, насколько сильно он старается.

Водитель не останавливает машину за углом, как договаривались. Он останавливается прямо перед рестораном, и Уильям не обращает внимания на его ошибку. Собираюсь сделать замечание, но вижу Миллера: он ждет на тротуаре, бросает на «лексус» недоверчивый взгляд, и я понимаю, что он в курсе, чья это машина. Но он не знает, что я в ней.

— Прошу, — запаниковав, поворачиваюсь к Уильяму, — скажи водителю остановиться в следующем квартале.

— Нет необходимости, — не обращая внимания на мое беспокойство, он быстро и уверенно выходит из машины с предельным чувством превосходства. Я хочу забраться под сиденье и спрятаться там. Я не смотрю на улицу, чтобы не видеть реакцию Миллера на появление Уильяма. Мне это не нужно. Чувствую, как воздух вокруг стал колючим, а он еще даже не видел *меня*.

— Харт, — слышу суровый голос Уильяма. А потом дверца с моей стороны открывается, и Уильям смотрит на меня, протягивая руку и ожидая, что я ее приму. Хочу заорать на него за такую подлость. Сейчас он угрожает, а я видела, как Миллер поступает с теми, кто угрожает. Это приводит в ужас.

Закрыв глаза и сделав глубокий, придающий уверенности вдох, я отклоняю предложение Уильяма и выбираюсь из машины, медленно выпрямляюсь до тех пор, пока

меня не засасывает ледяной воздух, и он никак не связан с погодными условиями. Потом я поворачиваюсь и вижу *его*. Синие глаза распахнуты, челюсть напряжена, но он остается спокойным, пока Уильям провожает меня к нему. Миллер, как всегда, неправдоподобно красив в темно-сером костюме-тройке, бледно-голубой рубашке — идеально завязанный галстук — дорогих туфлях. По мере того, как я подхожу, в его глазах, несмотря на шок, появляется блеск, темные волосы взъерошены, осанка прямая. Как только я оказываюсь рядом, он стреляет в Уильяма холодным взглядом, а потом снова смотрит на меня, ладонью накрывает мой затылок, подталкивая вперед. Воздух по-прежнему ледяной, но теперь он смешан с приятным теплом, которое врывается в меня от нашего соприкосновения. Наклонившись так, чтобы его глаза были на одном уровне с моими, он дарит мне кроткую улыбку. Это напоминает мне, что у Миллера самая красивая улыбка и что я уже очень долгое время ее не видела.

Он медленно моргает, еще одна из его милых привычек, и ласково накрывает мои губы своими. Знаю, что Уильям позади меня дернулся, только ничто не остановит меня от выпитывания вкуса Миллера. Даже я сама.

— Ты заставляешь идеал прятаться в тени, моя прекрасная девочка, — он оставляет на моих губах еще один быстрый поцелуй, а потом отстраняется, чтобы заглянуть в мои глаза. — Спасибо, что пришла.

Чувствую себя невероятно глупо из-за Уильяма, разыгрывающего из себя моего телохранителя, так что я поворачиваюсь и вижу его, пристально нас разглядывающего.

— Ты уже можешь идти, — чувствую, как рука Миллера обвивает мою талию, и он прижимает меня к своей груди. Он полностью проигнорировал мою просьбу не прикасаться и не целовать, и я ничего не сделала, чтобы его остановить. Он метит свою территорию.

Высокий, статный седовласый мужчина медленно отступает, не отводя глаз от Миллера, пока не оказывается у своей машины.

— Я знаю, что с моральными принципами ты не в ладах, Миллер, но я по-хорошему прошу тебя поступить сейчас правильно, — Уильям, может, и просит по-хорошему, только его голос пропитан угрозой.

— Не взывайте к моим принципам, когда дело касается Оливии Тейлор, мистер Андерсон, — рука Миллера на мне сжимается. — Никогда.

Враждебность между двумя этими сильными мужчинами отравляет. В голове полно вопросов об их общении и сталкивающихся мирах, и все они на первом месте в списке, который я подготовила для Миллера.

— Поступи правильно, — говорит Уильям, а потом обращает ко мне взгляд серых глаз. — Ты мне позвонишь, — непринужденно садится в машину, не дожидаясь моего ответа, и быстро отъезжает, оставляет меня на тротуаре, напряженную и собирающуюся с силами, чтобы выдать Миллеру все свои вопросы.

Спустя несколько долгих секунд он заговаривает, и когда он это делает, реакция оказывается совсем не той, к которой я себя готовила.

— Ну, это было неожиданно, — шепчет он тихо, от чего я хмурюсь. — Как ты дошла до того, что оказалась в компании Уильяма Андерсона?

Я абсолютно сбита с толку:

— Он был сутенером моей матери, — напоминаю ему, утаив подробности, которые сама только что узнала. И я знаю, что Миллер не оценит упоминание о встрече с Уильямом в безрассудное для меня время, так что я упускаю и эту часть. — И раз уж мы об этом

заговорили, — взрываюсь, разворачиваясь в его руках, и отступаю на шаг. — Как я докатилась до того, что оказалась в твоей компании?

Он смотрит на меня слегка озадаченно:

— Ты уже нарушила свои правила с прикосновениями и поцелуями, — он наклоняется и нахально целует меня. И, черт меня подери, я не отстраняюсь. — Глупо было бы снова их устанавливать, — его взгляд искрится, на лице невысказанное торжество. Глупо, учитывая, что я провалюсь, или глупо, учитывая, где я окажусь, стоит мне сдаться. Очевидно, в постели Миллера, боготворимая им.

— Совсем даже не глупо, — заявляю со всей наглостью. Хотя преклонение в стиле Миллера — единственный способ убежать от моих проблем, я должна сопротивляться, неважно, насколько сильно хочу, чтобы он доставил мне удовольствие и забрал в свой крышесносный мир наслаждений. — Мы ужинать будем?

— Да, — он указывает на другую сторону дороги и, когда я оборачиваюсь, вижу его машину. — После тебя.

Хмурюсь, и вместо этого направляюсь в сторону ресторана. Уйти удастся недалеко.

— Не туда, — просто говорит он и, беря меня за заднюю часть шеи и едва уловимо поглаживая ее, ведет к своей машине.

— Ужин и разговор, — напоминаю ему. — Ты согласился встретиться ради ужина и разговора.

— Да, я согласился встретиться с тобой у ресторана. Ты ни разу не упомянула, что ужин и разговор должны проходить здесь.

Нервно смеюсь, задаваясь вопросом, где же он собирается разговаривать и ужинать.

— Ты не можешь исказить смысл моих слов.

— Я ничего и не искажаю, — он с легкостью переводит меня через дорогу и усаживает в свою машину. — Мы поужинаем у меня дома, — дверца за мной закрывается, срабатывает блокировка.

Теперь я в бешенстве. Быть у Миллера — плохая, *плохая* идея. Пытаюсь открыть дверцу, хоть и не знаю, зачем. Я ведь слышала звук блокировки. А потом я снова его слышу и дергаю ручку, но ничего не выходит. Он садится рядом со мной.

— Это похищение! — возмущаюсь я. — Я не хочу к тебе домой.

— Почему? — спрашивает он, заводя машину и пристегиваясь.

— Потому что... я... потому что... это будет...

— Естественно для нас заняться любовью? — он медленно переводит на меня взгляд. Серьезный взгляд.

Это были просто слова, а мой пульс уже сошел с ума. Чувствую себя сексуальной, похотливой и беспомощной, а с Миллером Хартом это опасная комбинация.

— Разговор, — слабо шепчу.

Он ерзает на сиденье и упирается локтями в руль. Видит мое похотливое состояние. Я не могу дышать.

— Я ведь не раз обещал, что никогда не заставлю тебя делать что-то против твоего желания. Разве не так?

Киваю.

Он едва заметно улыбается и, протянув руку, поправляет мои непослушные светлые локоны.

— Ты хоть понимаешь, как тяжело мне заставить себя не касаться тебя, особенно зная,

что ты этого хочешь?

— Я хочу поговорить, — заявляю, найдя в себе крупинцы силы, чтобы высказать свое требование, загнав поглубже свою слабость, которая могла бы позволить ему проигнорировать мою просьбу.

— И я хочу объясниться, но сделать это в спокойной атмосфере своего дома, — он больше ничего не говорит, и, обратив все внимание на дорогу, отъезжает от тротуара. Нет разговоров или взглядов, направленных на меня. Единственное, на чем я могу сосредоточиться, за исключением обрывистых мыслей, это слова песни «Glory box»⁵ в исполнении Portishead, эхом разносящиеся в закрытом пространстве между нами.

Они просачиваются в голову, заставляя мысли кружиться, а потом я слышу два коротких слова Миллера, брошенные самому себе, так тихо, что я едва их расслышала:

— Я обещаю.

Глава 10

Уже жалею о том, что настояла на правиле не прикасаться и не целовать. Поднимаюсь с ним в его пентхаус, и к девятому этажу я готова просто рухнуть на пол, а понимающий взгляд Миллера — явное свидетельство того, что ему известно о моих сожалениях. Но мое пылающее лицо и ноющая боль в ногах напоминают мне еще и о том, какой вопрос я хотела задать первым.

Он открывает свою черную отполированную дверь и отходит в сторону, придерживая ее для меня и открывая вид на внутреннюю обстановку своей роскошной квартиры. Меня одолевает острое желание убежать.

— Мне не разрешается убеждать тебя физически, так что я очень прошу, не убегай от меня.

Я поворачиваюсь к нему и вижу синие глаза, полные мольбы. Сейчас он тот уважительный, любящий мужчина, которого я люблю больше всех его многочисленных индивидуальностей.

— Я не убегу, — обещаю, переступаю порог и нерешительно обхожу стол посреди коридора. Входная дверь закрывается у меня за спиной, и дорогие ботинки Миллера постукивают по мраморному полу, когда он подходит ко мне.

— Хочешь вина? — спрашивает он, снимая пиджак и аккуратно вешая его на спинку стула.

— Воду, пожалуйста, — во рту сухо после марафона по лестницам, и мне нужна ясная голова.

— Как пожелаешь, — говорит он и исчезает в кухне, быстро возвращается с бутылкой родниковой воды и стаканом. Он проходит к шкафчику с напитками, на два пальца наполняет бокал виски, поворачивается ко мне и неспешно подносит бокал к губам; мне приходится отводить взгляд от такого приятного зрелища. Он знает, что делают со мной эти губы, и нагло этим пользуется. — Не надо прятать от меня свое личико, Оливия.

— Не надо прятать от меня свое уважение, — тихо возражаю.

Ему нечего на это ответить, так что вместо ответа он говорит:

— Присаживайся, — подходит ко мне с водой.

— Я думала, мы будем ужинать?

Он замирает на полпути:

— Так и есть.

— В гостиной? — спрашиваю тоном, пропитанным сарказмом. Я знаю Миллера Харта и его одержимый совершенством мир, и нет ни единого чертова шанса, что он станет есть не за столом.

— Нет нужды...

— Нет, есть, — я вздыхаю. — Я настаиваю, мы будем ужинать на кухне. — Забираю предложенную им воду и ухожу, оставляя Миллера следовать за мной на кухню, но с тихим вздохом застываю в дверях.

— Ты не оставила мне шанса нанести последние штрихи, — бормочет он мне в спину. — Свечи, музыка.

Аромат чего-то потрясающе вкусного пропитал комнату, стол накрыт в стиле Миллера — идеально. Я будто по ошибке попала в отель «Ritz».

— Это... идеально, — выдыхаю я.

— Далеко не идеально, — говорит он тихо, проходя мимо меня. Ставит на стол свой бокал, передвигает его, потом зажигает свечи, украшающие центр стола. Он проходит по кухне, кладет на полку свой айфон и включает его несколькими нажатиями кнопок. Я просто смотрю на него, когда из динамиков начинает литься композиция «Explosions»⁶ Элли Голдинг, а потом он поворачивается ко мне. — Все еще не идеально, — говорит он, медленно приближаясь. Неуверенно поднимает руку и смотрит на меня, ожидая разрешения. Я киваю, позволяя ему ласково взять мою руку, и следую за ним. Стул с одной стороны стола отодвинут, Миллер отпускает мою руку, предлагая мне сесть. Следую его просьбе и позволяю ему пододвинуть за мной стул. — Теперь идеально, — шепчет он мне на ухо, мимолетно прикусывает мочку и оставляет меня изнывать от желания. Каждая клеточка моего тела напряжена, и ему это известно. Удостоверившись в том, что я получила несколько невыносимо приятных моментов от его горячего дыхания, он неспеша отодвигает от меня свои рельефные формы.

— Вина? — спрашивает он.

На секунду закрываю глаза, собирая остатки сил.

— Нет, спасибо.

— Трезвая голова не пресытит твоего желания ко мне, Оливия.

Кладет мне на колени салфетку, после чего занимает место по другую сторону стола. Он прав, конечно, но отказ от алкоголя может помочь мне мыслить яснее.

— Расстояние приемлемо? — интересуется он, взмахом руки указывая на пространство между нами.

Нет, не приемлемо, он кажется таким далеким, но глупо было бы ему об этом говорить. Не то что бы мне нужно было что-то говорить. Он все прекрасно понимает. Я киваю и рассматриваю стол перед собой, внутри все клоочет так, как клоочет обычно, когда я за одним столом с Миллером.

— Чем ты будешь меня кормить?

Сдерживая улыбку, он наливает в один из бокалов, в тот, что пошире, красное вино.

— Я ничем не могу тебя накормить, сидя здесь.

Кусаю губу и сдерживаю порыв взять вилку и покрутить ее, понимая, что ни за что не смогу вернуть прибор на правильное место.

— Нравится, когда я тебя кормлю? — спрашивает он, поэтому я отрываю взгляд от идеального стола и смотрю на *его* идеальное лицо.

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, — в голове мелькают картинки клубники и капле
темного шоколада.

— Знаю, — соглашается он. — И мне нет нужды говорить тебе, как сильно я люблю
тебя кормить.

Я понимающе киваю, вспоминая чувство удовлетворения на его лице.

— И боготворить тебя.

Ерзаю на стуле, пытаюсь предотвратить нарастающую между ног пульсацию. Неважно,
какую маску он надевает, каждый раз я сдаюсь его власти.

— Предполагалось, что мы поговорим, — замечаю, стремясь избежать мыслей о
преклонении, клубники в горячем шоколаде и магнетизме Миллера в целом.

— Мы *разговариваем*.

— Почему ты так боишься лифтов? — я становлюсь беспощадной, а потом мгновенно
приходит чувство вины при виде того, как мрачнеет его лицо, совсем ненадолго. Он очень
быстро берет себя в руки.

— У меня фобия закрытых пространств, — глядя на меня, Миллер задумчиво
взбалтывает вино в бокале. — Именно поэтому ты никогда не убедишь меня спрятаться в
шкафу.

От его признания чувство вины только усиливается, особенно когда я вспоминаю тот
случай в моей спальне.

— Я не знала, — шепчу, вспоминая и тот ужас на его лице, когда я отказалась выходить
из лифта. Я выяснила это, убегая из отеля, и использовала против него.

— Конечно, не знала. Я тебе не говорил.

— С чем она связана?

Он едва заметно пожимает плечами, глядя в сторону, избегает моего взгляда.

— Не знаю. У многих людей есть разные фобии, и нет объяснений.

— И тем не менее, у тебя оно есть, так ведь? — давлю на него.

Он на меня не смотрит.

— Вежливо смотреть на человека, с которым разговариваешь, и вежливо отвечать, когда
кто-то задает тебе вопрос.

Полные раздражения синие глаза находят мои.

— Рассуждаешь сверх меры, Оливия. У меня фобия закрытых пространств, и на этом
вопрос закрыт.

— Что насчет твоей безумной чистоплотности?

— Я просто ценю то, что принадлежит мне. Это не делает меня безумным.

— Это гораздо больше, — отвечаю я. — У тебя обсессивно-компульсивное
расстройство.

У Миллера на секунду отвисает челюсть:

— Просто потому, что я люблю определенный порядок в вещах, у меня расстройство?

Недоверчиво вздыхаю и как раз вовремя останавливаю себя от того, чтобы поставить
локти на его стол. Он не признает свою безумную одержимость, и вполне очевидно, что я
ничего не услышу относительно клаустрофобии. Но это пустяки в масштабах происходящего.
Есть вещи поважнее.

— Газета. Почему изменился заголовок?

— Я осознаю, как это выглядело. Но это для твоего же блага.

— Каким образом?

Его губы сжимаются в тонкую линию.

— Для твоей защиты. Поверь мне.

— Поверить тебе? — я сдерживаю острое желание рассмеяться ему в лицо. — Я доверилась тебе во всем! Как долго ты носишь статус самого скандально известного в Лондоне мужского эскорта? — слова, как кислота, обжигают язык, когда я их произношу.

— Уверена, что не хочешь вина? — он поднимает со стола бутылку и смотрит на меня с надеждой. Жалкая попытка избежать вопроса.

— Нет, спасибо. Ответа будет достаточно.

— Может, закуски? — он встает и, не дожидаясь моего ответа, подходит к холодильнику. Я не в состоянии есть, когда желудок скрутился в тугий узел, в голове полно вопросов и нет ответов. Сомневаюсь, что аппетит появится, когда я, наконец, добьюсь от этого мужчины ответов.

Он открывает огромную, с зеркальной поверхностью, дверцу холодильника и достает оттуда какое-то блюдо. Потом он закрывает дверцу, но не возвращается к столу, вместо этого возится с чем-то на подносе, разрезая и смешивая. Он пытается выиграть время, а когда настороженно смотрит в зеркало, видит в отражении, что я внимательно за ним наблюдаю. Понимает, что я раскусила его игру.

— Ты сказал, что готов ответить на мои вопросы, — напоминаю ему, решительно удерживая в зеркале его взгляд.

На секунду он опускает взгляд к подносу, а потом медленно разворачивается и, сделав глубокий вдох, возвращается к столу, небрежно откидывая со лба темную прядь. Мне становится почти смешно, когда предельно аккуратно поставленное на стол блюдо оказывается полно устриц.

— Угощайся, — Миллер жестом указывает на серебряные приборы, после чего садится.

Игнорирую его предложение, меня раздражает его изначальный выбор, так что я просто повторяю свой вопрос.

— Как долго?

Подняв свою тарелку, он берет три устрицы и аккуратно выкладывает их.

— Я работаю в эскорте десять лет, — говорит он, решая при этом не смотреть на меня.

Хочу выдохнуть шокировано, но сдерживаюсь, вместо этого беру стакан воды, смачивая вдруг пересохшие губы.

— Почему скандальный?

— Из-за моей безжалостности.

Теперь уже я выдыхаю и ненавижу себя за это. Это не должно быть для меня новостью. Я ведь испытала на себе его безжалостность.

Он замечает мою борьбу, но продолжает.

— Потому что в спальне я жестокий, не любящий, ничего не чувствующий, и меня все это не заботит. Женщины не могут мной насытиться, а мужчины не могут понять, почему.

— Они платят тебе за...

— За то, чтобы быть отраханнами по высшему классу, — заканчивает он за меня. — И платят баснословные суммы за неразглашение.

— Я не понимаю, — качаю головой, глазами бегая по всему его идеальному столу. — Ты не позволяешь им целовать тебя или касаться.

— Когда я обнажен, нет. Когда мы наедине, нет. Я идеальный джентльмен на свиданиях, Оливия. Они могут дотронуться до меня сквозь одежду, потешить свое

самолюбие и насладиться моим вниманием. На этом их контроль заканчивается. Для них я идеальный микс мужских качеств. Высокомерный... внимательный... талантливый.

Вздрагиваю каждой клеточкой:

— Ты что-то от этого получаешь?

— Да, — признает он. — В спальне у меня полный контроль, и я каждый раз кончаю.

Вздрагиваю от его настолько искренних слов, отвожу глаза, с ощущением тошноты и уязвимости.

— Точно.

— Не прячь от меня свое лицо, — просит он, не раздумывая, и я на автомате поднимаю голову, вижу ласковый взгляд, пришедший на смену холодному, ледяному. — Но ничто даже близко не сравнится с тем наслаждением, что я получаю, преклоняясь перед тобой.

— Теперь я с трудом вижу того мужчину, — говорю, и от моих слов нежность в его глазах превращается в страдание. — Так бы хотела, чтобы ты никогда не делал меня одной из них.

— Не больше, чем я, — шепчет он, прислоняясь к спинке стула. — Скажи, что надежда есть.

Все, что я вижу, — это Миллер в том номере отеля. Мое желание и потребность в нем все еще здесь, но из-за нашего короткого разговора на меня обрушилась жестокая действительность его жизни. У меня нет силы, достаточной, чтобы с этим справиться. Если я снова его впущу, для меня откроется жизнь боли и возможных сожалений. Ничто не заставит меня забыть того безжалостного любовника. Все, что я увижу, когда он мной завладеет, — красная пелена боли. Моя жизнь и без того достаточно сложна. Не могу сделать ее еще сложнее.

— Я задал тебе вопрос, — говорит он тихо. Его тон говорит мне о том, что он впал в то резкое, надменное настроение, возможно, потому, что он увидел мою внезапную подавленность; посмотрев на него, я еще и *вижу* это высокомерие. Просто так он не сдастся.

— Женщина в Мадриде?

— Я с ней не спал.

— Зачем тогда поехал?

— Препрежнее обязательство, — он безучастный и резкий, и все же странно, но я ему верю. Только от этого совладать со всей ситуацией проще не становится.

— Могу я воспользоваться твоей ванной? — спрашиваю, поднимаясь из-за стола, сопровождаемая его пристальным взглядом.

— Сразу после того, как ответишь на мой вопрос. Есть надежда?

— У меня еще нет ответа, — вру, кладя салфетку на свой стул.

— Думаешь, он у тебя появится после того, как посетишь мою ванную?

— Не знаю.

— Не рассуждай сверх меры, Оливия.

— Я бы сказала, это невозможно, после всего, что ты мне поведал, ты не согласен? — я оказалась на распутье, желая послушаться Уильяма, ведь он *определенно* прав, и, желая послушать свое сердце, потому что *возможно*, только *возможно*, я смогу помочь Миллеру. Но «*определенно*» всегда должно быть сильнее «*возможно*». Конфликт слишком силен. И это разрывает меня на части.

Миллер смотрит на меня внимательно. Встревоженно.

— Ты уходишь, так ведь?

— Я задала свои вопросы. И никогда не говорила, что останусь после того, как получу ответы. Никогда не говорила, что они мне понравятся, или я приму их. *Определенно* побеждает. Уильям побеждает. Поспешно покидаю кухню, сбегая от той настойчивости, что *он* излучает.

— Оливия!

Распахнув входную дверь, выбегаю из квартиры, понимая, что он никогда не отпустит меня без боя. Спутанные мысли дают мне единственное безопасное для меня решение. Бегу напрямиком к лифту. Сердце стучит, дыхание срывается и замирает, когда я колочу по кнопке.

— Оливия, не заходи в лифт, прошу! — его быстрые шаги заставляют меня снова и снова колотить по металлической кнопке. Тихо матерясь, жду уже вечность, когда дверцы лифта открываются. — Блять! Оливия!

Забегаю, жму кнопку первого этажа и забиваюсь в дальний угол. Я поступаю жестко, но отчаяние съедает чувство вины за то, что использую эту слабость против него.

Я изначально знала, что он так поступит, и все же подпрыгиваю, когда его рука останавливает закрывающиеся дверцы, вынуждая их открыться. На лбу испарина, распахнутые глаза полны страха. — Выходи! — кричит он, широкие плечи тяжело поднимаются и опускаются.

Качаю головой:

— Нет.

Его челюсть, кажется, вот-вот треснет от силы, с которой он ее сжимает.

— Выметайся из чертова лифта!

Остаюсь тихой, только сильнее вжимаясь в стену. Он невероятно, даже пугающе зол.

— Что мне сделать? — кричит он, заставляя дверцы открыться, когда они делают попытку сомкнуться. — Что?

— Я не могу быть с тобой, Миллер, — мой голос едва слышен за его хаотичным дыханием и моим колотящимся сердцем.

— Ливи, умоляю, не поступай так со мной снова, — его начинает трясти, глаза мечутся между мной и замкнутым пространством лифта.

— Не смогу забыть того мужчину, — я протягиваю руку и снова жму на кнопку.

— Блять! — он отпускает дверцы, и они начинают закрываться. — Я отказываюсь сдаваться, Оливия! — взгляд синих глаз успокаивается, выражение лица становится бесстрастным. — Я не потеряю.

— Ты уже потерял, — бормочу я, когда его лицо исчезает.

Глава 11

Не знаю, как я оказалась здесь. Возможно, чтобы увериться в своем решении. Вид огромной кровати с балдахинном, вызывает в голове образ связанной меня. Это укрепляет мою решимость и мой выбор, но и разжигает боль. Я стою посреди номера отеля, смотрю по сторонам, продолжая мучить себя, и вымаливаю силы, чтобы пройти через это. Убежать. Исчезнуть навсегда. Другого выхода я не вижу. Кожу покалывает, мне становится холодно. Глаза наполняются слезами. Планы, которые я столько раз начинала воплощать в жизнь, сейчас должны быть исполнены и завершены. Я должна исчезнуть на какое-то время, разделить нас расстоянием и надеяться, что пословица «с глаз долой, из сердца вон» окажется правдой. Для нас обоих.

— Зачем ты пришла сюда? — вопрос просачивается сквозь стук крови в ушах, возвращая меня в холод комнаты.

— Помочь себе убедиться в том, что поступаю правильно.

— Чувствуется правильным?

— Нет, — признаюсь я. Ничто не кажется правильным. Все так неправильно. Слышу щелчок дверного замка, вырывающего меня из мыслей. Я оборачиваюсь и вижу его в беспорядке, волосы взлохмачены, костюм помялся. Только взгляд синих глаз спокоен.

— Я не проиграю, — говорит он, убирая руки в карманы. — *Я не могу* потерять тебя, Оливия.

Слезы уже бегут по щекам, я просто стою перед ним, разбитая.

Побежденная.

Он спиной прислоняется к двери, его взгляд мечется по комнате, он всем телом опирается о деревянную поверхность. Вид Миллера Харта, борющегося с собственными слезами, вырывает мое сердце из груди, ноги подкашиваются, и я опускаюсь на пол. Опускаю голову, волосы рассыпаются по плечам. И я плачу. Сломленный мужчина передо мной всегда заставлял мои глаза болеть, только в этот раз это не от его невыносимой красоты. На этот раз причина в его истерзанном состоянии. Отчаянном. Разрушенном.

Спустя долю секунды я уже в его руках, теплые руки крепко меня сжимают, прижимает мою голову к своей груди.

— Не плачь, — шепчет он, устраивая меня у себя на коленях. — Мне нужно, чтобы ты была сильной для меня.

Поднимает меня и несет к кровати:

— Все заканчивается здесь, — говорит он, осторожно укладывая меня и нависая сверху, лицом зарывается в изгиб моей шеи. Я не сопротивляюсь. Позволяю его телу прижаться к моему телу, его силе просочиться в меня, я держусь за него так, будто от этого зависит моя жизнь. Он поступает так же. Мы тесно друг к другу прижимаемся, наши сердца отстукивают сильный, уверенный ритм. Слышу их удары. Мы оба возвращаемся к жизни.

Он не торопясь поднимает голову до тех пор, пока я не вижу синие, полные боли глаза.

— Мне так жаль, — он осушает мои слезы. — Знаю, что тоже убегал, но теперь я это принимаю, — он наклоняется и нежно целует меня, мягкие губы жаждут и отчаянно нуждаются. — Мне нужно, чтобы ты поступила так же, — он садится и с легкостью усаживает меня к себе на руки, обнимает и беспрестанно осыпает мое лицо поцелуями. — То, что между нами, прекрасно, Оливия. Я просто не могу это отпустить, — он берет в руки подол моего платья, но не спешит снимать с меня одежду. — Можно?

Вместо ответа я стягиваю с его плеч пиджак, и Миллер, отпустив подол, помогает мне снять его с себя. Мне необходимо почувствовать его обнаженную кожу.

— Спасибо, — выдыхает он, сняв с меня платье и отбросив его в сторону. Его губы находят мои и начинают осторожную ласку. Его язык, скользя в мой рот, робок и мягок. В голове пусто, но тело отвечает инстинктивно. Я принимаю его поцелуй, отвечая столь же мягкими, неспешными движениями, впитывая эмоции, переполняющие его. Его теплые руки повсюду, везде прикосновения и ощущения напоминают мне о нехватке теплой кожи под моими ладонями. Я принимаюсь расстегивать его жилетку, потом рубашку, пока руками не заползаю под ткань, касаясь его повсюду, прежде чем в спешке сорвать с него одежду, отказываясь отпустить его губы, даже затем, чтобы коснуться его идеального торса. Как только его руки оказываются свободны, он расстегивает бюстгальтер и медленно снимает

его с меня, освобождая мои чувствительные, набухшие соски. Он разрывает наш поцелуй, и я протестующе хнычу, тянусь вниз, расстегивая его брюки.

Эти гипнотизирующие губы приоткрыты, позволяя сорваться шумному выдоху, взгляд мужчины сфокусирован на моей груди. Как только его брюки расстегнуты, я нетерпеливо тяну их вниз, желая поскорее почувствовать его наготу.

Он переводит глаза с груди на мое лицо:

— Поцелуй меня.

Не теряя времени, припадаю к его шее, а не рту, покусываю кожу в районе шеи и делаю глубокий вдох, впитывая его мужской аромат. Прикасаюсь к каждому участку его тела, заставляя стонать и удовлетворенно урчать.

— Губы, — рычит он, и я тут же с удовольствием возвращаюсь к его губам. — Боже, Оливия, — большие ладони накрывают мои щеки и надежно придерживают голову, пока мы целуемся, нежно и неспешно. — Представить не могу ничего, что бы чувствовалось лучше, чем поцелуи с тобой, — шепчет он в мои губы. — Скажи, что ты моя.

Киваю и чувствую ласку его языка, когда он осторожно опускает меня на постель, позволяя мне быстро стянуть брюки с его длинных ног. На секунду он оставляет меня, доставая из ниоткуда презерватив, раскатывая его, шипит и закрывает глаза прежде, чем снова ко мне вернуться. Хнычу, когда он устраивается у меня между ног, чувствую, как внушительных размеров головка упирается в мое лоно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Скажи, — прикусывает мою нижнюю губу, отстраняясь. — Не отвергай меня.

— Твоя, — и это уже не вопрос.

Он лбом прижимается к моему и с тщательно контролируемым вдохом входит в меня.

— Спасибо.

— Миллер, — я вдыхаю, переполненная ощущениями того, как кусочки моего разбитого сердца склеиваются воедино. На довольном выдохе закрываю глаза, меня окутывает чувство блаженства, и тогда он начинает плавно двигаться. Руки свободны, и я могу к нему прикасаться, я пользуюсь этим, медленно скользя ладонями повсюду, чувствуя каждую его клеточку. Языки сплетаются в ласковом танце, он двигается осторожно, от него исходит трепет. Это полное искупление, его забота размыла ужасную сцену в этом отеле; такой идеальный момент напоминает мне о ласковом, нежном мужчине, которым он является, когда боготворит меня — мужчину, которым мне нужно, чтобы он был. Мужчину, которым он хочет быть. Для меня.

— Никогда не отпущу твои губы, — заявляет он, наши покрытые испариной тела томно скользят. — Никогда.

Я выворачиваюсь из-под него так, что седлаю его, все еще наполненная до предела, каждое движение погружает его так глубоко.

— О Боже! — руками упираюсь в его пресс и кубики, опустив голову.

— Блять! — ругается Миллер, толкаясь в меня, руками сжимает мои бедра. — Оливия Тейлор, — шепчет он. — Самое ценное, что у меня есть.

— Никогда не отпускай мои губы, — задыхаюсь от желания, вдруг выдыхаю, когда его ладонь быстро накрывает мой затылок, и он тянет меня к своему лицу. Новый толчок. Мой стон.

А потом он сводит меня с ума поцелуем, голодным настолько, что я едва могу вспомнить свое имя.

— Двигайся, — он посасывает мой язык, а потом перемещает меня, подхватив под ягодицы. Чувствую, как он входит в меня уже под другим углом, провоцируя трение, от которого я с криком извиваюсь. Руками путаю свои волосы. — Именно так, Ливи!

Пелена удовольствия, накрывшая его лицо, придает мне храбрости. Я бесконтрольно поднимаюсь и опускаюсь на нем.

— И так? — спрашиваю, не дожидаясь ответа. Ответом служат его зажмуренные глаза, так что я повторяю, с силой сжимая свою светлую копну волос. — Миллер, скажи!

— Да! — глаза открываются, челюсть стиснута. — Ты можешь на хрен вытворять со мной все, что захочешь, Оливия! Я возьму все это.

Я замираю, тяжело дыша, чувствую его пульсацию внутри меня, мои мышцы принимают каждый толчок.

— Я тоже.

Он быстро перемещается, опрокидывая меня на спину, и снова с легкостью меня заполняет. Кончиками пальцев лениво рисует дорожку на моей разгоряченной щеке, прежде чем завладеть моими губами.

— Хочу тебя в своей постели, — шепчет он мне в губы, кружа бедрами, принимаясь за новую мучительную схему уверенных движений и глубоких толчков. — Прошу, скажи, что я могу забрать тебя домой и обнимать всю ночь.

Его просьба служит спусковым крючком для возникновения вопроса, заставляя меня разорвать поцелуй и сказать:

— Как объятия могут быть твоим сокровенным? — не даю ему времени ответить. Я уже жутко соскучилась по его губам, так что, не теряя времени, прижимаюсь к его губам, языком проскальзываю в его рот, пока он не останавливаясь погружается в меня.

— Это *мое* сокровище только с тобой, — он кусает мою губу и легкими как перышко поцелуями проходит от одного уголка рта к другому. — Просто хочу заобнимать тебя до смерти.

Улыбаюсь ему и почти срываюсь на слезы, когда он в ответ дарит мне одну из своих редких улыбок, а в синих глазах рождается блеск. Он действительно себя реабилитировал, жестокий Миллер давно забыт. Хочу снова почувствовать его губы на своих, но еще я хочу видеть его лицо, когда он улыбается ярче, чем я когда-либо видела.

— Я люблю твою улыбку, — заявляю на выдохе, как раз когда он одаривает меня уверенным толчком, прикасаясь к самому чувствительному месту. — Боже!

— Я улыбаюсь только для тебя, — быстро целует меня в губы и нависает надо мной, опираясь на длинные, сильные руки. — Я люблю твою грудь, — он опускает взгляд и провокационно облизывается.

— Они вовсе не большие, — почти хочу прикрыть руками отсутствие в них пышности, но мои руки живут собственной жизнью, поглаживая его руки.

— Готов поклясться в обратном, — он осторожно выдыхает и закрывает глаза, на губах играет яркая, безошибочная усмешка. Мышцы напрягаются, и я цепляюсь за его крепкие руки.

— О господи, — выдыхаю, чувствуя приближающуюся волну оргазма.

— Ты кончаешь, сладкая девочка?

— Да, — стону, выгибая спину, ногами обхватываю его талию. Жаркая волна давления с дикой силой обрушивается на меня внизу живота.

Опустив голову, он заставляет себя открыть глаза и падает на локти.

— Подари мне свои губы, — с рыком толкается в меня, отступает и снова осторожно собой заполняет. Непосильное наслаждение, которое он мне дает, кружит голову. — Ливи, я прошу всего один раз.

Он опускает ко мне лицо так, что, немножко приподняв голову, я соприкасаюсь с ним языками, начиная осторожное сражение, но когда я начинаю содрогаться в наивысшей точке наслаждения, он сильнее толкается в меня, страстно целуя и испуская громкий стон. Руки сами находят его волосы и зарываются в мокрые пряди, оттягивая их к затылку.

— Я кончаю, — стону. — Миллер. Я кончаю, — начинаю к нему прижиматься в попытке углубить поцелуй, в то время как меня накрывают волны удовольствия, но он мне не позволяет. Он просто отстраняется всего на несколько секунд, прежде чем снова сплести наши губы, молчаливо меня направляя.

Искры удовольствия, кажется, обрушиваются на меня со всех сторон. Не могу дышать сквозь всеобъемлющие ощущения. Кричу. Взрываюсь. Плоть пульсирует, веки становятся тяжелыми, а он продолжает баловать мои губы и неспешно во мне двигаться. Чувствую, как разбитые кусочки меня склеиваются под его обожающей заботой. Мы сможем. Пока мы вместе, будем сражаться с трудностями. Моя решимость никогда не была такой сильной.

— Спасибо, — вздыхаю с улыбкой, позволив рукам упасть за голову.

— Никогда не благодари меня.

Даже в своем экзальтированном состоянии я замечаю, что он во мне все такой же твердый.

— Ты не кончил, — хриплю я.

Он медленно выходит из меня, прокладывает дорожку поцелуев вниз по моему телу, пока не оказывается у меня между ног и сводит меня с ума своими безумными движениями языка на моей подрагивающей плоти, с последующим твердым касанием самого центра. Я извиваюсь под ним, пытаюсь унять пульсацию, и он поднимается вверх по мне, снова проскальзывая языком в мой рот.

— Я боготворю *тебя*, — почти невесомо целует меня в лоб и круговыми движениями поигрывает нашими носами. — Дай мне *мое*.

— Руки не работают.

— Дай мне *мое*, Ливи, — глядя на меня, настороженно поднимает брови, заставляя меня улыбнуться. — Сейчас же.

Совсем даже не сложно выполнить его просьбу. Руками обнимаю его за плечи и тяну к себе.

— Хочу быть в твоей постели, — шепчу ему в волосы, желая уже быть там.

— Значит, будешь, — Миллер перекатывается, утягивая меня за собой, а потом поднимает меня так, что я оказываюсь сидящей на его животе. Тихо меня изучает.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю я.

— Думаю, что никогда в своей жизни не был шокирован, — говорит он, тянется и дразнит мои соски, пока они не сжимаются в горошины, набухают и становятся сверхчувствительными. — Но когда ты бросила на стол те деньги в «Langan's», мне пришлось сдерживаться, чтобы не закашляться вином.

Краснею, пристыженная собственной грубостью, всем сердцем желая, чтобы этого никогда не было.

— Никогда не поступлю так снова.

— Я тоже, — шепчет он, берет меня за руку, поглаживая то место, где ран уже не

видно. — Мне так жаль. Меня пожирало отчаяние...

Вырываю руку и затыкаю его, резко на него опустившись и обрушиваясь на его губы.

— Прощу, не чувствуй больше вину.

— Я ценю твое милосердие, но ты ничего не сможешь сделать, чтобы облегчить мои угрызения.

— Я тебя спровоцировала.

— Это не оправдание, — он садится и перемещает нас к краю постели, ставя меня на ноги. — Я сделаю это для тебя, Оливия Тейлор, — он клянется, вставая и ладонями накрывая мои щеки. — Заставлю тебя забыть того мужчину, — его губы касаются моих, подкрепляя слова, и я согласно киваю. — Он не тот, кем я хочу быть для тебя.

Я позволяю ему себя целовать и раскаиваться, позволяю отчаянно прижимать меня к стене, позволяю касаться себя повсюду.

— Забери меня в свою постель, — прошу, нуждаясь в комфорте и безопасности, которые приносят руки Миллера и его постель — что-то, что я не чувствую стопроцентно в этом номере отеля, где кровать с балдахином — постоянное напоминание об абсолютно другом Миллере.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — выдыхает он, позволяя себе ослабить извиняющийся поцелуй, и неустанно целует меня в губы. — Все, что захочешь. Прощу, постарайся стереть случившееся.

— Тогда забери меня отсюда, — настаиваю я. — Уведи из этого номера.

Он начинает слегка паниковать, отстраняясь, когда осознает, масштаб моего отчаяния в попытке сбежать от воспоминаний. Это приводит в отчаяние и его тоже. Лихорадочно двигаясь, он избавляется от презерватива, одевается с невероятной скоростью, не удосужившись завязать галстук или разгладить на костюме складки. Оставляет рубашку застегнутой только наполовину, застегивает брюки, небрежно напяливает жилетку и пиджак, после чего хватает мое платье и одевает его на меня.

Схватив меня за руку, ведет прочь из холода этой экстравагантной комнаты. Мы спускаемся по лестнице, и через каждые несколько шагов он оборачивается, проверяя меня.

— Я иду слишком быстро? — спрашивает он, продолжая свой уверенный шаг.

— Нет, — отвечаю, ноги болят от попыток не отставать, но я хочу идти быстрее. Ничто не может увести меня из этого места достаточно быстро.

Мы в спешке проходим по роскошному фойе отеля, оба замечаем на себе взгляды состоятельных клиентов, которых смутил наш взъерошенный вид. Меня эти взгляды не заботят, также как и Миллера. Он практически швыряет карту-ключ от номера через стойку девушке на ресепшен. Он стремится убраться отсюда так же отчаянно, как я.

Сейчас расстояние до стоянки кажется милями, хотя она находится прямо за углом. Поездка занимает будто бы часы, на самом же деле всего пару минут. Ступенек до квартиры Миллера будто бы тысячи, хотя в действительности их от силы пара сотен. Как только дверь за нами закрывается, он нетерпеливо стаскивает с меня платье, сбрасывает нижнее белье, поднимает на руки, прижимая к своему небрежно одетому телу, и несет по квартире, ни на секунду не отрываясь от моего рта, только вот направляемся мы не в спальню. Он заносит меня в свою студию и опускает на диванчик, а я сижу, ощущая неловкость и некоторое замешательство от его возрастающего отчаяния, когда он в спешке избавляется от одежды, создавая в небрежную и дорогую кучу на полу. Нависнув надо мной, он полностью мной завладевает, прижимая к потертому диванчику. Лицом приближается к моей шее, вдыхает

запах моих волос, а потом его рот накидывается на мой, ласково дразня языком, Миллер мурлычет и стонет, углубляя поцелуй, абсолютно разрушая всю схему нашего поведения. Это я всегда спешу, а он настаивает на том, чтобы делать все не спеша, теперь я знаю, почему. Но беспокойство сильнее его.

Я пытаюсь замедлить поцелуй, уменьшить напор, но он слепо следует к цели заставить меня забыть. Он не предельно напорист, совсем нет, и все же это не то, чего я хочу или в чем нуждаюсь.

— Притормози, — выдыхаю, отстраняясь от его губ, так что он спускается к моей шее, направляя всю свою силу туда. — Миллер, прошу!

От моей краткой просьбы он выпрямляется, руками цепляясь за волосы. Страх в его глазах больше, чем я могу вынести, именно в этот момент я осознаю, что он будто два абсолютно разных человека — физически и эмоционально. По крайней мере, сейчас, когда в его жизни есть я. Думаю, до меня он был просто мужчиной под маской джентльмена и жестокого любовника — или эскорта.

— Ты в порядке? — спрашиваю, перемещаясь в сидячее положение.

— Прости, — он встает и подходит к огромному окну. Его обнаженная спина на фоне ночного неба кажется почти нереальной. Чувствую безграничную потребность быть к нему ближе, но он потерялся в своих мыслях, и я должна позволить ему все обдумать. Столько времени думала, что это я поврежденная половина этих отношений. Я так ошибалась. Миллер сломлен куда сильнее. Мне известен результат его образа жизни. Я видела, как это повлияло на мою мать и оставило пожизненный след в сердце бабушки. И в моем тоже. Я совершала глупые поступки. Только у Миллера нет семьи, которую бы это затронуло. Есть только он, не важно, как я сформулирую вопрос. И он не движется напрямик в свой личный ад. Но это отрезвляющее заявление только усиливает мою надежду. Миллер слишком много лет провел, делая то, чего делать не хотел.

— Миллер?

Он медленно поворачивается, и мне совсем не нравится то, что я вижу.

Поражение.

Боль.

Тоска.

Он опускает голову:

— Я облажался, Оливия. Мне жаль.

— Ты достаточно извинялся. Перестань говорить, что тебе жаль, — чувствую, как внутри зарождается паника. — Пожалуйста, иди сюда.

— Я не знаю, что буду делать, если ты решишься, но ты действительно должна бежать за милую отсюда, сладкая девочка.

— Нет! — кричу, обеспокоенная тем, что он начал так рассуждать. — Иди сюда, — я намереваюсь уже сама притащить его, когда он возвращается. Он садится на другом конце дивана, слишком далеко. — Не говори больше так, — предупреждаю, опускаюсь на спину, голову пристраивая к нему на колени, так что смотрю на него снизу вверх.

Он опускает голову, чтобы наши взгляды встретились, и поглаживает мои волосы.

— Мне жаль.

— Скажешь это еще раз, — предупреждаю, протягивая руку и касаясь его шеи. Тяну его вниз, вынуждая наклониться, так что мы соприкасаемся лбами. — И я...

— Ты что?

— Без понятия, — сознаюсь я. — Но я что-нибудь сделаю, — я целую его, потому что это единственное, что мне остается. И он мне позволяет. Теперь я задаю осторожный темп, направляя Миллера. Сейчас я сильная сторона. Я. Мне уже неважно, что было до меня. Важно только то, что мы нашли друг друга и наконец друг друга приняли. Это как будто слепой ведет слепого, но сейчас моя решимость не знает границ. Я позволила ему сломать свои стены, и в процессе нечаянно разрушила его. От ощущения его губ я отказаться не готова. Эта связь не ослабнет. Здесь я и должна быть. Не готова больше бороться против этих чувств. У меня есть силы ему помочь. И эти силы дает мне он.

Он резко обрывает наш поцелуй и тяжело дышит, до безумия нежно глядя мои щеки и волосы.

— Ты так меня отругала? — спрашивает он серьезно, едва уловимо целуя мой нос. — Если так, то мне жаль.

— Прекрати.

— Мне жаль.

— Ты ведешь себя глупо.

— Мне жаль.

— Я что-нибудь сделаю, — предупреждаю, несильно потянув его за волосы.

Он убирает мою голову со своих коленей, ложится и передвигает меня так, что я оказываюсь распростертой на нем, наши лица на одном уровне.

— Прощу, сделай, — шепчет он, приближаясь к моим губам и, дразня меня, медленно моргает.

— Хочешь, чтобы я тебя поцеловала? — спрашиваю тихо, оставляя расстояние между нашими ртами минимальным, сдерживаю порыв поддаться искушению и преодолеть это расстояние.

— Мне жаль.

— Не надо.

— Мне жаль, — он сплетает наши губы, и вся моя оборона сходит на нет, соблазну его губ невозможно сопротивляться. — Мне жаль.

Движения языка решительны, но мягкие, плавные и переполнены благоговением. Мы вернулись к моменту, которому принадлежим. В моем мире все снова на своих местах. Все можно простить, только сейчас это гораздо больше, чем прощение. Его правила, те, в которых мне не позволялось касаться его или целовать, канули в Лету. Я чувствую каждую его клеточку, целую так, как будто больше никогда не удостоюсь такой чести. Эти поцелуи любящие, многозначительные и абсолютно крышесносные. Они совершенны.

— Люблю твои наказания, — шепчет он, сдвигаясь и еще теснее прижимая меня к своей груди, продолжая целовать и трогать меня повсюду. — Останься сегодня со мной.

Именно ярываю контакт, губы уже распухли и болят. Его темная щетина всегда такая колючая и жесткая, но такая знакомая и успокаивающая. Ладонью провожу вниз по его щеке и вижу, как приоткрываются его губы, когда провожу по ним подушечкой большого пальца.

— Не хочу оставаться только на одну ночь, — шепчу я. Неохотно блуждая взглядом по его лицу, поднимаюсь до тех пор, пока не встречаюсь с синими озерами понимания.

— Я хочу, чтобы ты осталась навсегда, — отвечает он мягко, подкрепляя свои слова настойчивым поцелуем. — Мне нужно отнести тебя в постель, — он отрывает нас от дивана и поднимает меня, возобновляя свой поцелуй, когда я уютно устраиваюсь на его руках, и

несет меня в спальню.

— Ты хоть понимаешь, что заставляешь меня чувствовать? — он осторожно опускает меня на постель и подталкивает, переворачивая на живот.

— Да, — прячу лицо в подушку, когда он языком начинает медленно, ласково повторять линию моего позвоночника, заканчивая нежным поцелуем между лопаток.

Крепкая головка его возбуждения упирается в мой вход, отчего я несильно приподнимаю бедра, принимая его.

— Спасибо, Боже, ты снова со мной, — он входит в меня, резко втягивая воздух, а потом замирает, пытаюсь совладать с дыханием. Я же, тихо постанывая, кусаю подушку. Твердость его пресса прижимается к моей спине, вдавливая в матрас, я в кулаках сжимаю простыню. — Ты забрала только одну, быстро оправляющуюся часть меня, и ты ее уничтожила, Ливи, — шепчет он хрипло, с легкой ухмылкой на губах.

Почувствовав касание губ за ушком, поворачиваю к нему покрасневшее лицо и вижу темные ресницы, обрамляющие сияющий взгляд синих глаз.

— Я не хочу ничего забирать. Хочу, чтобы ты сам отдал.

Он медленно отстраняется и уверенно толкается в меня, снова и снова, каждый раз выталкивая из нас обоих стоны наслаждения.

— Что ты хочешь, чтоб я тебе отдал?

— Какая часть тебя быстрее всего оправляется? — стону, сквозь мучительно глубокие погружения.

— Мое сердце, Ливи. Мое сердце быстрее всего оправляется. — Он моментально теряет контроль, с рыком толкаясь в меня.

Грудь сдавливает от его признания.

— Дай мне тебя видеть, — извиваюсь под ним. — Пожалуйста, мне очень нужно тебя видеть.

— Черт побери! — ругается он и быстро из меня выходит, позволяя мне перевернуться и схватить его за плечи, прежде чем он снова погружается в меня, двигаясь бесконтрольно. — Ливи! — кричит он, вытягиваясь надо мной на руках. Он замирает, тяжело дыша и пристально в меня всматриваясь. — Я просто цепенею от тебя.

Бедрами подаюсь ему навстречу, заставляя его опустить голову, отчего ему на лоб тут же падают непослушные пряди.

— Я тоже тебя боюсь, — шепчу я. — До ужаса.

Он поднимает взгляд, возобновляя круговые движения бедер.

— Я эмоционально непорочен, Ливи. Ты у меня первая.

— О чем ты говоришь? — спрашиваю тихо.

Он начинает говорить, потом, как будто, лучше всё обдумывает, взглядом блуждая по моему лицу.

— Я влюбился в тебя, Оливия Тейлор, — шепчет он.

Кусаю нижнюю губу, в попытке сдержать слезы. Только это имеет значение.

— Ты меня пленишь, — заявляю я. Просто еще раз убедилась в своих чувствах, ничего не изменилось. Я потеряла так много драгоценного времени, отталкивая Миллера — времени, когда я могла бы ему помогать и сама становиться сильнее.

Он опускается на локти и начинает не спеша двигать бедрами, унося меня в экстаз.

— Пожалуйста, не бросай меня, — шепчет он.

Качаю головой и концентрируюсь на ощущениях его внутри себя, встречая каждое его

движение идеально подходящим покачиванием бедер. Я не знаю, что происходит, но знаю, что мои чувства сильны. И теперь они только окрепли.

— Меня спасла прекрасная сладкая девочка, — шепчет он, глядя на меня. — Она заставляет мое сердце биться быстрее, а ощущения — замедляться.

Закрываю глаза, позволяя ему продолжать, совершенство этого момента врезается мне в душу.

— Я кончаю, — выдыхает он. — Оливия!

Распахиваю глаза, дрожа под ним всем телом. Его темп нарастает, так же, как и мое наслаждение. Наши тела приклеены друг к другу, как и наши глаза, эта связь остается неразрывной, пока нас обоих одновременно не накрывает волна оргазма с такой силой, что мы стонем друг другу в лица. Странное ощущение наполняет меня. Буквально. Внутренности согреваются, даря хорошие чувства. Слишком хорошие.

— Ты не использовал презерватив, — говорю я тихо.

Осознание тенью опускается на его совершенное лицо, делая резкими мягкие черты. Он тщательно все обдумывает несколько секунд, а потом, наконец, заговаривает.

— Полагаю, я не такой уж джентльмен, за которого себя выдавал.

Не стоит мне улыбаться, учитывая всю серьезность ситуации, и все же я улыбаюсь. От необычного для Миллера проявления чувства юмора, пусть даже оно неуместно, становится невозможным сдержаться.

— У тебя плоский юмор.

Он толкается в меня, глубоко и уверенно, его полутвердый член ласкает меня, напоминая о правильности отсутствия его защиты.

— Нет ничего плоского в нашем нынешнем положении.

Я смеюсь. Миллер Харт не перестает меня удивлять.

— Это ужасно!

— А по мне, так чертовски хорошо ощущается, — он озаряет меня мальчишеской улыбкой и наклоняется, покусывая мою щеку. Он прав, ощущения невероятные, но от этого проще не становится.

— Мне нужно будет записаться к врачу, — тянусь к его губам и собираю остатки сил, чтобы крепко его удержать.

— Поедем вместе. Всю ответственность я беру на себя, — отстранившись, он изучает меня пристально. — Даже лучше, чем я себе представлял. Сложно будет вернуться к презервативам.

И тут я кое-что понимаю:

— Ты знал, так ведь? Все это время ты знал.

— Это было слишком хорошо, чтобы остановиться, — он невинно целует мое полное тревоги лицо. — Кроме того, мы сможем попросить доктора подобрать тебе таблетки, раз уж там будем.

— Можем?

— Да, — отвечает он уверенно. — Теперь, когда я обладал тобой без каких-либо преград, я хочу большего.

Мне нечего на это сказать.

— Не возражаешь, если мы поспим на диване в моей студии? — спрашивает он.

— Зачем?

— Там мне спокойно, а еще и с тобой в *моих* объятиях я буду спать чертовски хорошо.

— С удовольствием.

— Хорошо, не то чтобы у тебя был выбор, — он берет меня в охапку и переносит обратно в студию, где осторожно сажает на старый, поношенный диван, после чего устраивается сам и прижимает меня спиной к своей груди. Кладет голову мне на макушку так, что перед нами обоими открывается потрясающий вид. Обволакивающая нас тишина дает мне возможность поразмыслить над вопросами, которые мне по-прежнему необходимо задать.

— Почему ты не позволял мне тебя целовать? — шепчу я.

Спиной чувствую, как он напрягся, и мне это не нравится.

— Я не буду больше отвечать на твои вопросы, Ливи. Не хочу, чтобы ты опять убежала.

Беру его руку и прижимаюсь к ней губами в ласковом поцелуе.

— Я не убегу.

— Обещай мне.

— Обещаю.

— Спасибо, — он тянет меня, помогая перевернуться и устроиться к нему лицом. Хочет зрительный контакт, когда мы будем говорить.

— Поцелуй — это очень личное, — говорит он, притягивая меня к себе и даря долгий, медленный, пьянящий поцелуй, от которого мы оба довольно мурлычем.

— Так же, как и секс.

— Ошибаешься, — он отстраняется и изучает мое сбитое с толку выражение лица. — В сексе личное есть только при наличии чувств.

Я тут же парирую:

— У нас есть чувства.

Он улыбается и совершает искусный *чувственный* жест, покрывая мое лицо влажными поцелуями. Я его не останавливаю. Позволяю ему абсолютно себя поглотить. Тону в его любви, пока он не решает, что мое лицо получило достаточно личного. Знание правил Миллера, запрет на поцелуи и прикосновения, посылает теплое чувство удовлетворения глубоко в самое мое существо, облегчая боль, которая сжимала меня с момента откровения. Он позволяет мне целовать его, прикасаться к нему и чувствовать. Все те женщины лишены чего-то до безобразия приятного.

— Ты не спал с женщинами с тех пор, как мы встретились?

Он качает головой.

— И все же у тебя были, — останавливаюсь, раздумывая над подходящим словом, — заказы?

— Свидания, — поправляет он. — Да, у меня были свидания.

Любопытство Уильяма съедает меня. Ему было интересно, как Миллер умудрялся ходить на свидания, избегая секса с теми женщинами. Если свое любопытство я ненавижу, то любопытство Уильяма я просто презираю.

— Если они платят за лучший трах в своей жизни, как ты умудрялся его избегать?

— Не без сложностей, — он убирает с моего лица волосы. — Я не поклонник пустой болтовни.

— Ты болтал? — спрашиваю шокировано.

— Может и сказал пару слов, уделяя внимание. Большую же часть времени я думал о тебе.

— Ох.

— Мы закончили? — задает он вопрос, чувствуя явный дискомфорт от нашего разговора, хотя я нет. А должна бы. Я должна быть довольна предоставленной им информацией, радоваться, что он мне открылся и просветил меня, радоваться, что там не замешаны чувства. Но я не рада. Я слишком заинтригована.

— Я не понимаю, почему женщины хотят тебя... того, — Господи Боже, если бы те женщины почувствовали то, что я чувствую с Миллером Хартом, если бы их боготворили, они бы, я уверена, вышибали двери, чтоб его получить.

— Я даю им оргазм.

— Женщины платят тысячи за оргазм? — взрываюсь я. — Это... — хочу сказать *пошло*, но потом вспоминаю каждый подаренный Миллером оргазм, и, судя по едва заметной улыбке Миллера, понимаю, что он знает, о чем я думаю. Я продешевила. — Ты заставляешь женщин чувствовать то же, что чувствую я, когда мы в постели?

Он кивает.

— Значит, со мной нет ничего особенного, — говорю обиженно. *Мне* обидно.

— Готов поклясться в обратном, — возражает он, и я уже хочу поспорить, но он закрывает мне рот своими потрясающими губами, лениво лаская языком. Мысли спугались, и я напрочь забываю, что собиралась сказать. — С тобой есть что-то очень особенное, Оливия.

— Что? — спрашиваю, наслаждаясь его вниманием.

— Ты вызываешь во мне те же невероятные чувства, что я, уверен, вызываю в тебе — что-то, что никогда никому не удавалось и никогда не удастся. У меня был секс с женщинами. Но ни одна встреча не заставляла сердце биться так быстро.

— Ты сказал, это было приятно, — напоминаю, оставаясь приклеенной к нему. — Я не получила ни грамма удовольствия, когда ты обладал мной вот так. А ты? — я абсолютно точно помню, что он кончил.

— Я не чувствовал ничего, кроме стыда до, во время и после.

— Почему?

— Потому что, клянусь собственной жизнью, я бы никогда не запачкал тебя своими грязными прикосновениями.

— Тогда почему ты не остановился?

— Какое-то помутнение сознания, — он отстраняется от моих губ и ерзает, чувствуя себя неудобно. — Когда включается эта лампочка, я не вижу ничего, кроме собственной цели.

— Как от такого женщины получают удовлетворение?

— Они меня желают, а я недоступен. Каждый человек хочет то, что получить не может. — он смотрит на меня внимательно, почти опасно.

Ярываю наш зрительный контакт, пытаюсь все это осмыслить, но Миллер прерывает ход моих мыслей:

— Тебе известна статистика женских оргазмов, полученных во время вагинального секса?

Поднимаю глаза:

— Нет.

— Это случается безумно редко. Все женщины, которых я трахаю, кончают, когда я внутри них. Мне даже не приходится стараться. Это делает меня талантливым. И востребованным.

Я зависла в тишине, пораженная его прямой. Он выкладывает все это так, как будто тяжкий груз. Может, так и есть. А еще это изнуряет. Мое бедное невинное сознание сходит с ума и останавливается только на одной маленькой детали. Мой оргазм в номере отеля. Я этого не искала. Меня как будто вырвали из собственного тела. Оно жило собственной жизнью... а потом в потоке мыслей мелькнуло еще кое-что.

— Тебе тогда пришлось мне помочь, — выдыхаю, вспоминая ощущения такой беспомощности и потерянности. — Ты использовал пальцы.

Он хмурится:

— Это делает тебя еще более особенной.

— Я подпортила твою безупречную репутацию.

Он улыбается мне, заставляя тем самым и меня улыбнуться. Это смешно, разделять его веселье, только выбор невелик.

— Высокомерие действительно уродливая эмоция, — шепчет он.

Мои глаза распахиваются:

— Это ты мне говоришь? — усмехаюсь я.

Он пожимает плечами.

— Я могла бы продать историю, — заявляю серьезно и вижу, как его едва заметная улыбка перерастает в редкую, широкую, которую так обожаю. — Самый скандально известный мужской эскорт Лондона раздаривает свое прикосновение, — остаюсь серьезной, наблюдая, как в его глазах продолжают плясать искорки, а губы подрагивают.

— Во сколько мне обойдется твое молчание? — спрашивает он.

Смотрю в потолок и хмурюсь, делая вид, что старательно что-то подсчитываю, хотя на самом деле точно знаю, что собираюсь сказать.

— Пожизненное преклонение.

— Надеюсь, ты подразумеваешь преклонение от меня, — наши губы соприкасаются.

— Исключительно. Ты задолжал мне тысячу фунтов, — бормочу ему в губы, отчего он отстраняется, нахмутив брови. — Я заплатила за товар, который мне не понравился. Хочу назад свои деньги.

— Хочешь получить возврат? — он улыбается секунду, а потом улыбка сходит на нет, и появляется беспокойство. — Я оставил твои деньги на столе.

— Ох, — я поднимаюсь и сажусь на него верхом, совсем не разделяя его озабоченности. Я совсем не хочу тех денег, как и тех тысяч, что остались лежать на том банковском счете, откуда были сняты эти. — Я угостила тебя ужином, — пожимаю плечами.

— Ливи, устрицы и вино не стоят тысячу фунтов.

— Значит, я угостила ужином и оставила очень щедрые чаевые.

Его губы сжимаются в тонкую линию, очевидная попытка сдержать веселье.

— Теперь ты ведешь себя просто глупо.

— А ты ведешь себя нервно.

— Я умоляю, прости!

— Уймись! — падаю ему на грудь и прижимаюсь к нему носом.

Он смеется над моим проигрышем, но крепко меня обнимает:

— Ваша просьба учтена, мисс Тейлор.

Улыбаюсь, чувствуя безмерное счастье:

— Очень хорошо, мистер Харт.

— Нахалка.

— Ты любишь мою дерзость.

Он шумно вздыхает и щекой прижимается к моей макушке.

— Люблю, — шепчет он. — Если ты дерзкая со мной, то люблю это. Большую часть времени.

Его двойное заявление зависает в голове. Я окончательно и бесповоротно люблю Миллера Харта. Он отклеивает меня от своего тела и снова устраивает спиной к своей груди. Головой лежу на его предплечье, беру его руку, и наши пальцы переплетаются в молчаливом послании.

Никогда не отпущу.

— Недоступный, — шепчу я со вздохом.

— Я совершенно доступен для тебя, Оливия Тейлор, — он уверяет меня, делая глубокий вдох, после чего нежно целует в затылок. — Я никогда в своей жизни не занимался любовью, — я едва слышу его слова. — Только с тобой.

Его спокойное признание оседает глубоко во мне, шокируя.

— Почему я? — тихо задаю вопрос, сдерживаясь от того, чтобы развернуться и заглянуть ему в глаза. Мне не стоит воспринимать это как что-то важное, даже если это охренеть как важно.

Он носом зарывается в мои волосы и вдыхает меня.

— Потому что когда я смотрю в эти бездонные сияющие сапфиры, я вижу свободу.

Я расслабляюсь с довольным вздохом. Я и подумать не могла, что смогу оторвать взгляд от потрясающего вида с потрепанного диванчика Миллера. Но когда вслед за его проникновенными словами следует его фирменное мурлыканье, я убеждаюсь в собственной неправоте. Лондон перед глазами медленно исчезает, и ужасающие картинки, которые я так долго безуспешно пыталась выгнать из своей головы, исчезают вместе с ним.

Глава 12

Я медленно просыпаюсь, чувствуя себя довольной и в безопасности, к спине прижимается рельефный пресс Миллера, его руки крепко меня обнимают, лицом он уютно прижимается к моей шее. Улыбаясь, придвигаюсь к нему к нему еще ближе, уничтожая любое пространство между нами, сжимая наши руки на своей талии. Еще рано, восход сквозь окно дарит блеклый свет, мне тепло и уютно, но очень хочется пить. Нестерпимо.

Оторваться от крепких объятий Миллера, кажется, почти невозможно, но я ведь смогу вернуться обратно, как только поплюю. Так что я осторожно встаю, убирая с себя его руки, и сдвигаюсь к самому краю дивана, стараясь не побеспокоить мужчину рядом со мной. А потом я тихонечко стою и наблюдаю за ним какое-то время. Волосы взлохматились, глаза прикрыты темными густыми ресницами, а полные губы слегка приоткрыты. Он словно ангел, очаровательно запутавшийся в одеялах. Мой эмоционально поврежденный, временами джентльмен.

Я могла бы вот так стоять здесь целую вечность, просто смотреть на него, спокойно спящего. Он выглядит умиротворенным. И я чувствую то же самое. Воздух вокруг нас такой спокойный.

С довольным выдохом заставляю себя гольшом выйти в коридор и иду, пока не останавливаюсь перед одной из работ Миллера. Лондонский мост. Наклоняю голову, и, надувшись, размышляю над его восприятием окружающего, после нескольких секунд

пристального взгляда от размытых красок глазам становится больно, но мост теперь отчетливо виден. А потом я хмурюсь, отвожу глаза и снова смотрю на картину, которая теперь представляет собой идеальное месиво масляных красок. Он взял прекрасный вид Лондона и сделал его практически неприглядным — как будто хочет, чтобы люди не смогли разглядеть его настоящую красоту, и в эту секунду в голове вспыхивает вопрос, а что, если Миллер Харт все в своей жизни видит таким искаженным и нечетким? Весь мир для него так испорчен? Опускаю голову, когда еще одна теория резко оказывается в моей голове. *Себя* он видит в такой же испорченной манере? Издалека картины выглядят идеально, но вблизи, под всем этим лоском, становятся очевидными изъяны. Множество цветов — что-то ужасающее и сбивающее с толку. Думаю, он видит себя таким, и думаю, что он делает все возможное, чтобы блекнуть перед людьми. Эта отрезвляющая мысль больно ударяет, но в той же мере и раздражает. Он красив снаружи и внутри. Но я, возможно, единственный человек на планете, кто знает это наверняка.

Резкий звонок заставляет меня подпрыгнуть и вырывает из мрачных мыслей, с силой прижимаю руку к груди, в попытке унять бешеный стук сердца.

— Господи! — ругаюсь, следуя за звуком, пока не оказываюсь у своей сумки в поисках нового телефона. Смотрю на экран и вижу, что сейчас только пять пятнадцать, а Нан уже звонит. — Вот блин! — тут же отвечаю. — Бабуля!

— Оливия, слава Богу, где ты? — судя по голосу, она вне себя, так что мое лицо искажает чувство вины, с примесью легкого страха. — Я встала, чтобы сходить в туалет, и проверила твою комнату. Ты не в постели!

— Ну, очевидно, — вздрагиваю и гольшом опускаюсь на стул, в попытке прикрыться свободной рукой закрываю лицо. Слышу вдох в трубке. И это вдох осознания. Радостный вдох.

— Оливия, милая, ты с Миллером? — знаю, что сейчас она молча вымаливает положительный ответ.

Мои обнаженные плечи достают до ушей:

— Да, — пишу я, морщась еще сильнее. Я должна извиниться, за то, что доставила ей столько беспокойства, но слишком занята ожиданием ее реакции, поэтому кусаю нижнюю губу.

Нан кашляет в явной попытке скрыть радостный писк.

— Понимаю, — ее попытка казаться равнодушной с треском проваливается. — Ну, эм, в таком случае, мм, извини, что отвлекаю тебя. — Она снова кашляет. — Да, я тогда лучше пойду.

— Бабуля, — закатываю глаза, краснея от смущения. — Прости, я должна была позвонить...

— О нет! — она просто оглушает меня своим криком. — Все хорошо. Так невероятно хорошо!

Я знала, что так и будет:

— Я заеду домой переодеться к работе.

— Ладно! — она, должно быть, перебудила всю улицу. — Джордж повезет меня по магазинам с самого утра. Так что, меня, вероятно, не будет.

— Тогда увидимся после работы.

— Ооох, ты будешь с Миллером? Я приготовлю ужин! Биф Веллингтон⁷! Он говорил, что лучше моего в жизни не пробовал!

Я потираю лоб и прислоняюсь к спинке стула. Этого следовало ожидать.

— Может быть, в другой раз.

— Оо, ну моя жизнь не может вращаться вокруг вас двоих, — может и будет. — Узнай, какой день ему подойдет.

— Узнаю. Увидимся позже.

— Да, увидимся, — она кажется обиженной, а ее голос сердитым. Меня в скором времени ждет допрос с пристрастием.

— Пока, — собираюсь положить трубку.

— Ой, Ливи?

— Да?

— Потискай за меня его булки.

— Бабушка! — выдохнув, слышу, как она хихикает, сбрасывая звонок, оставляя меня поражаться ее наглости комментарию. Грязная распутница! Только я собираюсь недовольно бросить телефон на стол, как взгляд привлекает значок конвертика, что говорит входящем сообщении. Я уже знаю, от кого оно. Открываю его, отчаянно желая и этот телефон бросить в стену.

С удовольствием выслушаю рассказ о событиях прошлого вечера. Уильям

Он хочет, чтобы я отчиталась? Скажусь на телефон, а потом швыряю его на стол. Не скажу ему ничего, не важно, насколько настойчивым будет требование. Так же, как не позволю ему себя отговаривать. Или *удержать* от этого. Никогда. Решительно и уверенно, я поднимаюсь, горя желанием вернуться к Миллеру. Спешу к шкафчику, хватаю стакан и наполняю его из крана, не готовая задерживаться дольше и искать минеральную воду. Выпиваю все залпом, осторожно ставлю стакан в посудомоечную машину, а потом возвращаюсь в студию к Миллеру и неожиданно застываю при виде моего небрежно валяющегося на полу платья. Или *все еще* валяющегося на полу. Он не поднял его, не сложил аккуратно и не убрал в нижний ящик комода? Хмурюсь, глядя на мятое платье, поднимаю его, не в силах сдержаться и, встряхнув, складываю. Задумчиво стою несколько минут, прежде чем понимаю, что я в студии пялюсь на его повсюду разбросанные вещи. Знаю, что в пространстве его студии всегда царит бардак, но его костюм не должен быть здесь на полу. Все это неправильно.

В спешке собираю его одежду, удерживая локтем, а потом бегу в его комнату, по дороге изо всех сил стараясь все разгладить и свернуть. Подхожу к его гардеробу, удостоверяясь, чтобы все было на своих местах — костюм, брюки и жилетка на вешалках, рубашка, носки и боксеры в корзине для белья, галстук на стеллаже с галстуками. А потом убираю свое платье и туфли в нижний ящик комода в его спальне. Собираюсь уже уходить, когда замечаю, что постель тоже в жутком беспорядке, так что добрых десять минут провожу в борьбе с простынями, пытаюсь привести постель в ее первоначальное совершенное состояние. Он проспал всю ночь без мучающих его мыслей или снов относительно ненадлежащего порядка. Я не хочу, чтобы он впал в панику, все это исправляя. Тихонько крадусь обратно в студию, забираюсь под одеяла, осторожно устраиваюсь так, чтобы его не побеспокоить... и визжу, когда Миллер хватается за талию и перетаскивает прямо на себя. Нет ни секунды, чтобы сориентироваться. Он поднимает меня и несет в спальню, кидает на постель, несколько не заботясь о том, что я только что привела ее в идеальное состояние. Ну, или *не совсем*

идеальное по стандартам Миллера.

— Миллер! — он нависает надо мной, крепко держа за запястья, я абсолютно дезориентирована, нос щекочут его темные пряди. — Ты что творишь? — я слишком шокирована нехарактерным ему поведением, чтобы смеяться.

— Задержи эту мысль, — шепчет он мне в шею, раздвигая мои ноги и устраиваясь между ними. Кожу на шее вдруг обдает жаром и влагой, тому виной его язык. — Как себя чувствуешь с утра? — он кусает и посасывает кожу вдоль горла, отчего я немеваю, прижимаясь к его бедрам.

— Идеально, — отвечаю тихо, потому что так и есть. Руки сами находят его плечи и сильно сжимают их, пока он, кажется, вечность боготворит мою шею. Не хочу идти на работу. Хочу поступить так, как однажды предлагал Миллер: запереть дверь и остаться с ним здесь навсегда. Он в исключительно хорошем расположении духа, резкого мужчины нет в поле зрения. Я именно там, где должна быть, и Миллер тоже, телом и душой.

Перед глазами появляется его лицо, и от этого взгляда, пока он несколько секунд пристально изучает меня, еще глубже тону в спокойной безмятежности.

— Я рад, что ты здесь, — он быстро целует меня в губы. — Рад, что нашел тебя, рад, что ты моя привычка, и рад, что мы бесповоротно друг другом очарованы.

— Я тоже, — шепчу.

В его глазах виден блеск, губы дергаются в улыбке, и эта очаровательная ямочка вот-вот появится.

— Это хорошо, потому что у тебя, на самом деле, нет выбора.

— Я не хочу выбирать.

— Тогда это бесполезный разговор, согласна?

— Да, — отвечаю, решительно кивая, отчего губы Миллера еще больше расползаются в улыбке. Я хочу увидеть эту полную, красивую улыбку и ямочку, так что медленно провожу ладонями вниз по его спине, ощущая каждую его клеточку, а он смотрит на меня с интересом до тех пор, пока не дотягиваюсь до его прелестной задницы. Его брови с любопытством взлетают, я же проделываю то же самое.

— Что ты задумала? — спрашивает он, демонстративно сдерживаясь от еще более яркой улыбки.

Надуваю губки, едва заметно пожимая плечами.

— Ничего.

— Готов поклясться в обратном.

С крошечной улыбкой, ногтями впиваюсь в его упругую задницу. Он хмурится.

— Это от бабули.

— Прости? — он давится кашлем, поднимаясь на руках.

Теперь уже я открыто улыбаюсь:

— Она велела потискать твои булки, — снова вонзаю ногти, и Миллер прыскает со смеху. По-настоящему. Ямочка на щеке выразительная, моя улыбка тут же гаснет, когда я вижу его опущенную голову и подрагивающие плечи. Знаю, что хотела увидеть улыбку, но не была готова к такому. Не знаю, как себя вести. Он разбит, и с отсутствием моей естественной реакции мне не остается ничего другого, кроме как лежать тут, пойманной под его подрагивающим телом, и ждать, пока он успокоится. Но он даже близко не становится серьезным.

— Все в порядке? — спрашиваю, все еще пребывая в шоке, по-прежнему хмурясь.

— Оливия Тейлор, твоя бабушка настоящее сокровище, — усмехается он, прижимаясь ко мне губами. — Золотое сокровище в восемнадцать карат.

— Заноза в королевской заднице, вот кто она.

— Не говори так о близких, — он возвращается к уже знакомому бесстрастному выражению лица, весь смех и радость исчезли, как будто их никогда и не было. Резкая перемена в его настроении дает мне понять, насколько бесчувственно прозвучали мои слова. У Миллера никого нет. Ни души.

— Прости, — под его осуждающим взглядом чувствую себя эгоистичной и виноватой. — Я не подумала.

— Она особенная, Оливия.

— Я знаю, — тихо возражаю. Я просто пошутила, хотя стоило подумать сначала, учитывая, что Миллер далеко не шутник. — Я не имела это в виду.

Он уходит в мысли, взгляд синих глаз блуждает по моему лицу, после чего снова останавливается на моих глазах. Смягчается.

— Я слишком остро отреагировал. Извини.

— Нет, в этом нет необходимости, — со вздохом качаю головой, теряясь в синеве его глаз. — У тебя есть кто-то, Миллер.

— Кто-то? — он хмурит красивые брови.

— Да, — начинаю я с энтузиазмом. — Я.

— Ты?

— Я твой кто-то. У каждого человека есть кто-то. Я твой кто-то, так же, как ты мой.

— Ты мой кто-то?

— Да, — резко киваю, наблюдая за тем, как он обдумывает мое заявление.

— И я твой кто-то?

— Верно, — он согласно кивает головой. — Оливия Тейлор — мой кто-то?

Пожимаю плечами:

— Или привычка.

Он мгновенно прекращает кивать, и я с удовольствием замечаю, как возвращается его улыбка:

— И то, и другое?

— Конечно, — соглашаюсь я. Я буду всем, что он захочет.

— У тебя нет выбора, — незаметная улыбка превращается в открытую, практически ослепляя меня.

— Я его и не хочу.

— Тогда это...

— Беспольный спор, да, я согласна, — тяну его обратно к себе, ногами обвивая его талию, руками плечи. А потом что-то в этом моменте заставляет меня произнести вслух и четко — без всяких кодовых слов или действий. — Я люблю твои кости, Миллер Харт.

Он прекращает целовать мою шею и отстраняется, чтобы взглянуть на меня. Собираюсь с силами, для чего, я не знаю. Он в курсе, что я чувствую. Он раздумывает секунду, прежде чем сделать вдох.

— Возьму на себя смелость обоснованно предположить, ты хочешь сказать, что любишь меня до мозга костей.

— Верно, — смеюсь, прижимаясь к его губам, когда он наклоняется, возвращаясь к моей шее.

— Отлично, — он целует меня неустанно, прокладывая дорожку вверх по моей скуле, затем щеке, прямо к губам. — Я тоже до глубины души тобой очарован.

Я не буду возмущаться. Это все, что мне нужно. Таков его способ. Это Миллер Харт, эмоционально закрытый псевдо джентльмен, выражающий свои чувства словами — забавными словами, но я их понимаю. Понимаю его.

Позволяю ему целовать себя, колючей щетине царапать лицо, и я наслаждаюсь каждой секундой, недовольно зарычав, когда он отстраняется.

— Я сегодня собираюсь в тренажерный зал перед работой, — он поднимается на колени и усаживает меня к себе. — Хочешь пойти?

— Ох? — не уверена, что сейчас мне это нужно. Вся моя злость и стресс исчезли, благодаря Миллеру и его фокусам с преклонением. До смерти забивать грушу с песком больше нет необходимости. — У меня нет членства ни в одном из залов, — вру, полагая, что также мне нет необходимости видеть Миллера, до смерти забивающего грушу с песком. Сцены из тренажерного зала и перед входом в «Исе» не относятся к числу тех, что я хотела бы освежить в своей памяти.

— Ты будешь моей гостьей, — он быстро целует меня и поднимает с постели. — Одевайся.

— Мне нужен душ, — говорю, глядя, как его спина исчезает за дверью гардероба. Запах секса острый, и он окутывает меня всю. — Это займет две минуты, — направляюсь к его ванной, но вздыхаю, когда он меня хватает и отрывает от пола.

— Ошибка, — говорит он безапелляционно, на руках перетаскивая меня обратно к постели. — Нет времени.

— Но я вся... липкая, — говорю с досадой, когда он ставит меня на ноги, и вижу Миллера полуодетым, только в своих шортах, а его обнаженный торс для меня как красная тряпка для быка. Не могу отвести от него свой взгляд, пока он становится ближе и ближе, пока я почти не касаюсь его носом.

— Оливия, прием, Земля на связи, — его бархатистый голос выводит меня из транса, я отступаю и поднимаю глаза, чтобы увидеть его самодовольную улыбку.

Улыбаюсь в ответ:

— Господь был чрезмерно внимателен, когда тебя создавал.

Его брови взлетают, а улыбка становится шире:

— И он создал *тебя* для меня.

— Верно.

— Рад, что мы это выяснили, — кивком головы он указывает на кровать. — Хочешь помочь мне заправить постель?

— Нет! — восклицаю, не раздумывая, ведь и так слишком много энергии потратила впустую, сражаясь с его любимой кроватью, и вспоминая последний раз, когда я создала из нее шедевр. Он едва мог сдерживать свое желание сорвать простыни и все переделать. Что, в конце концов, и сделал. — Сам заправляй, — только он сможет сделать все правильно, так что для меня это будет абсолютно пустой тратой времени.

— Как пожелаешь, — говорит он, согласно кивая. — Одевайся.

Не спорю, оставляя Миллера заправлять постель, сама же достаю свою одежду из нижнего ящика комода.

— У меня нет одежды для тренировок.

— Я завезу тебя домой, — Искусно расправляет одеяло, и то ложится чертовски

идеально, но он не останавливается, подтягивая и расправляя уголки. — А потом я отвезу тебя на работу. Во сколько ты должна там быть?

— В девять.

— Превосходно. У нас три с половиной часа, — он раскладывает подушки, делает шаг назад, оценивая свою работу, после чего оборачивается ко мне и видит, что я за ним наблюдаю. — Пошевеливайся.

Улыбаясь, натягиваю свое платье и обуваю туфли.

— Зубы? — я могу обойтись без душа, раз уж он настаивает, но мне необходимо освежить рот.

— Почистим вместе, — он вытягивает руку, предлагая мне идти перед ним, что я и делаю с улыбкой на лице. Он все еще напряжен, но вокруг него витает спокойствие, и мне известно, что источником этой гармонии являюсь я.

Глава 13

Спортивно-оздоровительный центр переполнен. Найдя свободное местечко на одной из скамеек в женской раздевалке, я поспешно переодеваюсь в спортивную одежду, сумку вешаю в шкафчик, после чего сбегая из помещения, переполненного утренней радостной болтовней, и выхожу в коридор, уже чувствуя себя уставшей. Бегло осматриваю коридор, но не вижу Миллера, так что направляюсь в конец коридора, где, как я помню, должен быть тренажерный зал. Я прохожу мимо многочисленных стеклянных дверей, занятия там в самом разгаре. Остановившись перед последней дверью, вижу, как десятки женщин скачут напротив огромного зеркала, каждая из них выглядит невероятно подтянутой и красивой, и, несмотря на нагрузку, все с идеальным выражением лица. Поднимаю руку и дотрагиваюсь до небрежно закрученного пучка на голове, собственное лицо в отражении привлекает мое внимание. Ни грамма макияжа, не то чтобы я всегда так выгляжу. Такое чувство, будто даже тренажерный зал не является уважительной причиной для сдержанного внешнего вида.

— Оу! — выдыхаю, у самого уха чувствуя горячие губы.

— Не туда, — шепчет *он*, рукой обвивает мою талию и отрывает от пола. — Нам в этот зал. — Он без вопросов несет меня в том направлении, откуда я только что пришла, и заходит в тот самый зал, где я тайно за ним наблюдала. Дверь за нами закрывается, а Миллер продолжает прижимать меня спиной к своему торсу, и вскоре он разворачивает меня, прижимая к себе. Моя первая реакция, когда я вижу, что он надел футболку, это негодование, а потом оно улетучивается, когда Миллер накидывается на мой рот, ослепляя меня невероятно искусными движениями своих губ. Это своего рода пытка.

— Ты мог держать меня в своей постели и целовать, — бормочу, чувствуя напротив своих губ его улыбку. Все эти его улыбки и расслабленное состояние, особенно вне постели, выводят меня из равновесия. Я люблю их, но это так ново.

— Я могу целовать тебя, где мне заблагорассудится, — он позволяет мне сползти по двери и отходит на шаг, оставляя меня раздосадованной неожиданным расстоянием между нами.

Так что я уничтожаю его, обнимаю его талию, носом зарываясь в ткань его футболки.

— Давай просто получим *свое*.

— Мы здесь, чтобы хорошенько поработать, — он говорит с толикой веселья в голосе, сжимает мои запястья у себя за спиной и отрывает меня от себя.

— Так много всего я могла бы сказать на это, — рычу я.

— Моя сладкая девочка выпускает свои дерзкие коготки? — его брови изгибаются, он хватается за край своей футболки и медленно начинает тянуть ее вверх по своей фигуре, один за другим обнажая свои кубики, пока я не слепну от восхищения.

— Ты как ребенок, — обвиняю его, слегка прищурив глаза. — Зачем тебе это?

— Что?

— Это, — машу рукой вверх и вниз, очерчивая контуры его торса, его непослушная прядка падает на лоб. — Надень обратно свою футболку.

— Но мне будет жарко.

— Я не смогу сосредоточиться, Миллер, — потребность поколотить грушу с песком очень быстро вернулась, но это раздражение уже другого рода. Мой педантичный, заикленный Миллер Харт ведет свою игру, и пусть очень мило видеть его таким расслабленным, тактика раздражает меня до чертиков.

— Не повезло, — он складывает футболку и аккуратно убирает ее в сторону, а потом, беря меня за руку, подводит к огромному мату, над которым качается набитая песком груша, подвешенная к металлической балке. — С твоей концентрацией все будет в порядке, доверься мне. — Глядя вниз на мои ноги, он хмурится. — Что ты обула?

Следую за его взглядом и шевелю пальцами в конверсах, замечая, что сам он босиком. Даже его ноги и пальцы на ногах совершенны.

— Обувь.

— Снимай, — командует он, окончательно выходя из себя.

— Зачем?

— Ты будешь босиком. Эти шутки не помогут, — он одаривает их взглядом, полным отвращения и повторяет свой приказ. — Снимай.

Начинаю шипеть себе под нос, скидывая их, так что теперь я стою босая, с Миллером на пару.

— Ты не наденешь свою футболку? — босые ноги, голый торс. Это будет пыткой.

— Нет, — он отходит к скамейке, вытаскивает из кармана свой айфон, а потом наклоняется, бросая его на сиденье. Целая вечность проходит, прежде чем он заявляет: «Идеально». Просторный зал заполняют звуки «Rabbit Heart» в исполнении Florence + The Machine.

Удивленно наклоняю голову, когда Миллер с решительным выражением лица возвращается ко мне, и я позволяю ему поставить меня туда, куда он хочет. Мысленно ругаю его идеальный зад и стараюсь не давать своим глазам слишком много пялиться. Невозможно.

— Что ты делаешь? — спрашиваю, когда вижу, как он, взяв длинную бинтовую ткань, разглаживает ее между пальцами и так же аккуратно ее складывает.

— Спарринг, — он берет мою руку и начинает осторожно ее бинтовать, пока я, хмурясь, смотрю в его сосредоточенное лицо. — Ты нападаешь.

— Что? — в ужасе быстро выдергиваю руку. — Я не хочу бить тебя.

— Нет, хочешь, — он почти смеется, снова беря мою руку и продолжая ее бинтовать.

— Нет, не хочу, — утверждаю, и мне совсем не смешно. — Я не хочу делать тебе больно.

— Ты не можешь сделать мне больно, Оливия, — он отпускает мою руку и берет вторую. — Нет, ты можешь, но только не кулаками.

— О чем ты?

— Я о том, — он вздыхает, как будто мне уже должно быть это известно, и не отрывается от своего занятия. — Что физическую боль ты можешь причинить только моему сердцу.

Мое замешательство тут же перерастает в удовлетворение.

— Но оно очень быстро оправляется.

— Только не та его часть, где есть ты, — он бросает на меня мимолетный взгляд синих глаз. — Но ты уже знаешь об этом, так ведь?

Прячу довольную улыбку, сгибая забинтованные руки в кулаки:

— У меня жесткий удар, — напоминаю ему, правильно это или нет. Мне не особо нравятся напоминовения о той ночи, но его самоуверенность просто бесит. Я неплохо поколотила грушу в тот раз. Хорошенько тогда поработала, и сейчас просто руки чешутся, как хочу доказать это.

— Согласен, — говорит он с тенью сарказма, снимает с крючка перчатки и надевает их мне на руки.

— Для чего перебинтовывать под перчатки?

— По большей части, для поддержки, ну и чтобы не разбить костяшки пальцев.

Жар подступает к моим щекам, я и правда любитель.

— Ладно.

— Готово, — он кулаками ударяет по верхней части перчаток, так что мои руки резко опускаются. — Сопротивление, Оливия.

— Ты отвлек меня!

— Всегда будь начеку. Это правило номер один.

— Я *всегда* начеку там, где твои руки.

Он ударяет по верхней части перчаток снова, толкая их вниз... снова. А потом он усмехается:

— В самом деле?

— Принято, — бормочу, безуспешно пытаюсь убрать с лица выбившуюся прядь волос: ничего не выходит.

— Вот. Давай я.

Позволяю ему заправить непослушные волосы мне за ухо, изо всех сил сопротивляясь желанию щекой прижаться к его ладони... или посмотреть на его пресс... или вдохнуть его аромат... или...

— Продолжим? — отталкиваю его, руки в перчатках прижимаю к подбородку, я готова бороться.

— Как пожелаешь, — он самоуверен.

— Так ты хочешь, чтобы я тебе врезала?

— Имеешь в виду, ударила?

— Вырубила.

Его лицо светится весельем.

— Ты меня не вырубишь меня, Оливия.

— Могла бы, — теперь я говорю самоуверенно, в глубине души понимаю, что пожалею об этом.

— Люблю твою дерзость, — произносит он, качая головой. — Используй свой лучший удар.

— Как пожелаешь, — быстро заносу руку назад и выбрасываю ее вперед, целясь точно ему в челюсть, но он бесшумно отклоняется, отчего сила удара уносит меня вперед. Прежде чем я понимаю, что происходит, я уже прижимаюсь спиной к его груди.

— Хорошая попытка, сладкая девочка, — он кусает меня за мочку уха и пахом трется о мою поясницу, с моих губ срывается вздох — смесь удивления и желания. Прижимаюсь к нему, абсолютно дезориентированная, а потом разворачиваюсь, вырываясь из его уверенной хватки. — В следующий раз повезет.

От его наглого поведения меня переполняет раздражение, и я снова нападаю, надеюсь застать его врасплох, и... терплю неудачу.

— Ой! — кричу, поняв, что прижата к его крепкому торсу, его пах толкается в меня, а щека касается моей щеки.

— Милая, — его дыхание щекочет мне ухо, я зажмуриваюсь, ища остатки самообладания, которое мне необходимо для того, чтобы с ним сразиться. — Тобой управляет отчаяние. Плохой стимул.

Стимул?

— О чем ты? — выдыхаю я.

Отпуская, он возвращает меня на исходную позицию и подносит мои кулаки к моему лицу.

— Отчаяние заставит тебя потерять контроль. Всегда сохраняй контроль.

От его заявления мои глаза распахиваются. Не помню, чтобы видела хоть толику контроля, пока свистели кулаки Миллера. Подвергаюсь мимолетному взгляду, который омрачил его лицо: он тоже только что об этом подумал.

— Ты не помогаешь, — говорит он тихо, вытягивая руки по сторонам. — Еще раз.

Обдумывая его слова, я пытаюсь подумать о чем-то спокойном и призвать внутренний контроль, но он очень глубоко и, прежде чем успеваю найти его, руки сами импульсивно летят вперед, добиваясь не более чем паники, физической и эмоциональной.

— Проклятье! — ругаюсь, подталкивая назад свою пятую точку, когда чувствую, как он бедрами снова ко мне прижимается. В этом тоже нет ничего подконтрольного, тело само реагирует на контакт с ним. — Я смогу это сделать! — кричу, злясь, вырываюсь из его рук прежде, чем поддамся искушению и развернусь, срывая с него шорты. — Дай мне минутку. — Сделав несколько глубоких успокаивающих вдохов, поднимаю кулаки к лицу и смотрю Миллеру в глаза. Он смотрит на меня задумчиво. — Что? — спрашиваю резко.

— Просто думаю, как мило ты смотришься в боксерских перчатках, вся потная и озлобленная.

— Я не злюсь.

— Готов поклясться в обратном, — он невозмутим, ноги на ширине плеч. — По твоей команде.

Его спокойствие только подогревает мое раздражение.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю, понимая, что мне нужно выплеснуть это сдерживаемое отчаяние и злость прежде, чем взорвусь. Одинокое посещение зала приносило гораздо больше удовлетворения, даже если рядом не было крепкого тела Миллера, чтобы сконцентрироваться.

— Я уже говорил, что мне нравится видеть, как ты из-за меня раздражаешься.

— Ты всегда меня раздражаешь, — бормочу, выбрасывая руку и, в который раз, заканчиваю тем, что ощущаю разгоряченное тело Миллера. — Проклятье!

— Отчаялась, Оливия? — шепчет он, языком проводя вдоль моего уха. Мои глаза закрыты, дыхание замедляется до резких вдохов, что никак не помогает снять напряжение. Его зубы несильно прикусывает мочку моего уха, и искры желания взрываются внизу живота, заставляя меня сжимать бедра.

— Какой в этом смысл? — выдыхаю.

— Ты моя, а я дорожу тем, что принадлежит мне. В том числе, я делаю все возможное, чтобы защитить свое.

Слова довольно безличны, но их произнес мой эмоционально разрушенный мужчина, и хотя это странный способ выражать свои чувства, я принимаю этот *его* способ.

— Тебе это помогает? — я обретаю способность задать вопрос в своем лихорадочном состоянии, которое быстро разбавляется тревогой. У него есть обозленные недоброжелатели.

— Чрезвычайно, — подтверждает он, но не объясняет, вместо этого, обостряя мою дрожь, поднимает меня и несет к стене. Я хмурюсь, но не потому, что хотела бы получить объяснения, хоть он подтвердил мои подозрения, а потому, что смотрю на разноцветные наросты, хаотично разбросанные по поверхности стены — начиная снизу и уходя под самый потолок.

— Для чего они? — спрашиваю, когда он толкает меня к той части стены, где нет этих странных глыб.

— Это, — он тянется ко мне, берет за руки, снимает перчатки и медленно распутывает бинты, — скалодром. Держись, — Миллер кладет мои руки на два выступа. Цепляюсь крепко, а потом выдыхаю, когда он, взяв меня за бедра, делает шаг назад. — Удобно?

Я не могу говорить. Весь затаенный, полученный от тренировки стресс разжигает во мне чувство предвкушения. Так что я просто киваю.

— Вежливо отвечать тому, кто задал тебе вопрос, Ливи. Ты ведь знаешь, — он отодвигает в сторону мои шорты, вместе с трусиками.

— Миллер, — выдыхаю, слегка взволнованная нашим местоположением, чувствую, как его пальцы скользят вдоль внутренней стороны бедер. — Мы не можем, не здесь.

— Этот зал забронирован мною ежедневно с шести до восьми. Никто нас не побеспокоит.

— Но стекло...

— Нас не видно, — он проталкивает в меня палец, и я на срывающемся вдохе лбом прижимаюсь к стене. — Я задал тебе вопрос.

— Мне удобно, — отвечаю я неохотно. Мне удобно в таком положении, но не в таком месте.

— Готов поклясться в обратном, — он погружает палец глубоко в меня, отчего мы оба стонем. — Ты напряжена.

Толчок.

— Боже.

— Расслабься, — он осторожно скользит в меня, на этот раз уже двумя пальцами, и его ласковые движения забирают мою скованность, смягчая каждую клеточку тела. — Лучше.

Это и *есть* лучше. Непрекращающиеся движения его пальцев во мне толкают меня в состояние восторга, в голове уже нет беспокойства относительно нашего местоположения. Слишком сильно меня переполняет желание. Меня накрывает мелкая дрожь. Я... я... я...

— Миллер!

— Шшш, — шепчет он ласково и убирает пальцы, осторожно, но крепко удерживая меня за бедра. Эта пустота приводит меня к безумию, и я, освободив одну руку, ударяю стену.

— Нет, прошу!

— Я ведь говорил, что доведу тебя до безумия от желания в наших рутинных занятиях?

— Да!

— И довел?

— Да!

— И ты знаешь, что мне это нравится, так?

— Черт побери! Да!

Он утвердительно рычит и проводит головкой по моей плоти. А потом с долгим шипением входит в меня.

— Ооо, — тело плавится, и мне нужно, чтобы Миллер меня держал.

— Держись, — выдыхает он, обвивая рукой мою талию и поддерживая обмякшее тело. Голова безвольно опускается. — Мы, кажется, сбились с курса, — он толкается в меня бедрами. Чем глубже он входит, тем больше я хочу, пока он не прижимается ко мне и не замирает. В своей темноте я ничего не вижу, но потеря одного из чувств не проходит бесследно. Я чувствую его запах, слышу его рваное дыхание, чувствую его, а когда его рука движется по мне, останавливаясь на моих губах, я еще могу и лизнуть его, пробуя на вкус. — Хочешь, чтобы я двигался? — его голос звучит дико, переполненный горячим желанием.

Мой рот занят, исследуя его пальцы, так что я нахожу в себе силы прочно встать на ноги и попой толкаюсь к его бедрам. Он делает резкий вдох. Кусаю его за палец.

— Оливия? — он хочет получить ответ.

Ослабляю укус и с трудом произношу:

— Двигайся. Прошу, двигайся.

— Боже, — его рука на моих волосах, он оттягивает мой хвост, прежде чем пропустить локоны сквозь сильные пальцы, позволяя им свободно струиться. А потом его ладонь накрывает мою шею и тянет до тех пор, пока я затылком не прижимаюсь к его плечу. Приоткрываю губы и крепко зажмуриваю глаза, лицо направлено в потолок. Он все еще не двигается, а мое тело уже непрерывно содрогается от лавины всеобъемлющих ощущений, сходя с ума от наслаждения, когда он начинает входить в меня. Я уже балансирую на грани, а твердый, уверенный член Миллера вызывает спазм внутренних мышц. Тяжелое дыхание заполняет мои уши.

— Я так счастлив, что ты моя кто-то, Оливия Тейлор.

— А я счастлива быть твоей привычкой, — бормочу, легко найдя слова среди тумана в голове.

— Рад, что мы это выяснили, — он опускает лицо в изгиб моей шеи и начинает плавно двигать бедрами, с удовлетворенным вздохом высасывая из моих легких весь воздух.

Улыбаюсь сквозь переполняющее меня наслаждение и чувствую, как он улыбается мне в шею, ласково целуя и продолжая двигаться во мне, ладонью удерживая мою шею.

— Божественна на вкус, — шепчет он резко.

— Божественен на *ощущения*.

— Ты сжимаешь меня, сладкая девочка.

— Я уже близко, — чувствую, как обостряются все мои ощущения — напряженность, пульсация, тяжесть. — Боже!

— Шшш, Ливи, — успокаивает он, его бедра как будто живут собственной жизнью, делая резкие движения, прежде чем он зубами впивается мне в шею и глубоко вдыхает. Замирает.

У меня на лбу выступают капельки пота. Жар от губ Миллера на коже разливается по моему покрытому испариной телу, обжигая самое естество.

— Насколько? — задыхаясь, произносит он. — Насколько ты близко, Ливи?

— Близко!

Его бедра, кажется, начинают вибрировать, явный признак того, что он пытается сдерживать желание и дальше резко входить в меня.

— Блин! — стону, когда он толкается в меня быстро, но осторожно, костяшки моих пальцев побелели от отчаянной хватки. Он снова отодвигается, прежде чем осторожно толкнуться. В легких не осталось воздуха, а частота сердцебиения приближается к опасной. Я чувствую слабость. — Миллер, — задыхаюсь, руками упираясь в стену. Я дрожу, не в силах себя контролировать, от такой степени наслаждения мысли плавают. Я не знаю, что сделать, чтобы совладать с этим. Ничто не меняется, и я надеюсь, не изменится. — Миллер, прошу, пожалуйста, пожалуйста, — я уже готова сорваться с края, но он сдерживает меня, мучая. Он абсолютно точно знает, что делает.

— Проси, — рычит он, мучая меня еще одним резким толчком. — Умоляй об этом.

— Ты специально это делаешь! — кричу, двигаясь навстречу ему в попытке поймать его давление и дать волю взрыву, и получаю дикий рык Миллера и собственный шокированный вскрик. Поворачиваю к нему лицо, а он поглощает меня, и этот наш поцелуй приближает надвигающийся оргазм.

— Умоляй, — повторяет он мне в рот. — Умоляй меня посвятить тебе остаток жизни, Оливия. Дай мне увидеть, что ты хочешь *нас* так же сильно, как хочу я.

— Хочу.

— Умоляй, — он прикусывает мою губу и позволяет ей осторожно проскользнуть сквозь зубы, прежде чем его синие глаза впиваются в меня, прожигая душу. — Не отвергай меня.

— Прошу тебя, — взглядом удерживаю его взгляд, впитывая потребность, что плещется в его глазах. Потребность во мне. Это обнадеживает. Мы отчаянно нуждаемся друг в друге.

— И я прошу тебя, — движения его бедер возобновляются, напоминая мне о моем ранее взрывоопасном состоянии. Он целует меня в губы, находя в свой ритм, погружаясь глубоко в меня и неспешно отодвигаясь, парализуя меня своим первоклассным преклонением. — Умоляю тебя любить меня вечно.

Прижимаюсь лицом в изгиб его шеи и вдыхаю.

— Тебе не нужно меня умолять, — шепчу я. — Для меня нет ничего более естественного, чем любить тебя, Миллер Харт.

— Спасибо.

— Теперь ты можешь прекратить сводить меня с ума? — мой оргазм все еще в заточении. И он вопит об освобождении.

— Боже, да, — Миллер решительно толкается в меня и замирает глубоко внутри, крутя бедрами. Я с криком кончаю, и невероятной силы давление высвобождается из меня, от чего я плавлюсь и становлюсь беспомощной в его руках. — Блять, блять, блять!

— Не отпускай меня! — я вся дрожу, мотая головой.

— Никогда.

— Ох... — выдыхаю, эти ощущения как будто никогда не ослабнут, так что я прислоняюсь к нему. Мой мир составляет дымка неясных звуков и размытых образов, когда я после столь сильного оргазма пытаюсь совладать с собой. Я не чувствую ни ног, ни рук, только легкий укус Миллера за щеку и его пульсацию внутри себя. В голове мелькают кадры — яркие вспышки, на всех я и Миллер, некоторые из прошлого, другие из недавнего настоящего, а на некоторых мы в будущем. Я нашла своего кого-то — кого-то поврежденного, кого-то, кто выражает свои эмоции весьма необычным способом и держит себя под таким контролем, что это порой пугает. Но он *мой* кто-то поврежденный. Я его понимаю. Знаю, как помочь ему расслабиться, как с ним совладать, и самое важное, я знаю, как его любить. Несмотря на свое намерение всю жизнь отвергать возможность чувствовать и заботиться о ком-то, он позволил мне пробиться сквозь его напускную резкость и холодность, — помог мне в этом, в какой-то мере — и я позволила ему сделать со мной тоже самое. То, как я чувствую себя сейчас, защищенной, желанной, любимой, стоило каждой крупинки той боли, что нам довелось испытать. Он принимает меня и мое прошлое. Мы как небо и земля, но при этом идеально друг другу подходим. Издалека он красив и так же красив вблизи. А за всей его внешней красотой скрывается красота еще большая. Она уходит внутрь, и чем глубже я заглядываю, тем большую красоту вижу. Я единственный человек, кто это видит, и это лишь потому, что Миллер позволяет увидеть это только мне. Только мне. Он мой. Целиком. Каждая его прекрасная частичка.

Зубы Миллера, впивающиеся в мое плечо, и его член все также глубоко во мне, возвращают меня к действительности, в которой я смотрю в потолок, пальцы онемели от слишком крепкого захвата выступов на стене. Я измотана, но полна энергии, слаба, но при этом сильна.

— Я наблюдала за тобой однажды, — шепчу я. Не уверена, почему решила сказать ему об этом.

Он посасывает мою кожу и оставляет на ней едва заметный след от зубов, прежде чем взять в кулак мои волосы и развернуть к себе мое лицо.

— Знаю.

Он не спрашивает, что я имею в виду, или где я за ним наблюдала. Ему все это известно.

— Откуда?

— Кожу покалывало.

Улыбаюсь смущенно, заглядывая в его глаза в поисках чего-то большего, чем три этих уверенных слова. Я вижу искренность и абсолютную веру в сказанное им.

— Твою кожу покалывало?

— Да, как будто крошечные фейерверки взрывались под кожей, — выражение его лица остается спокойным.

— Фейерверки?

Он губами касается моего лба и двигает бедрами, выходя из меня. Трусики и шорты оказываются на прежнем месте, от этой потери приходит чувство досады и горечи. Он осторожно разворачивает меня в своих руках, ласково убирает мне волосы на одну сторону, и я руками скольжу по его обнаженным плечам. Он влажный и теплый, кожа блестит в ярком свете зала. Мой обиженное тело и чувство потери Миллера внутри забываются, когда мой взгляд и мозг фокусируются на резких чертах его торса — тугие соски, гладкая кожа и рельефные мышцы. Поистине захватывающее зрелище.

Я вижу, как он смотрит на стену за моей спиной, после чего передвигает меня немного

влево, а потом одним ловким движением блокирует меня, прижимая к холоду стены, каждая клеточка его полуобнаженного тела накрывает меня. Указательным пальцем касается кожи под подбородком и приподнимает мое лицо к своему.

— Вот так, — он улыбается и целует меня в щеку. — Поделись со мной своими ощущениями.

— Ощущениями? — замешательство в голосе очевидно. Я понятия не имею, о чем он говорит. — Не уверена, что ты имеешь в виду.

Он дарит мне ту улыбку с ямочкой, милую и почти застенчивую.

— Когда ты рядом, даже в зоне недосягаемости, моя кожа вспыхивает. Как искры. Каждую клеточку моей плоти приятно покалывает. Это мои ощущения, — ладонью он накрывает мою щеку, подушечкой большого пальца очерчивает контур моих губ. — Так я понимаю, что ты рядом. Мне не обязательно видеть тебя. Я тебя чувствую, а когда мы прикасаемся друг к другу физически, — он неторопливо моргает и делает глубокий, успокаивающий вдох, — эти искры взрываются. Они ошеломляют меня. Прекрасные, яркие и всепоглощающие. — Миллер наклоняется и целует меня в кончик носа. — Они олицетворяют тебя.

Приоткрываю губы, перемещая руки к его затылку. Несколько секунд просто впитываю в себя его взгляд и ощущения его тела, тесно ко мне прижимающегося. Впитываю его слова. В его заявлении нет ничего поразительного. Теперь я совершенно ясно понимаю, о чем он говорит, только мои ощущения немного отличаются.

— Я тоже чувствую фейерверки, — целую подушечку его пальца, и поглаживания моей нижней губы прекращаются, теперь он тихо смотрит на меня. — Только мои взрываются глубоко внутри.

— Звучит опасно, — шепчет он, опуская глаза на мои губы. Я игнорирую предостережения Уильяма о том, когда «волосы на затылке встают дыбом», уверенная, что воображение слишком разыгралось, наверное, из-за путаницы в голове и потери Миллера. Или это могла быть часть моих ощущений.

— Это *и есть* опасно, — признаюсь я.

— Почему?

— Потому что каждый раз, когда я тебя вижу, ощущаю или просто чувствую, эти фейерверки, взрываясь, бьют прямо в сердце, — чувствую, как эмоции сдавливают меня со всех сторон, когда смотрю, как его взгляд блуждает по моему лицу, пока не останавливается на моих глазах. — Каждый раз, когда это случается, я влюбляюсь в тебя чуточку больше.

Он, понимая меня, медленно кивает. Почти невидимо.

— Мы будем очень много видеть и касаться друг друга, — шепчет он. — И ты будешь безумно в меня влюблена.

— Уже, — закрываю глаза, когда он убирает большой палец, и на смену ему приходят его губы. И от этого я влюбляюсь чуточку больше. Наши губы движутся в унисон, осторожно, намеренно медленно. На смену дикой страсти приходят осторожные движения и невероятно мучительная нежность. Он говорит все своим поцелуем. Выражает свое понимание. Он чувствует то же самое, только называет это увлеченностью.

— До мозга костей? — спрашивает в губы, заставляя меня улыбнуться.

— Глубже.

— И я каждый день буду молить о продолжении этой любви.

— Уже даровано.

— Ничто в этом мире не даруется, Оливия.

— Неправда, — спорю, отстраняясь от его губ, прежнее чувство удовлетворения растворяется. Он смотрит на меня пристально, пока я пытаюсь сформулировать свои следующие слова. Не уверена, как еще это выразить. — Почему ты это просто не примешь?

— Сложно принять то, чего быть не должно, — он ладонью пробирается к моему затылку и путается в моих волосах. — Я просто не достоин твоей любви.

— Нет, достоин, — чувствую, как к щекам на смену послеоргазменного румянца приливает жар злости.

— Мы придем к согласию не соглашаясь.

— Нет, не придем, — тело тут же реагирует на его слепоту, руки сами прижимаются к его груди и осторожно отталкивают. — Я хочу, чтобы ты это принял. Не просто сказал это, чтобы сделать меня счастливой, а по-настоящему принял.

— Ладно, — он, не колеблясь, соглашается, только вот уверенности нет.

Плечи опускаются, я чувствую поражение, слепая надежда, которая горела с нашего воссоединения, слишком быстро гаснет.

— Что сделало тебя таким негативно настроенным?

— Реальность, — его голос монотонный и безжизненный, так что я тут же закрываю рот. Отпора на это у меня нет — нет слов или чувств ободрения. По крайней мере, не так спонтанно. Дайте мне несколько минут, и я придумаю что-то, удостоверюсь, что это обоснованно и логично. Но поток моих мыслей прерывается на середине, когда дверь в зал распахивается.

Мы оба поворачиваемся в ту сторону, и я тут же ощетиливаюсь.

— Время вышло, — приторный голос Кэсси раздражает меня еще больше, вид идеальной фигуры, облаченной в лайкру, совсем не помогает. Ее глаза полны обиды, более того, со смесью страха. Она шокирована увидеть меня здесь, и это нравится мне слишком сильно.

— Мы как раз уходим, — Миллер бросает резко, кладет руку мне на затылок и ведет забрать свой телефон, а потом к выходу из зала.

Сузив глаза, смотрю, как гордо она вышагивает по залу, бесстыдно наклоняется, потянувшись к носочкам, растягиваясь, после чего скользит вниз и с самоуверенной улыбкой садится на шпагат. Бриллианты, как всегда сверкающие на ее прекрасной шее, касаются пола.

— Пилатес, — мурлычет она, — просто чудо для развития гибкости. Так ведь, Миллер?

Смотрю на него, распахнув глаза, и надеюсь, что неправильно истолковала ее слова. Он ничего не говорит мне, и даже не смотрит уверенным взглядом.

— Достаточно, Кэсси, — выплевывает он, открывая дверь и осторожно меня подталкивая.

— Хорошего дня! — смеясь, кричит она нараспев.

Как только за нами закрывается дверь, я отстраняюсь от руки Миллера и разворачиваюсь к нему лицом, волосы хлещут меня по лицу.

— Что она здесь делает?

— Она арендует зал с восьми до десяти.

Я взрываюсь:

— Ты с ней спал?

— Нет, — ответ быстрый и решительный. — Никогда.

— Тогда, о чем постоянно твердит ее пронырливая задница?

— Пронырливая задница? — один уголок его рта приподнимается в скрытой усмешке.

Только мое настроение не улучшается.

— Я знаю, что она шлюха, Миллер. Видела ее на приеме со старым, жирным, богатым мужиком.

Все признаки веселья тут же исчезают с его лица.

— Я в курсе, — говорит он просто, как будто это не важно.

— В курсе?

— Что еще, ты хочешь, чтобы я сказал? Она в эскорте.

Моя дерзость иссякла. Я не знаю, что хочу от него услышать.

— Мне надо на работу, — я разворачиваюсь, направляясь в женскую раздевалку, чувствуя жаркую влагу между ног. Проклятье!

— Оливия.

Игнорирую его и прохожу через двери. Чувство собственности, бегущее по моим горящим венам, шокирует, вернувшись дерзость превратилась во... что-то еще. Я не совсем понимаю, что это за чувство, но оно опасно. Я очень хорошо это осознаю. Плюхаюсь на скамейку и руками закрываю лицо. Она никуда не исчезнет. Она смелая и, очевидно, испытывает ко мне отвращение. Смогу ли я с этим справиться?

— Эй, — теплые ладони скользят вверх по моим бедрам, и я выглядываю сквозь растопыренные пальцы, чтобы увидеть Миллера, опустившегося передо мной на колени. Быстрый взгляд на раздевалку говорит мне о том, что мы здесь не одни. В другом конце примерочной две девушки в одних полотенцах, смотрят с интересом, но ни одну из них не заботит отсутствие одежды.

— Миллер, ты что делаешь? — снова смотрю на него, стоящего на коленях, и вижу бесстрастное выражение лица, только в глазах сочувствие.

— То, что делает мужчина, когда видит обожаемую им женщину разбитой.

Обожаемую? Не интересующую? Даже сейчас, когда я изо всех сил пытаюсь вести себя разумно, это слово вызывает во мне дрожь.

— Она мне не нравится.

— И мне порой.

— Только порой?

— Ты ее не так поняла.

— Не думаю, что как-то не так ее поняла. Я ей не нравлюсь.

— Потому что *ты* нравишься *мне*. Очень сильно.

Заинтересован. Обожаемая. Нравлюсь.

— Она тебя хочет?

— Она хочет все усложнить.

— Почему?

Он вздыхает, глубоко и долго, ладонями накрывает обе мои щеки, оказываясь со мной нос к носу.

— Она не видит дальше того, что ей уже знакомо.

Не видит дальше секса и гламура? Качаю головой, немного сбита с толку, но больше всего раздраженная. Так она думает, что и Миллер должен придерживаться того же?

— Я хочу сбежать, — шепчу, ноги уже дергаются, готовые унести меня от жесткой правды Миллера и его прошлого. Все и повсюду — постоянное напоминание. Не уверена,

что могу пройти через это. — С тобой, — поясняю, когда волна беспокойства накрывает его лицо. — Все эти люди позволяют нам *быть*?

— Сладкая девочка, я готов уничтожить все, что преградит мне путь к свободе, — он тянется и целует меня в лоб — жест такой ласковый, но полыхающий уверенностью. Или должен быть таким. Его глаза источали неуверенность, прежде чем он спрятал ее за закрытыми глазами. — Я тебя умоляю, не давай чужим оскорбительным словам встать между нами.

— Это тяжело, — позволяю ему покрыть поцелуями каждый миллиметр моего лица, после чего он отстраняется. Он взял неуверенность под контроль. Теперь его синие глаза умоляют. Он думает, что я позволю другим людям — Кэсси и кому бы то ни было еще, потому что я знаю, будут и другие — отпугнуть меня. Они не смогут. Ничто не сможет. — Я люблю тебя.

Он улыбается и поднимает меня на ноги:

— Я принимаю твою любовь.

— Ты это просто говоришь.

— Я когда-нибудь выиграю этот спор? — спрашивает он, изгибая брови.

Секунду раздумываю над его вопросом.

— Нет, — отвечаю коротко и уверенно, потому что он не сможет. Я никогда не узнаю, на самом ли деле он ее принимает. Слова никогда меня не убедят.

— Прими душ и переоденься, — он сжимает мои плечи и разворачивает к себе спиной. — Мы опоздаем.

Шлепок по попе приводит меня в движение, но та неуверенность, что я увидела в глазах Миллера, кажется, поселилась глубоко во мне. Если он не может унять мой страх, не сможет никто.

Глава 14

В нескольких кварталах от бистро мы застряли в пробке. Чувствую, как он изучает меня взглядом, поэтому, едва заметно улыбаясь, сама смотрю на него исподтишка. Он наклоняется и сладко меня целует.

— У тебя волосы немного растрепались.

Хмурюсь, пока он делает тщетные попытки заправить их мне за уши. А потом я улыбаюсь.

— У меня не было кондиционера, — потянувшись, рукой провожу по идеально уложенным темным волосам Миллера. — Надо было попросить позаимствовать твой.

Он перестает бороться с моими волосами и смотрит на меня удивленно. Улыбаюсь еще шире.

— Ты совершенна, — он развязывает мои волосы. — Они идеальны. Никогда их не обрезай.

— Не буду.

— Хорошо.

— Я выскочу здесь. Ты можешь повернуть здесь и избежать пробки.

— Не надо, я не спешу, — он отстраняется от меня и присоединяется к радостно-гудящему потоку других водителей, ладонью ударяя по центру руля.

— Это тебе не поможет, — смеюсь я. — И в любом случае, я *спешу*. Мне нельзя

опаздывать, — быстро целую его в губы и выскакиваю из мерседеса.

— Оливия! — кричит Миллер мне вслед.

Поворачиваюсь и наклоняюсь, чтобы увидеть его.

— Всего пара кварталов. Я буду там через пару минут, — улыбаюсь его недовольному лицу и захопываю дверцу, спеша к тротуару.

Я теряюсь в потоке людей, спешащих на свою работу. Это знакомо мне и не пугает, а в отличие от того странного чувства, которое я испытываю, когда спешу как муравьишка в толпе родных лондонцев. Поднимаю руку и поглаживаю плечо в попытке убрать дрожь, содрогаясь, когда она тут же возвращается. Что-то подсказывает мне обернуться, поэтому так я и делаю, но все что я вижу, это бесконечный поток силуэтов. Конверсы спешат без каких-либо команд из головы, и я начинаю обгонять людей, неловко, но не знаю, для чего. Повернув за угол, я снова оборачиваюсь, по телу пробегает знакомая дрожь, волосы на затылке встают дыбом.

— Ох!

— Смотри, куда прешь!

Я отшатываюсь, потянув за собой портфель мужчины, дорогая кожа пугается между моих неуклюжих ног. — Простите! — кричу, хватаясь за угол кирпичной стены, чтобы удержаться на ногах.

— Ты испачкала мой портфель, дура! — он поднимает свою собственность и отряхивает его, рыча и шипя ругательства.

— Простите! — повторяю, выпрямляясь, и собираюсь с силами для дальнейшей словесной перепалки.

— Чертова идиотка! — ворчит он, вливаясь в толпу и оставляя меня в стоять шоке, в окружении других нетерпеливых прохожих.

Мой взгляд мечется, сканируя лица приближающихся ко мне людей и спины удаляющихся, внутри меня срабатывает сигнал тревоги. Подняв руку, приглаживаю волосы на затылке. Чувствую глупое облегчение, когда они остаются в таком же положении, когда я убираю руку. А вот желудок скручивается, и меня накрывает чувство тревоги. Я разворачиваюсь на месте, это чувство оседает глубоко внутри, и меня одолевает раздражение.

Я разворачиваюсь и бегу через дорогу к Делу, постоянно оглядываясь.

Быстро — это последнее место, где я сейчас хотела бы быть. Чувствую тошноту, и мой страх оказаться лицом к лицу со своими коллегами только возрастает, когда мой путь от входной двери до кухни прослеживают три пары глаз. Прямо таки ощущаю осуждение. Меня осуждают. Все они думают, что я рехнулась, только им не доводилось узнать Миллера, когда на нем нет брони его совершенных костюмов-троек. Они сделали свои выводы, основываясь на тех жалких крохах информации, которыми владеют. Я уже переборола в себе чувство необходимости защищать свои отношения с самым скандально известным мужским экскортом Лондона перед Сильвией, Делом, Грегори и другими. Достаточно утомительно отстаивать их перед Миллером, и ведь он единственный, кто на самом деле имеет значение. Боже помоги мне и моим ушам, если хоть кто-то из этих людей узнает о прошлом Миллера. Для них он просто озлобленный придурок, который играл со мной. Пусть так и останется.

— Доброе, — голос Сильвии лишен обычной игривости, ее пальцы сжимают ручной фильтр кофе-машины.

— Привет, — улыбаюсь напоказ. — Ой, у меня теперь новый телефон. Я пришлю тебе

свой номер.

— Ладно, — она кивает, и я прохожу мимо нее, иду на кухню и сразу надеваю свой фартук.

Пол заходит следом за мной и останавливается перед плитой, поднимая сковороду, полную обжариваемого лука, и подбрасывая его.

— Хорошо провела вечер? — спрашивает он. Замечаю неподдельный интерес, а, подняв голову, я вижу бесстрастное выражение лица.

— Хорошо, спасибо, Пол. А ты?

— Конечно, — бормочет он, ставя на стойку две тарелки. — Хрустящие сэндвичи с тунцом для седьмого столика. Давай тут займемся обслуживанием.

Я действую: хватаю тарелки и прохожу мимо Сильвии и Дела, губы моего босса все так же поджаты, как и подруги.

— Сэндвичи с тунцом? — спрашиваю, ставя блюда на стол.

— Спасибо, милая, — тянет толстопузый мужик, весь такой счастливый, почти искрящийся, когда берет обе тарелки и при этом облизывается. Откусывает его своим большим ртом, поднимает глаза и смотрит на меня, улыбаясь, изо рта свисает пережеванный хлеб. Я морщусь. — Добавь еще, ладно? — Он пихает мне в руки свою кофейную кружку, у меня же желудок скручивается при виде того, как кусочек тунца, выскользнув из его рта, падает на пол. Смотрю, как он пальцем подбирает этот кусочек. А потом с ужасом вижу, как он, еще не до конца прожевав, языком слизывает тунец с пальца. Закрываю рот, прижимая к нему ладонь, и бегу через все быстро с мыслью, что у Миллера бы случился припадок, если бы он стал свидетелем проявления таких дикого поведения.

— Ты в порядке? — с тревогой спрашивает Сильвия, когда видит меня, бегущую к ней.

— Налей еще. Седьмой столик, — кидаю ей кружку и мчусь мимо, отчаянно пытаюсь остановить рвотные позывы. Я лавирую между столиками, врезаюсь в стулья и, поворачивая за угол, плечом ударяюсь о стену. — Зараза! — ругаюсь я, слишком громко и это прямо перед столиком двух пожилых леди, наслаждающихся чаем и пирожными в наиболее тихой части бистро. Вздрагиваю и потираю руку, после чего оборачиваюсь, чтобы извиниться.

И меня тошнит прямо на них.

— Силы небесные! — одна старая леди поднимается со своего места, довольно быстро для своего почтенного возраста. — Ох! Дорис, твоя шляпа! — она салфеткой вытирает голову своей пожилой подруги, пытаюсь отчистить от моей рвоты, забрызгавшей всю леди. Я хватаю салфетку и прижимаю ее ко рту.

— Ох, Эдна, она испорчена? — ее подруга рукой водит прямо по голове, трогая забрызганную шерсть шляпки. Меня снова сильно тошнит.

— Боюсь, что так. Какой стыд. Не прикасайся к ней!

— Мне очень-очень жаль, — бормочу я сквозь салфетку, смотря, как две старушечки хлопчут друг над другом. Чувствую, как со всех сторон взгляды прожигают во мне дыры, а мой быстрый взгляд через плечо лишь убеждает в том, что бистро переполнено молчаливыми зеваками. Даже лишенный всяких манер толстяк, из-за которого все это со мной случилось, смотрит на меня с отвращением. — Я... — не могу закончить. На лбу выступают капельки пота, щеки вспыхивают. Сгораю от стыда. И чувствую себя ужасно — больной, смущенной и глупой. Теряюсь в коридоре, ведущем к женскому туалету, наклоняюсь над раковиной, включаю кран и полощу рот. Подняв глаза, встречаюсь с отражением бледного, кроткого создания. Меня. Чувствую себя отвратительно.

Что служит мне напоминанием. Умыв и вытерев руки, достаю из кармана телефон и в течение пяти минут зависаю на линии, объясняя девушке в регистратуре, почему мне срочно нужно попасть к врачу.

— В одиннадцать? — спрашиваю, убирая телефон от уха, чтобы проверить время. Моя смена заканчивается в пять. — А попозже что-нибудь есть? — делаю попытку, а сама в голове уже придумываю достойное извинение отпроситься с работу на час или два. Уныло сутулюсь, когда она сообщает, что других вариантов нет, а потом резко напоминает мне о том, что у меня в запасе есть только семьдесят два часа, если противозачаточная таблетка, которую следует принимать после полового акта, сработает. Дерьмо. — Я запишусь на одиннадцать, — говорю, называя свое имя, после чего вешаю трубку.

— Ливи?

Сильвия заглядывает в дверь.

— Хей, — я убираю мобильный в карман, отрываю бумажное полотенце и прикладываю к мокрому лицу. — Я уволена?

Она улыбается мне полными, розовыми губами и встает рядом со мной у раковины.

— Не глупи. Дел за тебя волнуется.

— Не стоит.

— И все же волнуется. Так же, как и я.

— Ни тебе, ни ему не нужно обо мне беспокоиться. Я в порядке, — отворачиваюсь к зеркалу, просто не готовая выслушивать еще одну лекцию по поводу своих отношений с Миллером.

— Конечно, в порядке, — смеется она, заставляя меня хмуро взглянуть на нее в отражении зеркала. Она меня недооценивает. — Я поспорить готова, вчера все пошло не так хорошо, когда он тебя насильно утащил из бистро.

— Ошибаешься, — я начинаю шипеть, поворачиваясь к ней лицом. Улыбка пропала, сменившись шоком. Она уверена, я не в форме, потому что вчера все пошло плохо. И за это в ответе Миллер. — Я неважно себя чувствую, Сильвия. Не стоит думать, что Миллер — катализатор абсолютно всему, — резко бросаю использованное полотенце в мусорку. — У нас с Миллером все хорошо.

— Но...

— Нет! — обрываю ее. Больше я этого не выдержу. Ни от Сильвии, ни от Грегори, ни от Уильяма. Ни от кого! — Отвратительный мужик разбросал весь свой сэндвич по полу и поднял его руками. А потом съел!

— Иууу! — восклицает Сильвия, прижимая к животу руку и поглаживая его так, как будто пытается успокоить внезапно возникшее чувство тошноты. Ей стоило это увидеть.

— Да. Именно! — заправляю за ухо непослушную прядь волос и распрямляю плечи. — Вот поэтому меня и вырвало, и мне чертовски плохо, уже осточертело слышать, как люди досадают на нас с Миллером, и еще больше осточертело ловить на себе эти гребаные жалостливые взгляды!

Она стоит передо мной, кипящей от гнева, с выпученными глазами, а у меня в груди все горит от тяжелого дыхания.

— Ладно, — пищит она.

Я резко и решительно киваю:

— Хорошо. Я должна возвращаться к работе. — Прохожу мимо испуганной Сильвии и врезаюсь в стоящего в коридоре Дела. — Да в порядке я! — бросаю ему дерзко.

Кажется, если он еще больше ссутулится, его шея совсем пропадет.

— Ясно. А те две старые пташки в зале нет.

Гримасничаю:

— Мне жаль.

— Отправляйся домой, Ливи, — вздыхает он.

Чувствую, как груз спадает с плеч, и я благодарна за то, что нет необходимости придумывать оправдания, чтобы сбежать на прием, поэтому следую резкому приказу своего босса. Устало плетусь по коридору, на кухню, тихонько проскользывая мимо пожилых леди, которых я только что заблевала. Они увлечены новой порцией пирожных и горячим чаем.

Лавирую между столиками посетителей, потребность сбежать за пределы быстро становится нестерпимой под подозрительными взглядами клиентов. Я вырываюсь за дверь и остаиваюсь на тротуаре, запрокинув голову и глядя в небо. Свежий воздух обжигает легкие, и я, закрыв глаза, выгоняю его с тяжелым, раздраженным выдохом, радуясь тому, что оказалась на открытом пространстве.

— Нехорошие симптомы, — глубокий голос Уильяма разом выбивает из меня чувство облегчения, я медленно, с усталым выражением лица опускаю голову. — Уверен, ты знаешь, как пользоваться айфоном, который я тебе купил.

— Знаю, — скрежещу я. Еще даже десяти нет, а я уже вляпалась в такое. Теперь еще и Уильям. Он стоит, прислонившись к лексусу, руки важно скрещены на груди. Этот мужчина кажется опасным. И рассерженным.

— В таком случае, уверен, у тебя есть просто изумительное объяснение того, почему ты проигнорировала мое сообщение.

— Была занята, — перекидываю сумку через плечо и распрямляюсь.

— Занята чем?

— Не твое дело.

— Была ослеплена красивым мужчиной, у которого тяга к прекрасному искусству? Это ты имеешь в виду?

Я ощетиливаюсь, стиснув зубы.

— Я не обязана перед тобой отчитываться.

Он усмехается, тень узнавания падает на его лицо. Я веду себя, как мама, и ненавижу себя за это. Но впервые в своей жизни я серьезно задумываюсь над ее собственной борьбой с людьми, которые препятствовали ее намерению завоевать Уильяма. Включая мужчину передо мной. Если именно так она себя чувствовала, тогда я начинаю понимать, а о таком я даже не мечтала. Но чувствую себя чертовски бесшабашной. Полной решимости. Я уже была на той дорожке прежде и, возможно, вернулась бы туда снова, если бы у меня не было поддержки моего кого-то. У Грейси ее никогда не было, и я очень хорошо понимаю, как это на нее влияло.

— Скажи, как моя мама дошла до такой сильной любви к тебе?

Мой резкий вопрос напрочь стирает все веселье с лица Уильяма. Ему снова неуютно, взгляд серых глаз мечется и избегает меня.

— Я тебе говорил.

— Нет, не говорил. Ты ничего мне не рассказывал, только то, что она тебя любила. Ты не объяснил, как это случилось. Или как ты влюбился в нее, — умираю, как хочу спросить, где его манеры, но вместо этого сдерживаюсь и терпеливо жду, когда он соберет кусочки своей истории воедино. Мне нужно знать. Нужно услышать, как встретились Уильям с моей

мамой. Единственное, что я отчетливо помню, это как Уильям сказал, что она вошла в его мир ради него. Но как они встретились?

Он откашливается, пряча глаза, и открывает заднюю дверцу своего лексуса.

— Я отвезу тебя домой.

Недовольно фыркая на его увертку и оставляю его ждать, пока я сяду в его машину, а сама же направляюсь к автобусной остановке.

— Оливия! — кричит он, и я слышу резкий стук захлопнувшейся дверцы. Это пугает меня, заставляя вжимать голову в плечи, но я отталкиваю от себя его очевидную злость и продолжаю идти. — Это случилось мгновенно! — орет он, отчего я резко останавливаюсь. Его неуверенный голос и поспешность произнесенных слов — явное доказательство того, что они причиняют ему боль. Я медленно поворачиваюсь, чтобы оценить масштаб боли, с которой имею дело, и когда смотрю ему в лицо, вижу грусть, она исходит от Уильяма и прожигает во мне дыру. — Ей было семнадцать, — он нервно, почти смущенно смеется. — С моей стороны было неправильно смотреть на нее так, как я смотрел, но когда ее сапфировые глаза взглянули в мою сторону и она улыбнулась, мой мир взорвался на миллион мерцающих осколков. Она выбила из меня весь дух, Оливия. Я увидел свободу, которой владеть не имею права.

Стук сердца замедляется, трещина внутри разрывается до невероятных размеров, обнажая ужасающую действительность. Мне не нравится то, что я слышу. Мозг упорно ищет хоть какие-то слова успокоения для Уильяма, но все вертится только вокруг его признания:

— Зачем ты пытаешься саботировать свою любовь? — спрашиваю я.

Это вполне объяснимый вопрос, особенно в свете его информации. Дело не в ревности или обиде. Уильям мог бы получить свободу, так же, как может Миллер. Только у Миллера намного больше решимости ее получить. Миллер не готов позволить мне ускользнуть сквозь пальцы. Миллер будет за нас бороться — даже если он до раздражения сомневается в своей значимости.

Глаза Уильяма медленно закрываются, напоминая мне о ленивых движениях моего полуджентльмена. Появляется желание без промедления мчаться к Миллеру, позволить ему укрыть меня в своем убежище и *своих* объятиях.

— Прошу, позволь мне отвезти тебя домой, — Уильям отступает и снова открывает передо мной заднюю дверцу, умоляющим взглядом приглашая сесть в машину.

— Я лучше пройду, — говорю ему. Мне все еще нехорошо, свежий воздух поможет. Плюс, мне нужно к врачу, и я не могу просить Уильяма отвезти меня туда. От одной только мысли меня передергивает.

Его раздражает моя капризность, но я стою на своем, не готовая снова оказаться в его машине.

— Тогда, по крайней мере, дай мне пять минут, — он показывает через дорогу на площадь, где Миллер однажды ждал меня — время, когда я окончательно сдалась и позволила ему получить одну ночь.

Киваю, мысленно надеясь, что он не попросит меня сесть в машину. Он должен знать, что я тоже могу настоять на контроле. Мы идем вместе, Уильям коротко кивает своему водителю. Желудок скручивает, смесь грусти и сочувствия. Такое чувство, что я падаю в пропасть осознания. Не хочу продолжать это падение, потому что пониманию, приземление будет жестким. Оно уничтожит ту непростительную обиду, что я держу на свою маму, и на смену придет всепоглощающее чувство вины. Каждая минута, проведенная с Уильямом

Андерсоном, ослабляет бинты, стягивающие ожесточившуюся половину моего сердца, ту, что решительно презирает Грейси Тейлор. Скоро они лопнут и позволят циничным кусочкам соединиться с мягкой, влюбленной половиной. Не уверена, что смогу вынести еще больше боли, только не после того, как едва исцелилась и смогла почувствовать, как свет стал заполнять темноту. Но любопытство и непреодолимая потребность укрепиться в том, что есть у нас с Миллером, пересиливает мое сопротивление.

Мы садимся на скамейку, и я остаюсь тихой, наблюдая за тем, как мощная фигура Уильяма пытается расслабиться рядом со мной. И проваливается по всем фронтам. Он кладет руки на колени и убирает их. Достает телефон, проверяет его и убирает обратно во внутренний карман. Кладет ногу на ногу, ставит обе на землю, локоть ставит на подлокотник скамейки. Ему неудобно, от этого становится неудобно и мне самой. И все же, я продолжаю проследивать последовательность его неловких движений.

— Ты никогда никому не рассказывал свою историю, так ведь? — спрашиваю я, и к собственному удивлению ладонью накрываю его колено и сжимаю его в успокаивающем жесте. Мне так мерзко предлагать свое сочувствие. Он прогнал мою маму и потерял ее навсегда, для нас обоих. Но он прогнал и меня тоже. И спас.

Неизменный джентльмен перестает ерзать и опускает взгляд на мою руку. А потом он накрывает мою руку своей и держит ее. Вздыхает.

— Я был на практике, если можно так сказать. Готовился принять дела моего дяди. Я был двадцатиоднолетним, маленьким озлобленным мудаком, и бесстрашным вдобавок. Меня не волновало ничто и никто. Идеальный преемник.

Мой взгляд опускается на наши руки, и я внимательно смотрю, как он задумчиво вертит колечко на моем пальце, прежде чем сделать вдох.

— Грейси случайно оказалась в клубе моего дяди. Она была с друзьями, выпившая и наглая. Она поначалу не представляла, во что вляпалась, мне же стоило выгнать ее в ту же секунду, как я ее заметил, но я был обезоружен ее духом. Он источался из самых ее глубин, прямо из души, и запустил в меня свои когти. Я пытался уйти, но они лишь глубже вонзались. Держали меня.

Он поднимает свободную руку и с глубоким, растянутым вздохом потирает глаза.

— Она смеялась, — Уильям смотрит перед собой задумчиво. — Мартини лилось по ее прелестному горлышку и несло ее на танцпол. Я был увлечен. Загипнотизирован. Среди развращенной, пошлой элиты Лондона была моя Грейси. Она была моей. Или собиралась ею стать. Тогда как моей обязанностью было увести ее из этого злчного, мрачного мира, и нужно было сбежать оттуда самому, я заманил ее в него.

Та частица, что удерживала презрение к маме и та весомая часть сердца, что заключала в себе чистую, неопытную любовь к Миллеру, начинают кровоточить. Я теряю способность их различать... как раз то, что я подозревала и чего боялась. Уильям смотрит на меня и тоскливо улыбается, его красивое лицо искажено болью и сожалением. — Я купил ей шампанское. Она никогда прежде его не пробовала. Блеск от только что открытого удовольствия в ее глазах снял с моего сердца слой брони. Ни разу она не переставала улыбаться, и ни разу во мне не родилось сомнение в том, что я должен сделать эту женщину своей. Знал, что плыву в мутной воде, но я был слеп.

— Хотел бы быть таким, — предполагаю, зная, что права. — Ты хотел бы иметь силы тогда выпроводить ее и забыть навсегда.

Он издает смешок. Снисходительный смешок:

— Нет ни единого шанса, что я смог бы забыть Грейси Тейлор. Звучит глупо, я знаю. Мне удалось ухватить с ней один жалкий час, украсть всего один поцелуй, хотя она сопротивлялась даже сказать, встречусь ли с ней следующим вечером. Где-нибудь подальше от замусоленных мест. Где-нибудь в уединении, там, где меня никто не знал. Она сказала нет, но не остановила меня, когда я полез в ее сумку, нашел какой-то документ, чтобы прочитать ее имя и адрес, — его улыбка становится ярче, явный признак яркого воспоминания. — Грейси Тейлор. — Имя моей мамы делает его счастливым, и я не могу сдержаться от искренней улыбки. Расцветающие чувства Грейси и Уильяма вырисовываются идеально. В новинку. Всепоглощающие и иррациональные. А потом все пошло до ужаса неправильно.

Я невероятно четко могу почувствовать маму. Несмотря на то, что Уильям и Миллер явно друг друга презирают, в них много схожего. Моя мать, должно быть, была настолько же ослеплена, как Уильям Андерсон, когда претендовал на то, чтобы быть с ней. Так же, как я с Миллером.

— Твое обязательство перед дядей все испортило.

— Уничтожило, — поправляет он злобно. — Дядя планировал уйти на покой, но глупый случай отправил его тело на дно Темзы прежде, чем мы успели вручить ему часы.

Хмурю брови:

— Часы?

Он улыбается и, поднеся мою руку к своим губам, ласково ее целует.

— В общепринятом смысле, это подарок в честь выхода на пенсию.

— В самом деле?

— Да, забавно, не находишь? Кто-то, кому больше нет необходимости следить за временем, получает часы.

Усмехаюсь вместе с Уильямом, чувствуя между нами связь.

— Довольно иронично.

— В большей степени.

Еще более иронично то, что мы смеемся над этим сразу после того, как он мне сообщил о такой трагической смерти своего дяди.

— Сожалею насчет твоего дяди.

Уильям фырчит с сарказмом.

— Не стоит. Он получил то, что заслужил. Собаке собачья смерть. Разве не так говорится?

Не знаю. Так? Мой мозг и так пресыщен слишком яркой информацией. Обдумываю все сказанное мной, и все же понимание сбивает с ног.

— Твой дядя был аморальным ублюдком?

— Да, — он снова усмехается, вытирая под глазами. — Он был *аморальным ублюдком*. Все изменилось, как только я перешел к делам. Я могу быть опасным, когда мне необходимо, но бесчестным я не был никогда. Я ввел новые правила, отобрал девочек и очистил клиентскую базу от мудаков, насколько это было возможно. Я был молод, со свежим взглядом, и это сработало. Я заработал гораздо больше уважения, чем когда-либо получал мой дядя. Те, кто хотел остаться и получать свое, придерживались моих правил. Те, кому изменения не нравились, ушли и продолжили быть аморальными ублюдками. Я нажил много врагов, но даже в том возрасте не вел себя легкомысленно.

— Ты убивал? — выпаливаю, не подумав, и быстро получаю шокированный взгляд

серых глаз. Я почти извиняюсь за такую глупость, но осторожность, появляющаяся в глазах Уильяма, говорит мне, что вопрос не был таким уж глупым. Он убивал.

— Неуместный вопрос, тебе не кажется?

Нет, мне не кажется, но предупреждение в его глазах останавливает меня от такого ответа. Если бы он не забирал чью-то жизнь, уверена, он бы поставил меня на место.

— Мне жаль.

— Не стоит, — он тянется и костяшками пальцев проводит по моей щеке. — Не надо пачкать этой грязью твою прекрасную головку.

— Слишком поздно, — шепчу я, от чего его осторожные прикосновения замирают. — Но мы говорим не обо мне и моих решениях. Что случилось дальше?

Передвинувшись, Уильям берет обе мои руки и поворачивается ко мне лицом.

— Были ухаживания.

— Вы встречались?

— Да, если угодно.

Улыбаюсь, вспомнив, как Нан использовала это же слово.

— И?

— Все было насыщенным. Грейси, несмотря на юный возраст и отсутствие опыта, находила в себе все больше и готова была себя отдавать. Отдавать мне. Это пробуждало во мне неизведанный голод. Голод по ней.

— Ты влюбился.

— Думаю, это случилось мгновенно, — черты его лица снова омрачаются грустью, взгляд падает на колени. — Я провел всего месяц, поглощенный диким желанием твоей мамы. А потом ударила действительность, и мы с Грейси вдруг стали невозможной комбинацией.

Я знаю точно, что он чувствовал, и что бы нас ни связывало, оно стало чуточку сильнее.

— Что случилось?

— Я отвлекся, и за это заплатила одна из моих девочек.

Ахаю и убираю руку.

Он трет лоб, вновь испытывая боль:

— Нужно было устранять последствия. Мои враги стали бы рыться в той ситуации, как свиньи в апельсинах.

— Поэтому ты порвал с ней.

— Пытался. Долгое, долгое время. Грейси была зависимой, и сама только мысль, что она проведет день без меня, растворяющегося в ней, была недопустимой. В любом случае, она знала, как меня одурачить, как бесчестно пользоваться своей дерзостью и телом. Я был привязан к ней, — Уильям расслабляется, прислонившись к спинке скамьи, и оглядывает площадь, мыслями уплывая куда-то далеко и беспокойно. — Я продолжал держать все о нас в секрете. Она бы стала мишенью.

— Причиной того, что вы перестали быть вместе, послужило не только твое обязательство перед девочками, верно? — мне не нужно подтверждение.

— Нет, не только. Если бы я позволил раскрыть свои чувства к этой женщине, она бы стала, как красный флаг. Я мог бы с таким же успехом преподнести ее на блюдечке.

— Только это, в любом случае, случилось, — напоминаю ему. Он прогнал ее, позволил попасть в руки аморального ублюдка.

— После нескольких травмирующих лет, да, случилось. Я всегда надеялся, что тебя

будет достаточно, чтобы удержать ее подальше.

Фыркаю, раздраженная очередным напоминанием того, что я явилась недостаточным стимулом для мамы.

— Мы все знаем, чем это для тебя обернулось, — отвечаю язвительно. — Прости, что разочаровала.

— Достаточно!

— Как так получилось, что она забеременела от другого мужчины? — спрашиваю, игнорируя его злобу в ответ на мое откровение. — Ей было девятнадцать, когда появилась я. Не такой уж долгий срок после вашей встречи.

— Она наказывала меня, Оливия. Я уже говорил тебе это. Мне нет нужды напоминать тебе о дневнике. Многое помнишь обо мне оттуда?

— Нет, — соглашаюсь я, мне почти жаль Уильяма.

— Она забеременела от другого мужчины. Это устранило все возможные подозрения насчет нас с твоей мамой.

— Кто это был?

Уильям фырчит:

— Черт его знает. Грейси определенно не знала, — возмущение сочится из него, и он делает резкий успокаивающий вдох. Он злится, говоря об этом. И это только заставляет меня ненавидеть ее еще больше. — Ты, вероятно, самое лучшее, что могло случиться.

— Рада, что кто-то так думает, — говорю язвительно.

— Оливия!

— Рада, что сыграла свою роль, — злобно усмехаюсь. — Вот я думаю, что меня никто не хотел, а теперь получается, что я сделала ее заднице одолжение. Я так горжусь собственной целью в жизни.

— Ты спасла жизнь своей матери, Ливи.

— Что? — взрываюсь я. Он ведь не станет внушать мне, что моей целью было сдержать недругов, отвлечь их от отношений Уильяма и Грейси? — Просто чтобы потом она могла меня бросить? — спрашиваю я. — Насколько нам известно, она мертва, Уильям! Моя цель ни хрена не значит, потому что, не смотря ни на что она все же блин мертва! У меня все так же не мамы, а у тебя нет Грейси! — Тяжело дышу рядом с ним, проглатывая злые слезы. Всё сочувствие испарилось, соединившиеся половники моего сердца снова распались в мгновение ока... или при звуке всего одного бездумного предложения. Он все делал так хорошо. История их отношений ловко заставила меня забыть самую суть. Миллер. И я. Мы. Нам не суждено идти той же разрушительной дорогой мучительной любви и непоправимой сердечной боли. Мы были на этом пути, но спасли друг друга.

Я встаю и поворачиваюсь к нему. Он смотрит на меня внимательно.

— Миллер не обидит меня так, как ты обидел Грейси, — разворачиваюсь и спешу прочь, слыша за спиной его шипение. Я почти ждала, что меня остановят до того, как уйду с площади, но мне без препирательств было позволено сбежать от Уильяма и его откровений.

Я ведь не собиралась этого делать, но когда, наконец, захожу домой, громко хлопаю дверью, меня все еще пошатывает после времени, проведенного с Уильямом, и я измотана временем, проведенным у врача. Я не очень помню, как сидела в кабинете нашего семейного врача. Рассказала о своем затруднительном положении, меня осмотрели, после чего

выписали посткоитальные контрацептивы и противозачаточные, а потом я ушла и отправилась в аптеку напротив. Все это я делала в тумане отчаяния.

Резкий удар двери отдается в оконных рамах, так что бабушка встревоженно выбегает из кухни.

— Ливи, что, ради всего святого, стряслось? — она смотрит на свои старые наручные часы. — Еще даже полдень не наступил.

Я даже не пытаюсь собраться с мыслями, — я по-прежнему сильно накручена — так что я выпаливаю единственно возможное оправдание, что хорошо, потому что это отчасти правда.

— Дел отправил меня домой.

— Ты заболела? — ее шаги ускоряются, она наспех вытирает руки о кухонное полотенце и оказывается рядом, трогая мой лоб. — У тебя температура.

Так и есть. Я горю от слепой ярости. Прислоняюсь к двери и позволяю бабушке трястись надо мной, я благодарна за взгляд на ее дружелюбном лице, даже если сейчас он полон тревоги.

— Я в порядке.

— Пф, — фыркает она. — Не подхалимничай передо мной, говоря, что там дождь! — она убирает с моего лица влажную прядь волос. — Чем быстрее ты усвоишь, что я не безумная, тем лучше. — Взгляд ее сапфировых глаз прожигает дыры в моем жалком теле. — Я заварю чай, — она уходит по коридору, — идем.

— Потому что чай все в мире делает правильным, — бормочу, отталкиваясь от двери, и следую за ней.

— Что?

— Ничего, — опускаюсь на стул и достаю из сумки телефон, когда он начинает звонить.

— Звонок? — спрашивает Нан, включая чайник.

— Сообщение.

Она поворачивается, испепеляя меня явным любопытством.

— Как ты различаешь?

— Ну, поскольку звонок... — замолкаю на середине предложения, разблокировывая телефон. — Ты когда-нибудь заведешь мобильный?

Она смеется и отворачивается, возобновляя свои чайные приготовления.

— Я лучше отвечу с помощью Эдварда Руки-ножницы. К чему в моем возрасте все эти глупые штуковины?

— Тогда становится не важным, что это за сигнал: сообщение, звонок или электронное письмо, разве нет?

— Электронное письмо? — восклицает она. — Ты можешь отправлять электронные письма?

— Да. А еще можно пользоваться интернетом, совершать покупки и читать последние сплетни.

— Какие сплетни?

Я смеюсь, откидываясь на спинку стула.

— Ты столько не проживешь, сколько придется объяснять, бабуля.

— Оу, — она выказывает абсолютное безразличие, кипятком заливая заварку и наполняя молоком крошечный кувшин. — Если технологии продолжают развиваться такими

же темпами, у людей совсем не останется стимула выходить из дома. Сообщения и электронные письма. Что случилось с разговорами лицом к лицу, м? Или с милой болтовней по телефону. Никогда не отправляй мне сообщения.

— Я и не могу — у тебя нет мобильного.

— Тогда, электронное письмо. Никогда не отправляй мне электронных писем.

— У тебя нет электронного почтового ящика, так что электронное письмо я тебе отправить тоже не могу. — я улыбаюсь.

— Ладно, какое облегчение.

Я хихикаю себе под нос и обращаю взгляд к экрану телефона, когда Нан ставит на стол чайник и разливает по чашкам чай, при этом в мою добавив сахар.

— Тебе нужно поправиться, — бормочет она, но я игнорирую ее, поскольку передо мной мерцает имя Уильяма, он прислал мне сообщение — то, которое, уверена, я читать не захочу. Тем не менее, это не останавливает меня от нажатия функции «открыть».

Хорошо это не закончится.

Стискиваю зубы и удаляю сообщение, проклиная себя за то, что прочла его.

— Я уже давно не видела Грегори, — Нан говорит непревзойденную чепуху. Знает ведь, что мы с ним не разговариваем. Не могу заставить себя ему позвонить, не после его гневной тирады. Он был в бешенстве, и угрозы его были дьявольски серьезными.

— Он занят, — бросаю телефон в сумку и беру в руки свою кружку, сдувая пар, смотрю, как Нан неспешно делает то же самое.

— Он никогда прежде не был слишком занят.

В голову не приходит ни одной веской причины отсутствия Грегори. Она знает, что Миллер и Грегори не встречались с глазу на глаз. Было бы проще рассказать ей, что он выставил условия для нашей дружбы, но я не могу заставить себя сделать это.

— Пойду прилягу, — беру сумку и встаю, подарив бабушке быстрый поцелуй в пухлую щечку. Бабушка ненавидит, когда я от нее что-то утаиваю, но с моей самой важной на планете вспльчивой бабушкой, и со мной и Миллером с другой стороны, и нашим воссоединением, я пришла к выводу, что все должно держаться на «принципе необходимой информации». А ей знать нет необходимости.

Заставив себя подняться наверх, прячусь под знакомую грудку покрывал на своей постели и, порывшись в сумке, достаю оттуда бумажный сверток. Покопавшись в упаковках, достаю нужную, распечатываю, кладу на язык таблетку и сжимаю губы. Я просто сижу здесь, а крошечная таблетка кажется тяжким грузом. Закрыв глаза, наконец, проглатываю ее и бросаю упаковки в верхний ящик прикроватной тумбочки. Потом ложусь на спину. Нет шанса на темноту, даже если закрыть шторы, так что я вжимаюсь в подушку и сворачиваюсь вокруг нее, пряча в нее лицо и зажмуривая глаза. День только начался, а все мое радостное настроение уже убито мертвецкой холодностью.

Глава 15

Внутри фейерверк, ласковые искры возвращают меня из сладкого сна. Вокруг полумрак, и я в безопасности. Он здесь. Улыбаюсь и переворачиваюсь в его руках, пока не теряюсь в красивом нежном взгляде его синих глаз. Мои ладони исчезают под пиджаком его костюма,

касаются его спины, и я прижимаюсь к нему до тех пор, пока его теплое дыхание не начинает щекотать щеку. Он трется носом о мой нос, кладет руку мне на бедро и подтягивает к себе.

— Я за тебя волновался, — шепчет он. — Что случилось?

— Меня стошнило на пару пожилых леди.

В его глазах появляется озорной блеск:

— Я слышал.

— А потом появился Уильям. — Меня не удивляет, что блеск в глазах Миллера меркнет, и его спина застывает под моими руками.

— Чего он хотел?

— Позлить меня, — бормочу, прижимаясь к его груди, щеку кладу на уровне его сердца. Оно отбивает сильный, уверенный ритм, и этот звук меня окончательно успокаивает. — Скажи, что никогда меня не бросишь.

— Обещаю, — он не колеблется, словно его предупредили, что я попрошу об этом, как будто он знает, почему Уильям меня преследует.

Этого достаточно, потому что Миллер Харт не дает обещаний, которых не может сдержать.

— Спасибо.

— Не благодари меня, Оливия. Никогда меня не благодари. Иди сюда, дай мне взглянуть на тебя.

Он вырывает меня из безопасности своего тела и подтягивается, облачиваясь на изголовье моей кровати, и так же просто усаживает меня к себе на колени. Между нашими телами чувствую его эрекцию, длинную и твердую, но судя по взгляду Миллера, я одна в состоянии страстного желания. Хмурюсь и делаю коварное движение, как раз когда он хватает мои руки и переплетает наши пальцы. А потом он, глядя на меня, понимающе изгибает бровь.

— Зачем тебе работать в бистро?

От его странного вопроса прекращаю все свои соблазнительные телодвижения.

— Чтобы зарабатывать деньги. — Это не совсем правда. У меня есть банковский счет, который под завязку забит деньгами.

— У меня куча денег. Тебе не обязательно вкалывать в лондонском кафе.

Кусаю нижнюю губу, перекатывая ее между зубами, пока раздумываю над тем, что он сказал. Он часто сглатывает, и я четко вижу перекатывания его адамово яблока. Он нервничает относительно моей реакции, ведь есть, из-за чего.

— Мне не нужны деньги от мужчин, — я остаюсь спокойной, хотя его слова забрали наполнявшее меня ранее чувство безопасности.

— Я не *какой-то* мужчина, Оливия, — его ладони ложатся мне на плечи, и он тянет меня к себе, к уже колючей челюсти. Синие глаза обжигают меня закипевшей злостью, но он по-прежнему ласков со мной, его голос нежен. — Не переживай.

— Не переживаю. Просто хочу зарабатывать свои собственные деньги.

— Я ведь знаю, что у тебя гораздо больше амбиций, чем простое приготовление кофе. — Голос у Миллера покровительственный, и хотя я могла бы напомнить, что его собственные амбиции были гораздо менее похвальны, к еще одной стычке сегодня я просто не готова.

— Я устала, — с этим жалким заявлением ухожу от разговора и опускаюсь на его

облаченный в костюм тора, прячу лицо в изгиб его шеи и вдыхаю мужской запах.

— Устала, — он вздыхает и заключает меня в свои объятия. — Сейчас только половина седьмого, и я уверен, что ты в постели с полудня.

Игнорирую его замечание и поднимаю руку, играя с его ухом, указательным и большим пальцам тереблю мочку.

— Как прошел твой день?

— Был долгим. Что хотел Андерсон?

— Я уже сказала, позлить меня.

— Поясни.

— Нет.

— Я задал вопрос.

— Ты можешь задавать его, сколько угодно, — шепчу я. — Я не хочу об этом говорить.

Он отодвигает меня прежде, чем я успеваю сгруппироваться и помешать ему. Он поднимает меня так, что я оказываюсь верхом на нем, и крепко сжимает мои бедра, в глазах нетерпимость.

— Вот незадача.

— Для тебя, — бормочу возмущенно. Я испытываю его терпение, но у меня совсем нет желания делиться с ним своими недавними познаниями — возможно, никогда не появится. Я была рождена из выгоды, выгоды не совсем обычного рода. Я служила цели, одной единственной цели, которая, в любом случае, провалилась.

Я под пристальным наблюдением. Он ждет моих объяснений, которых никогда не будет, и все равно выжидающая поза Миллера не спасает меня от более неприятных мыслей, которые лезут через барьер в моей голове. Как должен был себя чувствовать Уильям, зная, что Грейси беременна от другого мужчины, когда он любил ее так сильно? Она наказывала его, трахаясь с другими мужчинами, теперь это ясно, но намеревалась ли она беременеть? Было ли еще одним из моих предназначений наполнить Уильяма болью? И заставил бы Уильям маму избавиться от меня, если бы я не служила отвлечением для его врагов? Я была всего лишь пешкой. Вещю, которую Уильям использовал для своей выгоды.

— Оливия? — ласковый голос Миллера, зовущий меня по имени, возвращает мое удрученное сознание в комнату, туда, где я с кем-то, кто меня *действительно* хочет. Не потому что я должна выполнить какую-то задачу, а потому что я и есть *его* задача.

— Уильям меня использовал, — шепчу я, эти слова причиняют мне физическую боль. Я проходила через это. Проходила через боль быть брошенной, но теперь я столкнулась с новым видом боли. — Мама забеременела от другого мужчины, чтобы наказать Уильяма. — Вздрагиваю от холодности собственных слов и зажмуриваюсь. — Они любили. Уильям и мама были безнадежно влюблены, и они не могли быть вместе из-за мира Уильяма. Если бы не те люди узнали об их с Грейси отношениях, они бы использовали ее против него. — Вдруг в голову приходит вероятность того, что Уильям держал ее при себе не только для того, чтобы удовлетворять свою потребность в ней, но и как другое, сдерживающее средство. Он никогда не связывался со своими девочками. Это было общеизвестным фактом.

Мои глаза остаются крепко зажмурены, пока я не чувствую движение под собой и теплые губы Миллера на моих:

— Шшш, — успокаивает он меня, несмотря на то, что я уже перестала говорить. Мне больше нечего сказать, и я надеюсь, Миллер больше не будет допытываться. Каждая крупинка той информации, что Уильям скормил мне сегодня утром, вся сила и страсть их с мамой

отношений была уничтожена его финальным откровением.

Ты спасла жизнь своей мамы.

Нет, не спасла, и мое сегодняшнее состояние не позволит мне почувствовать сожаление.

— Как долго ты знаешь Уильяма? — спрашиваю, когда он, не останавливаясь, покрывает поцелуями мои щеки и губы.

— Десять лет. — Его ответ приносит завершенность в разговор, а его губы продолжают терзать мои, язык проскальзывает в мой рот и с трепетом исследует. Чувствую отвлечение, так что отстраняюсь от его пытливых губ и смотрю на него секунду, убирая с его лба непослушную прядь волос. Он недоволен моим отказом, что только усиливает мои подозрения.

— Когда ты понял, что я знакома с Уильямом, ты знал, что ему будет что сказать о нас, так ведь? Он не согласен с тем, как ты ведешь дела.

— Правильно.

— Это все?

Он пожимает плечами, выражая безразличие.

— Андерсону есть что сказать о многих вещах, включая меня.

— Он сказал, что ты аморален, — шепчу, опустив глаза на наши колени, почти пристыженная тем, что делюсь мыслями Уильяма, смешно, учитывая, что я слышала, как Уильям говорил это Миллеру в лицо.

— Посмотри на меня, — он подушечкой пальца касается меня под подбородком, вынуждая поднять лицо. Тут же встречаюсь с сияющим взглядом и мягкими приоткрытыми губами. — Никогда с тобой, — говорит он четко, тихо, словно магнит, притягивая мой взгляд.

Я это знала. Нашу ужасную встречу в отеле нужно забить. Там не был мой Миллер.

— Я люблю тебя, — говорю ему на выдохе, обвивая его руками, вжимаюсь в его торс и щекой опускаюсь на его плечо. Он отвечает мне практически неслышным стоном и опрокидывает меня на спину, всем своим телом пригвозждая меня к постели. — Ты весь помнешься, — бормочу, взъерошивая его волосы, и пытаюсь отключиться от встречи с Уильямом. Все эти годы я хотела услышать объяснение, совершала ради этого немислимые поступки, и вот теперь я столкнулась с ним и всем сердцем желаю забыть.

— Могло быть и хуже, — он прикусывает кожу на шее, от жаркого давления его губ я начинаю извиваться.

— Как? — Навязчивая идея Миллера относительно своего внешнего вида явно уменьшилась, в то время как мне должно чрезвычайно льстить, что его строгие, странные привычки ослабли, я никак не могу понять, почему меня так беспокоит его равнодушие.

— А вдруг нам нужно было бы пойти куда-то поесть.

Хмурюсь, но он продолжает говорить быстрее, чем я успеваю спросить, о чем он, ради всего святого, говорит.

— К счастью, твоя милая бабушка вызвалась нас покормить, — он приподнимается на локтях и смотрит на меня сверху вниз, в глазах коварный блеск. Я знаю, что он ищет. И я его не разочарую. Закатываю глаза.

— Она пыталась тебя, пока ты не согласился?

— Не было необходимости, — Миллер оставляет на моих губах неторопливый поцелуй и подтягивается, этим движением вдавливаясь в меня бедрами. Мои глаза распахиваются, между ног становится влажно. Теперь, когда голова опустела от нежеланного груза, в

комнате чувствуется что-то еще. Что-то привлекательное.

Желание.

Закусив нижнюю губу, тянусь к его плечам и стаскиваю с него пиджак, ощущение его крепких мышц под моими руками только усиливает мое похотливое состояние. Он неспешно качает головой, определенно, непоколебимо, и я недовольно вздыхаю.

— В таком случае, контролируй себя, — подаюсь вверх бедрами, выбивая из него резкий выдох, вслед за этим следует жалкая попытка сердито на меня посмотреть. Улыбаюсь и повторяю свое движение. Конечно, это и меня саму заводит еще больше, но попытки Миллера сдерживаться пробуждают во мне детское озорство. Я снова подаюсь бедрами и со смехом наблюдаю, как он вскакивает с кровати, расправляет свой костюм и поправляет пиджак.

— В самом деле, Оливия?

Сажусь со злой усмешкой на губах.

— Всегда к твоим услугам, — заявляю, подперев рукой подбородок и поставив локоть на колено. Миллер по-прежнему занят, приводя себя в порядок, предпочитая ответить, не глядя на меня.

— Хорошая работа, не согласна?

— Вежливо смотреть на того, кто с тобой разговаривает.

Руки прекращают свое хаотичное движение, и он медленно обращает ко мне бесстрастное выражение лица.

— Хорошая работа, не согласна?

— Нет, не согласна. — В голове проносятся картинки спортивного зала, студии и машины. По крайней мере, здесь есть постель. И это *моя* спальня. Я медленно сползаю с матраса и целенаправленно подхожу к нему. Он наблюдает за мной молча, почти настороженно, до тех пор, пока я грудью не прижимаюсь к нему. Перевожу глаза на его губы. Жаркий воздух выходит из приоткрытых губ, разжигая мой голод, раздувая самоуверенность. — Я не переживу обед, — предупреждаю я его, пригвоздив взглядом.

— Я не проявлю такое неуважение к твоей бабушке, Оливия.

Прищуриваюсь и коварным движением руки провожу по его эрекции. Он отскакивает. Я подхожу ближе.

— Не будь таким дерганым.

Он хватается меня сильным руками за плечи и наклоняется так, что его полное раздражения лицо оказывается на одном со мной уровне.

— Нет, — говорит он просто.

— Да, — отвечаю резко, вырываясь из его хватки, и хватаю его за пояс брюк. — Ты сам раздражил, тебе и отвечать.

— Черт тебя подери!

Мое внутреннее я ликует, понимая, что я его получила. Он не может заставить меня выдержать еще один обед за столом Нан, когда я в таком состоянии. Я просто в какой-то момент вспыхну.

— Расслабься.

— Дай мне сил, Оливия, — он убирает от себя мои руки и толкает меня на кровать, опора скрипит, а изголовье ударяется о стену. Эта победа переполняет меня необъяснимым чувством гордости. Поджимаю губы и зажмуриваю глаза, пока он кружит по мне. Это трение заставляет меня ерзать под ним в попытке раздвинуть ноги и облегчить растущее между ног

напряжение. От своего поступка зарабатываю еще большее ограничение свободы. Он вдавливают мои запястья в матрас. — Хочешь меня? — выдыхает он мне в лицо, осторожно толкаясь вперед, выбивая из моих легких сдерживаемый воздух. Я стону, распахнув глаза. Меня встречают темные ресницы, обрамляющие пьянящие синие глаза. — Не заставляй меня повторять вопрос.

— Да! — кричу, получая новый расчетливый толчок, отчетливо ощущая его силу под тканью брюк. Меня охватывает дурман, и комната начинает вращаться с бешеной скоростью, и только совершенное лицо Миллера остается передо мной четким. — Миллер, — я задыхаюсь, одновременно любя и ненавидя его контроль над моим телом.

Самодовольство окутывает его черты. А потом он отталкивается от меня и снова поправляет свой костюм.

— Идем. Твоя бабушка уже волнуется.

У меня челюсть отвисает в абсолютном неверии:

— Ты не...

— О-о, да. — Он поднимает меня с постели и принимается за создание моего презентабельного вида, пока я стою в абсолютном шоке от его коварной игры. Он возбужден. Это, должно быть, больно, потому что я знаю, что мне плохо. Он убирает мои непослушные локоны за спину, выглядя довольным от полученного результата. — У тебя щеки горят, — говорит он, самодовольство из него так и сочится.

— Как... — он прижимает палец к моим губам, заставляя замолчать, прежде чем его губы приходят на смену пальцу, только ухудшая мое и без того возбужденное состояние.

— Просто думай о том, какое удовольствие ты получишь позже, когда я смогу взять свое с тобой время.

— Ты невероятно жесток, — хнычу, обвивая его шею руками и терзая его губы, стараясь получить от него все, что успею, прежде чем он меня оттолкнет.

Он не отстраняет меня, вместо этого отрывает от пола и несет к двери, отвечая на мой поцелуй, принимая дикий танец моего языка у него во рту, и стоном выражает свою признательность. В попытке заманить его дальше, я ногами обхватываю его крепкие бедра и выгибаюсь, грудью прижимаясь к его торсу, сжимаю в кулак его волосы. Я мурлычу, хнычу, вздыхаю. Наклоняю голову, губами прослеживая контур его губ, прикусываю их в перерывах между танцем языков. Это только усиливает мою жажду, но, если это все, что мне позволено, я воспользуюсь этим сполна. Мои глаза закрыты, ладони Миллера обхватывают мою попу, сжимая и поглаживая, пока он спускается вниз по лестнице. Мое время истекает.

— Оливия, — задыхается он, разрывая наш поцелуй.

— Не-а, — стону, подталкивая его за затылок и снова приклеиваясь к его губам.

— Боже, ты меня убиваешь.

Сквозь дурман подмечаю нелепость его заявления.

— Забери меня к себе, — умоляю, хоть и понимая, что просьбы напрасны. Миллер слишком вежлив, чтобы так подвести Нан. Чувствую запах еды, какой-то густой аромат доносится с плиты, и я слышу радостные напевы бабушки на кухне.

— Она очень старается, — он отодвигает меня от своего костюма и опускает на ноги, поддерживая. — Ты разве не голодна? — Его взгляд опускается к моему слишком плоскому животу.

— Не очень, — принимаю свое поражение. В голове нет места голоду.

— Мы должны решить эту проблему с твоим аппетитом, — язвит он резко. — Прежде

чем ты испаришься на моих глазах.

— Нет у меня проблем. — Поднимаю руки и вожусь с галстуком Миллера, до тех пор, пока у меня не получается аккуратный маленький узел. — Я ем, когда голодна.

— И когда же это? — он смотрит на меня выжидательно, снимая пиджак и вешая его на вешалку, после чего поворачивается к зеркалу и развязывает то, над чем я трудилась, совершенствуя, тридцать секунд. Мышцы его спины напрягаются, когда он поднимает руки к шее, отчего ткань жилетки натягивается. Вздыхаю признательно. — Нужно отвести тебя к врачу.

Его заявление возвращает меня в здесь и сейчас, заставляя взглянуть в его серьезное лицо.

— Уже была, — шепчу я.

Он не может скрыть свой шок. Я счастлива, что могу вытащить из него все эти эмоции, только не сейчас.

— Ты ходила без меня?

Мои плечи сугулятся, выражая отчужденность.

— Девушка на ресепшене сказала, что посткоитальный контрацептив нужно принять как можно раньше, а единственное свободное время у них было только сегодня утром.

— Ох, — он опускает руки, бросая возиться с галстуком, чувствует себя неудобно. — Я не хотел, чтобы ты проходила через это одна, Оливия.

— Я приняла таблетку, — улыбаюсь, стараясь расслабить его. Он чувствует себя виноватым.

— А противозачаточные?

— Сделано.

— Ты начинаешь?

— В первый день следующего цикла. — Я точно помню эту часть, остальное не очень.

— Это когда?

Про себя перебираю свой цикл, хмурясь.

— Через три недели, — это ему не понравится. У меня были месячные как раз, когда Миллера... не было.

— Превосходно, — говорит он, весь такой формальный, как будто только что заключил выгодную сделку. Закатываю глаза, не обращая внимания на его испытующий взгляд.

— И прежде, чем ты спросишь, да, грубить обязательно.

Он поджимает губы и несильно прищуривается.

— Дерзкая девочка, — шепчет он, заставляя меня улыбнуться. — Я бы пришел.

— Я уже большая девочка, — я с легкостью сбрасываю с него озабоченность, хотя, честно говоря, это полностью его вина, что я оказалась в таком положении. Такого больше не будет. — И в любом случае, я с этим вопрос покончила. — Улыбаюсь, стараясь облегчить его чувство вины. — Точнее, кончила.

Он отражает мою улыбку.

— Вдвойне дерзкая.

Нас прерывают шаги, и появляется Нан, ее живое лицо живее обычного, и я знаю, это потому что Миллер здесь, и он позволил ей себя накормить.

— Тушеное мясо с картофелем! — напевает она, довольная. — На что-то более экстравагантное у меня не было времени.

Миллер отводит от меня глаза и разворачивается на своих дорогуших ботинках.

Довольство Нан растёт, даже учитывая то, что она лишилась вида идеальной задницы Миллера.

— Уверен, что бы вы ни решили приготовить, все будет идеально, миссис Тейлор.

Он машет в сторону Миллера кухонным полотенцем, вся такая скромная и задорная.

— Я накрыла стол на кухне.

— Если бы я знал, что мы будем ужинать вместе, я бы что-нибудь принес, — говорит Миллер, прижимает ладонь к моему затылку и подталкивает следовать за бабушкой на кухню.

— Ерунда! — смеется Нан. — Кроме того, у меня еще сохранилось шампанское и икра.

— С жаркое? — спрашиваю, хмурясь.

— Нет, но я сомневаюсь, что Миллер принес бы бочонок дешевого пива взамен, — бабушка машет рукой, указывая на стул. — Садитесь.

Для меня отодвинут стул и задвинут, сразу после того, как я занимаю свое место. Его губы касаются моего уха:

— Как быстро ты сможешь съесть тушеное мясо с картофелем?

Игнорирую его и сосредоточенно впитываю в себя жар его дыхания. Глупо, наверное, но неважно, насколько быстро я могу есть, потому что манеры Миллера просто не позволят ему заглатывать пищу.

Он садится рядом со мной и дарит сексуальную улыбку как раз тогда, когда в центре стола появляется огромный котелок. Я вдыхаю аромат мяса, овощей и картошки. И морщусь. Я совсем не голодна, разве что этим выводящим из себя мужчиной рядом со мной.

— Куда запропастился Джордж? — досадует Нан, нетерпеливо поглядывая на свои часы. — Опаздывает уже на пять минут.

— Джордж к нам присоединится? — спрашивает Миллер, кивая в сторону источника пар котелка, его приказ мне приступать. — Приятно будет снова его увидеть.

— Хмм, так не похоже на него.

Она права. Обычно он уже сидит за столом, вооружившись вилкой и ножом, и готовый первым наброситься на еду. К сожалению, сегодня я удостоена такой чести. Беру сервировочную ложку, выражая энтузиазм равный тому, что чувствую, и погружаю ее в середину котелка, отчего аромат вокруг становится только сильнее.

— Пахнет вкусно, — сообщает Миллер бабушке, при этом, не отводя от меня глаз. Я не уверена, сколько смогу съесть. Но с тем интересом к моим привычкам в еде, который обеспечен со стороны Миллера и Нан, мне суждено одолеть целую тарелку.

Меня спасает дверной звонок.

— Я открою, — бросаю ложку и поднимаюсь со стула только для того, чтобы меня толкнули обратно.

— Позволь мне, — вмешивается Миллер и забирает сервировочную ложку, накладывая мне полную тарелку мяса, прежде чем отправиться в коридор.

— Спасибо, Миллер, — нараспев произносит Нан со счастливой улыбкой. — Такой джентльмен.

— Периодически, — бормочу себе под нос и беру ложку, наполняя тарелку Миллера до краев так, что еще чуть-чуть, и все вывалится на стол.

— Он голодный? — спрашивает Нан, следя за тем, как ложка снова и снова летает от котелка к его тарелке.

— Умирает с голоду, — заявляю, молча усмехаясь.

— Оставь немного для Джорджа. Он будет рвать и метать, если не получит, по крайней мере, двойную порцию. — Она цепляется за котелок, проверяя оставшееся содержимое.

Там полным-полно.

— Хорошо. Ешь, — она пальцем показывает на мою тарелку, и я спрашиваю себя, куда подевался обеденный этикет, согласно которому мы должны дождаться всех. Нан поглядывает в сторону коридора и хмурится. — Думаешь, он потерялся?

— Я проверю, — подскакиваю, все что угодно, лишь бы избежать еды. Надеюсь, что каким-то чудом, пока я хожу за Миллером и Джорджем, аппетит появится. Не торопясь выхожу в коридор и успеваю заметить лишь спину Миллера перед тем, как за ним закрывается дверь.

— Чего ты хочешь? — слышу, как он старается шептать. Совсем не получается.

Спустя долю секунды я понимаю, что кто бы ни звонил в дверь, это явно не Джордж. Они бы уже давно вернулись к столу, и Миллер не задавал бы этот вопрос столь злобным тоном. Мои шаги ускоряются так же, как и стук сердца. Берусь за дверную ручку и тяну, но дверь сдвигается всего на пару миллиметров, с другой стороны растет сопротивление. Не хочу кричать на него и привлекать внимание бабушки, так что жду какое-то время, пока не чувствую, как сопротивление слабеет, а потом со всех сил дергаю ее на себя. Срабатывает. Миллер едва заметно отшатывается от неожиданной потери опоры, непослушные волосы падают ему на лоб, меня пробивает шокированный взгляд синих глаз.

— Оливия! — Он едва сдерживает свой гнев, делает шаг ко мне и ладонью обхватывает заднюю часть моей шеи. А потом отодвигается, разоблачая таинственного гостя.

— Грегори, — выдыхаю я, довольная и настороженная одновременно. Все не идеально. Я бы никогда не хотела попытаться восстановить нашу дружбу на глазах у Миллера, но он здесь, и с этим ничего не поделаешь. Стиснутая челюсть Грегори — явный признак того, что его терпимость по отношению к Миллеру не возросла, вибрация от прикасающегося ко мне Миллера свидетельствует о том, что это чувство взаимно.

— Мило и плюшево, — выплевывает Грегори, переводя уничтожающий взгляд с Миллера на меня.

— Не будь таким, — говорю я мягко, пытаюсь подойти к нему и не преуспеваю. Миллер не отпускает меня, во что бы то ни стало. — Миллер, пожалуйста, — выкручиваюсь из-под его руки, и за свое действие получаю рычание.

— Забудь, Оливия, — он останавливает меня, и я, поднимая глаза, вижу, как все его лицо накрыла убийственная тень. Мне это не нужно.

— Чего ты хочешь? — голос Миллера пропитан опасностью.

— Хочу поговорить с Оливией, — ответ Грегори, соответствуя злобе Миллера, также безжалостен. Они, как два хищника, испепеляют друг друга тяжелым взглядом, челюсти стиснуты, каждый готов атаковать, только вот я не уверена, кто из них первым потеряет контроль. Заявление Грегори одобрено.

— Так говори.

— Наедине.

Миллер качает головой, уверенно, каждая клеточка его изящного тела источает превосходство.

— Нет, — произносит он шепотом, но едва слышное его слово переполнено решимостью — повышать голос нет необходимости.

Грегори отрывает взгляд карих глаз от Миллера и смотрит на меня презрительно.

— Ладно, можешь остаться, — уступает он, вены на его шее вздуваются.

— Это и не подлежит обсуждению, — поясняет Миллер.

Мой лучший друг не удостаивает его презрительным взглядом, вместо этого продолжает холодно на меня смотреть.

— Я сожалею, — говорит он, с нулевой искренностью, на лице написано абсолютное равнодушие, и оно не покидало его с тех пор, как я на него посмотрела. Ни в лице, ни в голосе нет ни капли сожаления, хотя я бы и хотела его увидеть. Я тоже хочу извиниться, только за что, не знаю. Не думаю, что сделала что-то, о чем должна жалеть. Тем не менее, я лучше предложу свое извинение, если это будет значить, что я верну Грегори. Я, возможно, отвлеклась после нашей стычки, но его нет рядом, и это съедает меня изнутри. Я жутко по нему скучаю.

— Я тоже сожалею, — шепчу, игнорируя учащенное дыхание Миллера и передергивание позади себя. — Ненавижу все это.

Вижу, как низко он склоняет голову. Рукой лезет в карман своих джинсов, его рабочие ботинки приминают траву.

— Малышка, я тоже это ненавижу, но я здесь для тебя, — мой друг поднимает на меня полный муки взгляд. — Ты должна это знать.

Меня переполняет счастье, словно тяжкий груз упал с плеч.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — отвечает он, а потом достает что-то из кармана. Протягивает мне руку с чем-то, зажатым в пальцах. Непонимание приходит на смену облегчению, и я, определенно, не представляю, что Миллер за моей спиной превратился в камень. — Возьми, — уговаривает Грегори, взмахнув передо мной рукой.

Серебристый блеск подхватывает свет с крыльца, грозясь ослепить меня, словно низкий свет зимнего солнца. А потом я замечаю идеальную гравировку. «Деловая» визитка Миллера. Сердце подпрыгивает к горлу и встает там комом.

Миллер резко поднимает руку и выхватывает визитку.

— Где, блять, ты это взял?

— Неважно, — спокойно говорит Грегори, с абсолютным контролем, тогда как я полностью теряю свой, все тело дико трясет от дрожи.

— Это имеет значение, — рычит Миллер, сжимая руку в кулак, сминая в нем визитку до тех пор, пока она не исчезает из виду. — Где?

— Пошел ты.

Всего один стук сердца, и Миллера уже нет рядом.

— Миллер! — кричу, но он впал в состояние дикой ярости, и ничто не вытащит его обратно.

Грегори делает попытку увернуться от первого удара, но вскоре оба в злобной хватке уже катаются по бетону.

— Миллер! — мои лихорадочные крики безнадежны так же, как и мое онемевшее тело, которое я отчаянно продолжаю ценить в тумане паники. Встретать между этими двумя было бы глупо, но мне ненавистно это чувство беспомощности. — Прошу, остановись! — тихо плачу. Слезы, собравшиеся в глазах, освобождаются, стекают по щекам, затуманивают болезненную картину передо мной.

— Тебе следовало держать подальше свой гребаный нос! — рычит Миллер, схватив Грегори за рубашку, и с яростью бьет того по челюсти, отчего голова моего друга

отворачивается в сторону. — Почему, блять, каждый думает, что у него есть богом данное право вмешиваться?

Удар!

Еще один карающий удар разбивает губы Грегори, и кровь течет из раны, пачкая костяшки Миллера.

— Оставьте нас, блять, в покое!

— Миллер, остановись! — кричу, пытаюсь подойти ближе, только ноги превратились в желе, заставляя опереться о стену, чтобы устоять на ногах. — Миллер!

Он забирается верхом на Грегори, все его тело налилось свинцом, по лицу стекают капли пота. Худшее его состояние из всех, что я видела. Он окончательно потерял контроль. Он встряхивает Грегори, обеими руками схватив за ворот рубашки.

— Я вырву позвоночник каждому, кто попытается забрать ее у меня! Ты не исключение, — он бросает Грегори на спину и встает, ни на секунду не отводя глаз от моего друга. — Ты будешь молчать.

— Миллер, — хнычу я, изо всех сил стараясь выровнять дыхание, несмотря на рыдания.

Он медленно поворачивается ко мне, и мне совсем не нравится то, что я вижу. Помраченное состояние. Буйство. Помешательство. Эта его сторона, дикая, безумная, сумасбродная, мне совсем не нравится. Она пугает меня, не только из-за того вреда, который он может нанести с такой легкостью, но и потому, что он будто не осознает, что творит, находясь в этом разрушающем состоянии. Мы удерживаем взгляд друг друга очень долгое время, я, стараясь вернуть его обратно, он, распрямляясь передо мной. Грегори в плохом состоянии, пытается подняться на ноги позади Миллера, хватается за живот и шипит от боли. Он такого не заслужил.

— Она должна знать, — бормочет он, полусогнувшись, явно от жуткой боли. Его едва различимые слова кажутся громкими и четкими. Он думает, я не знаю. Думал, что придет сюда, поделиться со мной информацией о мужчине, которого ненавидит, и это заставит меня выбросить его из своей жизни. Он думает, что Миллер взорвался поэтому, а не просто из-за его вмешательства или риска быть раскрытыми перед Нан, что, я знаю, для него сейчас является самой сильной тревогой. Мое бедное сердце все еще колотится, ударяясь о грудную клетку, и это осознание просто включает еще один двигатель.

— Я уже знала, — говорю на выдохе, продолжая смотреть на Миллера. — Мне известно, кем он был и чем занимался. — А еще мне известно, что эти новости принесут Грегори вред. Он думал, что даст мне идеальный повод оставить Миллера, и думал, что сможет меня успокаивать, пока я перевариваю ужасающее открытие. Больше всего он надеялся на это. Но он ошибся, и я четко понимаю, что это может стать последним ударом по нашей дружбе. Он никогда не поймет, почему я все еще с Миллером, и я сомневаюсь в своей способности заставить его увидеть или силе, чтобы все исправить.

— Ты знала? — теперь в его голосе абсолютный шок. — Ты в курсе, что этот кусок дерьма — гребаный жиголо?

— Эскорт, — поправляю я. — И *был* им. — Позволяю себе перевести глаза с пульсирующих плеч Миллера на полусогнутый силуэт Грегори. Он начинает выпрямляться.

От неверия в его лице меня пробивает нежеланная, произвольная дрожь.

— Что, нахрен, с тобой случилось? — Этот взгляд отвращения пробивает меня, так что я поджимаю губы, чтобы сдержать рыдания, понимая, что они только снова приведут Миллера в бешенство.

Я не замечаю, как за моей спиной распахивается дверь. Но слышу озабоченный голос бабушки:

— Ужин остывает! — кричит она, а потом на короткий момент опускается тишина, момент, когда он пытается вникнуть в то, что увидела. — Что за черт?..

У меня нет времени, чтобы даже подумать о том, какое объяснение я могла бы дать бабушке. Грегори оживает и набрасывается на Миллера, толкая его в живот и поваливая их обоих на тротуар.

— Ублюдок! — кричит он, замахаясь в попытке яростно ударить Миллера, но тот отворачивается, в результате кулак Грегори врезается в бетон за головой Миллера. — Блять!

Миллер вскакивает и тащит за собой Грегори, вбивая его в низкую стену в конце нашего сада.

— Силы небесные! — Нан пролетает мимо меня и вклинивается между двумя мужчинами, ее отъявленное мужество останавливает эту ужасную картину. Нет и намека на страх в ее старом лице, только невероятная решимость. — Прекратите! — кричит она, вставая между ними и с криком расталкивая их в разные стороны. — Достаточно! — Парни оказываются по обе стороны от нее, потные и глазающие поверх ее головы. Он сильная, но мой страх за нее сильнее, так как я вижу, какая злость сжигает обоих мужчин, и она не ослабевает. Она не дряхлая, но все же пожилая леди. Не стоит ее встречать между двух этих мужчин, особенно Миллера. Он в бешенстве, не в состоянии мыслить здраво. — Я даю вам один шанс! — предупреждает она. — Прекратите, или будете иметь дело со мной!

Ее слова пугают меня до чертиков, но сомневаюсь, что они произведут тот же эффект на этих двоих. Так что мой шок вполне ожидаем, когда они расслабляются и одновременно отводят друг от друга взгляды убийц. А потом я вспоминаю шутку Уильяма.

Никто никогда не заставлял меня дрожать от страха, Оливия. Только твоя бабушка.

— Так-то лучше, — она медленно убирает ладони с груди обоих, убеждаясь, что они останутся на месте. Она морщится при виде отвращения, с которым Миллер и Грегори смотрят друг на друга. — Не смейте заставлять меня снова вас разнимать. Слышали?

Я вздрагиваю, когда Миллер резко и коротко кивает, а Грегори выражает свое согласие, вытирая кровотокающий нос.

— Хорошо, — она указывает на входную дверь. — Идите в дом, прежде чем соседи начнут судачить.

Остаюсь тихим наблюдателем того, как моя бабушка взяла управление в свои руки и остановила эту ужасную сцену, подталкивает обоих к дому, когда ни один из них не двигается достаточно быстро, чтобы ее удовлетворить. Голова Миллера опущена, я знаю, что это от стыда за то, что моя дорогая бабушка, женщина, которую он уважает, стала свидетелем его срыва. Я только благодарна за то, что она не появилась минутой раньше, чтобы застать Миллера в полном психозе.

Грегори проходит мимо меня первым, потом Нан, а Миллер, подойдя ко мне, застывшей, медленно заглядывает в мои измученные глаза и останавливается передо мной.

У него истерзанный вид, рубашка и жилетка измяты, порваны на плече, волосы взлохмачены и испачканы.

— Прости, — говорит он тихо, а потом разворачивается и уходит по дорожке, длинными шагами мгновенно преодолевая расстояние до машины.

— Миллер! — кричу, запаниковав и бросившись за ним. Слабость в ногах не дает передвигаться быстро, и гравий трещит под колесами прежде, чем я успеваю добежать до

конца дорожки. Инстинктивно прижимаю руку к груди, как будто давление сможет успокоить бешеный стук сердца, Не может, и не уверена, что хоть что-то в силах будет это сделать.

— Ливи? — низкий, хриплый голос Джорджа отвлекает меня от исчезающего мерседеса Миллера, и я смотрю на его озабоченный силуэт, приближающийся к дому. — Милая, что происходит?

Эмоции берут верх, и я разваливаюсь, позволяя ему заключить меня в медвежьи объятия и держать мое ослабшее тело.

— Все пошло жутко неправильно, — плачу в его свитер крупной вязки, вжимаюсь в его широкую грудь.

— Ох, моя милая, — успокаивает он, поглаживая меня по спине. — Давай отведем тебя внутрь.

Джордж крепко держит меня за плечи и, проведя по дорожке, осторожно закрывает за нами дверь. А потом он заводит меня в кухню, где я вижу, как Нан влажным тампоном обрабатывает кровоточащий нос Грегори. Чувствую запах спирта и слышу непрекращающееся шипение Грегори, еще одним доказательством служит строгий голос бабушки.

— Не дергайся, — наставляет она, злость все еще слышна в ее голосе.

Грегори смотрит, как Джордж подталкивает меня, усаживая на стул, и протягивает мне свой чистый носовой платок, а бабушка разворачивается и, потеряв интерес к одному мужчине, набрасывается на второго.

— Ты опоздал! — кричит она на бедного, ни в чем невинного Джорджа. — Ужин испорчен, а мне пришлось разнимать драку в своем дворе!

— Притормози на минуту, Жозефина Тейлор! — спина Джорджа выпрямляется, моя напрягается. Она не в настроении получать отпор, Джорджу следовало заметить раздражение, передающееся по воздуху от ее невысокой, полноватой фигуры. Хотя, это его не останавливает. — Я только что пришел и вижу, что ужин испорчен, по крайней мере, из-за нашего беспокойного состояния, так что, почему бы тебе не успокоиться и не прояснить мне два этих недоразумения.

Отчасти шокированная, бабушка прикладывает ватный тампон к разбитой губе Грегори.

— Где Миллер? — восклицает она, смотря на меня хмурым взглядом.

— Ушел, — говорю, платком стирая слезы, и сердито смотрю на Грегори. Его глаза прищурены, и это не от отека. Он будет испепелять меня одним глазом, в отличие от второго, подбитого Миллером во время второй их схватки.

Мой избитый друг рычит что-то, язвительно смеясь, но я не прошу повторить, потому что точно знаю, что бы это ни было, мне это не понравится, так же, как бабушке и Джорджу.

— Что случилось? — спрашивает Джордж, занимая место рядом со мной.

— Будь я проклята, если понимаю. — Нан заклеивает рану на губе Грегори пластырем, убедившись, чтобы его края были прочно приклеены, при этом игнорируя протестующее шипение своего пациента. — Все, что мне известно, Миллер и Грегори, кажется, друг другу не нравятся, но никто не хочет прояснить мне, почему, — она смотрит на меня испытующим взглядом, отчего я опускаю глаза к столу, избегая ее.

Правда в том, что Миллер и Грегори ненавидели друг друга еще до того, как Грегори узнал о его темном прошлом. Теперь же я могу только подытожить тот факт, что они друг друга категорически презирают. Этого я исправить не смогу. У меня может быть один

мужчина или другой. Чувство вины накатывает, когда я смотрю на своего старого друга, своего *единственного* друга, перебинтованного — вина за то, что стала причиной его боли и повреждений, вина из-за понимания того, что его я не выберу.

Встаю, приковывая к себе внимание каждого, они ждут моего следующего действия.

Молча обхожу стол и наклоняюсь, чтобы поцеловать Грегори в щеку.

— Когда ты любишь человека, ты любишь его за то, кем он является, и как таким стал, — шепчу ему на ухо, и тут же вспоминаю, что чуткий слух Нан мог уловить мое заявление. Молюсь, чтобы Грегори сохранил все в тайне — не ради меня или Миллера, а ради Нан. Это вызовет слишком много призраков. — Я не отказалась от него тогда, не откажусь и сейчас.

Выпрямляюсь и молча выхожу из кухни, оставляя свою семью, чтобы пойти и согреть моего *кого-то*.

Глава 16

Множество сияющих зеркал, покрывающих стены фойе в доме Миллера, повсюду разбрасывают мое отражение; от моего вида, заплаканного и безнадежного, некуда скрыться. Консьерж вежливо приподнимает шляпу, и я в ответ вымучиваю из себя скудную улыбку, решив подняться к квартире Миллера на лифте, а не преодолевать несколько сотен ступенек, что стало уже привычным. Гляжу вперед, когда двери открываются, и встречаюсь с еще большим количеством зеркал, смотрю сквозь себя и избегаю жуткого взгляда брошенной женщины перед собой.

Пробыв в лифте будто бы целую вечность, вижу, как открываются двери и заставляю себя выйти из него и подойти к блестящей черной двери, еще больше душевных сил уходит на то, чтобы заставить себя постучать. Я бы задалась вопросом, здесь ли *он* вообще, если бы не напряженная атмосфера вокруг меня. Ярость Миллера висит в воздухе, окружая меня, не давая мне дышать. Чувствую, как она просачивается под кожу и оседает глубоко внутри.

Отскакиваю, когда дверь распаивается с резким свистом и передо мной стоит Миллер, выглядит он не лучше, чем почти час назад, когда уходил от меня. Он даже не пытался привести себя в порядок: волосы по-прежнему взлохмачены, рубашка и жилетка порваны, в глазах все та же ярость. В ладони стакан виски, руки в крови Грегори. Костяшки пальцев побелели от того, как он сжал стакан; Миллер подносит его ко рту и опрокидывает в себя остатки виски, не отводя от меня холодного взгляда. Меня пробирает дрожь, и я теперь рассматриваю пол под своими ногами, но поднимаю глаза, заметив почти неуловимое движение его туфель. Или пошатывание. Он пьян, а когда я присматриваюсь внимательнее, фокусируясь на глазах, что неотрывно смотрят на меня, вижу что-то большее, — что-то незнакомое — и это умножает мой страх шагнуть за грань того, что я когда-либо испытывала в присутствии Миллера. До этого я чувствовала себя уязвимой, безнадежной и беспомощной, но всегда на уровне неуверенности. Я никогда так не боялась, даже во время его бешеных приступов. Это другой страх. Он поднимается по позвоночнику и обвивает шею, затрудняя дыхание и убивая слова. Мой ночной кошмар. Тот, где *он* меня оставляет.

— Иди домой, Ливи, — язык заплетается, делая слова медленными и неразборчивыми, только это не его обычный, решительный, скрипучий голос. Дверь захлопывается у меня перед носом, отзываясь вокруг эхом, и я отскакиваю, шокированная его злобностью. Кулаками колочу по дереву, прежде чем успеваю решить, разумный ли это шаг, меня

охватывает страх.

— Открой дверь, Миллер! — кричу, не переставая избивать черное отполированное дерево, игнорирую быстро распространяющуюся по руке ноющую боль. — Открой!

Бах, бах, бах!

Я никуда не уйду. Если понадобится, буду колотить всю ночь напролет. Он не посмеет выбросить меня из своей квартиры *или* жизни.

Бах, бах, бах!

— Миллер!

Вдруг я бью кулаками в воздухе, и от этого, потеряв ориентир, покачиваюсь вперед. Только пытаюсь поймать баланс, как сталкиваюсь с Миллером.

— Я сказал, иди домой. — Он снова наполнил свой стакан, так что теперь жидкость почти льется через край.

— Нет, — смело выпячиваю подбородок вопреки приказу.

— Не хочу, чтобы ты видела меня таким. — Миллер враждебно надвигается на меня, он пытается меня заставить отступить, но я стою твердо, не желая быть отпугнутой. Теперь из-за моего упрямства мы стоим ближе, практически вплотную, и мои щеки опалает его нетрезвое дыхание. — Я не стану больше просить.

Я молча прирастаю к месту, только слепая решимость не дает ему этого увидеть.

— Нет, — парирую ему просто и уверенно. Он пытается меня оттолкнуть. — Зачем ты это делаешь?

С очевидной неуверенностью он расправляется со своей выпивкой, едва заметно вздрагивает, с его губ срывается вдох, вперемешку с алкогольными парами. Я морщусь, на расстоянии, и от вида Миллера, и от запаха алкоголя одновременно.

— *Я не стану* повторять, — выгалкиваю слова сквозь стиснутую челюсть, играя с ним в его же игру.

Он осматривает меня с ног до головы, тихо размышляя, и при этом бормочет себе под нос невнятные слова. Затем его тяжелый взгляд медленно поднимается по мне, в его привычной манере, только в этот раз причиной тому его опьянение, а не обычная страстная манера Миллера. Его начинает качать.

— Я облажался.

— Знаю, — не спорю с ним. Он говорит холодную, жесткую правду.

— Я опасен.

— Знаю.

— Только не для тебя.

Сердце снова подает признаки жизни. Я знала. Глубоко внутри. Я понимала.

— Знаю.

Он выдает что-то между удовлетворенным кивком и бесконтрольным болтанием головой на широких плечах.

— Хорошо. — Он разворачивается и, шатаясь, идет по квартире, оставив меня закрывать дверь и следовать за ним. Я понимаю, куда он движется, прежде чем резко останавливается и меняет курс, направляясь к шкафчику со спиртным. Он достаточно пьян, по крайней мере, для меня. Как бы то ни было, у Миллера другие представления. Он звенит бутылкой о стакан и больше проливает на комод, чем в стакан.

— Дерьмо! — матерится он, небрежно бросая пустую бутылку в кучу других, отчего слышен громкий звон стекла. — Чертов бардак!

Раздраженно вздохнув, я встаю позади него и пытаюсь привести в порядок разбросанные им бутылки, вытирая разлитое в надежде, что, прибравшись, смогу вернуть спокойствие в его совершенный мир.

— Спасибо, — бормочет так тихо, что я едва его слышу.

— Пожалуйста, — боковым взглядом чувствую, как он прожигает меня глазами, пока я вожусь с бутылками, выигрывая время... или просто медля.

Бах!

Резко оборачиваюсь на звук, Миллер чуть медленней.

Бах, бах, бах!

Мое едва успокоившееся сердцебиение подскакивает на несколько уровней, и я смотрю на Миллера, который тоже пялится на дверь. Только он не торопится идти и выяснять, что там за шум, так что я иду в коридор и огибаю столик, как раз когда еще один резкий стук доносится по ту сторону входной двери Миллера.

— Подожди, — кричит Миллер, хватая меня за руку и останавливая. — Будь здесь.

Он проходит мимо меня, обычно легкие шаги тяжелеют под воздействием алкоголя. Стою спокойно, а в голове вихрь мыслей, когда вижу, как он смотрит в дверной глазок. Практически вижу, как он ощетиливается, и *это* заставляет меня шагнуть вперед, настороженно, но мне слишком любопытно, чтобы остановиться. Он приоткрывает дверь и намеревается выйти из квартиры, но его очевидное намерение скрыть нашего гостя проваливается, когда тот с легкостью толкает его обратно, конечно, заметив нестабильное состояние Миллера.

Теперь уже и я ощетиливаюсь, инстинктивно сжимая челюсть, когда передо мной появляется Уильям, всем своим видом демонстрируя авторитет. Несколько секунд он пристально смотрит на меня, а потом серыми глазами проходится по мятой одежде Миллера. Все не так. Миллер кажется потрясенным, и сейчас Уильям захочет узнать, почему.

— Что ты натворил? — спрашивает Уильям, равнодушно и спокойно, так, будто совсем не удивлен и, может даже, уже все знает.

— Не твое дело, — огрызается Миллер, хлопая дверью. — Тебе здесь не рады.

Чувствую потребность поддержать Миллера, но любопытная сторона меня проснулась вместе с настороженной. Так что я продолжаю стоять, поджав губы, и впитывать враждебность, электризирующуюся между этими двумя.

— А тебе не рады в жизни Оливии, — парирует Уильям, поворачиваясь ко мне. Он, должно быть, замечает неверие на моем лице, только это, кажется, ни в коей мере его не заботит. — Ты идешь со мной.

Я возмущенно фыркаю, заметив, как Миллер позади Уильяма напрягся. Это даже близко недостаточно для меня, чтобы быть уверенной, что он вмешается. *Прошу, не говорите, что он собирается встать на сторону Уильяма!*

— Нет, не иду, — отвечаю уверенно, распрямляя плечи. Меня удивляет, что Миллер до сих пор не встрял, учитывая его бешеную реакцию на вмешательство Грегори всего час назад.

— Оливия, — вздыхает Уильям, — ты действительно испытываешь мое терпение.

Готовлю себя к еще одному комментарию относительно мамы, беспокоюсь о той злости, что закипает во мне только от одной мысли, что Уильям ее упомянет. Если он взорвется и скажет то, о чем я знаю, он думает, тогда я, возможно, буду так же хороша, как

Миллер в его приступах бешенства.

— Это ты испытываешь мое!

Уильям хорошо скрывает свою дрожь, и мне понятно, что это от нежелания выражать перед Миллером свое переживание. Нет, теперь он будет соответствовать этой репутации всемогущества... и это значит, что все будет очень уродливым, очень быстрым.

— Я говорил, тебе не место здесь с ним.

Дыхание перехватывает при воспоминании о том, как Уильям говорил мне похожие слова, когда мне было семнадцать. Я сидела в его кабинете пьяная. Мне не было места рядом с Уильямом. Мне не место с Миллером.

— А где мне место? — спрашиваю, отчего Уильям смотрит на меня настороженно. — Ты как будто не думаешь, что мне есть место хоть где-то. Так скажи, где же оно, мое чертово место?

— Олив... — Миллер встречается, делая шаг ко мне, но я решительно его останавливаю, не желая давать ему возможность согласиться с Уильямом.

— Нет! — ору я. — Все думают, будто знают, что для меня лучше. А как же я? Как насчет того, что знаю я?

— Успокойся. — Миллер рядом со мной, покачиваясь, пытается успокоить меня, прикасаясь к задней части шеи, ласково поглаживая. Не сработает. Только не сейчас.

— Я знаю, что должна быть здесь! — кричу, меня трясет от растущей ярости. — Я спотыкалась по жизни с тех пор, как ты меня прогнал! — обвинительно тычу пальцем в сторону Уильяма. Этот жест заставляет его несильно отшатнуться. — Теперь у меня есть он, — обнимаю Миллера и прижимаюсь к нему. — Чтобы удержать меня от него, тебе придется меня закопать, только так!

У Уильяма нет слов, Миллер рядом со мной напряжен, а меня трясет от злости, япытаюсь сосредоточиться на том, чтобы сделать несколько глубоких вдохов и успокоиться. Сдерживаю воздух. Такое ощущение, что у меня паническая атака.

— Шшшш, — Миллер прижимает меня к себе и целует в макушку. Это не *характерный для его жест*, но это отчасти работает. Я поворачиваюсь к нему и вжимаюсь, его губы прижимаются к моей макушке, целуют и мурлычут, я зажмуриваю глаза.

Проходит много, много времени, прежде чем кто-то произносит:

— Что ты к ней чувствуешь? — спрашивает Уильям, в его голосе нежелание и осторожность.

Стою там, где есть, опасаясь того, что может сказать Миллер. Очарование здесь не спасет. Чувствую, как грохочет его сердце, почти слышу его.

— Она кровь в моих венах, — говорит он четко и нежно. — Она воздух в моих легких. — короткая пауза, и я уверена, что слышу шокированный вдох Уильяма. — Она яркий свет надежды в моей мучительной темноте. Я предупреждаю тебя, Андерсон. Не пытайся забрать ее у меня.

Я проглатываю слезы и еще сильнее вжимаюсь в его грудь, благодарная за то, что он меня поддерживает. И снова опускается эта тишина. Пугающе тихо, а потом я слышу резкий вдох и знаю, чей он.

— Мне абсолютно все равно, что происходит с тобой, — говорит Уильям. — Но как только я получу хоть намек на то, что Оливия в опасности, я приду за тобой, Харт.

С этими словами Уильям закрывает входную дверь, и мы остаемся наедине. Объятия Миллера ослабевают, его дрожь стихает, и он отпускает меня, когда, на самом деле, я хочу,

чтобы он держал меня крепче. Неуверенным шагом он подходит к комоду с шкафичку и со стуком наливает виски, быстро опрокидывая его в себя. Я стою неподвижно и молчу. Спустя как будто столетие, он вздыхает:

— Почему ты все еще в моей жизни, сладкая девочка?

— Потому что ты боролся за то, чтобы я в ней была, — напоминаю ему, не колеблясь, и при этом стараюсь звучать уверенно. — Ты грозился вырвать позвоночник каждому, кто попытается забрать меня у тебя. Жалеешь об этом?

Готовлю себя к нежеланному ответу, когда он поворачивается ко мне, только глаза его опущены.

— Жалею о том, что затянул тебя в свой мир.

— Не надо, — бросаю резко, не хочу, чтобы он потерял свое мужество теперь, когда Уильям ушел. — Я пришла добровольно и добровольно остаюсь. — Решаю игнорировать упоминание фразы «*мой мир*». Меня уже тошнит от слов «*мой мир*», едва ли так же сильно, как от всего остального.

Новая порция виски опрокинута в него.

— Я подразумевал это, — он делает попытку сфокусироваться на моих глазах, но сдается, и вместо этого проходит по гостиной.

— Подразумевал что?

— Мои угрозы. — Он опускается на низкий кофейный столик и аккуратно ставит стакан рядом, несмотря на свое нетрезвое состояние. Даже покручивает его перед тем, как отпустить, довольный местоположением. Непослушные волосы снова дают о себе знать, падая на его лоб, и он убирает их, после чего опускает взгляд на свои руки, локтями упираясь в колени. — У меня всегда был взрывной характер, Оливия, но когда речь заходит о сверхзащите тебя, я сам себя пугаю.

— О чувстве собственности.

Он поднимает голову, и на лбу проступают морщинки:

— Прости?

Уголки моих губ приподнимаются в крохотной улыбке, когда его манеры проступают даже в настолько пьяном состоянии и в такой убогой ситуации. Подхожу к нему и становлюсь на колени между его ног, он смотри на меня, наблюдая за тем, как я убираю его руки с коленей и беру их в свои.

— Чувство собственности, — повторяю я.

— Я хочу защищать тебя.

— От чего?

— От тех, кто вмешивается. — Он погружается в свои мысли и смотрит мимо меня какое-то время, прежде чем вернуть взгляд ко мне. — Все закончится тем, что я кого-то убью. — Его признание должно шокировать меня, только вот то, что ему известно о его необъяснимых срывах, до странного меня успокаивает. Собираюсь напомнить о существовании психологической помощи, управлением собой, о каких-то методах, что помогут ему себя контролировать, но что-то меня останавливает.

— Уильям вмешивается, — сбалтываю я.

— У нас с Уильямом взаимопонимание, — Миллер спотыкается на собственных словах. — Хотя, ты никогда раньше не замечала. Он находит баланс между двумя сторонами. — Отвращение в его нетрезвом голосе почти осязаемо.

— Что за взаимопонимание? — Мне это не нравится. У них обоих ужасный

темперамент. Полагаю, они оба осознают, какой вред могут причинить друг другу.

Он качает головой, раздраженно матерясь.

— Он хочет защитить тебя так же, как я. Ты, вероятно, самая сохранный девушка в Лондоне.

Распахиваю глаза от его некорректного замечания и отпускаю его руки. Не согласна. Чувствую себя самой *уязвимой* девушкой в Лондоне. Но не говорю ему этого. Я борюсь с желанием продолжить спор Уильям-Миллер. Уильям ненавидит Миллера, и это чувство абсолютно взаимно. Я знаю, почему, так что мне просто нужно с этим свыкнуться.

— Хочешь услышать сначала хорошие новости или плохие? — говорю, вставая, и предлагаю ему свою руку. Моя неуверенность немного угасает, когда замечаю в глазах Миллера блеск. Мне он знаком и нужен.

— Плохие. — Он кладет свою ладонь в мою и смотрит на наши переплетенные руки, я же усиливаю хватку и тяну его руку, приглашая встать, что он и делает с довольно большим усилием.

— Плохая новость заключается в том, что у тебя дьявольски сильно будет болеть голова, — отвечаю на его крошечную улыбку и веду нас в его спальню. — Хорошая в том, что я буду здесь, чтобы ухаживать за тобой, пока ты будешь себя жалеть.

— Ты позволишь мне тебя боготворить. От этого я почувствую себя лучше.

Сомневаясь, оглядываюсь на него и поднимаю брови, когда мы входим в спальню.

— Ты хоть сколько-нибудь будешь в форме?

Он садится на постель, получив от меня несильный толчок в плечо.

— Не сомневайся в моей способности удовлетворить тебя, сладкая девочка. — Он ладонями накрывает мои ягодицы и прижимает их сильно, толкая меня в пространство между его широко расставленных ног. Он смотри на меня плотоядным взглядом, который может привести только к одному.

Качаю головой:

— Я не буду спать с тобой, пока ты пьян.

— Готов поклясться в обратном, — заявляет он, его руки перемещаются на мой живот и скользят под топ. Он взглядом бросает мне вызов остановить его, и хотя меня накрыло желание, я не поддаюсь. Понадобилась каждая крупинка силы, но я пользуюсь ей быстро, пока не оказываюсь под его властью. Не хочу, чтобы меня боготворил нетрезвый Миллер. Убираю его руки, снова качая головой.

— Не отвергай меня, — выдыхает он, толкая меня к себе на колени и обвивая себя моими ногами. У меня не остается выбора, так что я рукой обнимаю его за плечи, приближаясь к его лицу. Запах алкоголя только подпитывает мою силу воли.

— Прекрати, — предупреждаю его, не готовая стать жертвой его тактики. — Ты не в том состоянии, и если я тебя поцелую, то и сама, вероятно, опьянею настолько же.

— Я в порядке и идеально способен, — бедрами толкается в мой зад. — Мне нужно снять стресс.

Он нервничает! Это мне нужно снимать стресс, но, если быть честной, мысль позволить Миллеру обладать мной под воздействием алкоголя заставляет меня нервничать. Знаю, что он старается держать себя в руках во время наших встреч, а организм, накачанный алкоголем, не самый лучший в этом помощник.

— Что? — спрашивает он, глядя на меня подозрительно, очевидно чувствуя мои любопытные мысли. — Скажи мне.

— Ничего. — Страхиваю его беспокойство и пытаюсь слезть с его колен. И ничего не выходит.

— Оливия?

— Позволь мне дать тебе твое.

— Нет, скажи мне, что беспокоит твою прекрасную головку. — Он настойчив, усиливаю на мне давление своих рук. — Я не стану больше просить.

— Ты пьян, — выпаливаю тихо, стыдясь сомнений в том, что он обо мне заботится. — Алкоголь заставляет людей терять доводы и контроль. — Теперь я съезживаюсь. Миллеру не нужен виски, чтобы потерять контроль, и обе стычки с Грегори явное тому свидетельство. И та встреча в отеле...

Сажу на его колени и позволяю ему осмыслить мои переживания, сама же нервно верчу колечко, желая переформулировать слова. Он каменеет подо мной, каждый мускул на его теле, кажется, оставит на мне синяки. А потом он обхватывает мое лицо, ласково сжимая щеки, и располагает его точно напротив себя. Он полон раскаяния, и это только усиливает мое чувство вины и стыда.

— Когти ненависти к себе самому впиваются в мою темную душу ежедневно. — Он как будто почти протрезвел за это короткое время, вероятно, моя оплошность его подкрепила. Взгляд синих глаз стал яснее, слова теперь четкие и ясные. — Никогда не бойся меня, умоляю. Я бы никогда не смог причинить тебе вред, Оливия. — Его безрадостное заявление ослабляет мое чувство отчаяния, только немного. Миллер не осознает, какой вред может причинить мне, обидев эмоционально. Больше всего я боюсь именно этого. Потерять его. Я смогу оправиться от физических ран со временем, если нечаянно попаду под один его психических срывов, но никакое время не сможет исцелить внутренние раны, которые он может мне нанести. И это приводит меня в ужас.

— Ты как будто теряешь рассудок, — начинаю осторожно, тщательно подбирая слова.

— Так и есть, — шепчет он, прежде чем кивком дать мне знак продолжать.

— Я не боюсь за себя, мне страшно за твои жертвы и за *тебя*.

— Моя жертва? — Он откашливается. Ему не нравится мой выбор слов. — Ливи, я не бросаюсь на ни в чем не повинных людей. И прошу, не волнуйся за меня.

— Я *волнуюсь* за тебя, Миллер. Ты окажешься в тюрьме, если кто-то обратится в суд, и мне не нравится видеть, как тебе причиняют боль. — Поднимаю руку и провожу по бледному синяку на его поврежденной щеке.

— Этого не будет, — он вздыхает и прижимает меня к своей груди, пытаюсь дать мне чувство комфорта. Странно, но это работает, и я плавлюсь в его расслабленном теле, вторя его уставшим вдохам. Он говорит уверенно. Слишком уверенно. — Прекрасная девочка, я говорил тебе однажды, и в данном случае без проблем повторяюсь. — Он падает на спину, увлекая меня за собой, и борется со мной до тех пор, пока я не оказываюсь прижата к его боку и он не получает доступ к моему лицу. Дорожка легких, как перышко, поцелуев от одной щеки до другой и обратно. — Единственный человек на свете, который может причинить мне боль, в настоящее время находится в моих руках, — он приподнимает мой подбородок так, что мои губы оказываются на одном уровне с его, в нос ударяет тягучий запах виски. Сейчас не обращать на это внимания не составляет труда. Он смотрит на меня так, как будто в его мире есть только я, эти глаза уничтожают во мне беспокойство этого затянувшегося дня. Он приближает ко мне губы, и я храбрюсь, кладу руку ему на грудь, чтобы его почувствовать. — Можно? — шепчет он, замирая в доле миллиметра от моих губ.

— Ты спрашиваешь?

— Я осознаю, что от меня разит, как от ликероводочного завода, — бормочет он, заставляя меня улыбнуться. — И уверен, на вкус лучше не будет.

— Готова поклясться в обратном. — Все мое нежелание позволять ему обладать мной ослабевает под влиянием его нежности, и я преодолеваю крохотное расстояние между нами, наши рты сталкиваются сильнее, чем я намеревалась. Мне плевать. На смену нежеланию пришла острая потребность восстановить покой и некогда расслабленное расположение Миллера. Я чувствую виски, но вкус Миллера сильнее алкоголя, он накрывает меня страстным желанием. Голова начинает кружиться. Единственные посылы, которые я получаю из своего вдруг ставшего туманным сознания, говорят мне позволить Миллеру боготворить меня. Что это развеет мои проблемы. *Это* снова делает все правильным. Это успокоит его. Наши желания сталкиваются, и все прочее уже не важно. В такие моменты все совершенно, но сталкиваясь с бесконечными препятствиями, это чувство тяжело удержать.

Миллер перекачивается на спину, не разрывая нашего поцелуя, одну ладонь он кладет мне на затылок, второй сжимает мою попу, убеждаясь, что надежно меня удерживает.

— Наслаждайся, — шепчет он мне в губы, и это знакомое слово заставляет меня переступить через свою отчаянную в нем потребность и последовать его просьбе, замедляясь. Напрасно я боялась, это меня приходится сдерживать, Миллер же все контролирует и находится в здравом рассудке, несмотря на огромное количество виски, которое чувствуется даже на его губах. — Лучше, — хвалит он, рукой спускаясь к моей шее. — Так намного лучше.

— Хммм, — я не готова отпустить его для высказывания своего одобрения, лучше промурлычу. Чувствую в нашем поцелуе, как его губы растягиваются в улыбку, и это заставляет меня отстраниться, и отстраниться быстро. Уловить блеск одной из редких улыбок Миллера — это сведет меня с ума от счастья. Я поспешно сажусь, убирая волосы с глаз, и когда взгляд проясняется, я ее вижу. Есть что-то еще, открытая, на полную мощь улыбка, которая кружит мне голову. Он всегда выглядит умопомрачительно, даже когда кажется совершенно несчастным, но прямо сейчас он превзошел все идеалы. Он взволнован, потрепан и всклокочен, но невероятно прекрасен, и в то время, как я должна была бы улыбнуться ему в ответ, в соответствии с его легким и ласковым видом, я начинаю плакать. Вся та чушь, с которой мне сегодня пришлось иметь дело, как будто, собралась сейчас вместе и выходит из меня молчаливыми, неконтролируемыми рыданиями. Я чувствую себя глупой, взвинченной и слабой, и в попытке скрыть это, в ладонях прячу лицо и вслепую сползаю с Миллера.

Единственный звук в окружающем нас спокойствии — это мои жалкие рыдания; Миллер молча передвигается, будто целую вечность подбираясь к моему вздрагивающему телу, возможно, потому что его обычно ловкие движения затруднены слишком большим количеством алкоголя. В конце концов, ему удастся изменить свое положение, и он обнимает меня, с шумом вздыхая мне в шею, и осторожно вырисовывает на спине успокаивающие круги.

— Не плачь, — шепчет он, голос его, словно наждачная бумага, низкий и грубый. — Мы справимся. Не плачь, пожалуйста, — его нежность и высказанное понимание только усиливают мои эмоции, моя единственная цель — крепко к нему прижиматься.

— Почему они не могут оставить нас в покое? — спрашиваю, слова едва различимы.

— Не знаю, — признается он. — Иди сюда. — Он убирает мои руки из-за своей шеи и

сжимает их между нами, бессознательно крутит мое колечко, наблюдая за тем, как я пытаюсь остановить слезы. — Хотел бы я быть для тебя идеальным.

Его признание ранит меня.

— Ты идеален, — возражаю, хотя глубоко внутри знаю, как я неправа. В Миллере Харте нет ничего идеального, за исключением его внешнего вида и его нескончаемой одержимости делать все вокруг себя аккуратным. — Ты для меня идеален.

— Я ценю твою неустанную веру, особенно учитывая, что прямо сейчас я пьян и опозорен перед твоей бабушкой. — Раздраженно вздыхая, он качает головой и прижимает к ней руку какое-то время так, как будто обстоятельства его действий стали ясны только что, или их последствия.

— Она взбесилась, — говорю ему, не видя причин пытаться заставить его чувствовать себя лучше. В конечном счете, ему придется столкнуться с ее гневом.

— Я заметил, когда она собственноручно вытолкала меня из вашего сада.

— Ты заслужил.

— Согласен, — сознается он добровольно. — Я позвоню ей. Нет. Схожу. — Он хмурится и тщательно что-то обдумывает, после чего снова обращает на меня все свое внимание. — Думаешь, я смогу задобрить ее, предложив ущипнуть меня за задницу?

Поджимаю губы, когда он, в ожидании серьезного ответа, поднимает брови. А потом он проигрывает в попытке сохранить серьезное лицо, его дрожащие губы растягиваются в улыбку.

— Ха! — смеюсь я, шокированная его чувством юмора, шутка испаряет всю мою грусть. Я не сдерживаюсь. Запрокидываю голову и сдаюсь, плечи трясутся, желудок сводит, и слезы теперь уже текут от веселья, что гораздо привлекательнее недавнего отчаяния.

— Гораздо лучше, — слышу заключение Миллера, он берет меня на руки и направляется в ванную комнату. Не уверена, что именно является результатом его покачиваний и шатаний, алкоголь или мои постоянные содрогания в его руках. Он осторожно сажает меня на столешницу с раковиной и оставляет разбираться со своей истерикой, сам же расстегивает жилетку, смотря на меня с тенью улыбки на его невероятно красивом лице.

— Прости, — говорю тихо, концентрируясь на глубоких вдохах, чтобы успокоить дрожь.

— Не надо. Для меня нет большего наслаждения, чем видеть тебя такой счастливой. — Он снимает свою жилетку, и мне до странного приятно наблюдать за тем, как он аккуратно ее складывает, прежде чем проворно бросить в корзину с бельем. — Ну, есть еще кое-что, но твое счастье не отстает. — Он принимается за свою рубашку, первая пуговица расстегнута на туго натянутой ткани, обнажая кожу.

Я тут же перестаю смеяться.

— Тебе стоит больше смеяться. Это...

— Делает меня менее пугающим, — заканчивает он за меня. — Да, ты говорила. Только думаю, я....

— Прекрасно себя выражаешь. — Тянусь к нему и помогаю его неуклюжим пальцам справиться с крошечными пуговицами, после чего стягиваю с его плеч белый хлопок. — Идеально, — вздыхаю я, отстраняюсь и получаю удовольствие от потрясающего вида; полными желания глазами наблюдаю за тем, как перекачиваются мышцы на его сверхидеальном торсе, пока он складывает рубашку. Он искусно бросает ее в корзину для белья и снова оказывается передо мной, руки по швам, голова опущена, взгляд тяжелый. Я впитываю

в себя его беспокойный взгляд и тянусь к нему, стремясь почувствовать щетину, которая уже темнеет на его лице. Он позволяет мне какое-то время просто ощущать его, пальцами я очерчиваю линию его подбородка, прорисовываю уголки его глаз и очень нежно провожу по его векам, когда он их для меня закрывает.

Глазами и прикосновениями я впитываю каждую его черточку, пока кончиками пальцев не провожу дорожки вниз по его плечам и не беру его за руки. — Позволь мне исправить, — говорю, переворачивая его руку, разглядывая костяшки с засохшей кровью и немного запачканные.

Он открывает глаза и смотрит на мои пальцы, очерчивающие его, его рука замирает в моей, но он не дергается и не шипит от боли.

— В душ. — Он отстраняет меня от себя и берет за край моего топа, поднимая его по моему телу и заставляя вытянуть руки так, чтобы он смог освободить меня от ткани. Потом снимает с меня бюстгалтер, обнажая небольшую грудь, которая кажется налившейся и тяжелой под его благодарным, хоть и немного пьяным взглядом. Соски затвердели от возбуждения, когда он подушечкой большого пальца ласково касается каждого из них по очереди. — Идеально, — говорит он, оставляя на моих приоткрытых губах невинный поцелуй. — Спрыгивай.

Следую его мягкому приказу и, спрыгнув со столешницы, встаю на ноги, избавляюсь от конверсов и беру на себя инициативу с его брюками, пока он снимает свои туфли. Нет никакой спешки, каждый из нас медленно раздевает другого, пока мы оба не остаемся обнаженными. Я вижу, как он берет из шкафчика пакетик из фольги, движения пальцев неловкие, когда он достает презерватив, так что я подхожу и забираю его у Миллера. Не чувствую никакой неловкости, когда раскатываю резинку на нем, чувствую, как его синие глаза впиваются в мое лицо, и когда я заканчиваю, он с легкостью поднимает меня, прижимая к себе. Мое тело отвечает инстинктивно, руки и ноги обвиваются вокруг него. Плоть к плоти, сердце к сердцу, взаимная потребность, ни больше ни меньше. Он держит нас в стороне от потока воды в душе, пока та не нагревается, и как только температура воды его устраивает, он со мной на руках встает под струи и держит меня, вода стекает по нам, смывая всю грязь, напряжение, сомнение и боль.

— Удобно? — спрашивает он.

— Идеально, — это единственное подходящее слово, которое я смогла подобрать. Улыбаюсь ему в плечо и отстраняюсь, смотря в его прекрасное лицо, мокрое и затуманенное. — Можно мне остаться сегодня с тобой?

— Конечно.

— Спасибо, — выказываю свою признательность, целуя его в подбородок.

— На самом деле, обсуждению это не подлежало, — сообщает он, подводя меня к стене и прижимая меня к ней спиной. — Очень холодная?

Я втягиваю от неожиданности воздух, когда холод от мозаичных плиток расходится по моей спине.

— Немножко. — Он собирается отодвинуть меня, но я замираю, останавливая его. — Нет, я уже привыкла.

Он смотрит на меня с сомнением, но не оспаривает мою маленькую ложь.

— Ты вся мокрая и скользкая, — шепчет он, расставляя ноги и ладонью двигаясь вверх по моим бедрам. Его намерения ясны и долгожданны, об этом ему говорит мое прерывистое дыхание. — Я хочу погрузиться в тебя и тонуть в удовольствии, которое ты мне даришь.

Я задыхаюсь от предвкушения:

— Удовольствие от преклонения.

— От принятия, — поправляет он, отстраняясь и обхватывая рукой свое возбуждение. — Ты даришь мне самое потрясающее наслаждение, принимая меня целиком, не только оболочку красивого тела.

Я рискую снова расклеиться перед ним, его полные трепета слова приводят меня в ступор.

— Для меня нет ничего более естественного.

— Моя прекрасная, сладкая девочка. — Он овладевает моими губами, пока проскальзывает внизу между набухшими складками и со сдавленным стоном толкается глубоко в меня.

Мгновенное ощущение его толщины накрывает меня с головой, заставляя вытянуться в струнку, и я хнычу, стараясь поймать уверенный ритм его языка, терзающего мой рот, пока он сдерживает себя во мне, не двигаясь, дрожа и рыча.

— Больно?

— Нет, — говорю я уверенно, независимо от того, насколько сильный дискомфорт ощущаю.

— Все еще нужно подготавливать?

Это будет сильно, независимо от того, трахну я тебя сразу или сначала подготовлю.

— Всегда. — Улыбаюсь и отстраняюсь, затылком прижимаясь к стене, теряюсь в Миллере, его потрясающих глазах, больше чем наслаждаясь вниманием его пьянящих губ.

Резко кивнув, он не спеша отстраняется, отчего я чувствую узел в животе, меня атакует слишком много всего приятного — ощущение Миллера, его преклонения передо мной, его красота, его запах, его внимательность, и мой любимый непослушный локон — все это дарит мне потрясающее, неумолимое удовольствие. Готовлю себя к его толчкам, и когда это происходит, решительно и умело, поверхностный всхлип удовольствия срывается с моих губ. Я задыхаюсь, отказываясь закрывать глаза и хоть на секунду упустить из виду его лицо, покрытое пеленой страстного желания. Оно заостряет черты его лица. Я могла бы сойти с ума уже от одного его вида.

— Как ощущения? — с трудом произносит он, снова отстраняясь, выходя из меня почти до конца, и снова толкается в меня бедрами с резким и рваным выдохом.

— Хорошо, — хватаюсь за его плечи и стискиваю зубы, вбирая в себя каждое потрясающее движение. Он набирает свой ритм, беспрестанно толкаясь в меня, каждое движение контролируемое и просчитанное.

— Просто хорошо?

— Потрясающе! — кричу, чувствуя сильное трение о мой клитор, это сводит меня с ума. — Блин.

— Больше похоже на это, — бормочет он себе под нос, повторяя движение, которое секунду назад сорвало мне крышу.

— Боже! Черт! Миллер!

— Еще? — дразнит он, не дожидаясь ответа, который, как он знает, я дам.

Я схожу с ума. Его безжалостный ритм накрывает меня, а он, по привычке себя контролируя, смотрит, как я перед ним разваливаюсь.

— Мне необходимо кончить, — выдыхаю, чувствуя растущее внутри отчаяние. Мне нужно выпустить весь стресс и переживания этого дня с удовлетворенным вдохом, может

даже криком, когда кончу.

Я прижимаюсь к нему, когда его движения остаются медленными и расчетливыми, и пропустив между пальцами его мокрые волосы, тяну за них. Бешеный натиск давления становится почти невозможно выносить, набухшая и пульсирующая плоть Миллера глубоко во мне — это невероятное облегчение. Он тоже близко.

— Это слишком хорошо, Оливия. — Он зажмуривается, резким движением входя в меня еще глубже, подталкивая меня еще ближе. Я балансирую на краю, пошатываясь, ожидая последующих толчков, которые позволят мне сорваться в бездну взрывающихся звезд.

— Прошу, — умоляю, как всегда, не противясь умолять в такие моменты. — Прошу, пожалуйста, пожалуйста!

— Черт! — его ругательство — признак того, что он сдался, поэтому он отстраняется, делая глубокий, четкий вдох, а потом взглядом потемневших синих глаз удерживает меня на месте и толкается в меня с резким криком. — Боже, Оливия!

Закрываю глаза, когда оргазм накатывает, моя голова слабеет, а тело становится непослушным в попытке справиться с давлением, пронзающим самый центр лона. Я прижата к кафелю, наши тела тесно сплетены, содрогающиеся и скользкие, судорожные вдохи оседают в моем затуманенном сознании. Он покусывает и лижет кожу на шее, пока я тяжело дышу, глядя в потолок, руки отказываются работать и опускаются по бокам, ладони прижимаются к стене. Единственное, что удерживает меня на месте, это Миллер. Мой мир возвращается на свое место, продолжая вращаться вокруг своей оси, а дурманящий коктейль пота, секса и алкоголя силен, напоминая мне о том, что он по-прежнему пьян.

— Ты в порядке? — спрашиваю, задыхаясь, и позволяю себе опустить голову и зарыться носом в его мокрых волосах. Это единственное, на что я сейчас способна, оставляя руки болтаться по бокам.

Он двигается и едва выпрямляется, движение, от которого его член приятно поглаживает меня внутри.

— Как может быть иначе? — Отстраняясь от моей шеи, он берет мои руки в свои и подносит их к своим губам, уверенно целуя костяшки пальцев, всем телом прижимает меня к стене. — Как я могу чувствовать что-то, кроме счастья, когда ты надежно спрятана в моих руках?

Мою довольную, пресыщенную улыбку не скрыть от Миллера. Он тоже удовлетворен, но мне нет надобности это слышать. Я это вижу.

— Я люблю вас до мозга ваших пьяных костей, Миллер Харт.

— Мои пьяные кости глубоко вами очарованы, Оливия Тейлор. — Он терзает мой рот несколько блаженных секунд, а потом осторожно отстраняет меня от стены. — Я ведь не сделал тебе больно? — Его милое лицо омрачено настоящим беспокойством, пытливый взгляд блуждает по моему мокрому лицу.

Поспешно его переубеждаю:

— Ты был совершенным джентльменом.

Он не временит с улыбкой.

— Что?

— Просто подумал о том, как мило ты смотришься в моем душе.

— По-твоему, я везде смотрюсь мило.

— Лучше всего в моей постели. Сможешь стоять?

Киваю и опускаю ноги, только мысли начинают разворачиваться совсем в другую

сторону. Руками прижимаюсь к его груди, и они начинают скользить вниз по его телу, я же неотрывно смотрю на него, а он наблюдает за мной. Хочу попробовать его на вкус, только моя тактика соблазнения прервана, он хватает меня за руки и снова прижимает к своим губам.

— Я собираюсь ощутить *твой* вкус, — шепчет он тихо, дразня меня своими губами. Мои дурацкие мысли разбегаются по всему душу. — А на вкус ты бесподобна.

Поскольку стена меня больше не поддерживает, он рукой накрывает мою шею, по большей части помогая. А потом он осторожно ведет меня к выходу из душа, избавляясь от презерватива.

— Мне надо помыть голову.

Он только подталкивает меня вперед, не беспокоясь о моих заботах.

— Мы сделаем это утром.

— Но волосы будут выглядеть так, как будто я сунула пальцы в розетку. — Они и так непослушные с достаточным количеством кондиционера... напоминание. — У тебя тоже непослушные волосы.

— Значит, мы оба будем как после взрыва на макаронной фабрике. — Он выбрасывает презерватив и медленно вытирает меня полотенцем, лишь затем приступает к себе.

— Как твоя голова?

Он ласково меня подталкивает в спальню.

— Жива и здорова, — бормочет он, и я смеюсь, чем заслуживаю его хмурый взгляд, как раз когда мы подходим к кровати. — Поделись, пожалуйста, что тебя так рассмешило?

— Ты! — Что же еще.

— Что я?

— Ты говоришь, что жив и здоров, когда обратное очевидно. Головная боль?

— Первые признаки, да, — сдается он, обидевшись, отпускает меня и вместо этого сжимает руками голову.

Улыбаюсь и начинаю убирать все эти потрясающие подушки с его постели, складывая их в дизайнерский сундук для вещей. А потом откидываю одеяла.

— Забирайся. — Жадным взглядом пробегаю от его глаз вниз совершенству его подтянутой фигуры и к идеальным ногам. Они начинают шагать ко мне по ковру, от чего я взглядом снова пробегаю вверх по его телу и останавливаюсь на синих глазах, как раз когда он ко мне подходит.

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Пожалуйста, что?

Я забыла, о чем просила. Копаюсь в пустой голове под пристальным, понимающим взглядом синих глаз и ничего не нахожу.

— Не помню, — признаюсь я.

В ответ ослепительная, белозубая улыбка.

— Кажется, моя сладкая девочка давала мне распоряжение лечь в постель.

Надуваю губы:

— Я не давала распоряжений.

— Готов поклясться в обратном, — подтрунивает он. — Мне это вполне нравится. После вас. — Он взмахом руки указывает на постель, манеры джентльмена берут верх.

— Я должна позвонить Нан.

Его улыбка тут же исчезает. Ненавижу то, что могу вызвать такие редкие улыбки и

также быстро их стереть. В результате, их как будто и не было, и возможно, уже никогда не будет. Он долгое время раздумывает, стараясь не отводить от меня глаза. Ему стыдно.

— Не могла бы ты узнать, будет ли она дома завтра утром?

Киваю в ответ:

— Ложись. Вернусь, как только ее успокою.

Он забирается под одеяло и устраивается на боку, спиной ко мне. Я не должна сочувствовать ему, но его раскаяние ощутимо так же, как и моя надежда на то, что бабушка сможет принять его, я точно знаю, искренние извинения.

Найдя свой топ, надеваю его и иду на поиски сумки, вытаскиваю оттуда телефон и вижу от нее уже бесчисленное количество пропущенных звонков. Чувство вины растет, и я, не мешкая, ей перезваниваю.

— Оливия! Черт тебя подери, девочка!

— Нан, — выдыхаю я, голой задницей опускаясь на стул. Закрываю глаза и мысленно готовлюсь к лекции, которая обязательно сейчас начнется.

— Ты в порядке? — спрашивает она ласково.

Открываю в шоке глаза:

— Да, — слово медленно соскальзывает с языка, меня одолевает чувство неуверенности. Здесь должно быть что-то еще.

— С Миллером все хорошо?

Этот вопрос еще больше шокирует меня, и я начинаю нервно ерзать на стуле.

— Он в порядке.

— Я рада.

— Я тоже, — это все, что я, думается, могу сказать. Никаких лекций? Назойливых вопросов? Требований бежать отсюда? Слышу ее задумчивые вдохи на линии, затянувшаяся, пустая тишина невысказанных слов тянется между нами.

— Оливия?

— Я здесь.

— Милая, те слова, что ты прошептала Грегори...

Я с трудом сплываю. Я знала, что она слышала, но надеялась на обратное. Нет ничего нового в удивительном слухе моей бабушки. Промычав в знак понимания, я прислоняюсь к спине стула и прижимаю ладонь ко лбу, готовясь унять головную боль, которая точно последует. Уже чувствуется легкое постукивание в висках, только при мысли об объяснении тех слов.

— Что насчет них?

— Ты права.

Опускаю руку и смотрю перед собой, ни на что конкретно, на смену растущей головной боли приходит смятение.

— Я права?

— Да, — вздыхает она. — Я уже говорила тебе, мы не выбираем тех, в кого влюбляемся. Влюбленность — нечто особенное. Держаться за такую любовь, несмотря на обстоятельства, которые могли бы ее разрушить, еще более особенно. Я надеюсь, Миллер понимает, как ему повезло в том, что у него есть ты, моя дорогая девочка.

Нижняя губа начинает дрожать, слова, которые я хотела бы сказать в ответ, застревают в горле — самые важные слова «Спасибо тебе». *Спасибо за то, что поддерживаешь меня — поддерживаешь нас, когда кажется, будто весь Лондон поставил себе цель сломать то,*

что у нас есть. Спасибо за то, что принимаешь Миллера. Спасибо за то, что понимаешь, даже если не знаешь все правды. Грегори понимает, что это с ней сделает.

— Я люблю тебя, бабушка. — Тяжело сглатываю после своих слов, слезинки, собравшиеся в уголках глаз, теперь скатываются по щекам.

— Я тоже люблю тебя, милая, — ее слова четкие и сильные, хоть и пропитаны эмоциями. — Ты сегодня останешься с Миллером?

Киваю и шмыгаю носом, просто выдохнув «да» в ответ.

— Ладно. Крепких снов.

Я улыбаюсь сквозь слезы и, пользуясь ее любящим голосом и словами, собираюсь с силами и говорю:

— Не позволю волкам кусаться.

Она улыбается, вспоминая вместе со мной одну из любимых дедушкиных присказок.

— Забирайся на яблони и груши, — говорит она, напоминая мне об еще одной.

— Миллер живет в квартире, здесь нет лестниц в спальню.

— Ох, ладно, — она замолкает на какое-то время. — Ты устала.

— Измотана, — подтверждаю со смехом. — Пойду в постель прямо сейчас.

— Хорошо. Приятной ночи.

— И тебе, Нан. — Улыбаюсь, вешая трубку, и тут же думаю перезвонить и спросить, как там Грегори, но останавливаюсь. Мяч в его воротах. Ему известна суть: он знает, что я никуда не уйду, и понимает, что никакие его слова не повлияют на меня, особенно сейчас. Мне уже больше нечего сказать, да и нет гарантий, что он станет слушать. Это убивает меня, я больше не поставлю себя под перекрестный огонь. Если он захочет поговорить, он позвонит. Довольная своим решением, собираюсь выйти из кухни, но останавливаюсь в дверях, в голове мысли о глупых вещах.

Например, верхний ящик стола, где, я знаю, Миллер хранит свой ежедневник.

Пытаюсь не обращать внимания на свой порыв раздражающего любопытства, правда, пытаюсь, но дурацкие ноги живут собственной жизнью, и вот я стою перед ящиком, прежде чем успеваю убедить себя, что шпионить очень плохо. Не то чтобы я не доверяю ему, доверяю всем сердцем, я просто чувствую, что нахожусь в темноте, в неведении, и пусть это нехорошо, не могу сдержаться от любопытства.

Любопытной Варваре нос оторвали. Чертов нос оторвали.

Открываю ящик, и вот он смотрит на меня, манит меня... испытывает. Он, как магнит для моих рук, притягивает, подталкивая ближе, и прежде чем я понимаю, что происходит, он уже в моих руках и ощущается, как запретная колдовская книга. Теперь мне просто нужно, чтобы страницы волшебным образом стали перелистываться, но спустя долгое время пристального рассмотрения она по-прежнему закрыта. И вероятно, пусть все так и остается — навсегда забытое, никогда больше не виденное. Прошлое закрыто.

Но так было бы в мире, где не существует любопытство.

Я верчу ежедневник в руках и открываю обложку, только глаза не смотрят на первую страницу. Они смотрят на пол, следуя за клочком бумаги, который выпал изнутри, пока не приземлился к моим босым ногам. Закрываю книгу, хмурясь, и наклоняюсь, поднимаю мятый клочок бумаги. Тут же понимаю, что бумага плотная и глянцевая. Фотография. По спине бегут мурашки. Я не вижу фотографию, она все еще перевернута изображением вниз, но одно ее присутствие меня не успокаивает. Смотрю на дверной проем, пытаюсь поразмыслить, а потом возвращаю свой взгляд на таинственное фото. Он говорил, что есть

только он. Никого больше, не важно, как я задам этот вопрос. Только Миллер, — без семьи, ничего — и хотя я была шокирована, мне было любопытно, я никогда не давила на него по одной причине. Было и так слишком много откровений, с которыми нужно было свыкнуться.

Сделав глубокий вдох, я медленно переворачиваю фотографию, понимая, что вот-вот откроется еще один кусочек прошлого Миллера. Нервно кусаю губу и закрываю глаза, мысленно подготавливаясь к тому, что увижу, и когда фотография полностью перевернута, я смотрю на нее и... расслабляюсь. Напряжение спадает и я, наклонив голову, рассматриваю фотографию, кладя ежедневник Миллера обратно в ящик, даже не взглянув.

Мальчики.

Много мальчиков — они смеются, на одних ковбойские шляпы, на головах других торчат перья в стиле индейцев. Я насчитываю четырнадцать в общей сложности, всем примерно от пяти до пятнадцати. Все они на заднем дворе старинного здания в викторианском стиле — обшарпанный дом, с чем-то вроде ставень на окнах. Быстрый взгляд на одежду мальчиков говорит мне о том, что фотография сделана где-то в конце восьмидесятых, может, в начале девяностых, и я, рассматривая фотографию, улыбаюсь, ощущая приподнятое настроение счастливых мальчиков, мысленно представляя себе их довольные возгласы, когда они целились друг в друга игрушечными пистолетами и стрелами. Но моя улыбка не длится долго, тает в секунду, когда я замечаю одинокого мальчика в сторонке, наблюдающего за весельем остальных мальчиков.

— Миллер, — шепчу я, кончиком пальца прикасаясь к фотографии, провожу по изображению, как будто могу втереть немного жизни в его маленький силуэт. Это он, нет никаких сомнений. Слишком много черт, мне знакомых и любимых: вьющиеся волосы, в невероятном беспорядке, непослушны локон на своем привычном месте, спокойное, ничего не выражающее лицо и пристальный взгляд синих глаз. Они кажутся загнанными... мертвыми. И все же этот ребенок непостижимо красив. Не могу оторвать от него глаз, даже моргнуть. Ему, должно быть, около семи или восьми лет. Джинсы порваны, футболка слишком мала, а кроссовки изношены. Он кажется забытым, эта мысль, плюс его потерянный и унылый вид, сдавливают меня неумолимой грустью. Я не осознаю, что плачу, пока слеза не падает на расплывающуюся перед глазами гляцевую фотографию, размывая болезненное изображение Миллера-мальчика. Хочу забыть это, смазать и спрятать. Хочу притвориться, что никогда этого не видела.

Невозможно.

Сердце разрывается за этого мальчика. Если бы я могла, я бы забралась в эту фотографию и обняла ребенка — держала его, согревала. Но я не могу. Смотрю на дверной проем кухни полным тоски взглядом и вдруг спрашиваю себя, почему все еще сижу здесь, когда могу пойти и обнять, держать и согревать мужчину, в которого вырос этот мальчик. Поспешно стираю слезы с фотографии и с лица, убираю фото обратно в ежедневник Миллера и закрываю ящик. Прячу его. Навсегда. А потом молниеносно бегу в спальню, по пути сбрасывая топ, и забираюсь к нему по одеяло, прижимаюсь к его спине так сильно, как только могу и вдыхаю его. Чувство покоя возвращается быстро.

— Где ты была? — спрашивает он, убирая мою руку со своего живота и прижимая ее к губам, ласково целует.

— Нан, — говорю всего одно слово и знаю, что мой простой ответ отменит все последующие вопросы. Только это не останавливает его от того, чтобы перевернуться и заглянуть мне в глаза.

— Она в порядке? — вопрос неуверенный. Это усиливает боль в моей груди и скручивает комок в горле. Не хочу, чтобы он заметил мою грусть, так что мычу в ответ, надеясь, что тусклый свет не даст ему меня рассмотреть. — Тогда почему ты грустная?

— Все хорошо. — Пытаюсь придать себе уверенный тон, но все что выходит — это робкий шепот. Я не стану спрашивать его о фотографии, так как знаю, что бы он ни сказал, будет больно.

Он сомневается, но не давит на меня. Он пользуется остаточными силами после своего опьянения и тянет меня к себе, полностью укутывая меня собой. Я дома.

— У меня к тебе просьба, — шепчет он мне в волосы, крепче к себе прижимая.

— Все, что угодно.

Мы на какое-то время погружаемся в умиротворенную тишину, пока он беспрестанно целует меня в волосы, а потом ласково шепчет свое желание:

— Никогда не переставай любить меня, Оливия Тейлор.

Его просьба не вызывает во мне никаких вопросов.

— Никогда.

Глава 17

Утро встречает меня спустя долю секунды, ну или, по крайней мере, мне так кажется. А еще такое ощущение, как будто я обездвижена, и беглый осмотр моих конечностей подтверждает, что *я на самом деле* обездвижена. Накрепко. Немного сместившись, всматриваюсь в спокойное лицо Миллера, пытаюсь разглядеть, не потревожила ли его. Нет, и вязкий запах виски объясняет, почему. Морщусь нос и задерживаю дыхание, выкарабкиваясь из его рук, пока он со стоном не перекатывается на спину. Смотрю на часы и вижу, что сейчас еще только семь, потом быстро одеваюсь и спешу к двери. Не буду даже пытаться приготовить ему кофе, тот, который он любит. Прямо за углом есть кофейня «Costa Coffee». Они сделают его за меня.

Взяв со стола ключи Миллера, уже на автомате иду к лестнице, надеюсь, что смогу вернуться прежде, чем он проснется, и подать ему кофе в постель, а еще аспирин. Эхо отражается от бетонных стен лестничной клетки, когда я бегу вниз по ступенькам, в голову врывается образ маленького потерянного мальчика, возвращая меня в подавленное состояние. Неважно, насколько сильно я пытаюсь запрячь их подальше, воспоминание о лице Миллера на той фотографии слишком яркое. Но мысль о моей способности восполнить упущенные объятия — *упущенные «мое»* — наполняет меня целью.

Бегу через парадный вестибюль, махнув приветствующему меня консьержу, и вырываюсь на свежий утренний воздух, чувствуя духоту. Как бы то ни было, я не позволяю нехватке воздуха удержать себя, просто бегу по улице, вмиг оказываясь в переполненной кофейне.

— Американо, средний, четыре порции, два кубика сахара, залитый наполовину, — выпаливаю молодому человеку за стойкой, кладя на нее кошелек. — Пожалуйста.

— Без проблем, — отвечает он, немного встревоженный моим возбужденным состоянием. — Здесь будете пить?

— На вынос.

— И четыре порции?

— Да, залить наполовину, — уточняю я. Если бы я знала, каково это на вкус по

стандартам Миллера, я бы отпила, чтобы проверить, но я могу себе только представить это как кофейные зерна, размолотые до кашицы, по виду напоминающие жидкую смолу.

Он приступает к манипуляциям с кофейным аппаратом, и я понимаю, что стою и считаю добавленные им порции кофе. Он не собирается пошевеливаться, мои же манеры не позволяют мне его поторапливать, так что я просто нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу, хмурясь, и оборачиваюсь, чувствуя, как меня одолевает странное ощущение. Мне снова кажется, что за мной наблюдают, но когда я бегло осматриваю кофейню, вижу только бизнесменов и женщин, с головой окунувшихся в свои лэптопы, что-то изучающих и печатающих, так что я отмахиваюсь от этого странного чувства и возвращаю все свое внимание к колеблющемуся продавцу. Теперь он занят тем, что вытирает паропроводную трубку, при этом насвистывая.

— Не могли бы вы... — я замолкаю, сбитая вернувшимся чувством того, что за мной наблюдают, только на этот раз по спине бегут мурашки, и в придачу волосы на затылке встают дыбом. Меня пробирает дрожь, которая спускается по позвоночнику.

— Что вы сказали?

Я безучастно смотрю на парня, который закончил со своим занятием и теперь смотрит на меня выжидающе. Что я сказала?

— Ничего, — выдыхаю, рукой проводя по задней стороне шеи, меня, как одеяло, накрывает чувство необъяснимой тревоги. Резко качаю головой, он пожимает плечами, отворачиваясь к кофейному аппарату.

Оглядываюсь, но вижу только других покупателей в нетерпеливом ожидании, ничего необычного, только мое тело кричит о том, что что-то не так.

— Три двадцать, пожалуйста.

Перевожу взгляд на стойку и вижу кофе Миллера в протянутой руке.

— Простите, — прихожу в движение и вожусь с кошельком, делая все возможное, чтобы успокоить дрожь, прежде чем вложить деньги ему в руку. Беру стаканчик и медленно разворачиваюсь, глазами мечась повсюду в поисках *чего-то*, хотя я и представления не имею, чего именно. Меня душит тревога. Нечем дышать. Осторожными шагами направляюсь к выходу, глазами изучая каждого, кто встречается мне на пути. Ни один из них не смотрит на меня в ответ. Никто, кажется, во мне не заинтересован. Я бы списала свой дискомфорт на паранойю, если бы внутренняя тревога не продолжала грохотать, как петарды.

— Мисс, ваша сдача!

Приглушенный крик продавца не заставляет меня остановиться. Ноги передвигаются на автомате, как будто с одержимостью унося меня подальше от источника страха, даже если его источник не совсем ясен. Я вырываюсь за пределы кофейни, надеясь, что свободное пространство восстановит мою рассудительность и спокойствие. Не выходит.

Ноги несут меня по улице уверенным бегом, я постоянно оглядываюсь и каждый раз ничего не нахожу. Злюсь на себя, но не могу заставить себя замедлиться, не уверена, стоит ли мне быть благодарной за это или напуганной. Увеличивающаяся дрожь в теле говорит мне бояться. Мои шаги ускоряются, легким мгновением перестает хватать воздуха, когда я лавирую между прохожими, глупо осторожничая, чтобы не пролить и не уронить кофе Миллера. Колоссальное облегчение приходит, когда в поле зрения появляется здание, в котором расположена квартира Миллера, быстро оглядываюсь и вижу... что-то.

Мужчина. За мной следует мужчина в капюшоне.

И это утверждение, оседая в голове, посылает сигнал ногам. Шаг молниеносно

ускоряется, и я фокусируюсь на дороге впереди, не замечая окружающих. Образ человека в капюшоне, расталкивающего людей, спеша за мной, все, что я вижу. Грохот сердца — все, что я чувствую.

Забегаю в холл и спешу к лифту, в этот раз автопилот не ведет меня к лестнице. Сейчас автопилот отчаянно пытается унести меня подальше от скрытой тени.

— Лифт сломан, — кричит консьерж, и я резко замираю на месте. — Техник уже едет, — замечает он, прежде чем вернуться к своему месту.

Рычу от злости и бегу к лестнице, при этом пытаюсь собраться с мыслями. Дверь лестничной клетки врезается в стену позади меня, и я мчусь по бетонным ступенькам, перепрыгивая сразу через две. Смесь затрудненного дыхания и стук шагов с шумом отлетает от стен, заполняя воздух вокруг.

А потом громкий стук снизу заставляет меня резко остановиться на шестом этаже.

Я застываю, ноги отказываются двигаться совсем, и слышу, как эхо этого стука несется вверх по лестничным пролетам, в конечном счете превращаясь в ничто над моей головой. Я задерживаю дыхание, внимательно прислушиваясь. Тишина. Легкие горят, требуя хоть немного воздуха, но я им в этом отказываю, концентрируюсь на тишине вокруг и на непрекращающемся страхе, стягивающем похолодевшие вены. Секунды тянутся, и я осмеливаюсь сделать шаг вперед, выглядывая вниз над перилами, не вижу ничего, только ступеньки, перила и холодный, серый бетон.

Закатываю глаза, думая, что веду себя просто смешно. Это мог быть просто бегун. Их сотни на улицах Лондона. Успокойся! Впустив немного воздуха в свои горящие легкие, я заставляю себя идти дальше, почти смеясь над собственной глупостью. Что, черт возьми, со мной не так?

Чувствуя себя идиоткой, начинаю отталкиваться от перил, но когда вижу руку, схватившую перила несколькими этажами ниже, я застываю. А потом я с тихим ужасом наблюдаю, как рука движется вверх по перилам, приближаясь, только стука шагов по бетонным ступенькам нет, как будто у того, кто идет за мной, нет ног... или они не хотят, чтобы я узнала о его присутствии.

Мозг дает команду бежать, мне нужно убираться отсюда, только ни одна мышца не слушается. Я как будто вышла из строя, мысленно кричу в ответ на настойчивый поток команд в голове, оглушительный звонок мобильного прекращает мысленную баталию, сбрасывая мое сознание обратно в лестничный пролет. Проходит несколько спутанных секунд, и я понимаю, что телефон не мой. А потом я слышу громкие приближающиеся шаги. Не могу пошевелиться. Я никогда в жизни не была так напугана.

Ничто не функционирует — ноги, мозг, голос, ничего, но когда я слышу еще один стук двери внизу, сквозь меня будто проходит заряд энергии, приводя меня в действие, и я бегу оставшуюся часть пути. Чужие шаги ускоряются, что только приумножает мой страх и, соответственно, мою скорость.

Чувство облегчения практически сбивает меня с ног, когда я достигаю десятого этажа и, распахнув дверь, врываюсь в холл, который принесет мне безопасность. Вид блестящей черной двери Миллера, возможно, самое желанное зрелище всех времен — самое желанное до тех пор, пока входная дверь не распаивается и я не бегу к полуголому, встревоженному Миллеру.

— Миллер!

— Ливи? — Он направляется ко мне, чем ближе мы оказываемся, тем сильнее

распахиваются его сонные глаза, пока не становится достаточно очевидно, что он окончательно очнулся ото сна и задается вопросом, какого черта происходит.

Я бросаю кофе и кошелек и подбегаю к нему, прячась в его руках, паника теперь стихает, уступая место эмоциям:

— Господи, — выдыхаю, позволяя ему поднять меня так, что оказываюсь полностью прижата к нему, в безопасности его обнаженного торса, крепким захватом он держит меня за шею одной рукой и под попу другой. — Кто-то шел за мной.

— Что? — Сила в его крепких руках не ослабевает.

— Кто-то на лестнице. — Слова разрываются прерывистыми вдохами, но я стараюсь проговорить их все, несмотря на измученные легкие. Я и не представляла раньше, как устала от бега. — Кто-то меня преследовал.

Он вдруг отрывает от своего полуобнаженного тела мои обмякшие конечности, стараясь освободиться.

— Ливи.

Качаю головой, прижимаясь к его шее, не хочу его отпускать. Знаю, куда он пойдет.

— Прошу, не надо, — умоляю я.

— Ливи, пожалуйста! — кричит он, нетерпеливо меня отстраняя. — Пусти! — его злость меня не пугает, и я цепляюсь за него, внутри поднимается тревога, но мое упорство прервано жутким криком и поспешными движениями, которые отстраняют меня от него. За долю секунды он ставит меня на расстояние вытянутой руки. Мои глаза полны ужаса, его злости. — Стой, — приказывает он, медленно убирая от меня руки, убеждаясь, что я сделаю так, как мне велено. Всепоглощающий страх не дает мне сделать что-то еще.

С отсутствием его рук приходит неустойчивость, и я сквозь пелену слез смотрю, как он идет к лестнице. Его тело прикрыто только боксерами, но отсутствие одежды лишь подчеркивает ярость, исходящую от его крепкой, обнаженной фигуры. От ярости все его тело вибрирует, мышцы на спине перекачиваются, как будто готовясь к тому, что он может найти за дверью. Он без опаски и какой-либо осторожности открывает ее, ступает за грань, исчезая из поля моего зрения. Пытаюсь выровнять дыхание, чтобы быть в состоянии услышать, только я не слышу ничего.

А потом с пронзительным звоном, разорвавшим воздух в холле, жизнь, как будто замирает.

Лифт.

Сломанный лифт.

Стук сердца начинает отдаваться в ушах, я остаюсь застывшей, медленно переводя взгляд в сторону лифта. Двери начинают открываться. Я в ужасе пачусь назад.

А потом выдыхаю, спиной ударяясь о стену, когда из лифта выходит мужчина. Как будто вечность спустя, в мое обезумевшее сознание попадает его униформа и пояс с инструментами.

— Прости, милая. Не хотел тебя напугать.

Я отпускаю напряжение, прижимаю ладонь к груди, выдыхая сдерживаемый воздух, когда он снова исчезает за дверьми лифта.

— Ничего. — Миллер появляется, направляясь ко мне, выглядит он не менее злым, чем когда уходил. Ладонью накрывает мой затылок, заводя в свою квартиру, и я слышу, как хлопает дверь, от чего вздрагиваю. Он кипит яростью. — Сядь, — велит он, отпуская меня, и указывает на диван.

— Я видела кое-кого в этот раз, — говорю, опускаясь на диван.

— В этот раз? — взрывается он. — Почему ты ничего не говорила? Надо было сказать!

Руки падают на колени, и я смотрю на них, покручивая колечко.

— Я думала, что веду себя глупо, — признаюсь, понимая теперь, что мой внутренний тревожный звоночек работает, и работает хорошо.

Миллер стоит надо мной, подергиваясь. Не могу на него посмотреть. Знаю, что он прав, и сейчас чувствую себя глупой больше, чем когда-либо.

Сильные руки ложатся на мои бедра, и я заставляю себя взглянуть на него из-под ресниц, пытаюсь оценить его настроение. Он опускается передо мной на корточки и начинает успокаивающе поглаживать, он восстановил свое бесстрастное выражение лица. Все это возвращает мне утерянное чувство комфорта.

— Скажи мне, когда, — просит он своим легким, ласковым тоном.

— По пути на работу в тот день, когда ты меня подвозил. В клубе. — Смотрю на Миллера, и то, что я вижу, совсем мне не нравится. — Ты знаешь, кто это может быть?

— Не уверен, — отвечает он, забирая мое спокойствие и даря взамен намеки на недоверие.

— У тебя должно быть какое-то представление. Кто бы захотел преследовать меня, Миллер?

Он опускает глаза, пряча их от моего пытливого взгляда.

— Миллер, кто? — Я это так не оставлю. — Мне что-то угрожает? — Тогда как меня должен охватить страх, я чувствую только закипающую злость. Если есть риск, я должна об этом знать. Быть готова.

— Тебе ничто не угрожает, когда ты со мной, Оливия, — он все еще смотрит вниз, отказываясь взглянуть на меня.

— Но я с тобой не всегда.

— Я ведь уже говорил, — произносит он медленно, — ты, вероятно, самая неприкасаемая девушка в Лондоне.

— Готова поспорить! — выпаливаю, пребывая в шоке. — Я связана с тобой и с Уильямом Андерсеном. Полагаю, я достаточно сообразительна, чтобы понимать, что *этот факт*, вероятно, ставит меня в категорию повышенного риска. — Боже милостивый, я отказываюсь думать о недоброжелателях, которые имеются у этих двоих.

— Ты ошибаешься, — Миллер говорит тихо, но уверенно. — Мы с Андерсеном можем друг друга недолюбливать, но у нас обоих есть один ключевой интерес.

— Я, — заканчиваю за него, только понять не могу, каким образом это делает меня неуязвимой.

— Да, ты, и со мной и Андерсеном, скажем так, в процессе соперничества, ты попадаешь в очень надежные руки.

— Тогда кто, черт возьми, меня преследует? — ору, заставляя Миллера тем самым посмотреть на меня в потрясении. — Я не чувствую себя в безопасности. Я чувствую себя очень *не* надежно!

— Тебе не нужно беспокоиться.

Я вижу, каких усилий ему стоит оставаться спокойным. Мне это сложно. Меня раздражает и бесит то, что он пытается отмахнуться от моего обоснованного страха оправданием «в надежных руках».

Резко встаю, отчего Миллер покачивается на пятках. Он смотрит на меня пристально

синим стальным взглядом, а я пытаюсь выдавить из себя сильное заявление, которое смогло бы пошатнуть сказанное *им*. Довольно просто.

— Я не слишком надежно себя чувствовала, когда за мной гнались прямо там, — кричу, махнув рукой в сторону входной двери.

— Не нужно выходить без меня, — он встает и удерживает меня за бедра, останавливая, а потом приседает так, что непослушная прядь волос падает на лоб, а обеспокоенный взгляд впивается в мой озлобленный.

— Пообещай, что никогда никуда не пойдешь одна.

— Почему?

— Просто пообещай, Оливия. Прошу, не испытывай меня своей дерзостью.

Моя дерзость — это единственное, что придает мне силы сейчас. Я зла, но напугана. Чувствую себя в безопасности, но уязвимой.

— Прошу, скажи, почему.

Он закрывает глаза, явно пытаясь набраться терпения.

— Помеха, — шепчет он со вздохом, все его тело напрягается, но сильные руки продолжают удерживать меня, когда я начинаю дрожать, задыхаясь. — Теперь пообещай.

Глаза у меня выпучены, мне страшно, слова не приходят.

— Оливия, пожалуйста, я умоляю.

— Почему? Кто вмешивается и почему они меня преследуют?

Он удерживает мой взгляд, изъясняясь со мной решительным взглядом так же внятно, как словами.

— Я не знаю, но кто бы это ни был, очевидно, он может предугадать мой следующий шаг.

Его следующий шаг? Осознание приходит как удар в солнечное сплетение.

— Ты не остановился? — выдыхаю я.

Это не так легко, как просто взять и уволиться.

Его клиенты. Все они могли получить его за стоимость от нескольких сотен до нескольких тысяч фунтов стерлингов. Теперь уже нет, и очевидно, некоторые из них просто так его не отпустят. Каждый хочет то, что не может получить, и теперь из-за меня, он еще больше недостижим.

— Я ушел неофициально, Оливия. Знаю, к какому это приведет скандалу. Мне нужно сделать все правильно.

Все вдруг становится предельно ясным:

— Они меня возненавидят, — Кэсси меня ненавидит, а ведь она даже не клиент.

Он согласно фырчит. А потом впивается в меня убедительным взглядом:

— Я не сплю с кем-то еще, — он произносит слова медленно и четко, отчаянная попытка быть понятым, а я ни на секунду не сомневаюсь в том, что он говорит правду. — Оливия, я ни к кому не прикасался и никому не позволял прикасаться ко мне. Скажи, что веришь мне.

— Верю. — Я не колеблюсь. Моя вера абсолютна, несмотря на сумятицу с отсутствием доказательств, кроме слов Миллера. У меня нет объяснения, как это может быть, но что-то глубокое и сильное направляет меня. Инстинкт, а инстинкт хранил меня до настоящего момента. Я за него держусь. — Я тебе верю, — подтверждаю еще раз.

— Спасибо. — Он притягивает меня в свои руки и обнимает с самым невероятным чувством облегчения. Я запуталась и шокирована. Женщин отвергли, и они меня

преследуют? Они могут предугадать его следующий шаг. Они знают, что он намерен уволиться, и не хотят этого.

— У меня к тебе просьба, — выдыхает он мне в шею, его руки исследуют каждый дюйм моей спины.

— Какая?

— Никогда не переставай любить меня.

Качаю головой, размышляя, вспомнил ли он, как просил об этом прошлой ночью, когда им управлял алкоголь и усталость? Тогда вопрос: вспомнил ли он мой ответ?

— Никогда, — мои слова такие же решительные, какими были прошлой ночью, перед тем, как мы уснули, несмотря на короткую заминку в их озвучивании.

Глава 18

Нан ждет на пороге, когда мы останавливаемся на подъездной дорожке, руки скрещены на груди, настороженный взгляд сапфировых глаз направлен прямо на Миллера. Когда она направляется к нам по дорожке, я высматриваю тапочки на нее ногах — все что угодно, лишь бы избежать ее взгляда. Может, вчера ночью по телефону она и была понимающей и сопереживающей, но я знаю, что это еще не конец. Сейчас мы лицом к лицу. Бежать некуда. Она будет на него набрасываться, и он этого ожидает, судя по его тихому, задумчивому состоянию с тех пор, как мы вышли из его квартиры,

Теплая ладонь Миллера ложится на заднюю часть моей шеи, когда мы приближаемся, и он поглаживает ее, это его попытка снять мою нервозность. Зря теряет время.

— Миссис Тейлор, — говорит Миллер формально, останавливаясь вместе со мной.

— Хмм, — мычит она, не смягчая свой угрожающий взгляд. — Уже десятый час, — сейчас она говорит со мной, но продолжает удерживать Миллера своими полными подозрения глазами. — Ты опоздаешь.

— Я...

— Оливия сегодня не пойдет на работу, — прерывает меня Миллер. — Ее босс согласился дать ей отгул.

— В самом деле? — спрашивает она, седые брови удивленно взлетают. У меня такое чувство, что это я должна здесь объясняться, но вместо этого стою, болтаюсь как пятое колесо между этими двумя, когда Миллер продолжает говорить.

— Да, я забираю ее на целый день. Небольшая передышка и драгоценные минуты вместе.

Сдержанность подступающий смех оказывается не сложно. Миллер настаивал на том, что мне нужен перерыв, возможность провести целый день с ним выпадает редко, и за нее нужно цепляться обеими руками. Только я не настолько наивна, чтобы думать, будто это единственная причина.

Миллер смотрит на меня с едва заметным подбадриванием во взгляде.

— Сходи наверх, прими душ.

— Ладно, — говорю я неохотно, понимая, что мне в любом случае придется оставить Миллера самому разбираться с бабушкой. Его настойчивость утром в квартире, будто у меня нет времени принимать душ, теперь имеет смысл. Это дает ему идеальную возможность поговорить с Нан наедине, пока меня не будет рядом.

— Иди, — подбадривает он меня ласково. — Я буду здесь.

Я киваю, покусывая губу, и совсем не тороплюсь оставлять их. На самом деле, я бы хотела развернуться и убежать, забрав Миллера с собой. Нан едва заметно кивает мне головой, таков ее способ сказать «*катись отсюда*». Это неизбежно, но если бы Миллер сам не выразил своего желания принести извинения, я бы сейчас не поднималась по лестнице черепашным шагом, оставляя их *поговорить*. Я во всех подробностях рассказала Миллеру о нашем с бабушкой разговоре прошлой ночью, и он искренне улыбался, когда я поведала ему о том, что бабуля сказала мне об особой любви. Но бабуля не знает всех отвратительных подробностей, и *так* все и должно оставаться.

Достигнув верхней ступеньки, я оборачиваюсь: оба смотрят на меня, не готовые начать беседу, пока я нахожусь в зоне слышимости. Бабушка — настоящий авторитет, а мой педантичный, великолепный Миллер светится уважением. Потрясающий вид.

— Пошевеливайся, — говорит Миллер, широко улыбаясь. Он что, находит мое беспокойство забавным? Закатывая глаза и раздраженно вздыхая, прихожу к выводу, что ничего не могу сделать.

Захожу в ванную и в рекордное время принимаю душ. Вода холодная, но я не готова ждать, пока она станет более сносной, и кондиционер едва касается моих волос, а я его уже смываю. В голове куча всего для раздумий, мысли неприятные и беспокоящие, но они стираются от мысли о Нан, которая тычет пальцем в лицо Миллера, задавая свои хитрые вопросы, на которые, я надеюсь, Миллер найдет способ не отвечать.

Завернув в полотенце свое холодное мокрое тело, бегу по коридору, чтобы одеться, прислушиваясь к разгоряченным словам, — бабушкиным, по большей части — после чего врываюсь в спальню и бросаю полотенце в сторону.

— Ну, привет.

Я отпрыгиваю от двери, прижав руку к сердцу.

— Господи Боже!

Миллер сидит на кровати, прижимая телефон к уху, с дьявольской улыбкой на совершенном лице. Он не выглядит так, как будто только что подвергся словесной террористической атаке.

— Извинения, — говорит он в трубку, глядя при этом на меня. — Тут кое-что выяснилось. — Сбросив звонок, он позволяет мобильнику скользнуть к центру ладони, кончиками пальцев задумчиво постукивает по колену. — Замерзла?

Его односложный вопрос и точка, на которой сфокусирован его мерцающий взгляд, заставляют меня опустить глаза. Да, я замерзла, и это заметно, но мои затвердевшие соски сжимаются не совсем от холода, когда я чувствую его взгляд на себе.

— Немного, — говорю, руками прикрывая грудь, прячась от его глаз. — Где Нан?

— Внизу.

— Ты в порядке?

— Почему не должен быть? — Он спокоен и собран, никаких признаков беспокойства после выяснения отношений с защищающей меня бабушкой.

— Ну, потому что... просто... — я запинаюсь и путаюсь в словах, чувствую себя до глупого неудобно. Это смешно. Закатываю глаза и опускаю руки. — Что она сказала?

— Ты имеешь в виду, когда она постукивала по столу своим огромным ножом для разделки мяса?

— Она так не делала, — смеюсь я, но прекращаю свое нервное хихиканье, когда вижу, что Миллер остается абсолютно серьезным. — В самом деле?

Он убирает свой телефон во внутренний карман пиджака и встает, пряча руки в карманы брюк.

— Оливия, я не готов и дальше продолжать этот разговор, пока ты стоишь тут мокрая и голая. — Он качает головой, как будто стряхивая нехорошие мысли. Может и так. — Или оденься, или тащи сюда свое маленькое, прелестное тельце так, чтобы я мог им насладиться.

Выпрямляю спину, сопротивляясь искрам желания, которые как пули стреляют по комнате между мной и Миллером.

— Ты бы не проявил неуважение к бабушке, — глупо напоминаю ему.

— Это было до того, как она грозила отрубить мне мужское достоинство.

Я смеюсь. Он серьезен, и Нан, вне всяких сомнений, была тоже.

— Так сейчас правила не работают?

Он гримасничает со злобными искорками в потрясающих глазах.

— Я оценил и пересмотрел риск, связанный с преклонением тебе в доме твоей бабушки.

— Правда?

— Да, самое хорошее заключается в том, что ты можешь предпринять меры, дабы снизить риск, — он снова говорит так, как будто ведет деловые переговоры.

— Например?

Красивые губы Миллера сжимаются в тонкую линию, пока он раздумывает над моим вопросом, а потом он подходит к моему стулу и поднимает его.

— Извини, — говорит он, ожидая, когда я отойду от двери, что я и делаю без всяких возражений и в изумлении наблюдаю за тем, как он спинкой стула подпирает дверную ручку. — Думаю, мы вполне можем приблизиться к наслаждению с нулевым риском. — Широко улыбаюсь, глядя на то, как он проверяет устойчивость стула, затем дверной ручки. — Да, — говорит он с довольным кивком смышенной головы. — Думаю, я исключил все непредвиденные обстоятельства, — он поворачивается ко мне и в течение нескольких секунд пристальным взглядом прожигает мою кожу. — Теперь я попробую тебя.

Ответ моего либидо молниеносен. Я в крайне отзывчивом настроении и рада видеть, что Миллер тоже. Доказательство видно через брюки.

— Оливия! — крик Нан пробивается сквозь сексуальное напряжение и убивает его на корню. — Оливия, я загружаю в машинку все белое. У тебя что-то есть? — Скрип половиц свидетельствует о ее скором появлении.

— Чертовски идеально, — рычит Миллер со стопроцентным бешенством. — Просто... блять... идеально.

Улыбаюсь и наклоняюсь, поднимая полотенце.

— Прوماхнулся с риском, — бормочу, оборачивая вокруг себя полотенце.

Скрывая свое возбуждение, он прожигает во мне дыры, ему явно невесело.

— Я не предвидел день стирки белого. — Отодвигает от двери стул и открывает ее, выпуская бабушку с руками, руками белых вещей. Миллер цепляет на лицо фальшивую улыбку, но все же улыбку, а это по-прежнему редкость, даже если она фальшивая. Не то чтобы Нан могла догадаться. — Вам следует нанять кого-то, кто бы делал эту работу за вас, миссис Тейлор.

— Пфф! Богатеи! — Она рукой отодвигает его со своей дороги и проходит по комнате, подбирая все белое на своем пути. — Я не боюсь трудной работы.

— Миллер тоже, — встречаю я. — Он убирает и готовит.

Нан замирает, перебирая в руках вещи белого цвета.

— Ох, так это мой возраст предполагает необходимость в помощи, хммм?

Ухмыляюсь при виде того, как Нан пробивает Миллера презрительным взглядом, отчего он, чувствуя себя неловко, переминается в своих дорогих туфлях.

— Не совсем, — говорит он, устремляя на меня умоляющий взгляд. Я же собой довольна. Теперь он ухватит суть. Она может быть занозой в королевской заднице, и я напомню ему об этом, когда он в следующий раз упрекнет меня за употребление таких слов в ее адрес. — Я не имел в виду...

— Оставьте это при себе, мистер, — фыркает она, проходя мимо него и хитро мне подмигивая. А потом она останавливается передо мной и пробегает глазами вверх и вниз по белому полотенцу на мне. Тому, что прикрывает мою наготу. — Я забираю белое, — говорит она, озорно мне улыбаясь.

— Ну, это можно будет забрать в следующую загрузку, — подтягиваю полотенце, шурюясь в предупредительном жесте.

— Но машинка не будет полной. — Она жестом показывает на кучу белья в руках, едва заметно мотнув головой. — Ужасная трата воды и электроэнергии. Я должна заполнить машинку.

Мои губы поджимаются, ее расходятся в улыбке.

— Тебе стоит забить свой рот, чтобы не могла говорить, — грублю я, отчего ее улыбка становится еще шире. Неисправимая старая распутница.

— Миллер! — возмущается она. — Ты слышишь, как она разговаривает с пожилой женщиной?

— Слышу, миссис Тейлор, — отвечает он поспешно, обходит ее невысокую, полноватую фигуру и останавливается позади меня, с серьезным видом глядя на Нан. Она хитрюга, разыгрывающая из себя старую милую леди. Мне это виднее, я уверена, Миллеру тоже. Он наклоняется так, что его подбородок теперь у моего уха, его рука обвивается вокруг моей талии, так что широкая ладонь накрывает мой прикрытый полотенцем живот. — У меня в машине есть яблоко, оно идеально подойдет вашему роту. Стоит схитрить.

— Ха! — смеюсь я.

Бабуля в ужасе вдыхает, глаза сочатся бешенством.

— Ну!

— Ну, что? — спрашиваю. — Заканчивай со своими открытыми, старыми как мир трюками, Нан. Уже не ново.

Она мгновенно закипает, глядя то на меня, то на Миллера, чей подбородок все еще удобно пристроен над моим плечом. Беру его руку на своем животе и сжимаю, поворачиваю голову, чтобы только одним глазком поймать его красивые черты. Он ярко улыбается и крепко целует меня в губы.

— Уважение! — визжит бабушка, уничтожая наш момент. — Проявите его ко мне! Хоть каплю! — Она срывает с меня полотенце.

— Нан!

Она грозно смеется, смешивая его с остальной кучей белья.

— Будешь знать!

— Блин! — Хватаю первое попавшееся, прикрывая свою наготу... Так уж случилось, что это рукаи Миллера.

— Ох! — бабушка корчится, не в силах сдержать смех, когда прижимаю руки Миллера к своей груди.

— Ну, снова привет, — шепчет он мне на ухо, несильно сжимая ладони.

— Миллер!

— Ты сама их туда положила! — смеется он, самой большой своей моей ошибкой провоцируя панику.

— Чтоб тебя! — кричу, отталкивая его руки и, подбежав к постели, срываю покрывало, прикрываясь. Лицо пылает, Нан в ударе, а Миллер, хихикая себе под нос, совсем не помогает. Это самый прекрасный вид, только мое раздражение и смущение не позволят оценить этого в достаточной мере.

— Не подначивай ее! — Это по стольким причинам не правильно!

— Прости, — он пытается сдерживаться, одергивая костюм, но плечи его все еще подрагивают.

— Нан, выметайся!

— Ухожу. Ухожу, — она устало вздыхает, направляясь к двери. Знаю, она только что хитро ему подмигнула, потому что он быстро отводит от нее взгляд, поджимая губы. Он продолжает поправлять свой костюм, что вполне нормально, только лихорадочные движения рук и напряженные плечи превращают простой жест в прием отвлечения. Мне вообще не смешно к тому времени, как она уходит с высоко поднятой головой и, хихикая, спускается по лестнице.

Справившись с грудой ткани вокруг себя, марширую к двери и захлопываю ее за бабулей, отчего Миллер удивленно вздрагивает. Он больше не в силах сдерживать свой восторг.

— Предполагается, что ты должен быть на моей стороне, — выпаливаю, пиная ткань, запутавшуюся в ногах.

— Так и есть, — смеется он. — Честно.

Смотрю угрюмо, как он подходит ко мне и, убрав покрывало, заключает меня в объятия.

— Она сокровище.

— Она заноза в заднице, — подытоживаю, и мне все равно, буду ли за это отругана. — Что она сказала?

— Я уже говорил, мое мужское достоинство под угрозой.

— Это не значит, что ты должен ей потакать из страха его потерять.

— Я не потакал.

— Да, потакал.

— Если твоя бабушка счастлива демонстрировать твое обнаженное тело в моем присутствии, я возражать не обираюсь. — Он несет меня к кровати и садится на нее со мной на руках. — Фактически, я буду весьма благодарен за это.

— Не демонстрируй свою благодарность так охотно, — бормочу я. — И я люблю, когда ты смеешься, но не надо мной.

— Ты бы хотела, чтобы я тебе демонстрировал свою признательность?

— Да, — мой ответ решительный и горделивый. — Только мне.

— Ваша просьба принята к сведению, мисс Тейлор.

— Очень хорошо, мистер Харт.

Он улыбается, подкрепляя мое довольство, и дарит мне один из своих крышесносных поцелуев. Хоть и не долгих.

— Время летит быстро, а мы даже еще не позавтракали.

— У нас будет поздний завтрак, — не даю ему прекратить наши поцелуи, обнимаю его

за шею и притягиваю к себе.

— Ты должна поесть.

— Я не голодна.

— Оливия, — предостерегает он, — пожалуйста. Я бы хотел накормить тебя, и я был бы рад, если бы ты согласилась.

— Клубникой? — делаю попытку. — Английской, потому что сладкая, и во вкусном темном шоколаде.

— Не думаю, что, делая это на публике, мы останемся безнаказанными.

— Тогда поехали обратно к тебе.

— А ты ненасытная.

— Это все ты.

— Согласен. Я пробудил в тебе это неиссякаемое желание, и я единственный мужчина, который когда-либо будет его утолять.

— Принято.

— Я рад, что мы это выяснили, не...

— ... то чтобы у меня был выбор, я знаю. — Прикусываю его нижнюю губу и тяну зубами. — Я не хочу выбора.

— Молодец, — он ставит меня на ноги и смотрит снизу вверх ласковым взглядом, тень улыбки окрашивает его красивые губы.

— Что? — спрашиваю, скромно улыбаясь в ответ.

Плавным движением рук он обхватывает мою попу и тянет к себе, ставя между широко расставленных ног. А потом он оставляет легкий поцелуй на моем животе.

— Просто подумал, как мило ты смотришься, стоя тут передо мной, голая. — Он упирается подбородком в самый центр моего живота и смотрит на меня, в искрящихся глазах довольство. — Чем бы ты хотела сегодня заняться?

— Оу... — шестеренки в голове начинают крутиться, перебирая все возможные приятные дела, которыми мы могли бы заняться вместе. Могу поклясться, Миллер никогда не веселился. — Бродить, шататься, просто ходить. — Я бы с удовольствием побродила по улицам Лондона с Миллером, показала бы ему свои любимые здания и дала краткий обзор их истории. Однако едва ли его одежда подходит для прогулки. Хмурясь, смотрю на его идеально аккуратный костюм-тройку.

— Ты имеешь в виду прогулку? — спрашивает он, немного озадаченно, подталкивая тем самым снова посмотреть ему в глаза. Кажется, он не впечатлен.

— Милую прогулку.

— Где?

Пожимаю плечами, расстроенная тем фактом, что Миллеру моя затея с прогулкой не показалась привлекательной.

— Тогда что ты предлагаешь?

Несколько секунд он раздумывает над моим вопросом, а потом говорит:

— Нужно многое сделать в «Исе». Ты могла бы пойти со мной и прибраться у меня в кабинете.

Шарахаюсь, чувствуя отвращение. Его кабинет стерилен. Там не надо прибираться, и не важно, сколько энтузиазма я слышу в его голосе, он не убедит меня в том, что пойти с ним на работу — это хорошая затея.

— Ты говорил про время, проведенное с удовольствием.

— Ты можешь сидеть у меня на коленях, пока я работаю.

— Не сходи с ума.

— Я не шучу.

Я боялась, что он это серьезно.

— Я брала отгул не для того, чтобы пойти с тобой на работу, — делаю шаг назад и складываю руки на груди, надеясь, что он поймет, насколько я непреклонна. Улыбка, появившаяся на его изумительных губах, заставляет покачнуться мою стойкость. Он сыплет улыбками направо и налево, так что это доставляет радость и бесит одновременно. — Что? — спрашиваю я, а сама думаю, что мне пора прекращать задавать вопросы относительно причин его очевидного веселья и просто принять его без слов. Но этот несносный мужчина постоянно пробуждает мое любопытство.

— Просто подумал, как мило ты смотришься, скрестив вот так руки и приподнимая свою грудь.

Его глаза неустанно сияют, и я опускаю взгляд, оценивая отсутствие груди.

— Их просто нет, — приподнимаю их еще сильнее, но никак не могу понять, как он видит что-то, а я нет.

— Они идеальны, — он вдруг хватает меня, и я верещу, когда он бросает меня на постель, накрывая собой. — Прошу, пусть они остаются такими, какие есть.

— Ладно, — соглашаюсь я за секунду до того, как его рот накидывается на мой, ласково, но целенаправленно терзая мои губы. Я ошарашена, полностью поглощена, обожаю его расслабленное состояние. Все напряжение ушло.

Ну, или почти все.

— Мой костюм, — бормочет он, прокладывая дорожку из поцелуев к моему уху. — Мой внешний вид никогда не был таким сомнительным, пока ты не ворвалась в мою жизнь, сладкая девочка.

— Ты выглядишь идеально.

Несогласно фыркнув, он поднимается с моего пропитанного желанием, обнаженного тела и встает, поправляя свой костюм, заканчивает возней с галстуком, я же все это время просто смотрю на него.

— Одевайся.

Я вздыхаю и передвигаюсь на край постели, в то время как он подходит к моему зеркалу, чтобы видеть, что именно делает. Хотя я уже и привыкла к Миллеру и его дотошности, очарование остается таким же сильным. Все в нем, все, за что он берется, сделано с невероятной аккуратностью и вниманием, все это быстро стало привлекательным... за исключением моментов, когда наружу выбирается его темперамент. Отбросив эту мысль, я оставляю Миллера возиться с галстуком, а сама собираюсь, надевая чайное платье с цветами и пару вьетнамок, после чего сушу волосы и сражаюсь с ними добрых несколько минут, ругая себя за то, что не дала кондиционеру впитаться, прежде чем смыла его. Поднимаю, опускаю, несколько раз приглаживаю, и в конце концов, раздраженно фыркнув на непослушные локоны, стягиваю их в низкий хвост, перекинув через плечо.

— Милашка, — заключает Миллер, когда я возвращаюсь к нему показаться, его взгляд блуждает по мне вверх и вниз, он все еще борется с галстуком. — Никаких конверсов сегодня?

Опускаю взгляд на свой розовый педикюр и шевелю пальцами ног:

— Тебе не нравится? — Поклясться готова, ноги Миллера в жизни не прикасались к

шлепанцам. Думаю, что ноги Миллера никогда не касались ничего, кроме дорогих, высококачественных кожаных туфель ручной работы. Он даже в спортзал не обувает кроссовки, вместо этого ходит туда босиком.

— Оливия, ты могла бы нацепить мешок и выглядеть при этом, как принцесса.

Улыбаюсь и беру сумку, перекидываю ее через плечо, давая себе несколько драгоценных секунд любования опрятностью Миллера.

— Люди, должно быть, думают, какая мы странная парочка.

Он хмурится, подходя ко мне, ладонью накрывает заднюю часть моей шеи и ведет нас из спальни:

— С чего бы это?

— Ну, ты весь такой в костюме и туфлях, и я, — смотрю вниз, подбирая правильные слова, — кокетливая. — Не могу подобрать более подходящего слова.

— Достаточно, — тихо обрывает он меня, пока мы спускаемся по лестнице. — Попрощайся с бабушкой.

— Пока, Нан! — кричу, не получив возможности найти ее. Он ведет меня прямо к двери.

— Повеселитесь! — кричит она с кухни.

— Я привезу Оливию позже, — говорит Миллер, снова став формальным, как раз перед тем, как за нами закрывается входная дверь. Смотрю на него уничижительным взглядом, игнорируя его, когда он, заметив это, смотрит на меня вопросительно. — Садись, — он открывает для меня дверцу «мерседеса», и я устраиваюсь на мягкой коже пассажирского сиденья.

Дверь осторожно закрывается, и он садится рядом со мной, заводит машину и отъезжает прежде, чем я успеваю пристегнуться.

— Так и чем же мы займемся? — снова допытываюсь я, пристегиваясь.

— Ты скажи.

Смотрю на него в удивлении, но не медлю с ответом.

— Припаркуйся рядом с Мейфэр⁸.

— Мейфэр?

— Да, мы прогуляемся, — я снова смотрю вперед, замечая, что на дисплее высвечивается шестнадцать градусов Цельсия, также как в прошлый раз, только сейчас стало намного теплее. Я вдруг чувствую, что задыхаюсь, но, не желая расстраивать идеальный мир Миллера, немного приоткрываю окно.

— Прогуляемся, — бормочет он задумчиво, как будто это его беспокоит. Может и так, но я игнорирую озабоченность в его голосе и тихо сижу на месте. — Прогуляемся, — говорит он себе, начиная постукивать по рулю. Чувствую, как от него волнами исходит неуверенность. — Она хочет прогуляться.

Улыбаюсь, едва заметно качая головой, а потом сильнее вжимаюсь в кресло, как раз в этот момент Миллер разбивает тишину в машине, включив стерео. Песня «Pursuit of Happiness⁹» Kid Mac заполняет машину, и я гримасничаю в удивляющем меня теперь выборе музыки. Я точно знаю, что он то и дело смотрит на меня, но я не шучу над ним со своим любопытством. Наоборот, молчу остаток пути, перебирая в голове такие разные повадки моего сбивающего с толку Миллера Харта, и ставящего в тупик мира, в который я вошла добровольно.

Глава 19

В этот раз, когда Миллер въезжает на парковку и глушит двигатель, я поступаю умнее и не выскакиваю сама из машины. Он обходит автомобиль, застегивая пиджак, и открывает для меня дверцу.

— Благодарю, сэр.

— Пожалуйста, — отвечает он, без намека на понимание моего сарказма. — Что теперь? — Бегло осматривает окружающую нас обстановку, после поднимает рукав пиджака, проверяя время.

— Ты торопишься? — спрашиваю я, тут же раздражаясь от его неуважительного жеста.

Он переводит на меня свой взгляд и опускает руку:

— Ни в коей мере, — он снова расправляет костюм — все, что угодно, только бы избежать моего недовольного тона. — Что теперь? — повторяет он.

— Мы пройдемся.

— Куда?

Сутулю плечи. Будет непросто.

— Это предполагает расслабление. Что-то неторопливое и приятное.

— Я могу найти способы, доставляющие гораздо больше удовольствия, Оливия, и ни один из них не подразумевает, что ты будешь на публике. — Он абсолютно серьезен, и я чувствую давление между ног, когда он в который раз бросает взгляд на окружающих.

— Ты когда-нибудь прогуливался? — спрашиваю.

Он быстро обращает ко мне свой пытливый взгляд:

— Я перемещаюсь из точки А в точку Б.

— Ты никогда просто не наслаждался великолепием Лондона? — Я поражена тем, что кто-то может жить в таком великолепно-величественном городе и не погрузиться в его историю. Бардак.

— Ты одно из самых милых великолепий этого города, и я бы с радостью тобой сейчас наслаждался, — он смотрит на меня задумчиво, и я знаю, что будет дальше. Усиливающееся давление между ног верный тому признак, так же как и блеск желаяния в его глазах, следующий за ленивым взмахом ресниц. — Но я не смогу насладиться тобой как следует здесь, так ведь?

— Нет, — отвечаю быстро и решительно, пока эти синие глаза окончательно меня не затянули. Он не горит желанием гулять, но я хочу. Меня всю трясет, страсть моего тела вибрациями расходится по открытому воздуху вокруг нас, но я хочу получить удовольствие с Миллером другим способом. — Как же твои картины?

— Что с ними?

— Ты должен ценить красоту тех вещей, которые рисуешь, в противном случае ты бы не стал их рисовать. — Упускаю тот факт, что они могли бы быть еще красивее, если бы рисунки были четкими.

Он равнодушно пожимает плечами и оглядывается вокруг нас, теперь это уже *на самом деле* раздражает.

— Я вижу то, что меня восхищает, делаю снимок, а потом просто рисую.

— Вот так просто?

— Да, — он не смотрит на меня.

— Не думаешь, что было бы гораздо полезнее рисовать с натуры?

— Не вижу в этом нужды.

Устало вздохнув, перекидываю сумку через плечо. Я все еще не получила его целиком, не считая того, что постоянно себя в этом убеждаю. Дурачу сама себя.

— Готов?

Ответом мне служит рука на моем затылке и подталкивание вперед, но я замираю и выкручиваюсь. А потом я одариваю его презрительным взглядом, он же смотрит на меня с явным замешательством на красивом лице.

— Что такое?

— Ты не поведешь меня по Лондону за шею.

— Почему это? — Он и правда растерян. — Мне нравится такой близкий контакт. Был уверен, что и тебе тоже.

— Нравится, — соглашаюсь я. Тепло его ладони на моем затылке всегда приносит желанный покой. Только не во время прогулки по Лондону. — Держи меня за руку.

Представить себе не могу, чтобы Миллер когда-нибудь вот так просто держал женщину за руку, нарисовать это себе в голове тоже не получается. Он вел меня за руку в нескольких случаях, но все было целенаправленным — притащить меня в нужное ему место, это никогда не было расслабленно и любяще.

Он невероятно долго размышляет над моей просьбой, и, в конце концов, нахмутив брови, принимает мое предложение.

— Бу! — кричу с улыбкой, а он вздрагивает и едва заметно отшатывается, но быстро приходит в себя и не спеша поднимает на меня совсем невеселый взгляд синих глаз. Улыбаюсь. — Я не кусаюсь.

Могу сказать, что сейчас он на грани бешенства, хотя мне не показывает ничего, кроме холодного безразличия. Как бы то ни было, оно не влияет на мою улыбку. Я, собственно, смеюсь.

— Дерзкая девчонка, — говорит он просто, сильнее сжимая мою руку, отказывается шутить со мной, направляясь вперед.

Я иду вместе с ним, меняя положение руки во время нашей прогулки вниз по улице так, что наши пальцы переплетаются. Удерживаю взгляд перед собой, только украдкой позволив себе взглянуть на Миллера. Нет нужды смотреть, и все же я вижу, как он рассматривает наши руки, чувствую, как напрягаются его ладони, пока он привыкает к ощущениям. Он и правда никогда прежде не держал вот так девушку за руку, эта мысль приносит мне удовлетворение, а еще размыкает ощущения того колоссального тепла, которое я испытываю, когда его рука накрывает мой затылок. Он так держит всех женщин? По их венам тоже бежит тепло, когда он так делает? Они закрывают глаза и едва заметно наклоняют голову, впитывая ощущения и получая удовольствие? От всех этих вопросов моя рука сжимается в его руке, и я смотрю на него, вижу только интенсивный взгляд на его лице и понимаю, насколько некомфортно ему от такой нашей связи. Он твердый, как доска, рука то и дело вжимается в мою, а выражение лица близко к интригующему.

— Ты в порядке? — спрашиваю тихо, когда мы поворачиваем на Бери Стрит¹⁰

Равномерный стук его дорогих туфель об асфальт едва заметно сбивается, но он не смотрит на меня.

— Просто превосходно, — говорит он, и я, смеясь, прижимаюсь к его предплечью.

Ему далеко до состояния превосходного. Выглядит так, как будто ему неловко и беспокойно. Несмотря на свою эксклюзивную одежду, которая превосходно вливается в

рутинную жизнь Лондона, Миллер наполняет воздух беспокойством. Смотрю вокруг, пока мы направляемся к Пикадилли¹¹, повсюду бизнесмены, все облачены в костюмы, некоторые говорят по мобильному телефону, некоторые с портфелями, и все они чувствуют себя совершенно комфортно. Они выглядят решительными, может, потому что так и есть. Они направляются на бранч, на встречу или в офис. И глядя на Миллера, я вдруг понимаю, что прямо сейчас у него нет этой решимости. Он идет из пункта А в пункт Б. Он не гуляет, хотя ради меня старается изо всех сил. В своих попытках ужасно проваливается. Мысли молниеносно останавливаются на вероятности того, что Миллер чувствует себя не к месту, потому что я держу его за руку, но так же быстро я отбрасываю эту мысль. Я здесь, и я остаюсь, не только потому, что так сказал Миллер. Как бы я жила без него дальше? Такие мысли холодом пробивают уже привычное чувство удовлетворения, заставляя меня дрожать, прижимаясь к мужчине рядом со мной. Свободная рука на автопилоте поднимается и ложится на его предплечье, точно под мой подбородок.

— Оливия? — Оставляю голову и руки там, где они есть, и только глаза поднимаю к его глазам, которые смотрят на меня с неподдельной тревогой. Выдавливаю из себя крошечную улыбку, несмотря на беспокойство, разожженное непутевой головой.

— Я хорошо знаю и люблю счастливый вид моей сладкой девочки, а прямо сейчас она пытается меня обмануть. — Он останавливается и поворачивается ко мне, так что мне неизбежно с мучительно болезненным ощущением приходится его отпустить, но я позволяю себя отстранить. Светлый хвостик убран с моего плеча, и непослушные волосы каскадом спадают по спине, после чего Миллер руками обхватывает мои щеки. Он слегка наклоняется, замирая на одном со мной уровне, а потом возвращает мне немного счастья таким невероятно ленивым взмахом ресниц, что кажется, он уже больше никогда не собирается открывать глаза. Но он открывает, и меня снова окутывает нескончаемое чувство комфорта, которым сочтется каждая его клеточка. Он понимает. — Поделись со мной своими тревогами.

Я улыбаюсь про себя и пытаюсь собраться с мыслями.

— Все хорошо, — уверяю его, беря одну его руку со своей щеки и ласково целуя ладонь.

— Слишком много думаешь, Оливия. Сколько еще раз нам это проходить? — Кажется, он сердится, хотя остается безупречным джентльменом.

— Я в порядке, — настаиваю, пряча глаза от его пытливого взгляда, сканирую его всего сверху донизу. Впитываю каждую красивую ниточку его костюма и запредельное качество обуви. А потом в голову кое-что приходит, и я смотрю через улицу. — Идем со мной, — говорю, беря его за руку, и тащу на дорогу.

Он покорно идет за мной, ни слова не сказав против, к концу Бери Стрит и немного вниз по Джермин Стрит, пока мы не останавливаемся перед магазином мужской одежды — бутиком, чопорным и соответствующим, но я вижу кое-что, что мне нравится.

— Что ты делаешь? — спрашивает он, нервно поглядывая на витрину магазина.

— Рассматриваю витрины, — отвечаю безразлично, отпуская его руку и поворачиваясь лицом к витрине, вглядываясь во внушительные фигуры безжизненных манекенов, одетые в высококачественную мужскую одежду. Я вижу преимущественно костюмы, но не они привлекают мое внимание.

Миллер присоединяется ко мне, пряча руки в карманах брюк, и мы оба просто стоим там, кажется, целую вечность: я, делая вид, что просто смотрю (хотя все, о чем я на самом деле могу думать, это как затащить его туда), и Миллер, нервно переминающийся с ноги на

ногу рядом со мной.

Он откашливается:

— Думаю, уже достаточно рассматривать витрины, — заявляет он, кладя ладонь мне на шею, намереваясь увести.

Я не поддаюсь, даже когда он усиливает давление своих пальцев на моей коже. Это трудно, но я прирастаю к месту, делая попытку сдвинуть меня почти невозможной.

— Давай зайдем и посмотрим, — предлагаю.

Он напрягается, прекращая попытки сдвинуть меня с места:

— Я разборчив в том, где мне делать покупки.

— Ты разборчив во всем, Миллер.

— Да, и предпочитаю таковым оставаться. — Он снова пытается увести меня, но я выкручиваюсь из-под его руки и быстро двигаюсь в сторону входа.

— Идем, — настаиваю я.

— Оливия, — зовет он предупреждающим тоном.

Я останавливаюсь на пороге магазина и оборачиваюсь, ярко улыбаясь.

— Ничто не доставляет тебе большего удовольствия, чем видеть меня такой счастливой, — напоминаю ему, прислоняясь к дверному косяку и скрещивая ноги. — И если ты присоединишься ко мне в этом магазине, я буду действительно счастлива.

Синие глаза загораются, но он прищуривается, пытаюсь скрыть свое веселье в ответ на мое хитропопое заявление. Уголки его губ тоже дергаются, что только возносит мое счастье до небывалых высот. Все просто идеально, потому что Миллер любит, когда я счастлива, а я прямо сейчас не могла бы быть счастливее. Я веду себя игриво, и он отвечает мне взаимностью... почти.

— Вам очень сложно отказать, Оливия Тейлор. — Он задумчиво качает головой, еще больше обостряя мое ощущение счастья, и преодолевает несколько оставшихся между нами шагов. Я стою на пороге магазина, смотрю на Миллера и не могу стереть с лица улыбку. Он не касается меня руками, только приближает ко мне свое лицо, останавливаясь в миллиметре от моих губ. — Почти невозможно, — шепчет он, согревая меня своим дыханием, а нос наполняя своим мужским ароматом. Моя решительность пошатнулась, но я быстро прихожу в себя и исчезаю в магазине прежде, чем он смог бы переубедить меня и увести оттуда.

Войдя, я подвергаюсь пытливому взгляду крупного мужчины, который вышел из служебного помещения магазина. У него такой вид, как будто он только что выбрался из земельных владений английской деревеньки. Твидовый костюм выглажен и чист, при более близком рассмотрении я вижу, что узел его галстука идеальный, как и у Миллера. Глупо, я думаю, Миллер оценит это, что только улучшит его настроение, поэтому я поворачиваюсь взглянуть на него, но сразу спускаюсь с небес на землю, видя, что он исчез из дверного проема и теперь смотрит на все через стекло витрины, маска снова на месте. Он колеблется, настороженно оглядываясь... сомневаясь.

— Могу я вам помочь?

Я оставляю Миллера решать, заходить ли ему в магазин, и обращаю все свое внимание к консультанту. Да, он *может* мне помочь.

— У вас есть повседневная одежда? — спрашиваю я.

Он громко смеется, прежде чем указать в глубину магазина:

— Ну конечно, хотя мы гораздо больше известны нашими костюмами и рубашками.

Мой взгляд следует по направлению за его пальцем, и я вижу секцию в задней части магазина всего с несколькими рядами повседневной одежды. Выбор довольно скудный, но я не рискну уйти отсюда и попытаться затащить Миллера в магазин с большим разнообразием. Это даст ему слишком много времени, чтобы выкрутиться. С этой мыслью я опять оборачиваюсь посмотреть, решился ли он войти. Нет.

Вздыхнув достаточно громко для того, чтобы он услышал даже снаружи, я в который раз оборачиваюсь к консультанту.

— Я посмотрю, — собираюсь пройти мимо него, но он неловким движением своего тучного тела блокирует мне дорогу. Я хмурюсь и смотрю на него вопросительно, он же окидывает недовольным взглядом мое цветочное платье, останавливаясь на открытых пальцах ног с розовым лаком на ногтях.

— Мисс, — начинает он, снова глядя мне в лицо своими глазами, похожими на бусинки. — Вы увидите множество магазинов на Джермин Стрит, в которых... как бы это сказать? — Он мычит задумчиво, только я не знаю, зачем. Он понимает, что хочет сказать, и я понимаю тоже. — Более широкий выбор одежды.

Моя дерзость испаряется. Я не типичный клиент здесь, и он не боится сказать мне об этом.

— Точно, — шепчу я, слишком много нежеланных мыслей проносится в голове. Богатые люди едят шикарную еду и пьют шикарное шампанское... которое я им подаю время от времени.

Он улыбается самой неискренней улыбкой и начинает возиться с рукавом рубашки, висящей на манекене рядом с ним.

— Возможно, Оксфорд Стрит была бы более подходящей.

Чувствую себя глупо, реакция этого полного презрения парня на мой вопрос только подтверждает мои постоянные опасения, а ведь он даже не видел Миллера. Это его шокирует. Я с таким изысканно одетым субъектом, как Миллер?

— Полагаю, *молодая леди* хотела, чтобы ей показали отдел повседневной одежды. — Голос Миллера неожиданно звучит из-за моей спины, заставляя меня вздрогнуть. Я уже слышала этот тон. Всего пару раз, но я никогда не забуду его и ни с чем не спутаю. Он зол. Замечаю выпученные глаза консультанта и потрясенное выражение лица прежде, чем рискую бросить на Миллера, присоединившегося ко мне в магазине, осторожный взгляд. Для мужчины, который *не пытался* мне помочь, он выглядит абсолютно собранным, но я вижу переполняющую его ярость. Он не счастлив, и кажется, мистер «моя одежда слишком шикарна для вас» очень скоро это поймет.

— Простите, сэр. Эта молодая леди с вами? — Вижу в его глазах удивление, и это съедает всю уверенность, которую Миллер постоянно в меня вселяет. Ее больше нет. Я буду сталкиваться с этим изо дня в день, если продолжу пытаться и лезть в мир Миллера. Знаю, что никогда его не оставлю, — ни за что, ни единого шанса — так что мне придется научиться принимать это или справляться с этим лучше. Во мне запас дерзости для моего взвинченного непостоянного джентльмена, но я, кажется, вынуждена бороться за свою дерзость в некоторых ситуациях, как эта, например.

Миллер обнимает меня за талию, притягивая к себе. Чувствую напряжение его мышц, паника заставляет меня хотеть увести Миллера из магазина прежде, чем они найдут освобождение и ударят этого мужика по его жирной заднице.

— Это важно, если она не со мной? — спрашивает Миллер натянуто.

Мужчина топчется и поправляет свой твидовый костюм, нервно посмеиваясь.

— Я думал, что помогаю, — настаивает он.

— Не помогли, — возражает Миллер. — Она делала покупки для меня, не то чтобы это имело значение.

— Ну конечно! — Толстяк бегло оценивает Миллера, утвердительно кивая, после чего осторожно одергивает белую рубашку. — Думаю, многое из нашего ассортимента вы найдете привлекательным, сэр.

— Вероятно. — Рука Миллера перемещается мне на шею, принимаясь поглаживать, возвращая мне уверенность. Он никогда не сдастся. Мне тепло, и я чувствую себя менее уязвимой от унижительных слов, адресованных мне, хотя парень и говорил их вежливым тоном. Миллер делает шаг вперед и кончиками пальцев проводит по дорогому материалу рубашки, согласно мурлыча. Смотрю на него настороженно, по-прежнему чувствуя напряженность в его мышцах и чертовски четко понимая, что этот его звук стопроцентная подделка.

— Прелестная вещица, — гордо заявляет консультант.

— Готов поспорить, — Миллер возвращается ко мне. — Она могла быть сшита из самого хорошего материала, который только можно купить за деньги, да вот я не стал бы ее покупать у вас. — Он разворачивает меня осторожным нажимом руки. — Хорошего дня, сэр. — Мы выходим из магазина, оставляя ошарашенного парня с прекрасной белой рубашкой в его пухлых руках. — Долбаный ублюдок, — выплевывает Миллер, подталкивая меня вперед.

Держу рот на замке. Не получается рассердиться даже на то, что не смогла заинтересовать Миллера в покупке повседневной одежды, а после этой сцены мое намерение должно стать только сильнее. Но я больше никогда не хочу сталкиваться с чем-то таким, не только потому, что это было унижительно, но еще и из-за моего уже длительного волнения относительно терпения Миллера. Он кажется жестоким, балансируя на грани того, чтобы превратиться в драчуна, который отключает все свои чувства и как будто не в состоянии контролировать себя.

Иду с ним по улице, сердце разбивается с каждым шагом, когда становится очевидно, что мы направляемся к его машине. Это все? Наше совместное время состояло из проверки реальностью в шикарном бутике мужской одежды? *Разочарование* не то слово, которое описало бы происходящее.

Мы подходим к мерседесу Миллера, где он осторожно сажает меня на пассажирское сиденье. Я молча и настороженно смотрю, как он обходит машину и садится на место водителя, не смея высказать свое недовольство.

Я нервничаю.

Он бесится.

Я молчу.

Он неровно дышит.

Злость скорее увеличивается, чем затихает. Я как дурочка застыла, не зная, что сказать или сделать. А он, шипя, заводит машину с такой силой, что возникает ощущение, будто она может взорваться. Вдавливаясь в сиденье, начинаю вертеть кольцо.

— Блять! — рычит он, ударяя кулаком в центр руля. Я вздрагиваю, подсакивая на месте, но гудок поднимает внутри тревогу. Этот тошнотворный страх пробивает грохочущее сердце, и я продолжаю глядеть на колени. Не могу смотреть на него. Знаю, что увижу, а

ярость Миллера не самое приятное зрелище.

Кажется, проходит вечность, прежде чем вопль гудка стихает, оставляя звон у меня в ушах, и еще больше времени проходит, прежде чем я осмеливаюсь на *него* посмотреть. Он прижимается лбом к рулю, ладони сжимают кожаное колесо, а спина тяжело поднимается и опускается.

— Миллер? — говорю тихо, осторожно подвинувшись всего на миллиметр, но быстро отшатываюсь, когда он поднимает ладонь и с новым рыком ударяет по рулю. Миллер поднимается, прижимаясь к сиденью, и запрокидывает голову на несколько долгих секунд, а потом цепляется за ручку дверцы и выскакивает, хлопнув за собой дверцей. — Миллер! — кричу, когда он уходит от машины. — Блин! — Он возвращается в магазин!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я наощупь ищу ручку дверцы, наблюдая за тем, как он длинными ногами сокращает расстояние, а потом я замираю, когда он резко останавливается, руками взлохмачивая волосы. Я застыла, прикидывая, смогу ли его успокоить. Такая мысль мне не нравится. Совсем. Сердце продолжает грохотать в груди, грозя вырваться, пока я жду следующего шага этого мужчины, молясь, чтобы он не пошел дальше, так как нет ни единого шанса, что я смогу остановить его, что бы он ни намеревался сделать.

Немного расслабляюсь, когда вижу, как его руки опускаются, и еще немного, когда он запрокидывает голову, глядя в небо. Он успокаивается, позволяя разуму протолкнуться сквозь пелену гнева. Сглатываю и слежу за его шагами к стене неподалеку, а потом с молчаливым всхлипом успокаиваюсь еще больше, когда его ладони прижимаются к кирпичу и он собирается с силами, голова опущена, спина вздымается и опускается размеренном, контролируемом темпе. Он делает глубокие вдохи. Мои руки уже на коленях, расслабляются, спиной я прижимаюсь к коже сиденья и молча смотрю, решив не тревожить его, пока он успокаивается. Это занимает не так много времени, как я думала, и то чувство облегчения, что накрывает меня, когда он выпрямляется, поправляет свой костюм и волосы, — за гранью реальности. Мои легкие с благодарным выдохом покидают столько воздуха, что его хватило бы на сотни воздушных шариков. Миллер удержался, несмотря на то, что так сильно потерялся в гневе из-за глупой ситуации, в которой виновата только я.

Спустя несколько минут приведения себя в порядок, Миллер возвращается к машине, спокойно открывает дверцу и словно вливается в пространство машины, спокойно и вальяжно устраивается на месте водителя, *очень* спокойно.

Я опасно жду.

Он погружен в свои мысли.

А потом он поворачивается ко мне с измученным взглядом синих глаз, берет мои руки и подносит их к своим губам, закрыв глаза.

— Мне так жаль. Прости, пожалуйста.

Уголки моих губ дрогнули в намеке на улыбку от его извинений и его способности переключаться от джентльмена к безумцу и обратно к джентльмену, все это за пару минут. Его темперамент — причина для беспокойства, в котором наши отношения совсем не нуждаются.

— Почему? — задаю простой вопрос, отчего он открывает глаза и поднимает их на меня. — Тот мужчина не пытался вмешаться. Он не вклинивался между нами и не пытался угрожать нашим отношениям.

— Не согласен, — говорит он тихо. Хмурюсь в ответ на его заявление, и еще больше,

когда он настаивает на том, чтобы я присоединилась к нему на водительской стороне, подтягивая меня к себе. Он достаточно помят после своей вспышки, даже несмотря на то, что он провел достаточное количество времени, разглаживая костюм. Он сажает меня к себе на колени так, что я сижу верхом, ногами обхватывая его бедра, руки кладу ему на плечи, прежде чем его ладони ложатся мне на талию. Сделав глубокий вдох, он крепче сжимает мою талию и смотрит мне в глаза. Теперь в его взгляде нет дикости, только серьезность. — Он, вне всяких сомнений, вклинился между нами, Ливи.

Пытаюсь спрятать свое замешательство, только лицо выдает меня, в нем явно читается растерянность, ведь я успеваю спрятать ее.

— Как?

— О чем ты думала?

— Когда?

Он делает глубокий вдох, раздражение начинает просачиваться.

— Когда этот убл... — он закрывает рот и обдумывает слова, прежде чем продолжить. — Когда этот неприятный джентльмен разговаривал с тобой, о чем ты думала?

Я сразу понимаю, куда он клонит. На самом деле, он не захочет знать, о чем я думала. Он снова взбесится, так что я пожимаю плечами, опустив глаза и поджав губы. Я не рискну.

Миллер легким как перышко касанием врывается мне под кожу.

— Не прячь от меня это личико, Оливия.

— Ты знаешь, о чем я думала. — Я отказываюсь смотреть на него.

— Пожалуйста, смотри на меня, когда мы разговариваем.

Я поднимаю лицо к нему.

— Черт, я иногда просто ненавижу твои манеры, — я капризничаю, потому что он подловил меня и направление моих мыслей, а еще я в ужасе, потому что его губы дрогнули в намеке на улыбку от моей дерзости.

— О чем ты думала?

— Почему ты так хочешь, чтобы я это сказала? — спрашиваю. — Что ты пытаешься доказать?

— Ладно, я сам скажу. Я объясню, почему практически вернулся, чтобы научить этого парня кое-каким манерам.

— Ну так вперед, — подначиваю я.

— Каждый раз, когда кто-то расстраивает тебя или разговаривает с тобой в такой манере, это заставляет тебя слишком много думать. Ты знаешь, как я отношусь к чрезмерным размышлениям, — он снова касается меня, подчеркивая свою точку зрения.

— Да, я знаю.

— И моя прекрасная сладкая девочка уже слишком многое додумала в своей голове.

— Знаю.

— Таким образом, когда все эти люди побуждают твои мысли заходить еще дальше, я бешусь, потому что ты начинаешь сомневаться в нас.

Прищурившись, смотрю на него, но не могу отрицать сказанного. Он прав на сто процентов.

— Да, я понимаю, — говорю сквозь стиснутые зубы.

Его голос становится тише:

— И это увеличивает риск того, что ты уйдешь от меня. Ты решишь, что все эти люди правы, и уйдешь. Так что да, они вклиниваются между нами. Они вмещиваются, а когда кто-

то сует нос в наши отношения, у меня есть, что сказать.

— Больше, чем «что сказать»!

— Согласен.

— Какое облегчение.

Он хмурится:

— О чем ты?

— Твое согласие, — убираю руки с его плеч и отклоняюсь назад, спиной прижимаясь к рулю, моя попытка оставить между нами расстояние как можно дальше. Признаться честно, едва ли это работает. — Думаю, тебе нужен курс управления гневом, или терапия, или что-то такое, — произношу эти слова до того, как успею струсить. После чего готовлюсь к его взрыву.

Но его нет. На самом деле, Миллеру даже немного смешно.

— Оливия, в мою жизнь вторглось достаточно людей. Я не стану приглашать незнакомца для дальнейших вмешательств.

— Они не будут вмешиваться. Они помогут.

— Готов поспорить. — Он смотрит на меня так нежно, как будто я наивная. — Я уже был там. Заключение было следующим: я пропащий.

Стук сердца на мгновение замирает. Он уже пробовал терапию?

— Ты не пропащий.

— Тут ты права, — отвечает он, удивляя меня и вселяя надежду. — Единственная помощь, которая мне нужна, прямо сейчас сидит у меня на коленях.

Мой хороший настрой испаряется в мгновение ока.

— Так ты вел себя как псих до встречи со мной? — спрашиваю я сомнением, хотя уже знаю, что он никогда не подходил к черте так близко, пока я не вошла в его идеальную жизнь. Эта мысль немного комична. Идеальная жизнь? Нет, Миллер пытался *сделать* ее идеальной, сохраняя все вокруг себя в совершенстве — то есть свою внешность и свою собственность, а учитывая то, что я тоже была названа собственностью Миллера, это касается и меня. В этом и заключается проблема. Я не совершенна. Моя одежда не безупречна, у меня нет должных манер, все это заставляет моего придирчивого Миллера с его совершенством скатываться к хаосу. Я единственная помощь, которая ему нужна? Он взваливает на мои плечи непосильный груз.

— Сейчас я псих?

— Твой характер, на самом деле, не то, с чем стоит играть, — шепчу, вспоминая слова Миллера и в полной мере благодаря его за предостережение.

Его ладонь ложится на заднюю часть моей шеи, и он тянет меня к себе до тех пор, пока наши лбы не соприкасаются. Он уже отвлек меня от нежеланных мыслей своим прикосновением и пристальным взглядом, но могу сказать, что вот-вот отвлекусь еще больше.

— Я до сумасшествия тобой очарован, Оливия Тейлор. — Он удерживает мой взгляд. — Ты наполняешь мой мрачный мир светом, а дыру в сердце чувствами. И я целенаправленно тебе сообщаю, что никогда так просто не сдамся. — Мягкие губы накрывают мои, и мы разделяем невероятно нежный, неторопливый поцелуй. — Я не готов больше тонуть в нескончаемом мраке. Ты моя привычка. Только моя. Мне нужна только ты.

С согласным вдохом и радостным скачком сердца я обнимаю Миллера и в течение нескольких блаженных минут демонстрирую ему свое понимание. И он это принимает.

Плавные движения наших сплетенных губ вырывают меня из жестокой реальности, с которой мы столкнулись, и возвращают в мир Миллера, где комфорт, тревоги, безопасность и риск переплетаются вместе. В глазах Миллера, каждый пытается вмешаться, это печально, но он, вероятно, прав. Я, как велел Миллера, взяла выходной, так что мы можем провести некоторое время вместе после вчерашних дьявольских событий и перепалки сегодня утром. Он пытается исправить сумятицу последних нескольких дней, и мне необходимо, чтобы *никто* не вмешивался — не только сегодня, но и никогда.

— Рад, что мы это прояснили, — бормочет Миллер, целуя меня в губы. Он кладет голову на подголовник сиденья, оставив меня кучкой взбудораженных гормонов на его коленях. Разгоряченной. Похотливой. Ослепленной его совершенством. — Давай выбирать, — он заботливо перемещает мое безвольное тело на пассажирское сиденье, после чего заводит машину и выезжает на дорогу.

— Куда мы едем? — Разочарование от того, что наш день оборвался так быстро, все еще живо.

Он не отвечает, вместо этого нажимает несколько кнопок под рулем, после чего к нам в машине присоединяется «The Stone Roses¹²». Я улыбаюсь, расслабившись на своем сиденье, и мурлычу под мелодию «Waterfall», позволяя Миллеру отвезти нас туда, куда он пожелает.

Глава 20

Смотрю на шикарные витрины торгового центра Харродс, вспоминая свой последний визит сюда с Нан. Я помню Кэсси. И помню розовый шелковый галстук, спускающийся по груди Миллера. Все те вещи, которые хотела бы забыть. Я раздраженно рычу на источник напоминания. Но остаюсь проигнорированной: Миллер выходит из машины и обходит ее, чтобы забрать меня. Открывает дверцу и протягивает мне руку, я позволяю себе окинуть всего его взглядом, снизу вверх, пока мой сердитый взгляд не сталкивается с его довольным лицом. Он смотрит на меня выжидающе, в нетерпеливом жесте продвигая руку чуть вперед.

— Шевелись.

— Я передумала, — говорю холодно, игнорируя его просьбу дать руку. — Пойдем, поедим что-нибудь. — Может, такая тактика сработает, потому что, со всей этой суетой в предыдущем магазине, Миллер так и не осуществил свое намерение накормить меня. Думаю, нет ничего хуже, чем помогать Миллеру покупать еще больше «масок».

— Скоро поедим. — Он хватает меня за руку и вытягивает из машины, после переместив руку на мой затылок. — Это не займет много времени.

Нотки оптимизма врываются в мои совсем невоодушевленные мысли, когда он ведет меня к торговому центру, где я сразу же чувствую себя охваченной шумом, гамом и суматохой посетителей.

— Так много людей, — стону я, следуя за решительными шагами Миллера. Раздражение разгорается по мере того, как мы проходим мимо кучки покупателей, скорее всего, туристов.

— Ты сама хотела пойти за покупками, — напоминает он мне, останавливаясь перед отделом мужской парфюмерии.

— Могу я чем-то помочь, сэр? — спрашивает чересчур накрашенная девушка, широко при этом улыбаясь. Она, определенно, обратила на него внимание. От этого я злюсь еще сильнее.

— «Том Форд» оригинальный, — коротко командует Миллер.

— Конечно, — она указывает на полку позади себя. — Сэр предпочитает пятьдесят или сто миллилитров?

— Сто.

— Желаете пробный экземпляр?

— Нет.

— Я хотела бы, — встречаю, подходя ближе к прилавку. — Пожалуйста. — Улыбаюсь и вижу, как ее брови удивленно взлетают, прежде чем она брызгает немного на пробник и передает мне. — Спасибо.

— С большим удовольствием.

Подношу листок к носу и вдыхаю. Почти умираю от наслаждения. Такими пользуется Миллер.

— Ммм, — закрываю глаза и продолжаю держать листочек у носа. Божественно.

— Хорошо? — шепчет он мне на ухо, его близость подогревает ощущение блаженства, вызванное ароматом.

— Бесподобно, — говорю тихо. — Пахнет точно как ты.

— Или я пахну как *они*, — исправляет меня Миллер, протягивая кредитку девушке, чей взгляд теперь мечется между нами. Он вникает в происходящее и, улыбаясь, отдает мне пакет. Улыбка фальшивая.

— Спасибо, — принимаю пакет, сменяя, наконец, гнев на милость, убираю пробник от носа и кидаю его в пакет. А потом беру Миллера за руку. — Хорошего дня.

Он уводит меня к эскалатору, решив подняться по ступенькам, вместо того чтобы позволить им поднять нас наверх.

Мы покидаем эскалатор, и Миллер протискивается сквозь толпы людей, ведя нас к еще одному лестничному пролету, и снова через толпы людей и множество отделов.

Я не понимаю, где мы, шум вокруг и бесконечные коридоры заставили меня запутаться. Я просто иду за Миллером, глупо озираясь, тогда как он идет решительно, точно зная, куда хочет попасть. Не очень хорошо. Если я увижу костюм, я могу его разодрать.

— Мы на месте, — он останавливается перед отделом мужской дизайнерской одежды, отпускает меня и прячет руки в карманы. У меня глаза распахиваются при виде многообразия одежды передо мной. Уйма рядов. Вещи бросаются в глаза, ноги хотят нести меня в одном направлении, а потом глаза замечают кое-что, что меня привлекает и заставляет остановиться. Слишком много одежды.

И, в основном, повседневной.

Его дыхание щекочет мне ухо:

— Уверен, это именно то, что ты ищешь.

Меня накрывает волна счастья и предвкушения, я оборачиваюсь взглянуть на него и вижу довольный блеск в его потрясающих синих глазах.

— Ты, должно быть, паришь во втором значимом для тебя удовольствии, — говорю ему, потому что сама без ума от радости. Он собирается позволить мне одеть его.

Он как будто живой манекен, каждый дюйм его тела совершенен и готов к тому, чтобы я украсила его чем-то, кроме костюма-тройки.

— Определенно, — подтверждает он, отчего мне хочется счастливо визжать, и тогда он своей улыбкой удваивает мою радость.

Задержав дыхание, подавляю чувство радости и беру его за руку. А потом я практически тяну его по отделу, взгляд мечется в поисках идеального простого набора, в который я могла

бы одеть моего совершенного Миллера.

— Ливи! — встревожено выдыхает он, фактически через силу следуя за мной. Но я не останавливаюсь. — Оливия! — теперь он смеется, это заставляет меня прекратить шагать по Харродсу и обернуться, ловя свет его улыбки.

Я практически теряю сознание от увиденного... почти. Впасть в дурман лучше, чем взять и разреваться.

— Черт, Миллер, — шепчу, прижав ладонь к задней части своей шеи и поглаживая... успокаивая... делая так, как обычно делает Миллер. Я скучаю по этому. Как будто ребенок в кондитерской, где его окружают слишком много привлекательных сладостей — улыбка Миллера, его смех и куча одежды, в которую его можно одеть. Все это сбивает меня с толку, я не знаю, то ли впитывать вид такого Миллера, то ли затащить его в примерочную, пока он не передумал.

Он подходит ко мне вплотную, в глазах тот же блеск, на губах та же улыбка. Во мне все та же дилемма.

Глаза или губы.

— Земля вызывает Оливию, — он говорит ласково, наслаждаясь моим спутанным состоянием. — Нуждаешься в *моем*? — Его невесомое прикосновение ласкает мою щеку. Отстраняюсь, боясь опять на него наброситься. Чувствую, как меня переполняют эмоции, это глупо. Он делает меня счастливой, даже если отчасти причина, по которой мы здесь, это чувство вины за его срыв в предыдущем магазине.

Миллер удерживает мой взгляд, придвигаясь ближе до тех пор, пока меня не окутывает его запах, а его нос не щекочет щеку. А потом он прижимается ко мне всем своим крепким телом и медленно отрывает меня от пола, носом прижимаясь уже к моей шее. Я обнимаю его крепко. Очень. Так же, как он меня.

Мы обнимаемся, теряясь друг в друге прямо посреди торгового центра, и никому из нас нет дела до возможных зевак. Мне вдруг становится все равно на попытки сменить костюм Миллера на что-то другое. Хочу, чтобы он забрал меня домой, в постель, и боготворил меня.

— Я говорил, что не хочу задерживаться здесь, — шепчет он мне в шею, по-прежнему надежно пряча в своих руках.

— Ммм, — во мне откуда-то берутся силы отпустить его и встать на ноги. — Спасибо. — Несколько минут я трачу на то, чтобы разгладить рукава его пиджака, пока он просто за мной наблюдает.

— Никогда не говори этого, Ливи.

— Я всегда буду тебе благодарна, — прекращаю возиться с его рукавами и делаю шаг назад. Он вернул меня к жизни, даже если эта жизнь неоднозначная и напряженная. Зато теперь у меня есть мой порой прихотливый джентльмен и его идеальный, выверенный мир.

Роскошные туфли появляются перед моими опущенными глазами, отчего мой взгляд, взлетая, снова встречается с его. Он по-прежнему улыбается, но уже не так ярко.

— У тебя тридцать минут.

— Точно! — я выхожу из состояния задумчивости и направляюсь к стене с полками, заполненными множеством, множеством джинсов. Просто Миллер в джинсах кажется... неестественным, но мне так отчаянно хочется увидеть, что стоит за этими костюмами, или, по крайней мере, сбавить их величие. К тому же, соблазн увидеть его совершенную задницу, обтянутую джинсовой тканью, слишком велик, чтобы не поддаться. Сканирую бирки, которые описывают параметры каждого фасона и, в итоге, хватаю джинсы-варенки

свободного покроя, как гласит бирка. Звучит идеально. — Вот. — Возвращаюсь, разворачивая джинсы и пытаюсь прикинуть размер. Слишком короткие для длинных, подкачанных ног Миллера. Быстро складываю их и меняю на больший по длине размер. — Эти. — Прикладываю к себе, улыбаясь, поскольку приходится поднять пояс к своей груди, просто чтобы джинсы не волочились по полу. — Эти должны подойти.

— Хочешь узнать мой размер? — спрашивает он, отчего я перевожу взгляд от синевы джинсовой ткани к синеве его улыбающихся глаз. Цвет почти одинаковый.

Поджав губы, бегло сканирую его фигуру.

— Это тело должно быть высечено в твоей прекрасной головке, Ливи, — его голос низкий, обольстительный и сексуальный, как грех.

— Так и есть, — встаю на носочки, — но я не разбираюсь в цифрах.

— Эти подойдут идеально, — он забирает из моих рук джинсы и бросает на одежду неопределенный взгляд. — И что же моя прекрасная девочка хочет, чтобы я с ними надел?

Улыбаюсь на его желание шутить со мной и иду, на ходу замечая футболку.

— Вот, — показываю и исподтишка наблюдаю, как Миллер следит за моей рукой.

— Это? — спрашивает он с тенью тревоги в голосе.

— Да, — подхожу и снимаю с вешалки выцветшую, винтажную футболку. — Неброская, непринужденная, выдержанная. Приподнимаю ее. — Идеально.

Ему эта вещь совсем не кажется идеальной, но он все еще со мной и забирает ее у меня.

— Обувь?

Хмурясь, озираюсь по сторонам:

— Где обувной отдел?

До меня доносится его тяжелый вздох:

— Я покажу.

Для него все это напряженно, но я абсолютно шокирована его готовностью, только не покажу этого. Прямо сейчас я в своей стихии.

— Веди, — улыбаясь, машу рукой и сразу же следую за ним, как только он уходит. Руки чешутся в отчаянном желании схватить по дороге еще пару вещей, но я понимаю, что он уже подключил все свое терпение, меня останавливает риск того, что он уйдет. По одному шагу за раз.

С интересом наблюдаю за Миллером, когда мы проходим мимо очередного отдела, который заполнен множеством костюмов. Они повсюду, манят его, и я изо всех сил стараюсь не засмеяться при виде того, как он надулся.

— Ральф Лорен делает превосходные костюмы, — подмечает он тихо, заставляя себя идти дальше.

— А еще у него симпатичная повседневная одежда, — заявляю, понимая, что Миллеру об этом вряд ли известно.

— Миллер! — Пронзительный возглас въедается в кожу плеч, и когда я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как к нам подходит раздражающе хорошенькая девушка, счастливое мое выражение лица стирается мрачным. Она вся сияет, направляясь к нему быстрыми шажками. Она практически идеальна, как и остальные: шелковые волосы, безупречный макияж и дорогая одежда. Готовлю себя к еще одному напоминанию действительности. Я уже ее ненавижу.

— Как ты? — напевает она ему, не удостоив меня еще одним взглядом. Нет, ее внимание приковано к моему совершенному Миллеру. — Выглядишь стильно, как всегда.

— Бетани, — приветствует ее Миллер, спокойно и холодно, вся его непринужденность, которую он мне дарит, исчезает при виде красных губ и стильно уложенных волос. — Я очень хорошо, спасибо. Как сама?

Она надувает губки и переносит весь свой вес на одну ногу, выпячивая бедро. Язык ее тела источает флюиды явно, четко и целенаправленно.

— Всегда хорошо, ты ведь знаешь.

Закатываю глаза и прикусываю язык, поникнув внутри. Еще одна. Теперь ей нужно только заметить меня и прикончить одним из тех взглядов или выплюнуть пару жестоких слов. А если она вытащит одну из его визиток, я не отвечаю за свои действия.

— Отлично, — отвечает он, односложно и резко, несмотря на идеальную вежливость. Я чувствую его беспокойство, все признаки Миллера и его потребности избегать общения с людьми, именно в этот момент я задаю себе вопрос, почему все эти женщины так им заинтересованы, когда он может быть таким враждебным. Он абсолютный джентльмен на свиданиях, — он сам так сказал — но что помимо этого? Как бы они отреагировали, если бы он осчастливил их своим преклонением. Я смеюсь внутри. Они бы были как я. Не в состоянии без него функционировать. Обреченные. Безжизненные.

Миллер прочищает горло и перекладывает одежду в своих руках.

— Мы пойдем, — говорит он, обходит Бетани, очевидно ожидая, что я последую за ним, но я, почувствовав на себе пытливый взгляд, не могу заставить свои ноги передвигаться. Ну, началось.

— Оу, — выдыхает она, осматривая меня с ног до головы заинтересованным взглядом. — Похоже, кое-кто опередил меня сегодня. — У меня отвисает челюсть, а она невозмутимо улыбается при виде моего оскорбленного состояния. — Простите, вы..?

Я ей скажу, кто я такая. *Прими это или учись справляться лучше.* Вот мои варианты. Во мне есть дерзость, доказано, и мне нужно учиться грамотно ею пользоваться. Эта девушка, так же как остальные, заставляет меня чувствовать себя ничтожной, и все же Миллер не выказывает своей злости относительно возможности этой девушки вклиниться между нами или заставить меня сомневаться в своей значимости.

— Привет, я Оли...

— Прости, мы опаздываем, — прерывает меня Миллер, как раз когда я нашла в себе дерзость и собралась ею воспользоваться. — Всегда рад. — Он кивает Бетани, которая теперь выглядит *действительно* заинтересованной, и осторожно подталкивает меня в спину, вместо того, чтобы воспользоваться своим обычным прикосновением к моей шее.

— Ох, аналогично, — восклицает Бетани. Жесткость мгновенно охватывает все тело Миллера. — Надеюсь, скоро увидимся.

Он быстро уводит меня, оба молчим, напряжение осязаемо. *Всегда рад.* Я сержусь внешне и внутренне. Мы поворачиваем за угол, заходя в отдел мужской обуви, и Миллер тут же хватается первую попавшуюся на глаза пару и показывает мне. Я не смотрю. Бетани уничтожила весь наш сегодняшний прогресс.

— Эти? — он отчаянно старается отвлечь меня. Не сработает. Дерзость, которую я собиралась вывалить на ту девушку, теперь кипит во мне с хорошей примесью злости, и есть только один человек, на которого я могу все это выплеснуть.

Я откидываю туфли:

— Нет.

Он отшатывается, распахнув глаза и слегка приоткрыв идеальные губы.

— Прошу прощения?

Злобно прищуриваюсь, глядя на него.

— Не начинай со своим прощением, — предупреждаю. — Она была клиенткой. Она могла меня преследовать?

— Нет, — он чуть не смеется.

— Почему ты не дал мне просто представиться? И почему ты не поставил ее на место?

Миллер осторожно ставит туфли на полку и передвигает чертову вещь, прежде чем приблизиться ко мне с задумчивым видом. Мое тело отвечает раздражением и нежеланием, но уступает.

— Я уже говорил, не хочу, чтобы кто-то вмешивался, поэтому, чем меньше людей знают, тем лучше. — Подушечкой указательного пальца он приподнимает мой подбородок, принуждая посмотреть на его лицо, покрытое темной щетиной. Замечаю раздражение, плещущееся в глубине его красоты. — Когда я говорю, что есть только *мы*, — не *я* или *ты* — я также имею в виду *никого другого*.

Каким бы ни был соблазн, существование только меня и Миллера все же невозможно.

— Сколько их? — спрашиваю я. Мне нужно знать, со сколькими из них мне придется столкнуться лицом к лицу. Мне нужно знать хоть что-то, чтобы выделить их, когда столкнусь. Кто из них сможет предугадать его следующее движение? Кто из них станет меня преследовать?

— Это не важно, — он кладет руки мне на плечи, втирая в меня спокойствие, — потому что сейчас есть только *моя* сладкая девочка. — Его искренность въедается в меня, стирая все сомнения.

Оставь это.

Собравшись с силами, не нахожу нужных для ответа слов, так что хватаю с первой попавшейся полки ботинки.

— Эти, — провозглашаю, и, не дав Миллеру шанса отказаться, направляюсь напрямиком к консультанту.

Она улыбается, выпрямив спину, когда впервые бросает взгляд на Миллера.

— Да, мадам. Размер? — Она жадным взглядом смотрит на Миллера, неосознанно подстрекая меня. Я бы хотела назвать ей размер, но, к моему сожалению, вынуждена обернуться и спросить у Миллера.

— Одиннадцатый, — говорит он тихо, пристально меня разглядывая. Ненавижу вдох удовольствия, исходящий от девушки-консультанта. Ненавижу свою реакцию на ее явный интерес.

Встаю перед Миллером и оборачиваюсь, глядя на нее с раздражением:

— Одиннадцатый, — повторяю я, кивая на обувь. — И да, правду говорят про размер. — Я шокирована своим наглым заявлением, и удивленный кашель Миллера за моей спиной говорит мне о том, что он тоже. Но мне все равно. Сегодня время, проведенное вместе, далеко от приятного, и все это вмешательство начинает выводить меня из себя.

— Безусловно! — Она вздрагивает от силы децибелов в собственном голосе, избегая моего взгляда и борясь с диким румянцем на щеках. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я сейчас вернусь. — Она без промедления удаляется, никаких виляний бедрами или кокетливых взглядов с ее стороны не замечается. Улыбаюсь сама себе, с удовольствием ускользая с дискомфорта, который создала сама, хотя обещала себе придерживать свой острый язык.

— У меня вопрос, — шепот Миллера мне на ушко стирает с лица все мое самодовольство. Не хочу смотреть на него, но едва ли у меня есть выбор, когда он сжимает мои плечи и разворачивает в своих руках. Собираюсь с силами, понимая, что увижу. Я права. Бесстрастное выражение лица лишь с легкой ноткой осуждения в глазах.

— Какой? — В итоге все довольство испаряется из меня от осуждения, уже потоками источаемого от Миллера. Я перешла черту.

Он убирает руки в карманы.

— Что правда и кто говорит?

В порыве веселья плотно сжимаю губы:

— Ты знаешь, что и кто.

— Объяснись, — командует он, не разделяя моего веселья.

От этого улыбаюсь только сильнее:

— В торговом центре?

— Да.

— Ну... — отодвигаюсь и оглядываюсь вокруг, слишком много покупателей в непосредственной близости, чтобы говорить о таких вещах. — Я расскажу тебе позже. — Он это специально. Все он понимает.

— Нет, — он подходит ближе, прижимаясь ко мне своим торсом, согревая своим дыханием. — Я хочу знать сейчас. Пребываю в неведении. — Если ему и приходится держаться за свою серьезность, то он этого не показывает. Он абсолютно серьезен, даже мрачен.

— Ты со мной играешь, — отхожу, только ему это не нравится, так что он вмиг заполняет собой то пространство, что я создала между нами.

— Скажи мне.

Черт бы его подрал. Пытаясь отыскать глубоко внутри свое дерзкое «я», смущенным шепотом собираю по кусочкам объяснение.

— Размер ноги и мужское, — откашливаюсь, — достоинство.

— Что с ними?

— Миллер! — суечусь, чувствуя, как под давлением вспыхивают щеки.

— Скажи мне, Ливи.

— Ладно! — выпалив, встаю на носочки, чтобы губами прижаться к его уху. — Говорят, большой размер ноги соответствует большому члену. — Лицо пылает, чувствую, как он задумчиво кивает, волосами щекоча мою щеку.

— Это так? — спрашивает он на полном серьезе. Ублюдок.

— Да.

— Интересно, — бормочет он, а потом на выдохе посылает мне по уху горячий воздух. Это еще сильнее сбивает меня с толку и моя невозмутимость испаряется, заставляя меня податься немного вперед. Я врезаюсь в него, шумно выдохнув. — Все хорошо? — голос у него такой важный.

— Превосходно, — бормочу и, с трудом найдя в своей слабости силы, отстраняюсь от него.

— Отлично, — шепчет он тихо, блуждающим по мне взглядом наблюдает за тем, как я с трудом беру себя в руки. — О, смотри, — кивает куда-то за мое плечо, побуждая меня обернуться. — Вот и мой одиннадцатый.

Усмехаюсь, чем зарабатываю толчок в спину от Миллера и озадаченный взгляд от

девушки-консультанта.

— Одиннадцатый! — щебечет она, отчего мой смех переходит в истерический хохот. — Вы в порядке, мисс?

— Да! — восклицаю, отворачиваюсь и хватаю первую попавшуюся обувь, которую только смогла найти, лишь бы отвлечься от одиннадцатого размера. Закашливаюсь, увидев размер, выбитый крупным, жирным шрифтом на обуви, которую сама выбрала в качестве отвлечения: она тоже оказалась одиннадцатого размера. Хихикая, ставлю ее обратно на полку.

— Она в порядке, — утверждает Миллер. Я не гляжу на него, но знаю, что он смотрит мне в спину с видом, который для продавщицы покажется беспристрастным, только в глазах можно разглядеть озорной блеск. Если бы я была в состоянии смотреть на Миллера и флиртующую с ним девушку, не задыхаясь от смеха, я бы тут же развернулась, чтобы поймать это потрясающее зрелище. Но я не могу перестать смеяться, сильно содрогаясь.

Внимательно разглядывая случайную обувь с идиотской улыбкой на лице, я слышу шелест бумаги, когда девушка достает ботинки из коробки.

— Нужна ложка для обуви, сэр? — спрашивает она.

— Сомневаюсь, — рычит Миллер, вероятно, рассматривая ботинки и мысленно сетуя на отсутствие в них кожаной подошвы. Ставлю обувь вместе и медленно поворачиваюсь, чтобы увидеть Миллера сидящим на замшевом пуфе и поставившем ногу в ботинок. Тихонечко смотрю, как и девушка-консультант, и думаю о том, какие эти ботинки симпатичные, повседневные из мягкой, потертой кожи коричневого цвета.

— Удобно? — спрашиваю я с надеждой, готовясь к его сарказму, но он, проигнорировав меня, встает, смотрит на свои ноги, прежде чем быстро опуститься на пуф.

Он расшнуровывает их и аккуратно кладет обратно в коробку. Хочу закричать от восторга, когда вижу, как он перекладывает их, как можно аккуратнее заворачивая пару в бумагу. Они ему нравятся, знаю точно, потому что он очень заботится только о своей собственности, и они теперь принадлежат ему.

— Подойдут, — говорит он себе под нос, как будто не желая признавать этого вслух.

Я снова улыбаюсь. Он уступит, черт подери:

— Тебе. Нравится?

С невероятной осторожностью завязав свои шнурки, он поворачивается ко мне и смотрит внимательно:

— Да, — он произносит эти слова, подняв брови, поощряя меня придать этому большое значение.

Не могу скрыть своей радости. Я это понимаю, Миллер понимает, а когда я, схватив коробку, оборачиваюсь и вручаю ее консультанту, она все тоже понимает.

— Мы их возьмем, спасибо.

— Прекрасно. Я уберу их на кассу. — Она уходит с коробкой, оставляя нас с Миллером наедине.

Беру джинсы и футболку.

— Давай примерим это. — Его усталый вдох не заставит меня сдать. Ничто не заставит. Он наденет эту одежду, даже если при этом убьет меня. — Сюда. — Направляюсь в сторону примерочной и знаю, что Миллер идет за мной, покалывания на коже — явный признак его присутствия рядом.

Оборачиваюсь и протягиваю ему одежду, наблюдая за тем, как он берет ее без слов и

исчезает в примерочной. Сажусь и всматриваюсь в суету Харродс, замечаю в ней все слои общества: туристы; люди, которые пришли себя побаловать, наподобие Нан с ее пятнадцатифунтовым ананасом; и люди, которые закупаются здесь регулярно, такие как Миллер со своими изысканными костюмами. Вокруг эклектика, такая же, как и в самом торговом центре. Здесь найдется что-нибудь для каждого, никто не уйдет с пустыми руками, даже если это будет простая формочка для печенья от Харродс, которую можно расценивать как особенный подарок или отложить до Рождества. Улыбаюсь, а потом поворачиваюсь на звук уже знакомого покашливания.

Теперь моя улыбка становится до глупого широкой при виде его лица, напряженного и сомневающегося, а потом пропадает совсем, когда взглядом я встречаюсь с тем, что ниже его шеи. Он стоит босой в дверном проеме, джинсы висят низко на бедрах, идеально подходя по размеру, а футболка облегает его торс в самых нужных местах. Кусаю губу, заставляя себя не открывать рта. Черт побери, он выглядит слишком сексуально. Волосы взлохматились, когда он надевал футболку, а на щеках румянец, появившийся от чувства неловкости, и это забавно. Нет ни пуговиц, чтобы теревить их, ни края рубашки, чтобы постоянно одергивать, ни ремня или галстука, чтобы постоянно завязывать и поправлять, справляясь таким образом с напряжением.

Вроде бы.

Его напряжение на грани взрыва.

— Ты выглядишь потрясающе, — говорю тихо, оглядываясь и видя именно то, что ожидала: женщины со всех сторон пялятся, раскрыв рты, на этого невероятного мужчину перед ними. Закрыв глаза и сделав успокаивающий вдох, забываю о десятках наблюдательниц и сосредотачиваюсь на моем потрясающем, время от времени джентльмене. Миллер, облаченный в самый красивый среди наикрасивейших костюмов, — зрелище незабываемое. Но освободить его от всей этой эксклюзивной одежды и одеть в джинсы и поношенную футболку — и мы приближаемся к нереальности.

Он вертится, оттягивает футболку и топчется босиком, чувствуя себя некомфортно с поясом джинсов.

— Ты выглядишь потрясающе, Оливия. Я выгляжу так, как будто меня задницей протасили по линии с препятствиями.

Сдерживаю улыбку, силы сделать это мне придает беспокойство Миллера. Мне нужно подмаслить его, не раздражая еще больше, Так что я, плавно передвигаясь, иду к нему и вижу, как он замечает мое приближение. Он прекращает дергаться и следит за мной, пока я не останавливаюсь прямо перед ним.

— Готова поспорить, — шепчу я, глазами исследуя его покрытое щетиной лицо.

— Почему ты хочешь видеть меня в этой одежде?

Услышав его вопрос, смотрю ему прямо в глаза. Я знаю ответ, но не могу объяснить так, чтобы он понял. Он не поймет, а я лишь рискую разозлить его.

— Потому что... я... — путаюсь в словах под его пытливым взглядом. — Я...

— Я не стану носить эту одежду, если причина только в том, что от этого ты будешь чувствовать себя лучше относительно нас или если ты думаешь, что это меня изменит. — Он кладет руку мне на предплечье и успокаивающе поглаживает мои напряженные мышцы. — Я не стану носить все это, потому что ты думаешь, что это заставит людей прекратить вмешиваться... смотреть... бросать колкие комментарии. — Другая его рука опускается мне на второе предплечье, руки сильные, он наклоняет голову так, что наши глаза теперь на

одном уровне. — Здесь только я не достоин, Оливия. И мне помогаешь *ты*. Не одежда. Почему ты этого не видишь?

— Я...

— Я не закончил, — он меня прерывает, усиливая давление рук и впиваясь в меня предупреждающим взглядом. Глупо было бы спорить. Костюма нет, но вся эта простая одежда не стерла его влияние или исходящую от него силу. И я рада. Я нуждаюсь в этом. — Оливия, прими меня таким, какой я есть.

— Я принимаю. — Меня переполняет чувство вины.

— Тогда позволь мне надеть свой костюм. — Он умоляет меня своими поглощающими синевой глазами, и впервые за все время я понимаю, что костюмы Миллера это не просто маска, это его броня. Они нужны ему. В них он чувствует безопасность. Контроль. Его идеальные костюмы — это часть его совершенного мира и идеальное добавление к моему совершенному Миллеру. Я хочу, чтобы он их оставил. Не думаю, что, заставив его носить джинсы и футболки, помогу ему хоть сколько-нибудь успокоиться, сама же задаюсь вопросом, хочу ли я вообще, чтобы он потерял свой строгий внешний вид. Я его понимаю. И не важно, как он ведет себя в обществе, для меня он переполнен преклонением. Любимый, мой педантичный красивый Миллер. Это я здесь ходячая проблема. Мои «пунктики». Нужно взять себя в руки.

Кивнув, хватаю край его футболки и тяну ему через голову, когда он с большим желанием поднимает руки. Гора крепких, рельефных мышц обнажена, привлекая еще больше внимания покупателей неподалеку, даже мужчин, я протягиваю скомканную футболку девушке — консультанту, не отводя от Миллера полный раскаяния взгляд.

— Она не подходит, — бормочу я. Миллер улыбается мне полной благодарности улыбкой, которая больно ударяет меня в эгоистичное влюбленное сердце.

— Спасибо, — говорит он ласково, обнимая меня и прижимая к своему обнаженному торсу. Щекой касаюсь к его груди и вздыхаю, проведя руками по его бокам и крепко обняв.

— Никогда не говори этого.

— Я всегда буду тебе благодарен, Оливия Тейлор, — он повторяет мои слова и целует в лоб. — Всегда.

— А я тебе.

— Рад, что мы это выяснили. Теперь, не желаешь снять с меня джинсы?

Позволяю себе опустить глаза к его бедрам, глупый поступок, потому как только напомнила себе, насколько потрясающе Миллер смотрится в джинсах.

— Нет, иди, — толкаю его к примерочной, силясь отвести глаза от потрясающего зрелища, особенно сейчас, когда стало очевидным то, что больше я такого не увижу. — Я подожду здесь.

Довольная собой, занимаю место, чувствуя на себе миллионы глаз. Отовсюду. Но я не отвечаю ни одному из зевак, вместо этого достаю телефон из сумки... два пропущенных звонка и сообщение от Уильяма. Сутулюсь, издав отчаянный стон. Встретиться с заинтересованными взглядами теперь кажется весьма привлекательным.

Ты бесишься, Оливия. Сегодня вечером я пошлю за тобой машину. 19.00. Полагаю, ты будешь у Жозефины. Уильям.

Шея дергается, как будто если я уберу глаза подальше от экрана, это изменит то, что

там написано. Не изменилось. Меня накрывает злость, большой палец автоматически стучит по сенсорному экрану.

Я занята.

Вот. Он отправит машину? Черта с два, и я, в любом случае, не собираюсь там быть. Что побуждает меня отправить еще одно сообщение.

Меня там не будет.

Мне совсем не нужно шпионство Нан за занавесами и ее пытливый нос у окна. Она слетит с катушек, если узнает Уильяма. Ответ от него приходит мгновенно.

Не вынуждай меня, Оливия. Нам нужно поговорить о твоей тени.

Я выдыхаю, вспомнив его клятву, когда он уходил вчера из квартиры Миллера. Как он узнал? Верчу в руках телефон, думая о том, что это, возможно, информация, которая нужна ему, чтобы исполнить свои угрозы. Я не соглашаюсь, несмотря на отчаянную потребность понять, откуда он узнал. Как только я прихожу к такому решению, телефон в руках начинает звонить. Замираю и автоматически сбрасываю звонок, прежде чем отправить ему сообщение, сказав, что перезвоню позже, в надежде выиграть хоть сколько-нибудь времени. Звоню Нан и говорю, что мой телефон садится, и я перезвоню ей от Миллера, заработав ворчание о бесполезности мобильных телефонов. А потом я отключаю телефон.

— Оливия?

Поднимаю взгляд, и вся злость и паника покидают мое тело при виде Миллера, вернувшегося к нормальному, идеальному, облаченному в костюм себе.

— Телефон разрядился, — говорю ему, небрежно бросив его в сумку, и встаю. — Ланч?

— Да, давай поедим, — он накрывает ладонью мою шею, и мы тут же уходим, оставив позади повседневную одежду, которую я люблю, и кучу женщин, восхищающихся Миллером теперь, когда он стал собой. Им по-прежнему нравится то, что они видят, и это написано на их лицах. — Итак, полчаса нашей жизни вместе, которые мы никогда уже не вернем.

Мурлычу согласно, не позволяя себе тонуть в своих мыслях слишком глубоко, и продолжаю думать о том, что Уильям Андерсон никуда не исчезнет, особенно зная о моем преследователе, неважно, как долго я буду умолять.

— Хорошо, что мы больше не ограничены одной ночью.

Выдыхаю и поворачиваю голову, глядя на него. Он безучастно смотрит вперед, на лице ни капли иронии.

— Я хочу больше часов, — шепчу и вижу, как он смотрит на меня своими синими, полными осознания, глазами.

Он наклоняется и оставляет на кончике носа легкий поцелуй, выпрямляется и идет дальше.

— Моя сладкая девочка, в твоём распоряжении целая жизнь.

Меня охватывает счастье, я обнимаю его за талию и чувствую, как его рука прижимается к моему позвоночнику, так что он продолжает вести меня и при этом удовлетворяет мою потребность в близости. Меня больше не заботит суэта Харродс. Ничто,

кроме воспоминаний о предложении одной ночи и всех тех событий, что привели нас сюда. Мое влюбленное сердце счастливо колотится в груди.

Глава 21

Я достаю флисовое одеяло и расстилаю его на траве, проверяю, чтобы каждый уголок лежал как можно ровнее, пытаюсь избежать любого недостатка, который заставил бы Миллера все переделывать.

— Садись, — командуя, попутно указывая рукой.

— Чем был плох ресторан? — спрашивает он, ставя бумажный пакет с логотипом «M&S»¹³ на землю.

— Нельзя устраивать пикник в ресторане, — смотрю, как он неуклюже опускается на одеяло и, сев на полы пиджака, выдергивает его из-под себя. — Сними пиджак.

Он впивается в меня синими глазами, в которых плещется шок:

— Зачем?

— Тебе будет удобнее, — опускаюсь на колени и тяну пиджак с его плеч, побуждая вытащить руки из рукавов. Он не сопротивляется и не возражает, только с беспокойством *смотрит* на то, как я аккуратно, насколько могу, сворачиваю пиджак и кладу его на край одеяла. — Так лучше, — подытоживаю, взяв пакет. Я игнорирую едва заметную дрожь, исходящую от Миллера. Нет нужды реагировать, потому что спустя минуту он уже будет складывать пиджак по-своему, не имеет значения, обращаю ли на это внимание или нет. Я могла бы отпарить пиджак, и по-прежнему было бы не так. — Ты хочешь с креветками или с цыпленком? — поднимаю два контейнера с салатами, краем глаза уловив, как он поспешно отводит взгляд от пиджака.

Он изо всех сил старается выглядеть спокойным и безразличным, бросив на меня скучающий взгляд, а потом махнув рукой в сторону двух контейнеров.

— Мне правда без разницы.

— Я люблю с цыпленком.

— Значит, я буду с креветками.

Вижу, как взгляд синих глаз становится напряженным, встречаясь с пиджаком перед собой, когда я передаю ему салат.

— Вилка под крышкой, — открываю крышку своего контейнера и опускаюсь на пятую точку, наблюдая за тем, как он изучает свой контейнер.

— Пластиковая?

— Да, пластиковая! — смеюсь, ставлю свой контейнер на одеяло и забираю у Миллера. Открываю крышку, отрываю вилку и погружаю ее в смесь салата и креветок. — Наслаждайся.

Он забирает у меня контейнер и, поглубже воткнув вилку, осторожно наполняет рот, а затем медленно пережевывает. Какой-то научный эксперимент. Потребность следить за его действиями просто непреодолима. Как и он, я принимаюсь за свой салат, отправляя в рот полную вилку. Все это делается на автомате, желания продолжать свои всепоглощающие наблюдения за Миллером слишком велики, чтобы отказаться. Готова поклясться, Миллер Харт ни разу в жизни не сидел на земле в Гайд-парке. Готова поклясться, что он никогда не ел салат из пластикового контейнера, и я готова поклясться, что он никогда даже мысли не допускал об использовании одноразовой посуды. Все это очень пленительно — всегда было

и, вероятно, всегда будет.

— Надеюсь, ты не слишком много обдумываешь.

Заявление Миллера вырывает меня из раздумий так резко, что я роняю на колени кусочек цыпленка.

— Блин, — ругаюсь, подбирая его.

— Видишь, — говорит Миллер самодовольным тоном, — этого бы не случилось, будь ты в ресторане с салфеткой. — Он набирает полную вилку листьев салата и отправляет в рот, с удовольствием пережевывая.

Смотрю на него, ни капли не удивляясь, беру сумку и достаю оттуда упаковку одноразовых салфеток. Расчетливо и довольно хмыкая, стираю с платья каплю майонеза.

— Проблема решена, — сминая салфетку и бросаю в сторону.

— А официант мог бы убрать за нами беспорядок.

— Миллер, — вздыхаю. — Каждый должен устраивать пикник в Гайд-парке.

— Почему?

— Потому! — указываю на него вилкой. — Прекрати во всем искать причины.

Он фыркает, отставляя в сторону контейнер с салатом, и молча тянется за своим пиджаком.

— Я не ищу. Они вполне очевидны, и нет надобности искать. — Он берет пиджак и складывает его по-своему, после чего осторожно кладет на одеяло. — Приправа?

— Что?

— Приправа, — Он садится обратно и снова берет свой салат. — Что, если бы мне понадобилось немного приправы к этому, — он с сомнением смотрит на свой контейнер, — блюду.

Ставлю свой салат и с раздражением падаю на спину. Небо чистое, голубое, и обычно его вид захватил бы меня, только сейчас этот заманчивый вид смешивается с беспорядочными, раздражающими мыслями. Пикник. И все.

— Что не так, сладкая? — Перед глазами появляется, нависнув надо мной, его лицо.

— Ты! — обвиняю я. — Приятно провести вместе время, так ты сказал, и так могло бы быть, если бы ты перестал быть снобом и наслаждался видом, едой и компанией.

— Я люблю компанию, — он обрушивается на мой рот и ослепляет меня своими обожающими, мягкими губами. — Я просто высказался о минусах пикника, и самый большой из них — это невозможность тебя боготворить.

— В ресторане ты бы тоже не смог этого делать.

— С этим я готов поспорить, — двусмысленно приподнимает, глядя на меня, бровь.

— Для такого «джентльмена» твои сексуальные манеры иногда вызывают вопросы. — Вздрагиваю от своих беспечных слов, но Миллер не обращает на них внимания, предпочтя раздвинуть мои бедра и устроиться между ними. Потрясающе. Теперь он весь изменится.

Он берет в ладони мои щеки и трется носом о мой нос.

— Для сладкой девочки иногда твоя сладость вызывает вопросы. Дай мне *мое*.

— Ты весь помнешься.

— Я прошу только раз.

Улыбаюсь и, не теряя больше времени, тут же заключаю в объятия спонтанность Миллера и его тело. Впитывая его тяжесть, я вдыхаю свежий воздух, разбавленный его ароматом. Закрываю глаза и наслаждаюсь, наконец, погрузившись в приятное совместное времяпрепровождение, которое мне обещали. Он теплый, успокаивающий и весь мой. И, как

только я начинаю выпадать из реальности, вся суэта Гайд-парка превращается в отдаленный шум, мысли начинают раздражать нервные окончания моего довольного сознания — раздражать за долю секунды до того, как что-то настолько глупо-очевидное врывается в мой мозг, не оставляя пространства для довольства и заставляя меня напрячься всем телом. Он чувствует это, потому что всего за один стук сердца его взгляд на мне становится сосредоточенным.

— Поделись со мной, — говорит он просто, убирая с моего лица волосы.

Качаю в его руках головой, надеясь стряхнуть нежеланные мысли.

Не выходит.

Лицо Миллера близко, но все, что я вижу, это грязный, потерянный маленький мальчик. Нельзя сказать, что тот мальчик с фотографии ел как король, и я точно знаю, на его молодом теле не было дорогих вещей, скорее тряпье.

— Оливия? — улавливаю в его голосе заботу. — Пожалуйста, поделись со мной своими тревогами. — Нет шанса убежать, особенно когда он поднимается на колени и тянет меня за собой, вынуждая подняться. Мы как зеркальное отражение друг друга, наши руки, переплетаясь, лежат на его коленях, и он большими пальцами ласково рисует круги на моей коже. — Оливия?

Мне важно удержать его взгляд, когда я начинаю говорить, ища хоть какой-то реакции на свой вопрос:

— Пожалуйста, скажи мне, почему все должно быть таким идеальным.

Ничего. Ни нахмуренности, ни выражения или говорящего взгляда. Он совершенно собран.

— Мы уже обсуждали это, и я думал, пришли к решению, что этот вопрос закрыт.

— Нет, это *ты* сказал мне, что вопрос закрыт. — Совсем не закрыт, и теперь ужасные мысли в голове крутятся вокруг моих собственных выводов. Он стыдится своего происхождения. Он хочет вырвать его из своей памяти. Хочет спрятать его.

— Имея на то веские причины, — он отпускает мои руки и отводит взгляд, ища что-то, за что можно зацепиться и не встречаться лицом к лицу со мной и моими настойчивыми вопросами. Он останавливается на своем пиджаке, разглаживая и без того идеально сложенную ткань.

— И что это за причины? — Сердце разбивается, когда он искоса смотрит на меня, и его красивое лицо омрачается предостережением. — Миллер, что это за причины? — Придвигаюсь к нему не спеша, как будто к напуганному животному, и ладонью накрываю его руку. Он смотрит вниз, замерев и явно запутавшись. Терплю. Я уже пришла к собственным выводам, хотя и не могу ими с ним поделиться. Он поймет, что я разнюхивала, а я хочу, чтобы он сам рассказал о своем прошлом. Разделил его со мной.

Проходит всего несколько секунд, хотя, кажется, целая вечность, прежде чем оживает и встает, отчего моя рука падает на одеяло, а я смотрю на него снизу вверх. Он берет свой пиджак, надевает его и быстро застегивает, после приступив к рукавам.

— Потому что вопрос закрыт, — говорит он, оскорбляя меня своей жалкой отмашкой. — Мне надо в «Исе».

— Верно, — вздыхаю и принимаюсь собирать остатки нашего непродолжительного пикника, бросая мусор в пакет. — Как ни странно, нет. — Отбрасываю пакет в сторону и поднимаюсь, врываясь в личное пространство Миллера. Я, должно быть, выгляжу крошечной и уязвимой рядом с ним, только моя решительность огромна. Он то и дело требует, чтобы я

делилась своими тревогами, а сам рад нести свои в одиночку. — Я не поеду в «Исе», — говорю, прожигая в нем дыры, понимая, что без меня он не поедет. Не после сегодняшнего утра. Он хочет, чтобы я была рядом, что меня устраивает, только не в «Исе».

— Готов поспорить, — утверждает он, но в голосе нет обычной уверенности, и в попытке показать, что подразумевает сделку, он берет меня за шею и пытается развернуть.

— Миллер, я сказала, нет! — сбрасываю с себя его руку, переполненная злостью и чувством досады, и смотрю на него обжигающе решительным взглядом. — Я не поеду, — сажусь обратно на одеяло, скидываю свои вьетнамки и ложусь на спину, сменяя синеву глаз Миллера перед собой на синеву неба. — Я буду наслаждаться тишиной парка. А ты можешь один отправляться в «Исе». — Я буду драться и визжать, если он попытается поднять меня.

Закинув руки за голову, продолжаю любоваться небом, чувствуя, как он мнетя неподалеку. Не знает, что делать. Он любит мою дерзость, казалось бы. Не сейчас, могу поклясться. Я ерзаю, устраиваясь поудобнее, полная решимости не двигаться, и понимаю, что мысли мои возвращаются к тому, что изначально заставило вылезти наружу мою уродливую наглость. Миллер и его совершенный мир. Мой вывод прост, и нечего его стыдиться. У него бедное происхождение, с лохмотьями вместо одежды, и теперь он одержим целью одеваться в самые изысканные тряпки, какие сможет купить.

То, как он заработал деньги, чтобы покупать миллионы дорогих костюмов, к делу не относится. Вроде того. Не совсем. Мои выводы ведут к еще большему количеству вопросов — вопросов, которые я не рискну задать, не из страха его расстроить, из страха того, каким может быть ответ. Как он оказался в «этом мире»? Том дом был приютом для мальчиков. Миллер говорил, что у него нет родителей, только он один. Он сирота. Мой придиричивый, красивый, совершенный Миллер всегда был один. Сердце разрывается от этой мысли.

Я так потерялась в своих тягостных мыслях, что вздрагиваю, ощутив, как теплые, твердые мышцы вдруг прижимаются к моему боку. Поворачиваю голову и вижу его глаза. Он прижимается ко мне и, оставив на моей щеке нежный поцелуй, кладет голову мне на плечо, а рукой накрывает мой живот.

— Я хочу быть с тобой, — шепчет он. От его действий и слов мои руки сами собой перестают служить подушкой моей голове и обвивают его, где только могут. — Каждую минуту каждого дня хочу быть с тобой.

Моя улыбка грустная, потому что, достигнув собственных умозаключений, я понимаю, что у Миллера раньше никого не было.

— Мы, — подтверждаю я, сильнее прижимаясь к нему, пытаюсь вселить в него хоть сколько-нибудь комфорта. — Люблю тебя до мозга костей, Миллер Харт.

— И я глубоко вами очарован, Оливия Тейлор.

Обнимаю его сильнее. Мы лежим на флисовом одеяле целую вечность, Миллер мурлычет и кончиками пальцев рисует что-то на моем животе, я же просто чувствую его, слушаю его, вдыхаю его, и даю ему *его*. Это спокойное время вместе, самое спокойное, которое только можно представить.

— А это становится милым, — бормочет он, приподнимаясь и опираясь на локоть, кладет щетинистый подбородок на ладонь. Он продолжает выводить на моем животе невесомые линии, задумчиво следя за своими движениями. Я счастлива за ним наблюдать. Невероятно приятно, абсолютное блаженство. Мы заперты в своем маленьком личном мирке, в окружении просторов Гайд-парка и отдаленного шума повседневности Лондона. И все же абсолютно одни. — замерзла? — Он смотрит мне в глаза, а потом его взгляд

медленно опускается по моему коротенькому цветочному платью. На город опускается вечер, и поднимается легкий ветерок. Смотрю на небо и замечаю несколько проплывающих мимо серых туч.

— Я в порядке, только, похоже, вот-вот пойдет дождь.

Миллер следит за моим взглядом и, посмотрев на небо, вздыхает:

— И Лондон бросает свои черные тени, — бормочет себе под нос, так тихо, что я почти его не слышу. И все же слышу, и знаю, что в этом заявлении скрыт гораздо более глубокий смысл. Делаю вдох, собираясь заговорить, но останавливаюсь, обдумывая слова, да и, в любом случае, он поднимается на ноги прежде, чем я успела бы спросить. — Дай руку.

Следую его просьбе и позволяю поднять себя без всяких усилий. Одежда на нем чертовски сильно помялась, но его, очевидно, это не сильно волнует.

— Мы можем это как-нибудь повторить? — спрашиваю, поднимая наши недоеденные салаты и убирая их в пакет.

Миллер складывает одеяло в крошечный комочек:

— Конечно, — соглашается он без намека на недовольство. Ему действительно понравилось, и это мысль греет сердце. — Мне на самом деле нужно заехать в клуб. — Мои плечи тут же поникли, и Миллер это замечает. — Я быстро, — уверяет он, подходя ко мне и легко касаясь моих губ своими. — Обещаю.

Отказываясь дать чему-то еще возможность и дальше портить наше время вместе, я переплетаю наши пальцы и позволяю ему вести меня по траве, пока мы не ступаем на тротуар.

— Можно мне сегодня остаться с тобой? — Я чувствую себя виноватой за постоянное отсутствие дома, но точно знаю, что Нан несколько не возражает, и я позвоню ей, как только мы доберемся до дома Миллера.

— Ливи, ты можешь оставаться со мной, когда пожелаешь. Не нужно спрашивать.

— Мне не стоит оставлять бабушку одну.

Он хмыкает, отчего я перевожу глаза от его груди к лицу.

— Твоя бабушка заставила бы устыдиться самую свирепую сторожевую собаку.

Я разделяю его веселье и кладу голову ему на предплечье, пока мы идем:

— Согласна.

Сильная рука обвивает мои плечи и прижимает к себе:

— Если хочешь, чтобы я отвез тебя домой, я отвезу.

— Хочу остаться с тобой.

— И я с удовольствием отведу тебя в свою постель.

— Я позвоню бабуле, как только мы будем у тебя, — сообщаю, напоминая себе спросить при случае, не возражает ли она, хотя знаю наверняка, что она не против.

— Ладно, — соглашается он с улыбкой.

— Вон там мусорка, — шуршу пакетами в руке и направляюсь к урне, но мои шаги останавливаются, как только я замечаю жалобного мужчину на скамейке неподалеку. Он кажется измученным, грязным и безучастным — один из многих бездомных на улицах Лондона. Шаги к мусорке замедляются, когда я замечаю, что его трясет, и понимаю, что причиной послужили наркотики или алкоголь. Человеческая природа пробивает меня чувством сострадания, а когда он обращает ко мне свой пустой взгляд, я вообще останавливаюсь. Я смотрю на мужчину, который, вероятно, и мужчина то едва ли — двадцать с небольшим, может, но жизнь на улицах дает свои результаты. Кожа пожелтела,

губы высохли.

— Не дадите мелочи, мисс? — обращается он ко мне, сильнее сжимая мое сердце. Такой вопрос вполне обычное дело, и я, как правило, спокойно прохожу мимо, особенно после того, как бабушка напомнила мне, что, набив свои карманы деньгами, они, скорее всего, достают себе наркотики или выпивку. Но этот потрепанный парень в грязной, рваной одежде и рваных тапках напоминает мне о чем-то, и я как будто не могу заставить свои ноги передвигаться.

Спустя долгие минуты, проведенные глядя на него и его раскрытую, протянутую мне ладонь, я вырываюсь из грустных мыслей и образов потерянного мальчика.

— Мисс? — повторяет он.

— Простите, — качаю головой и продолжаю идти, но как только поднимаю пакет, намереваясь выбросить, теплая рука хватается меня за запястье и крепко его удерживает.

— Подожди. — Низкий тембр Миллера ласкает кожу и притягивает мой взгляд. Не сказав больше ни слова, он открывает пакет, достает недоеденные салаты, и, выбросив пакет в урну, разворачивается и подходит к бездомному парню. В ужасающей тишине я смотрю, как он подходит к нему и кладет ему на колени контейнеры, а вслед за ними флисовое одеяло. Трясущимися руками парень берет предложенное Миллером и кивает в знак благодарности. Мои глаза наполняются слезами, и те скатываются при виде того, как мой идеальный временами джентльмен кладет ладонь на колено парню и по-дружески хлопывает по грязным джинсам. Движения Миллера осторожные, заботливые и знающие. Движения того, кто понимает. Он не торопясь рассказывает мне свое прошлое, но не словами. Они не нужны. Его действия говорят громко и четко, и я ими потрясена, хотя, по большей части, расстроена.

Тот потерянный маленький мальчик все также был потерян.

Пока я его не нашла.

Я внимательно смотрю на то, как Миллер выпрямляется, прячет руки в карманы своих дорогих брюк, а потом медленно поворачивается в мою сторону. Он просто стоит там, глядя на меня настороженно, и я прихожу к еще одному болезненному выводу. Сирота? Бездомный? До боли кусаю губу, все что угодно, лишь бы предотвратить ужасающих поток слез при виде моего прекрасного сломленного мужчины.

— Не плачь, — шепчет он, сокращая расстояние между нами.

Качаю головой, чувствуя себя идиоткой:

— Прости.

Когда он оказывается достаточно близко, я лбом прижимаюсь к местечку под его подбородком, он удерживает меня, смущенную, окутывая своей безопасностью.

— Дай ему деньги, и он охотно потратит их на наркотики, алкоголь или сигареты, — говорит он тихо. — Дай ему еду и одеяло, и он утолит свой голод и согреется. — Он целует меня в макушку и отстраняет от себя, быстро вытерев слезы, бегущие по моим щекам. — Ты хоть знаешь, как много потерявшихся детей ошивается на улицах Лондона, Оливия?

Кротко качаю головой.

— Не все так роскошно и величественно. Этот город красив, но пропитан темной преисподней.

Я впитываю его тихие слова, чувствую себя невежественной и невероятно виноватой. Знаю, что он говорит правду. Знаю не только потому, что сама балансировала на краю, но и потому что Миллер тонул в той темноте всю свою жизнь.

Его взгляд по-прежнему прикован ко мне, между нами миллионы сообщений. Он мне их посылает. А я понимаю.

— Это был замечательный день, спасибо, — он большим пальцем разглаживает складку у меня между бровей и целует меня в лоб.

— Согласна.

Он улыбается и уже привычно берет меня за шею, разворачивая меня и ведя к выходу из Гайд-парка.

— Мы попадем под ливень, если не поторопимся, — говорит он, глядя на небо.

Следуя за его взглядом, вижу, что серые тучи теперь уже стали черными, а потом огромная капля, упав мне на щеку, доказывает правоту Миллера.

— Нам лучше поторопиться, — говорю я тихо. Костюм Миллера и так уже мятое тряпье. Промокшая ткань приведет его в бешенство.

Как только это приходит мне в голову, на землю обрушивается ливень.

— Вот блин! — выдыхаю я, охваченная вдруг ледяными, гигантскими каплями дождя. — Господи Боже! — Ливень беспощадный, с оглушительным шумом ударяясь о землю, омывает наши ноги.

— Бежим! — кричит Миллер, но я настолько шокирована неожиданным холодом, что не могу понять, встревожен он или смеется. Но я бегу. Быстро. Миллер хватается за руку и тянет за собой, а я смотрю сквозь мокрые волосы и вижу его темные пряди, рассыпавшиеся по голове, воду, ручейками стекающую с его лица и подчеркивающую длинные, темные ресницы.

Этот вид заставляет меня остановиться, как вкопанную, а Миллера ослабить хватку на моей мокрой руке, наша кожа разделяется. Он замирает и оборачивается, обращая ко мне свои невероятной синевы глаза:

— Оливия, идем же, — он промок насквозь, абсолютно. Он выглядит до неприличия милым, хотя и немного паникующим.

— Поцелуй меня, — требую, продолжая стоять, несмотря на ледяной дождь, от которого мое тело уже немеет.

Он потрясенно хмурится. Это заставляет меня улыбнуться:

— Что?

— Я сказала, поцелуй меня! — перекрикиваю шум дождя, задаваясь вопросом, на самом ли деле он меня не услышал.

Он усмехается, распахнув глаза, озирается по сторонам и заметно расслабляется. Я смотрю только на него. Ничто не заставит меня отвести глаза. Жду, пока Миллер оценит окружающую нас обстановку, меня уже не заботит беспощадный дождь.

Проходит всего пара секунд, и синие глаза снова смотрят на меня.

— Не заставляй меня просить снова, — предупреждаю, а потом делаю глубокий вдох, когда он подходит ко мне, его гипнотизирующие глаза источают уверенность и тонну искренней, дикой любви. Он поднимает меня, вжимает в свой мокрый костюм и резко целует. Его ладонь ложится мне на затылок, удерживая меня на месте, и я ногами обхватываю его за талию. Это беспощадный, страстный поцелуй, полный желаний, похоти, обожания и комфорта, — отражение всего, что я чувствую к Миллеру Харту.

Наши мокрые губы с легкостью ловят друг друга, языки дико, но ласково сражаются, ладонями я глажу его шею, прижимаясь к нему всем телом. Я могла бы целую вечность вот так его целовать. Холод сменился жаром наших пылающих тел, не оставив места для

дискомфорта, лишь километры пространства для чистоты.

Я узнаю эту безмятежность и знаю, что Миллер тоже.

— Под дождем твой вкус еще лучше, — говорит он между поцелуями, не готовый остановиться. — Боже, гребаные небеса.

— Ммм. — Я бы никогда не смогла подобрать слов, чтобы описать то, что он заставляет меня чувствовать прямо сейчас. Их просто нет. Так что я показываю ему, углубляя поцелуй и сильнее вжимаясь в него.

— Не спеши, — бормочет он слабо. Я снова мычу, и он замедляет наш поцелуй, пока наши языки почти не прекращают свой танец. — Выходит так, что я могу наслаждаться тобой в Гайд-парке, — он целует меня и убирает с моего лица мокрые волосы.

— Не в полной мере, — по-прежнему обвиваю его своим телом. Я еще не готова его отпустить.

— Согласен, — он разворачивается и не спеша идет из парка, а ливень никак не прекращается. — Так что мне просто необходимо закончить в клубе и отвезти тебя домой, чтобы продемонстрировать себя в полной мере.

Киваю и прячу лицо в изгибе его шеи, позволяя ему нести меня к машине.

Если и есть совершенство за пределами идеального мира Миллера, то это оно.

Хлюпаю на кожаном сиденье, чувствуя возрастающую озабоченность относительно своего плачевного состояния в его роскошной машине. Дисплей с двойным температурным режимом показывает шестнадцать градусов, подходящая цифра, чтобы Миллер оставался спокойным, но неправильная, учитывая, насколько чертовски сильно мне холодно. Умираю, как хочу включить более теплый режим, но помню, что и так уже перешла черту дозволенного Миллером — мокрый костюм, пикник в Гайд-парке, неожиданная сцена в магазине. Переключатель может стать последней каплей в чаше терпения. Меня трясет, и я сильнее вжимаюсь в сиденье, краешком глаза уловив, как Миллер убирает со лба свои мокрые волосы.

Трейси Чепмен воркует о быстрых машинах¹⁴, и это заставляет меня улыбнуться просто потому, что Миллер сейчас ведет машину невероятно медленно. Спокойный и чистый воздух между нашими промокшими телами осязаем. Никто не произносит ни слова, да они и не нужны. Сегодня было лучше, чем я когда-либо могла себе представить, за исключением небольшого недоразумения. Миллер разрешил несколько сложных ситуаций, и это не только вызвало во мне чувство гордости, но и умножило чувства, которые я испытываю к Миллеру. Но самое приятное заключается в том, что он выбрался из своего совершенного кокона, и ему понравилось то, где он оказался. И то, что я сижу в его роскошной машине и мерзну, не смея трогать регулятор температуры, становится неважным.

— Замерзла? — мое внимание привлекает не заботливый тон Миллера, а его вопрос. Он ведь не собирается подарить мне тепло, так же как пикник, *почти* повседневный вид и поцелуй под дождем?

— Порядок, — лгу, заставляя себя перестать дрожать.

— Оливия, ты далеко не в порядке, — он тянется и поворачивает регуляторы, убедившись, чтобы они были на одном уровне, приближая температуру в машине к желанным двадцати пяти градусам.

Чувство эйфории зашкаливает, и я тянусь коснуться его приятной щетины, жесткой и колючей, но родной и успокаивающей.

— Спасибо.

Он нежится об мою руку, после чего берет ее и целует кончики моих пальцев, переплетая наши пальцы, и кладет их к себе на колени, предпочитая вести машину одной рукой.

Не хочу, чтобы этот день заканчивался.

Глава 22

— Тони, — Миллер кивает в знак приветствия и, держа руку на задней части моей шеи, направляет мимо своего администратора, как будто не замечая его взволнованного взгляда. Он выглядит *по-настоящему* встревоженным, и если для Миллера нормально игнорировать это, то для меня нет.

— Ливи? — Тони произносит это как вопрос, будто он удивлен меня здесь увидеть. Однажды он сказал мне, что Миллер счастлив в своем маленьком педантичном мире. Но мне лучше знать. Миллер не был счастлив. Он мог притворяться, но я знаю точно, — ведь он сам мне говорил — что сегодняшний день ему понравился.

Похоже, Тони не знает, что и думать об этом насквозь промокшем, неопрятном мужчине перед собой. Я ничего не говорю, только посылаю ему скромную, понимающую улыбку, прежде чем мы скрываемся из виду.

— Я ему не нравлюсь, — бормочу тихо, почти неслышно, и мне интересно, потрачу ли я свое время зря, пытаясь узнать причину.

— Он слишком сильно беспокоится, — слышу короткий, резкий и окончательный ответ Миллера, пока мы идем по лабиринтам коридоров к его кабинету. Понимаю, что Тони против нас, так же как и все остальные. Почему же его неодобрение беспокоит меня больше, чем остальных создателей помех? Дело во взглядах? Словах? И почему Миллера не расстраивает это так же сильно, как когда дело касается других?

Миллер набирает код и открывает дверь своего кабинета, и я тут же оказываюсь перед совершенством этого помещения. Все так, каким должно быть.

Кроме нас.

Опускаю глаза на свою промокшую одежду, потом смотрю на Миллера и думаю, в каком ужасном мы беспорядке. Странно, теперь, когда я нахожусь в окружении знакомого и педантичного мира Миллера, я чувствую себя абсолютно неуютно и... неправильно.

— Оливия? — смотрю на Миллера, пока он в другом конце кабинета наливает в стакан виски одной рукой, другой развязывая галстук.

— Прости, задумалась, — стряхиваю с себя глупые мысли и закрываю за собой дверь.

— Проходи, садись, — жестом показывает на свое кресло. — Выпьешь чего-нибудь?

— Нет.

— Садись, — повторяет он, когда я, спустя несколько секунд, продолжаю стоять у двери. — Проходи.

Я смотрю на свое платье, потом на роскошное кресло Миллера. Волнительным испытанием было сидеть промокшей в его машине, а теперь я стою перед его прекрасным кожаным креслом.

— Но я вся мокрая, — приподнимаю подол платья и демонстративно отпускаю,

позволяя ему шлепнуться, прилипая к моим ногам. Я не просто промокла, меня хоть выжимай.

Стакан замирает у его губ, и Миллер осматривает меня с головы до ног, улавливая бардак, в который я превратилась. А может и нет. Его взгляд останавливается на моей груди, потому взлетает к моим глазам. Взгляд затуманился.

— Мокрая ты мне очень даже нравишься. — Он указывает на меня стаканом, разгоряченный взгляд пробивается сквозь холод, пробуждая во мне желание. Тело загорается, а дыхание сбивается под жаром синих глаз.

Он не спеша подходит ко мне, вальяжно, спокойно, только в глазах вспыхивает миллион эмоций. Желание, похоть, страсть, решительность и тысячи других, у меня нет времени думать об этом, так как он свободной рукой прижимает меня к себе, обрушиваясь на мои губы. Чувствую и пробую вкус виски, напоминание о пьяном Миллере, но оно с легкостью стирается вниманием его божественного рта. Наша промокшая одежда слипается, я руками зарываюсь в его растрепанные волосы. Поцелуй медленный, основательный и сладкий. Он довольно стонет, прикусывая мою нижнюю губу каждый раз, когда отстраняется, чтобы потом снова погрузить свой язык мне в рот.

— Мне нужно снять стресс, — шепчет он, заставляя меня смеяться. Он, вероятнее всего, в самом расслабленном состоянии из всех, что я когда-либо видела. — Что смешного?

— Ты, — отстраняюсь, дав себе время взглянуть в его лицо — насладиться жесткостью его щетины. — Ты забавный, Миллер.

— Я?

— Да, ты.

Он задумчиво наклоняет голову, одной рукой неся меня к своему рабочему столу.

— Меня никогда еще не называли забавным. — Он усаживает меня в кожаное кресло и лицом разворачивает к наичистейшему столу; чувствую глупое чувство спокойствия, когда замечаю, что все на своих местах, точнее единственная вещь, когда-либо бывшая на рабочем столе Миллера — телефон.

— У тебя нет компьютера? — спрашиваю я.

Он выдвигает отдел стола, в котором скрыты все экраны, и я кротко, понимающе улыбаюсь. Как... аккуратно.

— Я обещал, что быстро.

— Обещал, — соглашаюсь, расслабляясь в его кресле. — Что тебе нужно сделать? — только сейчас у меня возникает мысль, где хранятся документы, так же как договоры и файлы.

Серый галстук, украшавший его шею, снят вместе с пиджаком, так что теперь он в жилетке и рубашке.

— Пару звонков, всякая всячина.

— Всякая всячина, — шепчу, наблюдая за тем, как осторожно он ставит свой стакан на стол и опускается на колени с другой стороны, локтями упирается на белую поверхность и смотрит на меня задумчиво. От этого взгляда я вжимаюсь в кресло. Что он собирается сказать?

— У меня просьба.

Это не смягчает мою настороженность:

— Какая?

Он улыбается, очевидно, заметив мое явное беспокойство, и кладет руку в карман.

— Хочу, чтобы ты взяла это. — Кладет что-то на стол, но руку не убирает, так что я не вижу, что там.

Глаза мечутся между ним и рукой, тревога только растет:

— Что там?

Его улыбка немного угасает, и я улавливаю нервозность. Она только подогревает мою.

— Ключи от моей квартиры. — Он поднимает руку, показывая ключи от автоматического замка.

Мышцы расслабляются, голова отказывается концентрироваться на том, к чему вели мои дурацкие мысли.

— Ключи, — выдыхаю я с улыбкой.

— Ты можешь оставаться в моем доме, когда пожелаешь. Приходить и уходить, когда захочешь. Возьмешь? — с полным надежды взглядом он передвигает их по столу ближе ко мне.

Закатываю глаза, а потом вздрагиваю, когда дверь в кабинет распахивается, и входит Кэсси.

— Блин! — ругаюсь себе под нос, сердце бешено колотится от страха. Миллер уже на ногах и пересекает кабинет.

— Кэсси, — устало вздыхает Миллер, широкие плечи сутулятся, когда он резко останавливается.

— Ну, привет! — она смеется, для равновесия цепляясь за дверь. Она пьяна, и не слегка, а вдрызг. Я не была готова к такому, и все же злюсь, потому что она по-прежнему до тошноты идеальна. Ее нетрезвый взгляд прирос к Миллеру так прочно, как только возможно, учитывая ее состояние. Она даже не заметила, что я здесь. Я невидимка.

— Что ты здесь делаешь?

— Мое свидание отменилось, — она машет рукой в безразличном жесте, а потом хлопает дверью так сильно, что грохот поднимается по стенам кабинета.

Мой взгляд мечется между ними двумя туда-сюда, и я довольна тем фактом, что она здесь всего секунду, а терпение Миллера уже на исходе. Надеюсь, он снова вышвырнет ее из кабинета. А вот что мне не нравится, так это пытливый взгляд Кэсси, прикованный к Миллеру. И я знаю, почему.

— Посмотри на свой вид! — Она действительно в шоке, и я разделяю это ее состояние, когда она, шатаясь, подходит к Миллеру и начинает лапать его промокшее тело своими наманикюренными руками. Вся моя сила воли уходит на то, чтобы сдержаться и не броситься через весь кабинет, повалив ее на пол. Хочу визжать, чтобы она убрала от него свои лапы. — Ох, Миллер, малыш, ты весь промок.

Малыш?

В попытке отвлечься начинаю вертеть на пальце колечко, снова и снова, пока не возникает ощущение того, что натерла мозоль. Она гладит его, воркуя и суетясь, как будто он умрет от того, что немного промок.

Убери от него свои чертовы лапы!

— Миллер, что стряслось? Кто с тобой это сделал?

— Я сам это сделал, Кэсси, — говорит он раздраженно, хватая ее запястья, отодвигая их от своей груди и отпуская. Он отходит, и я расслабляюсь при виде расстояния, которое он обозначил между ними. Как бы то ни было, ненадолго, потому что упорная шлюха снова приближается. Я напряжена, словно доска, придумывая в голове разные ругательства,

которые могла бы бросить в воздух кабинета, и неслабо этим встревожена. Борюсь за успокаивающие мысли, но они быстро перерастают в будоражащую кровь ярость.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она неуверенно, снова исследуя его глазами и руками.

— Мы устроили пикник в парке, — вмешиваюсь я, не в силах больше сидеть и смотреть, как Миллер в одиночку отбивается от ее настойчивого присутствия. — Мы хорошо провели время, — добавляю в качестве последнего штриха.

Ее ладони замирают, прижатые к его торсу, оба смотрят на меня, Миллер устало, Кэсси потрясенно.

— Оливия, — мурлычет она, — какой сюрприз.

Я бы предположила, что она шутит, но если даже в ее низком голосе нет шока, то на лице определенно есть. А потом она недоверчиво смотрит на Миллера, уже не скрывающего растущее раздражение.

— Что ты хочешь, Кэсси? — Он снова убирает от себя ее жадные ручонки и расстегивает свою жилетку. — Я не планирую здесь задерживаться.

— Ну, — она шагает к шкафу с выпивкой и наливает себе полный стакан неразбавленной водки. — Я надеялась, ты сводишь меня выпить.

Шкала внутренней злости подскакивает, и я простреливаю глазами Миллера, который сейчас снимает жилетку. Его мокрая рубашка просвечивает и прилипает везде. Кашляю, подавившись слюной. Он выглядит просто фантастически, и Кэсси тоже это замечает. Все противоречивые чувства смешиваются в одно, моя дерзкая сторона стремится сбить с Кэсси спесь, а моя похотливая сторона хочет повалить Миллера на пол и съесть живьем. Вся эта ситуация неправильная. А потом Миллер снимает мокрую рубашку, демонстрируя многочисленные рельефы крепких натянутых мышц. У меня челюсть отвисает, и не от того, что я вижу, а от того, что Миллер в открытую предоставляет жадным глазам Кэсси такой потрясающий вид.

Она шатается, рассматривая мокрые, перекатывающиеся мышцы Миллера, стакан с водкой замер у ее губ.

— Думаю, ты уже достаточно выпила, — рычит Миллер, направляясь в ванную. Смотрю, как его спина исчезает в дверном проеме ванной и понимаю, что взгляд Кэсси следует тем же путем. Кожу начинает колоть от испытываемой неприязни. Теперь она смотрит на меня, и даже четко понимая, что своим жестким взглядом она может меня испепелить, я не могу не рискнуть посмотреть на нее.

— Что ты с ним сделала? — кричит она, взмахнув стаканом с водкой в сторону ванной комнаты.

Мне нужно оставаться спокойной. Я изо всех сил сдерживаю злость, до смерти желая наброситься на нее. Она вмешивается, вероятно, успешнее остальных. И все же Миллер не превращается в психопата с Кэсси, так же, как и с Тони. Скажет, что Кэсси тоже волнуется? Да, она правильно делает. Беспокойтесь, что я заберу у нее Миллера, и не зря. Готова поспорить, под ее красивой оболочкой сплошной яд. Я никогда не стану как она, не мой стиль; я просто продолжаю сидеть в кресле Миллера и следить за ней.

— Я заставила его увидеть свет сквозь его темноту.

Она вздрагивает и тихо выдыхает. Я потрясла ее, шокировала до потери речи. Это хорошо, но я слышу приближающиеся шаги, так что оставляю Кэсси в ее неверии и исследую свим спокойным взглядом комнату, пока не вижу его. Он вытирает полотенцем голову, глядя

на меня искрящимися глазами.

— Иди ко мне, — говорит он тихо, наклонив голову. Я, не медля, встаю с кресла и иду к нему. Мне знаком этот блеск. Кэсси вот-вот станет свидетелем маленького проявления преклонения в стиле Миллера. Это будет сильнее любой язвительности, на которую я способна. Один стук сердца и теплая ладонь накрывает заднюю часть моей шеи, еще один стук — теплые губы завладевают моим ртом. Поцелуй короткий, но скрывает в себе все привычные ощущения и вызывает все привычные реакции, и я определенно слышу шокированный вдох за спиной. Да, он позволяет мне его целовать, и в какой-то собственнической манере я прижимаю ладони к его обнаженной груди, просто чтобы она увидела, я тоже его чувствую. — Вот, — он кладет полотенце мне на плечи и, используя его края, стирает капельки с моего лба. — Иди и вытрись в ванной.

Колеблюсь, не желая уходить из кабинета, когда там пьяная и теперь молчаливая Кэсси в поисках секса.

— Я в порядке, — произношу тихо, отчего Миллер улыбается. Быстро поцеловав меня в щеку, он подходит ко встроенному шкафу и, открыв его, просматривает ряды дорогих рубашек, а потом тянет одну за рукав. Кэсси в ужасе выдыхает, Миллер бросает на нее испепеляющий взгляд... меня же накрывает ощущением счастья.

— Надень это, — передает мне рубашку, разворачивает меня в своих руках, а потом ласково шлепает по заднице. — Отдай мне свое платье, и я попрошу кого-нибудь подержать его некоторое время под сушилкой для рук.

— Я сама в состоянии это сделать, — возражаю, полагая, что это будет идеальным вариантом убить время, пока Миллер здесь разбирается с делами.

— Ты не будешь делать ничего подобного, — фыркает он, подталкивая меня вперед. Я всего раз оглядываюсь, будучи уже в ванной, и вижу Миллера, закрывающего дверь, и Кэсси, по-прежнему пляшущую, застывшую за спиной Миллера. — Пять минут. — Он строго кивает мне и исчезает из виду, между нами оказывается деревянная преграда. Хмурюсь, глядя на дверь, пока фейерверк внутри гаснет, освобождая путь для легкой дезориентации. Я только что позволила ему выставить меня из кабинета, не сопротивляясь и не возражая. Теперь тот факт, что он схватил одну из своих дорогих рубашек и просто отдал ее мне, совсем не кажется достижением. Это кажется отвлечением. Смеюсь в голос. Глупая. С этим умозаключением я открываю дверь и возвращаюсь в кабинет. Оба поворачиваются ко мне, оба разгоряченные. Они стоят слишком близко, вероятно, чтобы их разговор никто не услышал.

— Ой, Бога ради, — шипит Кэсси, делая довольно большой глоток водки. — Можешь ты просто избавиться от этого?

Я закашливаюсь в отвращении, а Миллер резко разворачивается и выхватывает у нее стакан.

— Учись, блядь, держать свой рот закрытым! — Он с грохотом ставит стакан, отчего Кэсси, шатаясь, вздрагивает. Теперь я вижу его ярость, и это единственное, что сдерживает меня от потока ругани. Мне нет нужды ставить эту девушку на место, Миллер сделает это за меня. Он приближает к ней свое лицо. — Единственная вещь, которую я выкину из своей жизни, это *ты*. — Его голос становится уничтожающим. — Не вынуждай, блядь, меня, Кэсси.

Для поддержки она хватается за шкафчик с выпивкой и несколько секунд у нее уходит на то, чтобы собраться, а потом ее взгляд коротко касается меня.

— Тебя ждет распятие. — Ее слова правдивы. Я вижу это по тому, как напряглись обнаженные плечи Миллера.

— Иногда стоит рискнуть, — шепчет Миллер, неуверенность слышится в его голосе.

— *Ничто* не стоит такого риска, — шепчет Кэсси. В ней есть какой-то страх, он распространяется по кабинету и оседает во мне. Глубоко внутри.

— Ты ошибаешься, — Миллер делает глубокий, успокаивающий вдох и, отступив от нее, смотрит на меня спокойным взглядом. — Она того стоит. Я выхожу из игры.

Кэсси выдыхает, и, если бы мои глаза только могли оторваться от Миллера, я бы увидела выражение абсолютного шока на ее идеальном лице.

— Ты... Миллер... Ты не можешь, — она путается в словах, и, схватив трясущимися руками свою выпивку, делает большой глоток.

— Могу.

— Но...

— Выметайся, Кэсси.

— Миллер! — Она начинает паниковать.

Он стискивает челюсть, и, не отрывая глаза от меня, застывшей в дверном проеме ванной, достает из кармана брюк телефон. Нажав всего одну кнопку, подносит его к уху:

— Тони, подойди сюда и забери Кэсси.

От происходящего дальше у меня глаза вылезают на лоб и отвисает челюсть.

— Нет! — Она бросается на него, прижимая к шкафу, отчего все стаканы и бутылки падают на пол. Я вздрагиваю, только ноги отказываются подчиняться и нести меня через весь кабинет, чтобы вмешаться. Все, что я могу, — это стоять и смотреть, как Миллер пытается удержать ее за руки, пока она кричит на него, царапает и умоляет. — Ты не можешь! Пожалуйста!

Все признаки психического срыва Миллера здесь, с нами: вздымающаяся грудь, дикий взгляд и испарина на лбу. Не хочу думать, какой вред он может причинить девушке, мне противна Кэсси, я ненавижу буквально все в ней, но даже *мне* за нее страшно.

Миллер вот-вот слетит с катушек.

Бросаю его рубашку и бегу через кабинет, не думая об опасности, которой, вероятно, себя подвергаю. Мне просто нужно заставить его увидеть меня, услышать меня, почувствовать. Все что угодно, лишь бы увести его с пути, по которому, я знаю, он мчится.

— Миллер! — кричу, нехотя принимая то, что это никогда не сработает. Я кричала на него снова и снова у дома бабушки. — Дерьмо! — ругаюсь, подходя ближе, и вижу хаотичную борьбу рук. Кэсси теперь плачет, ее идеальные волосы взлохмачены и растрепаны.

— Не смей оставлять меня! — вопит она. — Я не позволю тебе уйти!

Как по сигналу тревоги я распахиваю глаза. Между ними что-то гораздо большее, чем бизнес. Она машет руками, и так же сильно, как я боюсь за нее, я переживаю за Миллера. Длинными, как когти, ногтями она царапает всего его, пока он пытается удерживать ее, она, не переставая, визжит. Она слетела с катушек, и Миллер несется тем же путем.

Я пытаюсь поймать его взгляд, снова и снова дотянуться до него, коснуться, но каждая попытка заканчивается тем, что мне приходится уворачиваться от ударов. Мной начинает овладевать паника, но прежде чем я успеваю продумать, как лучше поступить, в кабинет залетает Тони.

Его драматичное появление отвлекает меня от борьбы, но не отвлекает Миллера и

Кэсси.

— Тони, сделай что-нибудь! — умоляю я, разворачиваясь обратно к ним, чувствуя себя маленькой и беспомощной. — Миллер, остановись!

Тянусь, уловив свободный путь к его торсу, вклиниваюсь, отчаянно желая остановить их.

— Ливи, нет! — рычит Тони, но его голос меня не останавливает. Я уже близко, могу до него дотянуться, а потом по щеке растекается обжигающая боль, от которой я с болезненным вскриком отлетаю, рукой тут же закрываю горящее лицо, глаза наполняются слезами.

Удар по лицу лишает меня ориентиров.

— Черт! — мне не за что ухватиться для равновесия, так что я неизбежно падаю на пол.

Все вокруг размывается, — образы, звуки — и боль опалает кожу лица. Пытаюсь вернуть себе ясные мысли или хотя бы зрение, но к реальности меня возвращает ощущение сильных рук на плечах.

Тишина.

Убийственная тишина.

Смотрю вверх и вижу травмированный взгляд синих глаз, изучающих мое лицо, который, в конечном итоге, останавливается на пылающей щеке. Кэсси у шкафчика с выпивкой, дрожь потрясения пробивает ее всю, в пьяном лице страх. Она хватается бутылку водки, и, вместо того чтобы наполнить стакан, она подносит ко рту горлышко бутылки. Не уверена, кто именно меня ударил, но посмотрев нечетким взглядом на Кэсси всего несколько секунд, я прихожу к выводу, что это сделала она, и теперь она собирается с духом для...чего-то.

— Тони? — голос Миллера пропитан ядом.

— Я здесь, сынок. — Тони подходит, смотря на меня извиняющимися глазами. Чувствую себя глупой, неуклюжей и слабой.

— Убери эту суку *нахрен* из моего кабинета. — Миллер поднимает меня с пола и заключает в надежные объятия, прежде чем развернуться лицом к Кэсси. Она уже почти осушила бутылку.

— Я могу стоять сама, — возражаю, горло хрипит от моих криков.

— Шшш, — успокаивает он тихонько, губами прижимаясь к моему виску, все это время продолжая метать в Кэсси яростные молнии.

Она насторожена и пьяно переминается с ноги на ногу, но продолжает нести в себе дух превосходства.

— Ей не стоило лезть, — она с легкостью упускает весь инцидент, допивая водку.

Тони подходит и хватается за руку:

— Идем, — приказывает он, забирая у нее бутылку и с грохотом ставя ее.

— Нет!

— Убери ее! — кричит Миллер. — Убери, *нахрен*, прежде чем я убью ее!

— Ты бы не сделал мне больно! — смеется она. — Не смог бы!

Тони тащит ее к двери, но она упорно вырывается. Ее не угомонить.

— Черт тебя дери, Кэсси! Протрезвей, обсудите все позже.

— Я в порядке! — она выворачивается из рук Тони и шагает к столу, усаживаясь в кресло Миллера. Я, может, и вернула четкость зрения только что, но я определенно вижу, как она скалится в мою сторону. Даже сейчас? Ударила меня, напала на Миллера и *продолжает* вести себя враждебно. Она что, не чувствует агрессию, исходящую из каждой

клеточки моего иногда джентльмена? Она дура? — Оставь, блядь, меня в покое, — рычит она, хватаясь за замысловатой формы крест, всегда украшающий ее шею. Возится с ним, матерясь себе под нос.

— Кэсси, — предупреждает Миллер. Чувствую, как под моей щекой вдвое участилось его дыхание. — Не смей.

— Отвали!

Тони очень быстро оказывается рядом, склоняясь над ней, и ладонями упирается о поверхность стола Миллера.

— Я не позволю этого, Кассандра.

Она поворачивается, дерзко выпятив подбородок, и приближается к Тони, оказываясь с ним нос к носу, но не прекращает играть с серебряным крестиком.

— Отвяжись от...меня.

— Кэсси!

— Он выходит из игры! Ты когда-нибудь слышал что-то настолько забавное? Они никогда этого не позволят.

Я хочу кричать, что у всех этих женщин нет выбора, что он уже мой, но Миллер прижимает меня к себе. Жест, полный убеждения.

Она смеется:

— Чертовски смешно. — Метал украшения расходитя надвое, и я с ужасом смотрю, как на идеально белую поверхность стола Миллера просыпается белый порошок. Я выдыхаю, Тони матерится, а Миллер превращается в камень.

Кокаин?

Если бы я сама не видела, как мельчайшие крупички падают из красивого украшения Кэсси, я, вероятно, никогда бы не поняла, что они там; порошок совершенно сливается с белым лаковым покрытием под ним. Я, потеряв дар речи, смотрю, как она достает из своего бюста кредитную карту и свернутый в трубочку кусочек бумаги, и начинает ей передвигать порошок по столу Миллера, превращая его в идеальную, длинную линию. А она профессионал.

Тони мечется по кабинету, отборно матерясь, а Миллер просто стоит и смотрит на нее, продолжая крепко меня держать. Напряжение в кабинете осязаемо, и меня действительно беспокоит, кто сделает следующий шаг. Накатывает потребность освободиться из рук Миллера, но тогда он сорвется. Все будут в большей безопасности, если я буду в его руках, но я вдруг уже больше не там. Миллер усадил меня в уголок дивана, а сам направляется в сторону Кэсси, не то чтобы ее это сильно волновало. Он слишком занята, вдыхая через свернутую в трубочку бумагу порошок со стола Миллера.

— Полегче, сынок, — успокаивает его Тони, обращая ко мне полный тревоги взгляд. На смену боли в выражении моего лица пришел жуткий страх. Все в этом кабинете, за исключением меня, как бомбы замедленного действия. И первым срабатывает механизм Миллера.

Он ладонями ударяет по столу, обнаженным торсом наклоняется вперед, нависая над Кэсси. Она теперь шмыгает носом, потирая его, на лице самодовольная улыбка.

— Я просил не единожды. Если вынудишь меня сделать это еще раз, я не отвечаю за свои действия.

Он фырчит, выражая свое безразличие, и откидывается на спинку кресла. Вижу, как в выражение ее лица проскальзывает высокомерие. Бесстрашие.

— Улыбочку, — говорит она просто, кладя одну ногу на другую и улыбается.

Я хмурюсь. Улыбочку? Чему здесь улыбаться? Нечему.

— Миллер, давай же, — Тони изо всех сил пытается придать ситуации хоть немного спокойствия, и я отчаянно хочу, чтобы у него это вышло.

Идеально изогнутые брови Кэсси выгибаются еще больше.

— Хочешь немного?

— Нет, — выплевывает Миллер.

Она дует губка, а потом они изгибаются в хитрую улыбку.

— Это впервые.

Я выдыхаю, закашливаюсь, не в силах сдержать ни одну из реакций потрясения, срывающихся с губ. Он принимает наркотики? Ко всему прочему, я теперь должна добавить еще и зависимость?

— Я, блядь, тебя ненавижу, — шипит Миллер, наклоняясь к ней ближе.

— Она тебя уничтожает.

Он нависает над ней, угрожающе, ладони на белой, лакированной поверхности стола сжимаются в кулаки.

— Она меня спасает.

Смех Кэсси холодный и озлобленный, когда придвигается ближе к нему:

— Ничто тебя не спасет.

Я абсолютно оцепенела, пытаюсь переварить этот новый всплеск просвещения и одновременно отчаянно пытаюсь найти в себе силы, которые мне нужны, чтобы помочь Миллеру. Я смотрю на Тони, глазами умоляя его вмешаться.

Слишком поздно.

Миллер перегибается через стол и хватает Кэсси за горло.

Я кричу.

Происходящее маниакально. Нереально. Миллер потерял контроль, а ненормальная женщина перед ним, вместо того чтобы бояться за свою жизнь, просто смеется.

— Бога ради! — Тони бросается к ним и за то, что вмешался, получает удар в челюсть, но вместо того, чтобы отпрянуть, он продолжает бороться сильнее. Он знает, так же хорошо, как я, что у всего этого только один конец, и он включает в себя Кэсси в больнице. — Отцепись от нее!

— Она гребаный паразит! — рычит Миллер. — Жизнь достаточно дерьмовая и без ее помощи!

— Миллер! — Тони ударяет его по ребрам, заставляя Миллера вскрикнуть, а меня вздрогнуть. — Отвали!

Миллер отталкивается от стола и оборачивается с бешеной злостью.

— Убери ее отсюда и отправь обратно в центр реабилитации!

— Мне не нужна помощь, — мерзко шипит Кэсси. — Только тебе нужна хренова помощь. — Она выворачивается из рук Тони и тянет вниз свое неряшливое платье, одергивая подол почти до коленей. — Ты готов рискнуть всем ради этого? — взмахом руки она указывает на меня.

Это? Это? Я, может, и шокирована развернувшейся передо мной сценой, но ее непрекращающиеся нахальство и оскорбления начинают меня бесить.

— Кем ты, нахрен, себя возомнила? — я встаю, тут же заметив, что Миллер прекратил свой решительный шаг. — Думаешь, пара истерик и неприятных слов сломают его? —

подхожу ближе, чувствуя, как во мне растет уверенность, особенно, когда Кэсси закрывает свой грязный рот. — Ты не можешь его остановить.

— Тебе не меня стоит бояться, — она надувает губы. Просто еще больше слов, но от резкого тона, которым они произнесены, по спине бегут тревожные мурашки.

— Ну все, — Тони хватается ее за руку и тащит на выход. — Ты сама себе самый худший враг, Кассандра.

— Всегда была, — говорит она, смеясь, и позволяет вести себя к выходу без возражений и борьбы. Но потом она останавливается уже в дверном проеме и, спокойно обернувшись, шмыгает носом. — Приятно было с вами познакомиться, Миллер Харт.

Ее резкие слова охлаждают жаркую атмосферу в кабинете Миллера, сделав воздух вязким от напряжения. Дверь хлопает, вежливый жест сердитого Тони, и мы с Миллером остаемся одним.

Он нервный.

Я расстроенная.

Оба молчим, кажется, целую вечность, в голове прокручиваются последние десять минут, а промокшее тело и боль от удара по лицу медленно дают о себе знать. Меня начинает трясти, и я инстинктивно обхватываю себя руками. Защитный механизм. Ничего общего с холодом.

Взгляд приклеивается к полу, потому что я не смею и не желаю мучить себя видом Миллера в его полномасштабном приступе бешенства. За последние несколько дней мои глаза увидели гораздо больше, чем могут вынести. Эти срывы становятся слишком частыми. Ему нужна помощь. Жесткая действительность жизни Миллера продолжает становиться все более жесткой.

— Не надо прятать от меня свое личико, Оливия Тейлор. — Мягкость в его голосе неестественна, просто попытка вселить в меня легкость. Не уверена, что это может сработать. Не уверена, что что-то вообще может сработать. Моя способность прогнать демонов Миллера снова под вопросом, потому что, как я сейчас увидела, я только распалю огонь. Мне это ненавистно. Ненавижу постоянные сомнения из-за всех тех, кто вмешивается. — Оливия, — я слышу легкий стук приближающихся шагов, но глаз не поднимаю.

Я качаю головой, подбородок начинает дрожать.

— Позволь мне увидеть этот искрящийся взгляд. — Теплота его ладони соприкасается с ноющей щекой, пробивая меня искрами боли. Вздогнув, шиплю и отворачиваю от него лицо. Я уже знаю, что от сильного удара щека будет ярко-красной, и это еще больше разозлит Миллера. Он, кажется, успокаивается. Так и должно оставаться. Он не спеша поднимает руку, останавливаясь в зоне моей видимости. — Можно? — спрашивает он тихо.

Я сдаюсь, внутри и снаружи, сердце разбивается, слабое тело разваливается. Он молча ловит меня, как будто, ожидал что мое тело сдастся, и опускается со мной на пол, держа в своих сильных руках. Близость его обнаженного торса не производит обычного эффекта. Я плачу — отвратительным душераздирающим плачем. Все это слишком. Силу, которую придавал мне Миллер, как будто высосали из меня, осталось только слабость беспризорного ребенка. Я ему не подхожу. Не могу разглядеть его сквозь его темноту, потому что в процессе мой собственный мир утопает во мраке. Уильям прав. Отношения с Миллером Хартом невозможны. По отдельности мы едва функционируем. Вместе, мы мертвы и живы, как никто другой, одновременно. Мы невозможны.

— Пожалуйста, не плачь, — умоляет он, прижимая меня к себе, его тихий голос теперь искренний и естественный. — Не могу видеть тебя такой.

Я ничего не говорю, всхлипы не дают, даже если бы я знала, что сказать. А я не знаю. Лучшая моя часть всегда была сосредоточена на избегании жестокости мира. А Миллер Харт взял меня и поместил прямо в эпицентр этого мира.

И я знаю, что никогда не сбегу.

Он лицом зарывается в мои волосы и мурлычет эту успокаивающую мелодию. Отчаянная попытка повлиять на меня. Он чувствует мою подавленность. Он волнуется, и когда мурлычет минуту за минутой, а мои всхлипы не стихают, он тихо рычит и, встав со мной на руках, молча направляется в ванную.

Он усаживает меня на крышку унитаза, не чувствуя нужды быть аккуратным, и убирает с моего лица спутанные волосы осторожно, так чтобы не задеть ноющую щеку. Я, чувствуя жжение в глазах, наконец, позволяю себе посмотреть на него. В синих глазах, когда они сосредотачиваются на моей щеке, отражается ужас, и он делает глубокий, успокаивающий вдох.

— Подожди, — командует он резко, достает с полки над раковиной полотенце для лица и смачивает его холодной водой. Он быстро опускается передо мной на колени, держа в ладони мокрое полотенце. — Я осторожно.

Я согласно киваю и вздрагиваю еще до того, как холодная ткань успевает прикоснуться к моему лицу.

— Шшш. — Холод пробивает чувствительную сейчас кожу щеки, заставляя меня дернуться с болезненным вдохом. — Эй, эй, эй. — Его вторая ладонь ложится мне на плечо, удерживая меня. — Пусть уляжется. — Сделав глубокий вдох, готовлю себя к давлению, которое, знаю, от него последует. — Лучше? — спрашивает он, ища в моих глазах успокоения. Говорить нет сил, так что я жалобно киваю, лишая Миллера возможности видеть мои глаза, я их до боли зажмуриваю. Все ощущается свинцовым — глаза, язык, тело...сердце.

Подняв руки, ладонями с силой тру уставшие глаза в надежде стереть яркие образы, не только этой ужасной сцены, но и всех срывов Миллера и ужасающую картинку, в которой он нюхает кокаин. Веду себя наивно и амбициозно.

— Я принесу лед, — шепчет Миллер, голос у него звучит таким же жалким, какой я себя чувствую. Он берет мою руку и осторожно кладет ее вместо своей на щеку, прежде чем поднимается с пола.

— Нет, — хватаю его за запястье, останавливая. — Не уходи.

Надежда, вспыхнувшая в его пустых глазах, пробуждает чувство вины. Он садится на корточки и кладет ладони мне на колени.

— Ты принимаешь кокаин, — говорю, не ставя это под вопрос. Отрицать не имеет смысла.

— Нет, с тех пор, как встретил тебя, Оливия. Я много чего не делал с тех пор, как тебя встретил.

— Ты вот так просто взял и остановился? — Знаю, что кажусь циничной, но ничего не могу поделать.

— Вот так просто.

— Насколько все плохо?

— Это важно? Я бросил.

— Для меня важно. Как часто ты употребляешь?

— Употреблял. — Его желваки ходят ходуном, глаза зажмуриваются. — Время от времени.

— Время от времени?

Синева его глаз не спеша возвращается, в них плещется сожаление, боль стыд.

— Это помогало мне проходить через....

Я выдыхаю:

— Боже.

— Ливи, у меня никогда не было причин прекращать делать вещи, которые я делал. Все просто. Ничего из этого мне больше не нужно. Теперь, когда у меня есть ты.

Я опускаю глаза, смущенная, шокированная и уязвленная.

— Кто тебя будет мучить?

— Много кто, — он нервно смеется, отчего я снова поднимаю к нему взгляд. — Но я никогда не сдамся. Я сделаю все, что ты захочешь, — клянется он.

— Обратись к врачу, — выпаливаю, не подумав. — Прошу. — Он, вероятно, не сможет справиться со всем этими проблемами. Невозможно, чтобы ему нельзя было помочь. И мне плевать, если ему это говорили прежде.

— Мне не нужен врач. Мне нужно, чтобы люди перестали совать свой нос. — Его челюсть стиснута, просто упоминание вмешивающихся людей выводит его из себя, и это очень беспокоит. — Мне нужно, чтобы люди перестали заставлять тебя слишком много думать.

С грустной улыбкой качаю головой. Он не видит.

— Я могу справиться с теми, кто вмешивается, Миллер. — Я должна. Миллер принимает их всех слишком близко к сердцу. Может, это паранойя. Наркотики делают людей параноиками, так ведь? Я представления не имею, но это проблема, и она может быть решена, я уверена. — Расстраиваешь меня ты.

Его руки прекращают успокаивающие поглаживания на моих коленях.

— Я? — спрашивает он тихо.

— Да, ты. Твоя вспыльчивость. — Ненависть Кэсси неприятна и озадачивает, но не она заставляет меня чувствовать такое отчаяние. Это делает *он*. — Я могу тебе помочь, но ты должен помочь себе сам. Тебе необходимо обратиться к врачу.

Синева в его глазах становится глубже, когда он изучает мое лицо, и он опускается на колени. Я смотрю на него, погружаясь в спокойствие, которое всегда предлагает его многозначительный взгляд, и сейчас, даже когда мы в такой сумятице — когда Миллер в таком беспорядке — комфорт, который я чувствую, неизмерим. Он сжимает мои бедра, после чего берет мои руки в свои и костяшками подносит к своим мягким губам, все это время не разрывая связь наших глаз.

— Оливия, ты понимаешь степень моих чувств к тебе? — Его глаза закрываются, лишая меня комфорта, благодаря которому я, отчасти, выживаю. — Понимаешь?

— Открой глаза, — ласково прошу я, и с придающим силу вдохом, он не спеша их открывает. — Я понимаю степень *моих* чувств к *тебе*. Если это то, что ты чувствуешь ко мне, то я понимаю. Понимаю, Миллер. Но ты не видишь меня, набрасывающейся на каждого, кто нам угрожает. Нашего единого фронта достаточно. Позволь *нам* обсуждать все.

Эмоциональная боль накрывает его лицо, от чего губы сжимаются в плотную линию, а глаза снова закрываются.

— Я не могу это контролировать, — признается он, опуская лицо на мои колени. Он прячется, пристыженный своим признанием. Я знаю, что он теряет контроль, но он должен попытаться остановиться. Я разрываю контакт наших рук и зарываюсь пальцами в его мокрые волосы, своими прикосновениями поглаживаю его затылок. Его ладонь ложится мне на поясницу и отчаянно ее сжимает, он перемещается так, что теперь его щека прижимается к моему бедру. Он смотрит вникуда невидящим взглядом, я теперь прикасаюсь к его щеке, ласково очерчивая контуры его профиля, надеясь, что мои прикосновения окажут на него хотя бы отчасти тот эффект, что он оказывает на меня.

Умиротворение.

Комфорт.

Силу.

— Все, что в детстве было моим, у меня забирали, — шепчет он, своим намеком на желание поделиться своим прошлым забирая у меня способность дышать. — У меня было немного вещей, но то, что было, было мне дорого и оно было моим. Только моим. Но его у меня всегда забирали. Все было неважным.

Я улыбаюсь тоскливо.

— Ты был сиротой, — я говорю это, как факт, потому что Миллер только что по-своему мне об этом сказал. Нет нужды упоминать фотографию.

Он кивает:

— Сколько себя помню, я был в приюте для мальчиков.

— Что случилось с твоими родителями?

Он вздыхает, и я тут же понимаю, что об этом он не говорил никогда.

— Моей матерью была молоденькая ирландка, которая бежала из Белфаста.

— Ирландка, — выдыхаю, видя теперь ярко-синие глаза Миллера и его темные волосы такими, какие они есть — типично ирландскими.

— Слышала когда-нибудь о приюте имени Магдалены? — спрашивает он.

— Да, — выдыхаю, ужаснувшись. Монахини Магдалены принадлежали католической церкви и были призваны служить Господу, очищая девушек, которым не повезло попасться в их лапы — или кого отправляли туда стыдившиеся их родственники, зачастую беременных.

— Она, очевидно, сбежала. Приехала в Лондон, чтобы родить меня, но ее родители, в конечном счете, нашли ее и вернули обратно в Ирландию.

— А ты?

— Они подбросили меня в приют, чтобы вернуться домой, избежав позора. Никто не должен был знать о моем существовании. Я никогда не был душой компании, Оливия. Скорее одиночкой. Не находил с другими общего языка, и, как результат, большую часть времени проводил в темной кладовке.

Распахиваю глаза от осознания всей картины. Я чувствую отвращение, но, по большей части, грусть. Особенно, видя, как ему стыдно. Ему нечего стыдиться.

— Они запирали тебя в кладовке?

Он кивает едва заметно:

— Я не вписывался.

— Мне жаль, — произношу на полном вины выдохе. Он по-прежнему не вписывается, только со мной.

— Не надо, — он ладонью проводит вверх по моей спине. — Не только тебя бросили, Оливия. Я знаю, каково это, и это только очень маленькая часть того, почему я тебя никогда

не оставлю. Крохотная часть.

— И еще потому, что я твоя собственность, — напоминаю ему.

— И потому что ты принадлежишь мне. Моя самая сокровенная собственность, — утверждает он, поднимая голову и находя мой подавленный взгляд. У него все отбирали. Я понимаю. Он мягко улыбается, видя мою грусть. — Моя сладкая девочка, не надо из-за меня расстраиваться.

— Почему? — Конечно, я буду из-за него расстраиваться. Невероятно грустная история, а ведь с этого гнусная жизнь Миллера только началась. Все это ломает — сирота, бездомный парень, мужской эскорт. Есть моменты, которые связывают эти ступени жизни Миллера, и я до смерти боюсь их услышать. То, что он рассказал мне, словесно и эмоционально, повело меня к краю агонии и грусти. Знание связующих моментов этих ключевых точек, возможно, разобьет мое влюбленное сердце уже без права восстановления.

Тепло скользит вверх по спине, бокам и рукам, пока, согрев ключицу, не останавливается на моей шее.

— Если моя история неприкаянности длиною в двадцать девять лет привела меня к тебе, каждая невыносимая ее часть стоила того. Я бы прожил ее снова, не мешкая, Оливия Тейлор, — он наклоняется и сладко целует меня в щеку. — Прими меня таким, какой я есть, сладкая, потому что этот гораздо лучше того, кем я был.

В горле образуется ком, от которого дышать становится слишком трудно. Слишком поздно. Мое сердце уже разорвано, так же как и сердце Миллера.

— Я люблю тебя, — шепчу жалобно. — Так сильно тебя люблю.

Зияющая дыра в сердце становится еще больше, когда я вижу, как едва заметно дрожит подбородок Миллера. Он удивленно качает головой, после чего поднимается, заявляя права на все мое тело, и прижимает к себе, даря самое сильное *его* за всю историю существования *его*.

— Я благодарю за это всех святых, а я не религиозный человек.

Дыша во влажные волосы, прилипшие к его шее, я закрываю глаза и впитываю каждый изгиб его тела, принимая все, что он дает, и отвечаю тем же. Моя сила вновь со мной, она больше, чем когда-либо, а по венам бежит решительность. Он не согласился увидеться с врачом или с консультантом, но мое теперь более широкое понимание этого сбивающего с толку мужчины и его признания — лучшее начало. Помочь ему, вытянуть его из его идиотского доморощенного пути будет легче теперь, когда я вооружена всем знаниями, необходимыми, чтобы его понять.

Вмешательства казались бы несущественными, если бы не крайние реакции Миллера на их источники. Он воспринимает меня как его собственность, а их как тех, кто хочет меня у него забрать. В идеальном мире все эти докучливые идиоты исчезли бы по моему волшебному щелчку, но, учитывая, что мы живем не в такой волшебной реальности, нужно найти другие варианты. Самый первый из них — это держать вспыльчивость Миллера под контролем, к тому же стало вполне очевидно, что докучливые люди не просто вмешиваются, они делают это постоянно. Он всегда будет восприимчив к вмешательствам, когда люди будут пытаться отобрать его собственность — его самую сокровенную собственность. Для него нормально вот так реагировать.

Мои кости в объятиях Миллера сжаты до пределов раздробления, то же самое с легкими. Я впитываю роскошь *его* и наслаждаюсь ей, но мое истощенное тело и измученное сознание отчаянно нуждаются в отдыхе. Мы все еще в «Ice», помехи слоняются поблизости,

мы оба мокрые и растрепанные, а Миллер еще не сделал свою работу.

Я едва слышно взвизгиваю в объятиях, побуждая его сбавить обороты так, чтобы я могла на него посмотреть. Вижу взгляд, соответствующий моей усталости.

— Я бы хотела, чтобы ты забрал меня в свою постель, — говорю я тихо и оставляю на его губах ласковый поцелуй.

Он мгновенно приходит в движение, отпуская меня и уравнивая, после чего уходит в кабинет и возвращается до того, как у меня появляется шанс последовать за ним, застегивает сухую рубашку — все пуговицы не в тех петельках.

— Рубашку? — спрашивает он, бегло осмотрев меня с голову до ног. — Да, — отвечает себе за меня, разворачивается и снова исчезает из виду. Вздыхаю и иду за ним, на этот раз сталкиваясь с ним в дверях. — Надень это, — командует он, расправляя рубашку.

— Мне нечего надеть вниз.

— Оу. — Он хмурится и нерешительно смотрит на рубашку. Я бы не вышла отсюда в одной только рубашке Миллера, даже если бы он позволил, в чем я сильно сомневаюсь.

Беру рубашку и кладу на столик неподалеку.

— Просто забери меня домой. — Я на грани обморока.

Он вздыхает, касаясь меня в привычном жесте.

— Как пожелаешь.

Он ведет меня из клуба, точно зная, что Кэсси и Тони наблюдают за нами, но наша явная близость говорит сама за себя — нет нужды в словах или злобных победных улыбках. Миллер сажает меня в свой «мерседес», режим подогрева увеличен для обоих пассажиров, мы едем к Миллеру в тишине. Он прикасается ко мне почти всю дорогу, не готовый потерять контакт, пока мы не останавливаемся на подземной стоянке его многоэтажного дома, и ему не приходится отпустить меня, выходя из машины. Я остаюсь на месте, в тепле и уюте пассажирского сиденья, пока Миллер не берет меня на руки и не несет десять лестничных пролетов к черной блестящей двери, которая дарит нам уединение.

— Позвони бабушке, — велит он, усаживая меня на стул. — А потом мы примем ванну.

С этим предложением весь мой оптимизм рассеивается. Принимать ванну с Миллером за гранью блаженства, так же как и *его* в его постели, и прямо сейчас я предпочитаю последнее.

— Я так устала, — вздыхаю, доставая из сумки телефон. Я едва нахожу в себе силы поговорить с Нан.

— Слишком устала для ванны? — его лицо омрачено недовольством. У меня нет сил даже почувствовать себя виноватой.

— Утром? — делаю попытку, думаю, что мои волосы, высохнув, превратятся в беспорядок к тому времени, как я посплю на них, как и у Миллера. Эта картинка в голове рисует на моем безжизненном лице небольшую улыбку.

Он раздумывает пару секунд, подушечкой большого пальца проводит по моей брови, следя за этим движением усталыми глазами.

— Пожалуйста, позволь мне помыть нас. — Лицо умоляющее. Как я могу отказать?

— Ладно, — соглашаюсь.

— Спасибо. Оставлю тебя поговорить с бабушкой, а я пока наполню ванну. — Поцеловав меня в лоб, он разворачивается, чтобы уйти.

— Мне не нужно уединение, — возражаю, а в голове возникает вопрос: о чем, он думает, мы можем говорить. Мое заявление останавливает его, и он задумчиво кусает

губу. — С чего ты решил, что мне нужно уединение?

Он пожимает совершенными плечами, а в идеальных глазах вместо усталости загорается озорство. Я осторожно улыбаюсь при виде признаков игривого Миллера.

— Не знаю, — говорит он. — Может, вы захотите обсудить мою задницу.

Самая глупая улыбка в мире расползается по моему лицу:

— Я бы сделала это и в твоей компании.

— Не смей. Я буду смущаться.

— Нет, не будешь.

Яркая улыбка стирает всю его тоску, что только оставалась, вскружив мне голову.

— Звони бабушке, сладкая. Я хочу принять ванну и спрятать мою привычку под одеялом.

Глава 23

Я слышу голоса. Нечетко, но слышу. Комната освещена только тусклыми огнями ночного Лондона. Если бы не знала достаточно хорошо, то подумала бы, что нахожусь на балконе и смотрю на город, но это не так. Я на потертом диване Миллера перед огромным стеклянным окном, обнаженная и прикрытая только кашемировым пледом — там, где нужно.

Сажусь, подтягивая плед, и моргаю, прогоняя усталость, попутно зеваю и потягиваюсь. Этот вид и моя сонливость отвлекают меня от голосов, которые я слышала пару секунд назад, а потом едва повышенный и взволнованный голос Миллера напоминает мне о его отсутствии на диване. Я встаю и, как можно тщательней завернувшись в плед, иду по деревянному полу к двери, бесшумно ее открываю и прислушиваюсь. Он снова говорит тихо, но кажется раздраженным. В последний его ночной звонок он исчез. Вспышки нашей встречи в отеле моментально взрываются в моей голове, я вздрагиваю. Не могу так о нем думать. Мужчина, с которым я встретила в номере отеля, не тот Миллер Харт, которого я знаю и люблю. Ему нужно поменять номер телефона, чтобы все те женщины не могли с ним связаться. Он больше вне зоны доступа, хотя я с сожалением должна признать, что они этого еще не знают.

Иду на звук его приглушенного голоса, слова становятся более отчетливыми по мере того, как я приближаюсь, пока не останавливаюсь в дверях его кухни и не вижу на его обнаженной спине красные полосы, оставленные Кэсси.

— Я не могу, — говорит он решительно и непреклонно. — Просто невозможно. — Его слова наполняют меня чувством гордости, но потом он садится на стул, открывая моему взгляду еще одного человека в кухне.

Женщину.

Выпрямляю спину.

— Что? — спрашивает она с очевидным удивлением.

— Обстоятельства изменились, — он поднимает руку и ладонью проводит по волосам. — Извини.

Я задыхаюсь. Это все? Он официально уходит?

— Я не приму «нет» в качестве ответа, Миллер. Ты мне нужен.

— Тебе придется найти кого-то другого.

— Извини! — Она смеется, устремляя взгляд мимо сидящего на стуле Миллера ко мне,

стоящей в дверях.

Я отскакиваю, прячась из виду, как будто она уже меня не увидела. Она в возрасте, но очень привлекательная, ее пепельного цвета волосы уложены в идеальный пучок, в руках бокал вина. У нее длинные красные ногти. Это все, что я успела разглядеть перед тем, как глупо спрятаться, и теперь, чувствуя себя дурочкой, разворачиваюсь, чтобы уйти в спальню, отчаянно пытаюсь унять бешеный стук сердца. Он ей отказывает. Нет необходимости вмешиваться, и я отчетливо помню, что Миллер говорил: чем меньше людей знают обо мне, тем лучше. Мне это ненавистно, но я должна подчиниться, даже учитывая то, что понятия не имею, к чему мы идем.

— Так-так, — слышу ее спокойный голос, пока сама, ссутулившись, сбегая. Знаю, что она меня увидела, и все же крохотная, глупая часть меня надеялась, что я бесшумно отпрыгнула до того, как ее глаза-бусинки меня заметили.

Ошибка.

Теперь я чувствую себя любопытной Варварой, тогда как это она посреди ночи ворвалась в дом Миллера. Она тоже собирается дать мне его визитку и сказать, чтобы я ее сохранила? Предложит поделиться? После всего, я могу содрать с нее шкуру.

— Что? — от голоса Миллера я напрягаюсь еще больше.

— Ты не говорил, что не один здесь, дорогой.

— Не один? — Он кажется сбитым с толку, и, понимая, что полностью раскрыта, я возвращаюсь, чтобы ответить за свои действия, как раз в тот момент, когда Миллер оборачивается, чтобы понять, что так привлекло внимание его гости. — Ливи. — Стул со скрипом проезжает по мраморному полу, когда он резко встает.

Чувствую себя неловко и глупо, стоя, закутавшись в плед, с растрепанными волосами и босыми, нервно переминающимися, ногами.

Миллер на грани, что неудивительно, а вот женщина в его кухне выглядит заинтересованной, расслабленно облокотившись на спинку стула с бокалом вина у красных губ.

— Так мы теперь встречаемся дома? — фыркает она.

Миллер игнорирует ее и подходит ко мне, поспешно разворачивает в своих руках и осторожно подталкивает к выходу из кухни.

— Позволь мне отвести тебя в постель, — шепчет он.

— Одна из них? — спрашиваю, позволяя себя увести. Я уже знаю, что так. Могу сказать это по ауре превосходства вокруг ее уверенной персоны и по дизайнерской одежде.

— Да, — отвечает он натянуто. — Я избавлюсь от нее и приду к тебе.

— Почему она здесь?

— Потому что позволяет себе лишнее.

— Это я вижу, — соглашаюсь.

— Дорогой! — ее кокетливый высокомерный голос производит тот же эффект, что и тот, последней клиентки Миллера. Я напрягаюсь в его руках, и он напрягается тоже. — Не прячь ее из-за меня.

— Я ее не прячу, — выплевывает он через плечо, выпрямляясь. — Я буду через минуту, София.

— Буду ждать с нетерпением.

Только при упоминании ее имени и ее последующих высокомерных словах я замечаю ее акцент. Определенно европейский. Он смутный, но заметный. Она как та женщина из

ресторана «Quaglino's», разве что наглее и самоувереннее, я не думала, что такое вообще возможно.

Приведя меня в свою комнату, он отбрасывает чистые покрывала и опускает меня на постель, нежно укладывая, целует в лоб.

— Засыпай.

— Ты надолго? — спрашивая, чувствуя себя некомфортно от того, что он возвращается к той женщине. Она нахальная. Мне она не нравится, и уж точно не нравится мысль о том, что она страстно желает Миллера.

— Ты в моей постели и обнажена. — Он убирает с моего лица волосы и кончиком носа трется о щеку. — Хочу *мое* с моей привычкой. Прошу, дай мне с этим разобраться. Я вернусь так скоро, как только смогу. Обещаю.

— Ладно. — Я отказываюсь прикасаться к нему, потому что отпустить, когда он будет уходить, слишком тяжело. — Сохраняй спокойствие, пожалуйста.

Он понимающе кивает. Еще один поцелуй в губы, и он уходит из спальни, оставив меня наедине с темнотой и мыслями — нежеланными мыслями, мыслями, которые, если я слишком сильно уйду в них, сведут с ума.

Слишком поздно.

Я кручусь и ворочаюсь, прячу голову под подушку, сажусь и прислушиваюсь в ожидании волнительного и желанного возвращения Миллера, внутри закипает злость. Но когда слышу щелчок дверной ручки, ложусь обратно, делая вид, что не провела последние десять минут, сводя себя с ума мыслями о правилах, запретах, наличных деньгах и волнуясь о самообладании Миллера.

Приглушенный свет проникает в комнату и, спустя всего несколько секунд, Миллер прижимается к моей спине, отодвигает мои волосы, открывая шею, и приветствует дорожкой влажных поцелуев вдоль горла.

— Привет, — шепчу, переворачиваясь, наконец счастливая увидеть перед собой его лицо.

— Здравствуй, — он ласково целует меня в кончик носа и глади по голове.

— Она ушла?

— Да, — он отвечает кратко и убедительно, но больше не говорит ничего, меня это устраивает. Хочу забыть, что она вообще здесь была.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю после долгих минут тишины, протянувшейся между нами, ему, кажется, и так хорошо, но я разрушаю ее, вырываясь из мыслей о ночных посетителях.

— Думаю о том, как мило ты смотришься в моей постели.

Улыбаюсь:

— Ты едва меня видишь.

— Я хорошо тебя вижу, Ливи, — возражает он тихо. — Я вижу тебя повсюду, куда бы ни посмотрел, неважно, темно или светло вокруг.

Его слова и теплое дыхание, согревающее кожу лица, полностью меня успокаивают:

— Тяжело?

— Немного.

— Помурлычь мне.

— Я не делаю этого по требованию, — возражает он, выглядя немного смущенным.

— Можешь попробовать?

Он раздумывает несколько секунд, а потом прижимает меня к своей груди, подбородком прижимаясь к моей макушке.

— Ты слишком на меня давишь.

— Давлю помурлыкать?

— Да. — Просто соглашается, вместо мурлыканья целуя мои волосы. Это хороший компромисс, но как только нас окутывает тишина, и мы теряемся в мире спокойствия и уюта, держа друг друга, он выполняет мою просьбу и начинает тихонько мурлыкать, от этого звука я погружаюсь в глубокий, спокойный сон.

— Ливи. — Его тихий шепот будит меня, и я пытаюсь перевернуться, но ничего не выходит. — Оливия.

Открываю глаза и вижу искрящийся взгляд синих глаз, его щетина стала еще отчетливее.

— Что?

— Ты проснулась, — он приподнимается на локтях и прижимается ко мне своим стояком, обозначая свое неслабое возбуждение. — Мы можем? — Возможность получить удовольствие от преклонения в стиле Миллера будит меня так, как будто Биг Бен зазвонил прямо у кровати.

— Презерватив, — выдыхаю.

— Сделано. — Его рука опускается вниз по бедрам, между ног, с тихим довольным вдохом встречаясь с моей разгоряченной влажностью. — Видела обо мне сны? — спрашивает он уверенно, упираясь рукой в матрас и отстраняясь.

— Может, и так, — говорю безразлично, а потом он толкается в меня, и все попытки казаться не впечатленной одним этим движением вылетают в трубу. — О-о-о, — стону, тянусь руками и пальцами ласкаю кожу на его шее. Потрясающее чувство наполненности им отправляет меня за грань удовольствия — точно так, как обещал Миллер.

Мне и правда снился он. Снилось, что это навсегда, не только на жизненном пути, но и за его пределами тоже — жизнь совершенной пунктуальности по вечерам, особенно когда он занимается со мной любовью. Я ставлю на задний план требовательную натуру. Она всегда будет меня очаровывать, но гораздо сильнее этого то, что я безвозвратно, безоговорочно, до боли в него влюблена — не важно, кем он был, чем занимался и насколько чертовски сильно он зациклен.

Танец наших тел за гранью удовольствия. Он смотрит на меня с абсолютным обожанием, с каждым расчетливым движением бедер все больше и больше укрепляя мои к нему чувства. Я вся горю, меня трясет, с губ ему в лицо срывается тяжелое, рваное дыхание, а мои руки скользят вниз по его покрытой испариной шее.

— Я до отчаяния сильно хочу тебя поцеловать, — шепчет он, толкаясь глубже, сдерживаясь и тяжело дыша. — Так отчаянно, но я глаз не могу оторвать от твоего лица. Мне нужно тебя видеть.

Инстинктивно сжимаю внутренние мышцы, чувствуя в себе его сильную, уверенную пульсацию.

— Боже, Ливи, ты бы и совершенство заставила устыдиться.

Хочу ответить ему, но вся моя концентрация уходит на то, чтобы двигаться в такт его искусным движениям бедер, каждое уверенное и безупречное, каждый толчок сильный и

контролируемый. Бабочки в моем животе готовы двинуться вниз, взорваться и свести с ума всепоглощающими ощущениями, и это не просто физика. Сердце тоже пылает.

Меня вдруг переворачивают, и я оказываюсь на его согнутых в коленях ногах, снова и снова чувствуя, как он меня заполняет:

— Ты идеально мне подходишь, — рычит он, медленно закрывая глаза. — Единственное, что когда-либо было совершенным в моей жизни, — это ты.

Находясь в состоянии эйфории, я все же пытаюсь понять, что он имеет в виду, особенно как человек, помешанный на точности.

— Я хочу быть для тебя идеальной, — заверяю, прижимаясь к нему всем телом, и прячу лицо в изгиб его шеи. — Хочу быть всем, что тебе нужно. — Нет причин этого говорить. В такие моменты, как этот, я вижу расслабленного и спокойного мужчину, не напряженного и замкнутого или непредсказуемого и опасного. Если я смогу забрать некоторые из этих атрибутов из спальни и внести их в жизнь Миллера, когда он не преклоняется мне, тогда я буду делать этого до конца моих дней. Середина вчерашнего дня была идеальным началом.

Отстраняясь и глядя ему в глаза, я, как будто загипнотизированная, вцепляюсь в его волосы и двигаюсь туда, куда он меня ведет. Сила, которую он источает своей нежностью, невероятна, темпы и масштабы его движений сносят крышу. Он выдыхает, прижимаясь к моему лбу своим.

— Сладкая, ты такая и есть. — Он наклоняет голову и обрушивается на мой рот, поцелуй страстный, наши языки сталкиваются и кружат, он, не переставая, приподнимает меня и на себя насаживает. — Ты слишком особенная, Ливи.

— Как и ты.

— Нет, я фальшивка. — Его бедра поднимаются, вырывая из нас обоих одновременный стон. — Боже! — он стонет, поднимаясь на колени, без особых усилий удерживая меня прижатой к нему. Я опускаю голову, вцепляясь ему в спину, в попытке удержать равновесие сцепляю лодыжки. — Не прячь от меня свое личико, Ливи.

Голова слишком тяжелая, я не в силах ее удерживать по мере того, как давление внутри меня увеличивается и закипает. Я вот-вот взорвусь.

— Близко.

— Прощу, Ливи. Позволь мне смотреть на тебя, — он произносит эти слова с ленивой улыбкой. — Пожалуйста.

Заставляю себя исполнить его просьбу, использую всю оставшуюся во мне энергию, чтобы оторваться от него. Хнычу.

— Ложись.

— Что? — стону, закрыв глаза, чувствую, как немеют мышцы. Я больше не могу их контролировать.

— Ложись. — Его ладонь оказывается на моей пояснице, позволяя мне на нее облокотиться, и он опускает меня, пока моя спина не ложится на матрас, а бедра остаются прижатыми к нему. — Удобно?

— Да, — выдыхаю, выгнув спину, и руками касаюсь своих спутанных волос.

— Хорошо, — рычит он.

Выражение его лица говорит мне о том, что он тоже близко, а его тяжелое дыхание — признак нарастающего напряжения.

— Ты готова, Ливи?

— Да.

— О Боже, я так готов. — Его тело как будто зажило своей жизнью, когда он начал в меня вколачиваться, плавность движений канула в лету. Он дрожит, явно сдерживаясь, и меня снова мучает вопрос, живет ли в нем эта постоянная борьба в предотвращении дикого траха, свидетелем которого я стала в номере отеля.

Эта мысль требует ясности в голове, которой прямо сейчас у меня нет. Я кончаю.

— Миллер!

Он отстраняется и совершает сильнейший толчок, от которого мы оба срываемся за грань. Миллер с диким рыком, я со сдавленным криком. Он пальцами впивается в мою плоть, входя еще глубже, содрогаясь, рыча и задыхаясь.

Я истощена, абсолютно беспомощна, с трудом удается даже открыть глаза и посмотреть в лицо приходящего в себя после испытанного оргазма и покрытого испариной Миллера. Я рада почувствовать его тяжесть, когда он опускается на меня, и закрываю глаза, заменяя отсутствие зрительного контакта тактильным, ощущая его повсюду на себе. Он вспотел и часто дышит мне в волосы, и это самые потрясающие ощущения и звуки.

— Прости меня, — шепчет он неожиданно, и я хмурюсь, несмотря на усталость.

— За что?

— Скажи мне, что я буду делать без тебя, — он сжимает меня ужасно сильно, сдавливая ребра. — Скажи мне, как я выживу.

— Миллер, ты меня пугаешь, — я уже практически выдавливаю из себя слова, но он сжимает меня еще сильнее. — Миллер, остынь, — чувствую, как он качает головой, прижимаясь к моей шее. — Миллер, пожалуйста!

Он быстро отстраняется от меня, опустив голову и глаза, оставив меня задыхаться на постели. Не смотрит на меня. Растираю свои руки, ноги, все, только он отказывается сознавать дискомфорт, который мне причинил. Он выглядит пугающе разбитым. Откуда это?

В такт ему поднимаюсь на колени и беру его руки в свои.

— Тебе не нужно об этом беспокоиться, потому как я сказала, каково это для меня, — говорю спокойно и убедительно, внутри согреваясь мыслью, что он также обеспокоен вероятностью разлуки, как я.

— Наши чувства не имеют значения, — он правда это говорит. От его заявления я вздрагиваю.

— Конечно, имеют, — возражаю я, холод, поселяющийся внутри, мне совсем не нравится.

— Нет, — он качает головой и вырывает из моих рук свои, мои же безжизненно падают по бокам. — Ты права. Я должен был позволить тебе уйти.

— Миллер, — внутри меня растет паника.

— Я не могу тащить тебя в свою темноту, Оливия. Это должно закончиться прямо сейчас.

Грудь начинает медленно разрываться. Я ведь освещаю его мир. Что с ним случилось?

— Ты не понимаешь, что говоришь. Я помогаю тебе. — Я снова пытаюсь взять его за руки, но он отстраняется и встает с постели.

— Я отвезу тебя домой.

— Нет, — шепчу, наблюдая за тем, как его спина исчезает в ванной. — Нет! — спрыгнув с постели, бегу за ним, хватаю за руку и разворачиваю лицом к себе. — Что ты делаешь?

— То, что правильно. — Нет ни чувств, ни раскаяния, ни печали. Он закрылся от меня, сильнее, чем когда-либо, маска плотно села на свое место — и костюм не нужен. — Я не должен был позволять этому так далеко зайти. Мне не надо было возвращаться за тобой.

— *Этому?* — ору я. — Ты имеешь в виду нас! Сейчас нет *этого*, или *тебя*, или *меня*. *Э то мы!* — Я распадаюсь перед ним на части, мое трясущееся тело отказывается успокаиваться — до тех пор, пока он не будет держать меня и говорить, что мне все это послышалось.

— Есть ты, есть я. — Он медленно поднимает на меня глаза. Пустые синие глаза. — *Нас* никогда не могло быть.

Его холодные слова ножом врезаются в мое разрывающееся сердце.

— Нет, — я отказываюсь принимать это. — Нет! — Трясу его за руки, но он остается отстраненным и безразличным. — Я ведь твоя привычка. — Я начинаю плакать, слезы бесконтрольно льются из глаз. — Я твоя привычка!

Он убирает руки и отходит:

— Привычки плохо на тебя влияют.

Грудь разрывается, обнажая разбивающееся сердце.

— Ты несешь ерунду.

— Нет, я абсолютно здраво рассуждаю, Ливи. — Он уходит и встает под душ, даже не вздрогнув, когда на него обрушивается не успевшая нагреться вода.

Я не сдаюсь. С ним должно быть что-то не так. Паника распаляет мое упрямство и вот я уже в душе, прижимаюсь к нему, пока он пытается намылить голову шампунем.

— Ты не посмеешь снова так со мной поступить, не сейчас! Не после всего!

Он игнорирует меня и смывает шампунь прежде, чем успевает промыть волосы. А потом он поспешно сбегает, открыв противоположную дверцу, но я неумолима, кричу, следуя за ним. Цепляюсь за его мокрую спину, пытаюсь остановить, но он стряхивает мои руки, пытаюсь вытереться и выбраться из ванной.

Я совсем запуталась, сердце в груди грохочет, меня всю трясет.

— Миллер, пожалуйста! — я плачу, падая на колени и смотря, как он снова уходит. — Прощу! — прячу лицо в ладонях, как будто спрятавшись в темноте, я смогу выдернуть себя из моего кошмара.

— Встань, Ливи. — От его равнодушного тона слезы бегут еще сильнее. — Вставай!

Неясным от слез взглядом смотрю в его холодное, как лед, лицо.

— Ты только что занимался со мной любовью. Я приняла тебя. Ты хотел, чтобы я забыла того мужчину, и я забыла.

— Он все еще здесь, Ливи, — рычит он грубо. — Он никогда не уйдет!

— Он ушел! — настаиваю с отчаянием. — Его никогда здесь нет, когда мы вместе. — Это неправда, и я это знаю, но я падаю в бездну и, чтобы удержаться, буду пробовать зацепиться за что угодно.

— Он здесь, — выплевывает он, наклоняясь и поднимая с пола мое худое тело. — Я был глупцом, думая, что смогу это сделать.

— Сделать что?

Он вздрагивает и, отпустив меня, взмахом руки окидывает меня снизу вверх:

— Это!

— Ты имеешь в виду чувства? — ударяю его в грудь. — Любовь?

Он закрывает рот и отходит, явно пытаюсь держать себя в руках:

— Я не могу любить тебя.

— Не смей, — жалобно шепчу. — Не смей так говорить.

— Правда ранит, Оливия.

— Все из-за этой женщины ночью, так ведь? — спрашиваю я; вдруг все, что я вижу сквозь пелену страха, это ее высокомерное лицо. — София. Что она сказала?

— Это никак с ней не связано. — Он выходит из ванной, и я понимаю, что причина в том, что я ближе подбираюсь к сути.

— Ты правда хотел остановиться?

— Да! — Рычит он, разворачиваясь и пронзая меня бешеными глазами, но вскоре одергивает себя, осознав, что сказал. — Нет!

— Да или нет? — кричу я.

— Нет!

— Что изменилось с прошлой ночи, когда ты вернулся в постель?

— Слишком, блядь, многое! — Он ушел из виду, зайдя в гардеробную, я снова иду за ним и смотрю, как он надевает какие-то шорты и футболку. — Ты молодая. Ты забудешь меня. — Он отказывается смотреть на меня или слышать мои слова, трус.

— Ты хочешь, чтобы я тебя забыла?

— Да, ты заслуживаешь большего, чем я могу дать. Я говорил тебе с самого начала, Ливи. Я эмоционально недоступен.

— И после того, как ты боготворил меня и дал мне все, что скрывал от остального мира, — смотрю прямо в его пустые синие глаза, отчаянно пытаюсь найти в них хоть что-то. — Ты меня уничтожил.

— Не смей так говорить! — кричит он, в его выражении лица и голосе явно просачивается чувство вины. Он знает, что это правда. — Я вернул тебя к жизни.

— Мои поздравления! — ору я, взбесившись. — Да! Вернул, но в ту секунду, когда я увидела свет и надежду, ты жестоко меня растоптал.

Он отшатывается от моих слов и, не зная, что ответить, проходит мимо меня, сбегая от своих ошибок, убедившись при этом, чтобы мы не соприкоснулись.

— Я должен уехать.

— Куда?

— Париж. Мой самолет в полдень.

Задыхаюсь от резкого, холодного вдоха. Город любви?

— Ты едешь с той женщиной, да? — Теперь мое сердце окончательно разорвано, мысли о Миллере, роскошных женщинах, связываниях, деньгах, подарках...

И все, что я вижу, — это красивое, эгоистичное лицо своей матери. Мое лицо. Теперь еще и лицо Миллера.

Он *не* поступит так со мной!

— Я забуду тебя, — расправляю плечи и вижу, как он замирает от звука моего монотонного обещания. — Сделаю все для этого.

Он медленно разворачивается и смотрит на меня предупреждающе. Мне не могло быть более безразлично.

— Не делай глупостей, Ливи.

— Ты только что потерял право давать мне советы, так что, думаю, извинишь меня, если я предпочту тебя проигнорировать. — Прохожу мимо него, абсолютно не заботясь о том, что делаю, и совершенно готовая к тому, чтобы исполнить задуманное.

— Ливи!

— Приятной поездки. — Поднимаю свое сырое платье и надеваю его, уходя из его квартиры.

— Ливи, не так просто взять и остановиться, — он идет за мной, звук его босых ног по мраморному полу становится громче, когда я тороплюсь к двери. Теперь он волнуется, мое уклончивое обещание пробудило в нем собственнический инстинкт. Он не хочет, чтобы ко мне прикасался другой мужчина. — Ливи! — чувствую, как он хватает меня за руку, и разворачиваюсь, кипя от ярости, маска приспущена. Только искра надежды не останавливает меня, и я даю ему пощечину. Его лицо отворачивается и остается в таком положении, пока я изо всех сил стараюсь сдержать свою злость.

— Да! Тебе стоит позволить мне уйти! — Горю в абсолютной агонии. — Позволить мне забыть!

Его лицо медленно поворачивается обратно ко мне.

— Я не хотел, чтобы ты запомнила меня таким. Я не хотел, чтобы ты меня ненавидела.

Смеюсь, потрясенная его эгоистичными мотивами. Ему плевать, что о нем думают. Но я? Я это другое?

— Как благородно, но вы сделали роковую ошибку, Миллер Харт.

Он смотрит на меня настороженно, отпуская мою руку:

— Какую?

— Сейчас я ненавижу тебя сильнее, чем в тот момент, когда ты сделал меня одной из своих шлюх! Теперь ты просто трус! Слабак, сопляк! — Делаю несколько успокаивающих вдохов, сейчас мне стыдно за свое отчаянное поведение и мольбы. Ему известно, что я чувствую, я знаю, что чувствует он, и все же именно он уходит, тогда как среди нас двоих я сделала самый большой прыжок в неизвестность. Это я пошла против всех своих правил и моральных ценностей. Это я преодолевала множество преград, выстроенных этим мужчиной. — Я никогда не позволю тебе заполучить меня обратно, — клянусь я. — Никогда. — Храбрость в моем голосе удивляет.

— Это, несомненно, хорошо, — он шепчет едва слышно, делая еще один шаг назад, как будто боится, что, если я хоть на дюйм сокращу между нами расстояние, он заберет свои слова назад. — Береги себя, Ливи.

Двойной подтекст его слов оскорбляет:

— Сейчас я в безопасности, — заявляю, разворачиваюсь спиной к явно разбитому мужчине и ухожу от него, теперь в последний раз.

Мое отчаяние стирается его трусливыми словами и поступками. Я знаю, что он чувствует. *Он* и сам знает, что чувствует, и это делает его слабым, бесхребетным трусом.

Теперь все, чего я хочу, — это сделать ему больно. Хочу прикоснуться к самой выносливой его стороне и уничтожить ее.

Глава 24

Уже больше девяти вечера, я измотана переполняющими меня эмоциями, только мысли о мести ни за что не дадут мне уснуть. Я полна решимости, воодушевлена намерением вонзить нож и, не переставая, прокручивать его в плоти. Четыре пропущенных звонка от Уильяма никак не помогают моему душевному состоянию. Даже наоборот, они еще больше меня подстегивают. Без всяких вопросов я понимаю, что раз и навсегда собираюсь доказать

его правоту. Я дочь своей матери.

У меня больше нет членской карты клуба «Ice», но даже это меня не остановит. Ничто не остановит. Простояв небольшую очередь, я оказываюсь перед охранником, который, устало вздохнув, без каких-либо слов пропускает меня внутрь. Прохожу мимо него и направляюсь напрямиком к одному из баров, вливаясь в окружение, музыку и атмосферу веселья. Музыка сегодня кажется более тяжелой, и прямо сейчас играет «Insomnia» группы «Faithless». Намеренно. Как раз в тему.

— Шампанское, — делая заказ, я поясницей прижимаюсь к барной стойке и вглядываюсь в синий мерцающий свет, заливающий клуб Миллера. Он до отказа забит лондонской элитой, группки роскошно одетых кутил заполняют все свободное пространство, но несмотря на количество людей, окружающих меня, я понимаю, что все камеры слежения будут сосредоточены на мне и только на мне. Миллер наверняка даст Тони распоряжение быть начеку, и я ни капли не сомневаюсь в том, что охранник уже доложил о моем приходе.

— Мисс?

Я оборачиваюсь, принимаю бокал шампанского и, напрочь игнорируя клубнику, залпом его осушаю. И тут же заказываю еще один. Мне протягивают новый наполненный бокал, и, как только я оборачиваюсь, замечаю Тони, который пробивает себе путь по танцполу напрямиком в мою сторону. Он кажется взбешенным, и, понимая, что меня вот-вот обнаружат, я исчезаю в толпе людей, направляясь к выходу на террасу, расположенную на крыше.

Поднимаясь по холодным стеклянным ступенькам, я оборачиваюсь и улыбаюсь, когда вижу Тони, стоящим как раз в том месте, где только что была я, он оглядывается в недоумении. Он перегибается через барную стойку и разговаривает с барменом, который поспешно пожимает плечами, после чего отворачивается к ожидающему его клиенту. Вижу, как Тони кулаком бьет по стеклянной стойке бара и разворачивается, осматривая клуб. Самодовольная, я продолжаю идти, пока, повернув за угол, не переступаю порог гигантской стеклянной двери и не останавливаюсь в море смеющихся, выпивающих и болтающих людей. Никто совсем не замечает потрясающий вид снаружи.

Делаю глоток шампанского и жду, долго стоять не приходится. Ловлю на себе взгляд парня в противоположной стороне террасы и, кокетливо улыбнувшись, поворачиваюсь к нему спиной, чтобы наслаждаться видом.

— Одна?

Вальяжно развернувшись на каблуках, встречаюсь с ним лицом к лицу. На нем темные джинсы и белая рубашка. Взглядом скольжу по всей длине его тела, пока не останавливаюсь на его лице. Симпатичном лице, чисто выбритом и свежем, короткие каштановые волосы мужчины длиннее на макушке и зачесаны на одну сторону.

— Ты? — спрашиваю, приняв расслабленную позу, и подношу бокал к губам.

Он слегка улыбается и ведет меня к краю террасы, его рука ложится мне на поясницу. От его прикосновения внутри нет фейерверка, бьющего по всему телу, но он мужчина, а это все, что мне нужно.

— Дэнни, — он наклоняется и целует меня в щеки. — Ты?

— Ливи, — перевожу взгляд на камеру и улыбаюсь, пока он заканчивает с ритуалом знакомства.

— Приятно с тобой познакомиться, Ливи, — говорит он, отстраняясь. — В восторге от твоего платья.

Даже не сомневаюсь в этом. Оно обтягивающее и короткое.

— Благодарю.

— Пожалуйста. — Его глаза искрятся.

Мы недолгое время болтаем, и я с легкостью отвечаю на его улыбки и смех, но не потому, что он мне нравится. А потому, что камеры со всех ракурсов смотрят на меня, записывая и сохраняя происходящее для глаз Миллера, пока он не вернется из Парижа.

— Есть протокол, которому ты предпочитаешь следовать?

Мне с трудом удастся сдержать сбитый с толку, хмурый взгляд:

— Ты имеешь в виду, хотела бы я, чтобы ты сводил меня поужинать или чтобы сразу отвел в постель?

Он усмехается:

— Меня устраивают оба варианта.

Моя уверенность моментально дает сбой, но я быстро собираюсь с духом.

— Мы закажем клубничный ужин, — отпиваю из своего бокала и губами ловлю ягодку, намеренно медленно ее жую и еще медленнее глотаю.

Он следует моему примеру и с понимающей улыбкой зеркально отражает мои действия.

— Выглядит потрясающе, — взмахом пустого бокала он указывает на открывающийся вид, и я следую глазами.

— Согласна, — говорю негромко. — Но я подумываю о куда более приятных способах провести остаток вечера. — Моя наглость должна меня шокировать, но нет. Я на задании — опасном задании. Не только у Миллера есть маска. Это слишком просто.

Снова смотрю на Дэнни, мои губы соблазнительно приоткрываются, и он наклоняется, медленно приближая ко мне свое лицо, пока наши губы не встречаются. В попытке удержать холодную уверенность, я закрываю глаза и вызываю образы Миллера. Трусливо и жалко, но только так я смогу пережить свои жестокие поступки. Губы Дэнни совсем не помогают достигнуть цели, на вкус и по ощущениям они совсем не похожи на губы Миллера, и все же я не отстраняюсь. Я позволяю ему целовать себя, держась только за понимание того, что это сделает с мужчиной, которого я люблю — с мужчиной, который, я знаю, любит меня, но он слишком труслив, чтобы за нас бороться.

— Ко мне, — бормочет Дэнни мне в губы, ладонью накрывая мои ягодицы. Я киваю, и он тут же берет меня за руку, выводя нас с террасы. Миллер Харт разбудил дремлющее безрассудство. Я доказала правоту Уильяма. Я дочь своей матери, и это осознание должно ломать меня, но единственное разрушение, которое я сама себе пророчу, это холодная реальность жизни без Миллера. Он смесь противоречий и сомнений, однако я хочу его и все, что идет с ним в комплекте.

Мы спускаемся по лестнице, я вслед за Дэнни, пока не достигаем первого этажа. Он проталкивается сквозь толпу, стремясь сбежать от скопления людей и найти уединение. А потом он замирает и поражает меня новым поцелуем, со вздохом урча мне в губы.

— Я могу сделать это еще пару раз, прежде чем мы смоемся отсюда, — говорит он, осторожно прижимаясь ко мне своим стояком.

Я не возражаю, преимущественно потому, что держусь за факт: прямо над нами камера, поэтому я обвиваю руками его широкие плечи и позволяю действовать по-своему, как бы говоря *«меня все устраивает»*.

Оторвавшись от меня, он опять берет меня за руку и решительно идет вперед, остановившись уже через пару шагов. Правда, в этот раз он меня не целует.

— Прошу прощения, — говорит он, пытаюсь обойти кого-то, только этот кто-то

двигается вместе с ним. Я не вижу, кто там. Да мне и не нужно.

— Ты не уйдешь с девушкой. — От резкого голоса Тони я сутулюсь позади Дэнни, только это еще больше подпитывает мою решимость.

Дэнни оборачивается и смотрит на меня.

— Не обращай на него внимания, — говорю натянуто, толкая его в спину и побуждая идти.

— Кто он?

— Никто. — Я иду вперед, таща за собой сбитого с толку Дэнни. Тони не сможет меня остановить, и это еще больше ломает Миллера.

— Ливи, бросай свои игры, — меня останавливает раздраженный рык Тони.

— Кто сказал, что это игра? — спрашиваю резко.

— Я, — он делает шаг вперед и предупреждающе смотрит на растерянного Дэнни, который уже отпустил мою руку.

Дэнни смеется:

— Ладно, понятия не имею, что здесь происходит, но я в этом не участвую. — Он уходит, пока мы с Тони пьем друг на друга.

— Умный парнишка.

— С чего ты так беспокоишься?

— Я не беспокоюсь.

— Тогда зачем было вмешиваться?

— Потому что ты попадешь в неприятности.

— Найду кого-нибудь другого, — выплевываю, проходя мимо него, на ватных ногах возвращаюсь к бару. — Шампанское, — заказываю, проталкиваясь вперед. С другой стороны барной стойки передо мной появляется Тони, отталкивая бармена, готового меня обслужить.

— Тебе больше не продадут алкоголя.

Стискиваю зубы:

— Почему бы тебе не заняться своими делами?

Он нависает над стойкой, так же стиснув зубы:

— Если бы осознавала вред, который наносишь, ты бы прекратила свое дерьмо, милая.

Я? Вред? Моя злость ступает на опасную территорию. Если раньше я была полна решимости, то теперь это настоящая, необузданная ярость.

— Это человек меня уничтожил!

— Он связан по рукам и ногам, Ливи! — орет Тони так, что я вздрагиваю. — И, несмотря на то, что вы там с ним когда-либо думали, ты не сможешь его освободить.

— От чего? — мне не нравится решимость в голосе Тони или взгляд на его круглом лице. Он говорит слишком уверенно.

— От невидимых цепей, — говорит он почти шепотом, но я отчетливо слышу его даже сквозь грохочущую музыку и людскую болтовню. Горло начинает сжиматься. Я не могу дышать. Тони смотрит, как я перевариваю его заявление, вероятно, спрашивая себя, что же я об этом думаю. Я не понимаю. Он говорит загадками. Он намекает на то, что Миллер бессилен — слаб. Это неправда. Он очень сильный, физически и морально. Я испытала на себе и то, и другое.

Я молчу — в голове бардак, меня всю трясет, я не знаю, что делать дальше. Сокрушенная и во мраке, чертовы глаза от бессилия начинают наполняться слезами.

— Иди домой, Ливи. Возвращайся в свою жизнь и забудь, что когда-то была знакома с

Миллером Хартом.

— Это невозможно, — всхлипываю, лицо мгновенно становится мокрым, когда я проигрываю в попытках сдерживать свою боль.

Силуэт Тони расплывается за пеленой слез, а потом он вдруг исчезает, только мое тело отказывается двигаться, я продолжаю стоять у стойки бара, потерянная и беспомощная.

— Идем со мной. — Чувствую, как его рука осторожно берет мою руку и выводит меня из переполненного бара, через весь клуб, вниз по лестнице и лабиринтам коридоров под основным залом «Исе». Слова Тони, несмотря на неясность и таинственность, свидетельствуют о том, что это не было решением Миллера.

Я, заплетаясь, иду за Тони, практически дезориентированная, и когда мы оказываемся перед дверью кабинета Миллера, он набирает код, открывает дверь и ведет меня к рабочему столу Миллера. Он осторожно усаживает меня на стул.

— Я не хочу быть здесь, — шепчу я жалобно, кутаясь в чувство уюта, которое получаю, оказавшись в одном из совершенных изысканных пространств Миллера. — Зачем ты меня сюда привел? — Он должен был посадить меня в такси и отправить домой.

Тони запирает дверь и поворачивается ко мне.

— На столе есть кое-что для тебя, — он говорит с полным отсутствием энтузиазма, и я знаю, причина в том, что он не хочет, чтобы я получала это, неважно, что там. Глазами пробегаю по безупречно белой поверхности стола: скраю, на своем обычном месте лежит беспроводной телефон, а в самом центре конверт, сложенный так аккуратно, параллельно краю стола, что я понимаю — дело рук Миллера.

Инстинктивно я вдавливаюсь в кожу его кресла, увеличивая расстояние между собой и безобидным клочком бумаги. Я насторожена и абсолютно уверена, что не захочу прочитать то, что внутри.

— От него? — спрашиваю, не отводя глаз от конверта.

— Да. Он заходил перед поездкой в Сэнт-Панкрас.

Я не смотрю на Тони, но знаю, что он только что бесшумно, устало вздохнул. Медленно поднимаю руку и беру конверт, по центру написано мое полное имя, мне знаком этот почерк. Почерк Миллера. Меня неотвратно трясет, не важно, как сильно я пытаюсь сдерживаться, когда достаю письмо. Напрасно пытаюсь справиться с удушьем, бешеный стук сердца не позволяет. Разворачиваю бумагу и часто моргаю в попытке вернуть глазам ясность. А потом я задерживаю воздух в легких.

Моя сладкая девочка,

как я узнал, что ты здесь окажешься? Камеры слежения отключены сегодня вечером по моей просьбе. Если ты решишь позволить другому мужчине прикоснуться к себе, большего я не заслуживаю, но никогда не смогу наблюдать за этим. Только думать об этом уже достаточно больно. Увидеть все своими глазами — это толкнет меня на убийство. Я причинил тебе боль и за это, надеюсь, буду гореть в аду, когда окажусь там. Из всех моих ошибок больше всего я сожалею о тебе, Оливия Тейлор. Я не сожалею о том, что преклонялся перед тобой или о том, что получал в тебе наслаждение. Я сожалею о невозможности своей жизни и неспособности подарить тебе вечность. Ты должна поверить мне и решению, которое я принял, и знай, что принимал я его с тяжелым сердцем. Эти слова убивают меня, но я надеюсь, что ты сможешь обо мне забыть и найдешь мужчину, достойного твоей любви. Это не я.

Мое очарование тобой никогда не умрет, сладкая. Я могу лишиться свои глаза возможности видеть тебя, а губы — ощущать твой вкус. Но я никак не смогу собрать свое разбитое вдребезги сердце.

*Навсегда твой,
Миллер Харт.*

— Нет, — плачу, весь сдерживаемый в легких воздух теперь вырывается из меня болезненными всхлипами. Буква *X* в фамилии Миллера растекается по листу, когда слеза падает на бумагу и разъедает чернила. Вид измазанной, искаженной буквы в точности соответствует моим чувствам.

— Ты в порядке? — голос Тони врывается в мое беспорядочное сознание, и я тяжелыми глазами смотрю на еще одного человека, который был против наших отношений. Все так дьявольски упорно ломали нас, так же, как и я однажды. И после всех срывов Миллера, когда он так боялся, что я потеряю веру, теперь это сделал он.

— Я его ненавижу, — с абсолютной искренностью выплевываю ядовитые слова. Письмо не облегчило боль. Противоречивые слова, примиряющиеся с его решением, принимать еще сложнее. Его решение. А как же я? Как же я, моя готовность принять его и позволить заполнить меня силой, необходимой мне, чтобы помочь ему? Или ему нельзя помочь? Он слишком близко к адскому пеклу, чтобы я смогла его вытащить? Все эти мысли и вопросы только плавят мою боль в ненависть. После всего, через что мы прошли, он не имел права принимать решение в одиночку.

Я бросаю письмо на его стол и резко встаю. Он скрывается. Скрывался всю свою жизнь... до встречи со мной. Он показал мне человека, которого, я уверена, никто прежде не видел. Скрывается за манерами, игнорируя грубого, высокомерного придурка, и за костюмами, бросая вызов спокойному Миллеру, тому, кем является, когда мы теряемся друг в друге. Он подделка, так он сам же и сказал.

Меня засасывает красная пелена гнева, и я мчусь мимо его стола, практически налетая на шкафчик с выпивкой. Несколько секунд смотрю на идеально расставленные бутылки и стаканы, прерывисто и часто дыша.

— Ливи? — голос Тони близок и *очень* встревожен.

Я ору, как ненормальная, рукой смахивая все эти идеальные предметы, и с жутким грохотом сваливая их в одну бесформенную, уродливую кучу на полу.

— Ливи! — Тони резко хватается мои разодранные руки, пытаясь удержать меня, пока я продолжаю орать и бороться с ним, как помешанная. — Успокойся!

— Отвали! — кричу, вырываясь из его хватки, и мчусь через весь кабинет Миллера к выходу. Ноги передвигаются быстро, в такт бешеному стуку сердца, унося меня прочь от совершенства Миллера, вверх по лестнице и в ночной воздух. Я бросаюсь на дорогу, не дав такси выбора, кроме как остановиться или сбить меня. Запрыгиваю в него.

— Белгравия, — выпаливаю, захлопнув дверцу, и замечаю, как из «Ice» выбегает Тони, руками хаотично колотит охранника, увидев, как я уезжаю. Откидываюсь на спинку сиденья, давая сердцу возможность успокоиться, лбом прижимаюсь к холодному стеклу и наблюдаю, как мимо проносится мрачный Лондон.

Этот город и правда скрывает черные тени.

Глава 25

Его многоквартирный дом кажется неприветливым, украшенный зеркалами вестибюль холодным и тихим. Консьерж, когда я прохожу мимо него, приподнимает шляпу, стук моих каблуков разбивает зловещую тишину и эхом раздаётся в просторном помещении. Я не вызываю лифт, вместо этого открываю дверь, ведущую к лестничному пролёту, надеясь, что энергия, которая понадобится мне, чтобы подняться на десять пролётов, успокоит хоть немного злости, сжигающей мен изнутри.

Мой план проваливается. Я буквально взлетаю по лестнице и спустя очень короткий промежуток времени уже вставляю ключ в его блестящую черную дверь, с полным отсутствием признаков затухания злости. Точно понимая, куда мне нужно, я тихо прохожу по его квартире в кухню и начинаю перерывать ящики. Нахожу то, что искала, и мчусь в его спальню, открывая дверь в гардеробную.

Стоя на пороге, вооружённая самым большим ножом, который смогла найти, я осматриваю три стены множеством вешалок, увешанных сшитыми на заказ дизайнерскими костюмами и рубашками. Или масками. Для меня это маски. Что-то, за чем скрывается Миллер. Его броня и защита.

С этой мыслью я ору, сорвавшись, и начинаю сбрасывать ряды и ряды дорогой одежды. Кромсаю их, хаотично вонзаясь в дорогой материал ножом, желая изрезать в полоски. Сила в моих руках упрощает задачу, ярость — мой друг, нож уже использован и выброшен, я голыми руками разрываю всё, что попадает на глаза.

— Ненавижу тебя! — кричу, цепляясь за его галстуки.

Я перешагнула грань психических срывов, которые в последнее время так часто демонстрировал Миллер, и успокаиваюсь я, только когда вся его одежда превращается в разодранную кучу тряпок. А потом я падаю на пол, истощенная, дышать трудно, пялюсь на кучу испорченной одежды вокруг. Я не думала, что порча его масок заставит меня почувствовать себя лучше, так и вышло. Руки теперь болят, лицо горит, а горло саднит от криков. Я сама такая же большая свалка, как та, что здесь вокруг. Отползая, нахожу комод, что стоит прямо по центру гардеробной Миллера, и прислоняюсь к нему, туфли потерялись где-то в этой куче, платье задралось до талии. Я просто сижу тут молча, задыхаясь, очень долгое время, и спрашиваю себя... Что теперь? Разрушительное поведение могло отвлечь меня от мыслей, только облегчение было коротким. Настанет момент, когда я разрушу всё, возможно, даже себя. До неузнаваемости. Что мне делать тогда? Я уже балансирую на грани самоуничтожения.

Бессильно опускаю голову, а вскоре вздрагиваю от жуткого стука, разлетевшегося по квартире. Замираю, воздух застревает в горле. А потом начинаются удары. Я парализована уже знакомым чувством страха, просто сижу здесь и слушаю повторяющиеся удары по входной двери, глаза распахнуты, сердце грозит вырваться из груди. Смотрю на беспорядок вокруг. И замечаю нож. Медленно подняв его, смотрю, как в моей руке переливается лезвие. А потом я поднимаюсь на трясущихся ногах. Вероятно, мне стоит спрятаться, только босые ноги идут сами по себе, рука с силой сжимает рукоятку ножа. По останкам одежды Миллера иду на грохот, настороженно, с опаской, пока не прокрадываюсь в коридор и не заглядываю в гостиную. Отсюда мне видно прихожу и то, как дверь сотрясается от непрекращающихся сильных ударов.

А потом всё стихает и опускается пугающая тишина. Я делаю шаг вперёд, проглотив свой страх, намереваясь посмотреть в лицо неизвестной угрозе, но замираю, когда раздаётся щелчок замка, и дверь с грохотом распаивается.

Я отскакиваю в шок, в ушах стучит, от этого стука перед глазами мутнеет и теряются ориентиры. Только спустя несколько ужасающих секунд я понимаю, кто передо мной. Он, кажется, слетел с катушек, меня шокирует собственное возмущение после того, что я вытворила в его гардеробной. Он ополоумел, вспотел и тяжело дышит, почти вибрируя от гнева.

Он меня не увидел. Дверь с грохотом закрывается, и он в обратную её сторону впечатывает кулак, оставляя трещину на полированном дереве, Миллер рычит, разбив кулак, и я с тревогой отступаю.

— Блять! — Его ругань разлетается по просторной квартире, пробивая меня со всех сторон, от чего я съеживаюсь на месте. Хочу подбежать к нему и помочь, или накричать, что не заметил моего присутствия, но я не смею заговорить. Он слетел с катушек, и я спрашиваю себя, что могло стать причиной его дикого срыва. Его собственные препятствия? Я стою, растерянная и подавленная, смотря, как тяжело вздымается и опадает его спина, пока стихает эхо его рокота. Спустя доли секунды его плечи заметно напрягаются, и он разворачивается лицом ко мне. Совершенство Миллера исчезло. Ком в горле увеличивается, душа меня, и я закусываю нижнюю губу, останавливая всхлип, готовый сорваться. Капельки пота стекают по его вискам, просачиваясь под пиджак, только ему плевать на вероятность того, что дорогой костюм будет испорчен. Бешеным взглядом он смотрит в мою сторону, а потом запрокидывает голову и кричит в потолок, падая на колени.

Пораженчески опускает голову.

И Миллер Харт плачет — это сильные, сотрясающие тело рыдания.

Ничто не смогло бы причинить мне большей боли. Годами сдерживаемые эмоции вырываются из него, и я ничего не могу сделать, только наблюдать, сердце за него обливается кровью. Моя собственная агония уступает место боли за страдания этого, сбивающего с толку мужчину. Хочу держать его и успокаивать, только ноги весят как будто тысячу тонн и отказываются нести меня к нему. Я просто не могу. Пытаюсь произнести его имя, но не выходит ничего, кроме болезненного вдоха.

Проходит вечность. Я выплакала море слёз, так же, как Миллер, хотя, относительно него это, вероятно, в буквальном смысле. Я начинаю спрашивать себя, остановится ли он когда-нибудь, когда он поднимает пораненную руку и проводит ей по щекам, смешивая слёзы с каплями крови.

Он поднимает голову, открывая своё испачканное лицо и синие, красные от слёз, глаза. Только он не позволяет себе смотреть на меня. Делает всё, что угодно, чтобы избежать со мной зрительного контакта. Беспоконный, он поднимается с пола и идёт в мою сторону, я отступаю, но он просто проходит мимо, по-прежнему отводя глаза, и направляется в спальню. Бросаю на стол холодное оружие и, наконец, заставив свои ноги передвигаться, иду за ним. Он, мечась по спальне, снимает пиджак, жилетку и рубашку, после чего заходит в ванную. Белье брошено в сторону, на полу в спальне разбросана снятая им одежда. Замерев в шаге от двери в ванную, он скидывает ботинки и носки, снимает брюки и боксеры, оставаясь обнажённым, спина блестит от капелек пота.

Он не решается на дальнейшие действия, стоит молча, голова опущена, мышцы рук напряжены от сильного сжатия дверного косяка. Не зная, что делать, но понимая, что

больше не могу видеть его в таком состоянии, я осторожно начинаю к нему приближаться, пока не останавливаюсь достаточно близко, чтобы почувствовать его мужской запах вперемешку с запахом пота, покрывающего его тело.

— Миллер, — говорю тихо, поднимая и протягивая к нему руку, осторожно дотрагиваясь до его плеча, с резким вдохом приходится сдерживаться, чтобы не отдернуть руку. Он горячий, как кипяток, только мне не приходится долго терпеть этот жар. Он, дернувшись, шипит, заставляя меня дернуться от такой реакции, и направляется к душе, заходит в кабинку и включает воду.

Он безумен в своих намерениях. Схватив губку и налив на неё гель для душа, он небрежно бросает на пол бутылку и начинает тереть свою кожу. Мне страшно, не только из-за несвойственной ему небрежности, но и из-за его настойчивости очистить своё тело, с такой грубостью. Он натирает себя с силой, везде, ополаскиваясь и снова добавляя гель. Пар быстро окутывает большое пространство ванной комнаты, говоря мне о том, что душ слишком горячий, но ему, как будто, всё равно.

— Миллер, — я делаю несколько шагов, всё больше и больше волнуясь о том, как душно здесь становится. — Миллер, пожалуйста! — ладонью ударяю по стеклу, пытаюсь привлечь его внимание. Его волосы промокли и спадают на лицо, мешая глазам, только его это не останавливает. Смесь ужаса и гнева вложена в отчаянные движения губки на его теле. Он же покрывается волдырями. — Миллер, прекрати это! — Я пытаюсь войти в душ, полностью одетая, но отскакиваю, когда на меня попадает вода. — Блин! — Она обжигающе горячая. — Миллер, выключи воду!

— Я не могу этого вынести! — кричит он, хватая с пола бутылку с гелем и, сжав её в руке, выливает всё на себя. — Они пачкают меня! Я чувствую их даже сквозь одежду!

От его громких и четких слов у меня сжимается горло. Но это меня волнует меньше всего. Он сильно себе навредит, если я его оттуда не вытащу.

— Миллер, послушай меня, — я стараюсь говорить спокойно, но не получается сдержать волнительную дрожь в голосе.

— Я должен очиститься! Мне надо стереть с себя все их следы.

Мне нужно зайти и выключить душ, но даже отсюда вода ошпаривает.

— Выключи душ! — кричу, потеряв самообладание. — Миллер, выключи грёбаный душ! — Он игнорирует меня и, прекратив скоблить грудь, переходит к рукам, тогда я замечаю красные пятна, появляющиеся на его грудных мышцах. Это приводит мою тушу в действие прежде, чем я успеваю осознать степень боли, которую получу, Я уже в душе, в поисках контроля держусь за стену. — Блин, блин, блин! — кричу, когда меня со всех сторон атакует кипяток.

Я отталкиваю Миллера со своего пути, вырывая его из этого безумства, и лихорадочно закручиваю краны, чтобы остановить поток обжигающей боли, льющийся на нас с Миллером. Когда вода, наконец, перестаёт литься, я спиной прижимаюсь к стене, усталая, кожу щиплет от боли, а я жду, когда рассеется пар, открывая обнажённое, неподвижное тело Миллера. Он одеревенел. Нет ничего на лице, от которого замирает сердце, нет даже тени дискомфорта после стояния под кипятком гораздо дольше меня.

Подхожу к нему и нежным движением руки убираю с его лица волосы, попутно выдыхаю, сдерживаемый в легких воздух.

— Никогда больше не пытайся меня оттолкнуть, — предупреждаю его твёрдым голосом. — Я люблю тебя, Миллер Харт. Всего тебя.

Его измученные синие глаза медленно поднимаются по моему промокшему, тяжёлому телу и смотрят на меня с тоской.

— Как? — он шепотом задает простой, разумный вопрос. Этот мужчина сводит мою жизнестойкость к абсолютному максимуму. От бросает меня из всеобъемлющего отчаяния в всепоглощающее удовольствие. Он делает меня безрассудной, глупой, слепой... и делает меня сильной.

Я могла бы полюбить его только лишь за то, что он прикоснулся к моей душе.

— Я люблю тебя, — повторяю, не чувствуя необходимости объяснять это, даже Миллеру. — Люблю тебя, — шепчу. — Я не сдамся без боя. Я буду сражаться с каждым и выиграю. Даже с тобой. — Ладонью накрываю его затылок и притягиваю к себе, смотря, как он невидящим взглядом изучает моё лицо. — Я достаточно сильная, чтобы любить тебя. — Губами прижимаюсь к его губам, разжигая наше воссоединение, язык ласково пробирается ему в рот, и я добиваюсь его стоны, а потом он отстраняется.

— Я не мог так поступить, — говорит он тихо. — Не мог так поступить с тобой, Ливи. — Он поднимает меня, и я ногами обхватываю его бёдра, но, беспокоясь о его чувствительной сейчас коже, руки я держу на его плечах. И всё же, не могу удержаться, и лицом прижимаюсь к изгибу его шеи. Щекой прижимаюсь к его плечу и вдыхаю его запах, меня переполняет утешение, которое он даёт мне через прикосновения. Он не мог так поступить.

— Я хочу преклоняться тебе, — говорю ему в шею, моё теплое дыхание сталкивается с его разгорячённой кожей. Эта смесь почти нестерпима. Мне нужно напомнить ему, что у нас есть. Мне нужно показать, что я могу это сделать. Что *он* может это сделать.

— Здесь я преклоняюсь.

— Не сегодня.

Встаю на ноги и вывожу его из душа, подвожу к постели и толкаю на покрывало. Он вытягивается во весь рост и просто наблюдает, как я укладываю его конечности, пока не убеждаюсь, что ему комфортно. Потом я целую его невозмутимое лицо и оставляю немного передохнуть, пока сама набираю ванну. Удостоверяюсь, чтобы вода была только тёплой, и заглядываю в его возмутительно чистый шкафчик, аккуратно, так чтобы не испортить его идеальное расположение бутылочек, тюбиков и баночек, я перебираю их, пока не нахожу пену для ванн. Тот бардак, что я натворила в его гардеробной, как раз то, что может его надломить, но я разберусь с этим позже. Я не настолько наивна, чтобы думать, будто пикник в парке и поцелуй под дождём совсем стёрли навязчивые идеи Миллера.

Оставив ванну набираться, я снимаю мокрое платье и возвращаюсь в спальню, где принимаюсь собирать его разбросанную одежду, вероятно, единственную, что осталась у него в целости. Аккуратно всё складываю и стопкой оставляю на комод, поднимаю глаза, чувствуя, как взгляд синих глаз опалает мне кожу.

— Что? — спрашиваю, переминаясь под его пристальным взглядом.

— Просто думаю, как мило ты смотришься, убирая мою спальню. — Он переворачивается на бок и рукой подпирает голову. — Продолжай.

Боль продолжает стихать, и я улыбаюсь, от чего в его синих глазах загораются прежние искры. Знакомые и успокаивающие.

— Хочешь выпить?

Он кивает.

— Какие-нибудь предпочтения?

Качает головой.

Начиная хмуриться, иду к выходу из комнаты, и, оглянувшись, вижу, как он провожает меня пристальным взглядом, пока я не исчезаю из виду. Я тороплюсь, пробежав по коридору в гостиную, и останавливаюсь у шкафчика с выпивкой.

Хватаю низкий стакан, убедившись, что это один из тех, из которых обычно пьёт Миллер. А потом я поступаю действительно профессионально, закрыв глаза и махнув рукой, пальцем наугад указываю на бутылку скотча. Довольная своим случайным выбором, я наполовину наполняю стакан, при этом пролив немного.

— Дерьмо, — ругаюсь после того, как слишком неуклюже ставлю бутылку на место, лязгнув ей по другим бутылкам.

Сейчас я в отчаянии по другим причинам. Очаровательно, даже немного странно, учитывая, что мужчина в соседней комнате довёл эти действия до изящного искусства. Я нет.

Закатываю глаза и подношу стакан к губам, делаю глоток и тут же закашливаюсь от привкуса.

— О Боже! — поджимаю губы, сморщив лицо, и поднимаю стакан, с отвращением глядя на темную жидкость. — Гадость, — бормочу, разворачиваясь, и возвращаюсь к Миллеру.

Он по-прежнему лежит на боку и смотрит на дверь, когда я вхожу.

— Скотч, — объявляю я, поднимая со всплеском стакан жидкости, он глазами проходится по стакану и возвращается ко мне. Но ничего не говорит, продолжая молчать.

Я задумчиво иду к постели, удерживая его взгляд, и, подойдя к нему, протягиваю руку. Он не спеша поднимает мускулистую руку и забирает у меня стакан. А потом он до боли лениво моргает, так что мне приходится скрестить ноги, останавливая сильнейшую пульсацию внизу живота. Один только факт, что эти знакомые черты лица сейчас передо мной, доставляет удовольствие, не важно, специально он это делает или нет. Напряжение внутри вернулось, он, растрёпанный, рядом. Я вижу яркий свет надежды.

— Я наполнила ванну, — говорю, глядя, как он подносит к губам скотч и делает томный глоток. — Не слишком горячую.

Короткий момент он смотрит на стекло в своей руке, а потом, лениво облизнув свои восхитительные губы, заставляет меня плавиться.

— Иди ко мне, — вслед за своей просьбой он наклоняет голову, и я ложусь рядом с ним, позволяя ему притянуть меня к своей груди так, что одной рукой он держит выпивку, а другой перебирает мои волосы.

— У тебя костяшки на руках воспалились, — говорю, наслаждаясь своей зоной комфорта, даже с учётом того, что события, которые меня сюда привели, убивают нас.

— С ними всё в порядке. — Он губами прижимается к моей макушке и больше ничего не говорит. Я чувствую и слышу, как он то и дело отпивает скотч, и, радуясь такому с ним тесному контакту, всё же хочу осторожно вытянуть из него объяснения.

Я неохотно отстраняюсь от твердой и теплой безопасности его груди и беру его за руку. Он хмурится, но всё же позволяет мне помочь ему подняться и провести в ванную с выпивкой в руке. Гигантских размеров ванная наполнилась достаточно, так что я выключаю кран, после чего даю ему сигнал забираться. Он молча ставит свой стакан на ближайшую столешницу, и я, наконец, нахожу уместным провести пару тихих секунд, рассматривая его наготу, пока он стоит ко мне спиной. Очертания мышц на его спине резкие, выделяющиеся лучами света, который падает сверху вниз; а ягодичы его гладкой задницы крепкие, плавно

перетекающие в длинные, стройные ноги, а затем в идеальной формы икры. Не обращаю внимания на следы от ногтей. Этот безупречно сложенный мужчина абсолютно испорчен. Он повреждён, более чем, и верит в то, что ему уготован ад. Мне необходимо узнать, почему он так уверен в своей судьбе. Я хочу быть той единственной, что сможет изменить его участь.

Миллер разворачивается и мой взгляд, до этого счастливо рассматривающий его задницу, теперь в упор смотрит на кое-что еще, твёрдое и гладкое... в полной боевой готовности. Мой взгляд взлетает к искрящимся синим глазам на его бесстрастном лице. И я краснею. Почему я краснею? Щеки горят под его пристальным взглядом, и я переминаюсь босыми ногами, внутри всё пробивает вспышками настоящего, необузданного и неумолимого желания. Всё моё самообладание вылетело в трубу. Прежняя решительность сбита его пьянящим присутствием.

— Я хочу доставить тебе удовольствие, — выдыхаю, заведя руки за спину, и расстегиваю лифчик, позволяя лямкам соскользнуть по рукам, а лифчику упасть к моим ногам. Его взгляд опускается к моим трусикам, и я выполняю его молчаливую просьбу, не спеша их снимая. Теперь мы оба обнажены, его желание смешивается с моим, образуя крепкий коктейль, наполняющий тихий воздух между нами. Я киваю в сторону ванной. Либо это, либо я упаду на колени и буду умолять его доставить мне наслаждение в стиле преклонения Миллера, только мне необходимо показать ему, что я сильная, что я могу ему помочь.

Он облизывает губы в последней отчаянной попытке заставить меня содрогнуться. Использую всё свою выдержку, сохраняя стойкость, и снова киваю в сторону ванной. Его губы не улыбаются, зато улыбаются глаза. Он поднимается по ступенькам и опускается в пенистую воду.

— Окажешь мне честь присоединиться? — спрашивает он тихо.

Вместо ответа я не спеша поднимаюсь по ступенькам, выиграв время, чтобы просчитать наиболее выгодное положение и опуститься позади него. Кивком головы прошу его подвинуться вперед, что он и делает с едва заметной складкой между бровей, освобождая для меня пространство за собой. Расставив ноги, руками обвиваю его плечи и притягиваю его к своей груди. Его темные, мокрые пряди щекочут мне щеку, он кажется слишком тяжелым, несмотря на то, что вода облегчает его вес, но я обвиваюсь вокруг него, вдыхаю его, даря *своё*.

— Такое приятное чувство. — Его голос звучит ласково и низко. Умиротворённо.

Я согласно мурлычу, обнимая его плечи, лишая возможности сбежать, хотя и попыток-то нет. В ответ он расслабляется, откинув голову, и поглаживает мои икры, лежащие на его животе.

— Просто не будет, — его слова выходят на грани боли. Они сбивают меня с толку. Я ведь и так это знала.

— Просто не было и вчера, и позавчера, но в тебе был огонь бороться. Что изменилось?

— Проверка на практике.

Хочу заглянуть ему в лицо, но боюсь того, что могу увидеть в его глазах.

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторые решения я не в праве принимать, — он говорит тихо, нехотя. Напряжение в моем теле не скрыть, и я знаю, что он его почувствовал, потому что успокаивающе сжал мои икры. Не уверена, что Миллер сам покоен, поэтому его попытка с треском

проваливается.

Я пытаюсь понять, что бы это значило, и прихожу к единственному очевидному ответу.

— Поясни, — команду строго, так что он поворачивает ко мне лицо и нежно кусает меня за щеку.

— Как пожелаешь.

— Желаю, — подтверждаю я.

— Я цепями прикован к этой жизни, Оливия, — он не смотрит на меня, делая это шокирующее заявление, заставляя меня ласково накрыть ладонью его щеки и приподнять его лицо так, чтобы могла его увидеть, и всё это время в голове стучат слова Тони.

Снова использую его односложный приказ:

— Поясни. — А потом ласково целую его в красивые губы, надеясь вернуть ему хоть немного силы, которой он меня наполняет. Танец наших губ медленный, и я понимаю, что он будет делать это вечно, если я не разорву поцелуй, что и делаю. Вопреки желанию. — Расскажи мне.

— Я задолжал им.

Пытаюсь сохранять смелое выражение лица, но эти слова вселили в меня страх. Есть два вопроса, которые я должна задать в ответ на его заявление, и я не могу решить, какой из них должен быть первым.

— В чём ты им задолжал?

Он, моргнув, вздыхает с некомфортным чувством. Ощущаю, как он в процессе нашего разговора всё больше и больше упрямится, это очевидно. Односложные ответы — верный тому признак. Он заставляет меня спрашивать, вместо того чтобы самому поделиться.

— Они дали мне контроль.

Еще один непонятный ответ увеличивает пустоту, провоцируя дальнейшие вопросы.

— Поясни, — мой голос становится нетерпеливым, хотя я изо всех сил стараюсь этого не допустить.

Он отстраняется от моей ладони и отворачивается:

— Помнишь, я объяснял тебе свой талант?

Я плююсь на его затылок, желая напомнить ему о манерах:

— Да, — слово выходит медленным и настороженным, отчего его передёргивает.

— Мой талант заработал мне определённую степень свободы.

— Я не понимаю. — Запуталась еще больше.

— Я был обычным парнем-проституткой, Ливи. Я ничего не контролировал, и меня никто не уважал, — он взрывается, заставляя меня вздрогнуть. — Я сбежал из приюта в пятнадцать. Четыре года провёл на улицах. Там я и встретил Кэсси. В поисках крыши над головой вламывался в пустующие дома. Я проглатываю шок, чтобы не прерывать его, но он поворачивается и видит моё потрясённое выражение лица. — Ставлю на то, что ты бы никогда не подумала, что твой мужчина был профессиональным взломщиком.

Что он хочет мне этим сказать? Нет, не подумала бы, но я также не подумала бы, что он может быть в эскорте, наркозависимым... Я мгновенно останавливаю ход своих мыслей. Я могла бы перечислять ещё очень долгое время. А Кэсси? Она тоже была бездомной?

Миллер быстро улыбается и отворачивается от моего шокированного лица.

— Они нашли нас. Ввели в работу. Но я, ко всему прочему, был красив, я был хорош. Так что, они вытащили меня из низов и использовали самые мои ценные качества. Гламур и секс. Я делаю им баснословные деньги. Эксклюзив.

Всё во мне немеет, словно жизнь вытекает из моего тела, по мокрой коже ползут жуткие мурашки. Это происходит слишком часто. И я лишена дара речи. Вытащили из низов?

— Ты *мой* эксклюзив, — не могу придумать, что ещё сказать, кроме как заверить его в моих чувствах, заставить почувствовать себя больше, чем просто ходячей, разговаривающей машиной для получения удовольствий. — Ты мой особенный, но особенный, потому что красивый и любимый, а не потому что даришь мне крышесносные оргазмы. — Небрежно целую его затылок, крепче прижимая к себе.

— Но в этом тоже есть своя заслуга, так ведь?

— Ну... — я не могу этого отрицать. То, что он заставляет меня чувствовать физически, потрясающе, но это даже близко не стоит с тем, что он заставляет меня чувствовать эмоционально.

Он издаёт смешок, раздражая меня, не потому что здесь нет ничего смешного, а потому что я не вижу его улыбку.

— Можешь уже признать это, Ливи.

Поворачиваю его лицо к себе и вижу эту яркую мальчишескую улыбку.

— Ладно, да, но люблю я тебя по другим причинам, нежели чем за твои сексуальные способности.

— Но я хорош. — Улыбка становится ещё ярче.

— Самый лучший.

Его улыбка мгновенно исчезает:

— Тони звонил мне.

Я снова напрягаюсь. Каждой клеточкой. Камеры были выключены, но Тони видел меня. Он всё рассказал Миллеру? Я не уверена, хотя то, как Миллер сорвался той ночью у «Исе», могло с лёгкостью заставить его молчать. Миллер изучает меня, оценивая реакцию. Я должно быть выгляжу виноватой, как последняя грешница.

— Я...

— Не говори мне, — он отворачивается от меня. — Я, вероятно, захочу убить.

Мой взгляд мечется по ванной комнате, я мысленно благодарю всех богов за решение Миллера отключить все камеры. Ненавижу себя за такую реакцию и ненавижу то, что он всё знал наперёд. В попытке отмахнуться от чувства вины и мыслей Миллера я задаю свой следующий вопрос.

— А Кэсси?

— Я убедил их взять её со мной.

Хочу обидеться на него за эту просьбу, но сожаление останавливает.

— Эксклюзивность даёт мне силу, власть. — Он вздыхает. — Я сам выбираю клиентов, назначаю устраивающие меня встречи и устанавливаю свои собственные правила. Одно из них — не прикасаться. Им не надо было трогать *меня*, чтобы достичь своей цели, а мне осточертело быть вещью. Поцелуи — это очень личное. — Он снимает с себя мои ноги и поворачивается, нависая надо мной. Привычным движением руки убираю с его лба непослушную прядь волос. — Ощущать чей-то вкус — это личное. — Он подтягивается повыше и языком врывается в мой рот, со стоном нежно покусывает мои губы. — В секунду, когда я впервые ощутил твой вкус, я понял, что ввязываюсь, во что не должен. Но ты так чертовски хороша.

Я ногами обвиваю его бёдра, меня пробивает острое желание, а в голове вертится

вопрос, смогу ли я когда-нибудь его отпустить. Думаю, сейчас я понимаю его чуточку больше. Не считая нашей ужасной встречи в отеле, он никогда не делал ничего, кроме преклонения мне. Он позволяет мне прикасаться и целовать его. Он хочет близости со мной.

— Кто эти «они»? — спрашиваю напротив его рта. Непонятные слова Тони вдруг становятся ясными. Он знает. Знает, кто «они».

— Я скорее умру, чем представлю тебя им, — он прикусывает мою губу и пропускает между зубами. — Именно поэтому мне нужно, чтобы ты мне доверилась, пока я с этим разбираюсь. — Взгляд умоляющий. — Сможешь сделать это для меня?

— С чем разбираешься? — мне это совсем не нравится.

— Много с чем. Я прошу тебя, умоляю, не бросай меня. Я хочу быть с тобой. Всегда. Только ты и я. Мы. Теперь это всё, что я вижу, Оливия. Всё, чего я хочу. Но я знаю, что они сделают что угодно, чтобы забрать тебя у меня. — Подняв руку, он кончиками пальцев проводит по моей щеке, а подушечкой большого пальца поглаживает мою нижнюю губу. Он подотчётный кому-то — кому-то нехорошему. — Я задолжал им.

— Что задолжал? — Абсурд какой-то!

— Они забрали меня с улиц, Ливи. Им, им я обязан жизнью. Я делаю им очень большие деньги.

Не представляю, что сказать, и уж точно, не могу понять, как «они», кем бы эти *они* ни были, могут удерживать его в этом мире вечно. Пожизненные обязательства — это слишком высокая цена. Они не могут ожидать этого.

— Я ни с кем не занимался сексом с тех пор, как встретил тебя, Оливия. Скажи, что веришь мне.

— Я тебе верю. — Даже не колеблюсь. Я доверяю ему.

— Я знаю этих женщин. Не могу дать людям повод задавать вопросы. Не могу позволить им узнать о тебе.

Когда слова обретают смысл, появляется осознание, и внутри зарождается паника.

— Как же та женщина в «Quaglino's»? — Я помню её лицо: шок, восторг, а потом самодовольство. Он говорила, что не болтушка. Только я не верю.

— Я знаю слишком много грязи о Кристал, и она это понимает. Здесь беспокоиться не о чем.

Даже не собираюсь спрашивать, что это за грязь. Не хочу знать.

— Тони и Кэсси, — напоминаю ему. Я не доверяю Кэсси, ни капли.

— Мне нет нужды беспокоиться, — он абсолютно убеждён, и я не уверена, лучше мне от этого или хуже. Связан? Закован? Умрёт прежде, чем представит меня этим людям? Тони и Кэсси знакомы с этими людьми, и им известны последствия наших отношений.

Но сколько людей видели нас вместе? Мы были в клубе, в магазине и в парке. Взгляд мечется повсюду.

— Нас мог увидеть кто угодно, — мой голос звучит взволнованно, что нормально, потому что так и есть.

— Я ликвидировал последствия там, где было необходимо.

— Подожди! — смотрю на Миллера. — Тот раз, когда ты нашёл меня в больнице.

Он вспоминает, это понятно по выражению дискомфорта на его лице, и всё же я не даю ему шанса подтвердить это или опровергнуть.

— За нами следили, так ведь? Ты бросил машину и увёл нас в метро, потому что за нами следили. — Сколько же раз за нами следили? Сколько раз следили за *мной*? — Им уже

известно обо мне?

Миллер вздыхает:

— Есть признаки. Я был неосторожен. Показал тебя. Я думал... — он молчит несколько секунд, но ни к чему не приходит.

Признаки? Мне не нужны разъяснения. Мой наивный мозг всё прокручивает.

— Я разбираюсь со всеми, кто может что-то рассказать.

— Как?

— Не спрашивай, Оливия.

Я поджимаю губы, чувствуя себя обманутой.

— Та женщина видела меня в твоей квартире.

— Знаю.

— Так, что ты ей сказал?

Он вдруг отводит от меня глаза, так что я придерживаю его за подбородок и надуваю губы:

— Я сказал ей, что ты заплатила.

— Что? — Выдыхаю. — Ты сказал ей, что я клиентка?

— Ничего другого не оставалось, Оливия.

Качаю головой, не веря своим ушам. Я выгляжу так, будто способна платить за секс? Вздрагиваю, когда в уже измученной голове вспыхивают картинки тысячи долларов на обеденном столе.

— Что случилось после ухода Софии прошлой ночью? Что изменилось с момента возвращения в постель к утру? — Он абсолютно закрывается, без предупреждения и причин.

— Она кое-что сказала. Заставила меня слишком сильно задуматься. — Он выглядит пристыженным, и он чертовски прав, потому как точно за это не раз меня отчитывал. — Она указала на мои обязательства.

Обязательства? В моей чертовой голове вихрь мыслей.

— А сегодня что случилось? — Это я *обязана* знать. Сегодня, кажется, слишком много очевидных открывающихся мне истин, хотя Миллер, как будто, целенаправленно их умалчивает.

Он опускает глаза:

— Я сам себе ужаснулся.

— Почему?

— Если раньше с теми женщинами я был суровым, то теперь я могу быть по-настоящему опасным. Я могу им действительно навредить.

Я хмурюсь, приподнимая его лицо, и вижу в его глазах страх, он только подпитывает мой собственный.

— Почему?

Он делает глубокий, успокаивающий вдох и выпускает из легких весь воздух вместе со следующими словами:

— Потому что, глядя на любую из них, я вижу только причину, по которой не могу быть с моей сладкой девочкой. — Он даёт мне пару мгновений переварить его слова. Я знаю, что он имеет в виду. — Я вижу источник помех.

Я поджимаю губы, и без того воспалённые глаза наполняются слезами.

— Не могу рисковать, беря их, когда вижу только это. В итоге они умрут. Но, что важнее, я не могу поступить так с нами.

С моих губ срывается тихий вскрик, и он прижимается ко мне всем телом, окутывая со всех сторон, руками я изо всех сил вцепляюсь в его мокрую спину.

— Тебе нужно меня скрывать, — хнычу я, ненавидя холодную действительность жизни Миллера.

— Не хочу. — Он губами прижимается к моей шее и нежно посасывает кожу. — Но они всё усложнят, а я должен тебя защищать. Я пытался оставить тебя, знаю ведь, что должен уйти, но я слишком сильно тобой очарован.

Я улыбаюсь грустно:

— А я слишком очарована, чтобы тебе позволить.

— Я всё исправлю, Оливия. Просто не бросай меня.

Я чувствую в себе силы и решительность, и я отдам это Миллеру:

— Никогда, теперь я буду тебе поклоняться, — заявляю, поворачиваясь к нему лицом. Я не знаю, что впереди, и это пугает, но жизнь без Миллера *приводит* меня в ужас. У меня выбора, кроме как довериться ему и тем поступкам, которые он считает правильными. Он знает этих людей. Мне стоит бояться не только женщин. — Смакуя, без спешки, — шепчу я.

Он не спеша обращает ко мне своё лицо:

— Спасибо.

А потом он поглощает меня долгим, неспешным, чувственным поцелуем, наши языки мечтательно переплетаются, когда он, подняв меня, усаживает к себе на колени.

— Я хочу боготворить тебя, — бормочу ему в рот, чувствуя, как он переходит к своим штучкам поклонения.

— Твоя просьба услышана, — заверяет он, но не разрывает поцелуй, которым полностью руководит, руками очерчивая каждый дюйм моей спины. — И проигнорирована.

Он поднимается из воды вместе со мной и, крепко прижимая к себе, спускается по ступенькам, проходит по ванной комнате, на ощупь достает из шкафчика презерватив и направляется в спальню. Но он проходит мимо кровати, заставляя меня нахмуриться, пока он продолжает свою сладостную пытку языком. Мы быстро проходим по коридору, прежде чем Миллер открывает дверь в свою студию и вносит меня туда. Я улыбаюсь, согретая беспорядком и хаосом комнаты. Он, держа меня, берёт черный пульт и нажимает несколько кнопок, и, когда откуда-то начинает звучать «Demons» группы Imagine Dragons я практически теряю сознание.

— Боже, Миллер, — хнычу ему в рот, позволяя словам оседать глубоко внутри.

— Давай создадим совершенство, — выдыхает он, усаживая меня мокрой попой на стол, растянувшийся по всей длине стены. Чувствую, как телом сталкиваюсь с разными предметами, от чего они катятся по столу, только нет ужаса и спешки поставить всё на место.

Он разрывает наш поцелуй, оставляя меня задыхаться напротив его лица, когда он, приоткрыв губы, спиной укладывает меня на холодный стол. Холод жесткой поверхности едва ощутим мокрой, пылающей кожей. Я горю. Разведя мои ноги, он устраивается между нами.

— Мы можем? — спрашивает он, кончиками пальцев очерчивая мои соски, посылая к лону поток крови. Он действительно Особенный. Я могла бы кончить прямо сейчас.

Я киваю, резко вдыхаю, когда он сжимает один из моих набухших сосков, осторожно, но моя грудь сейчас чувствительная, изголодавшаяся по его прикосновениям.

— Я спрашиваю только один раз. — Голос дикий, он спрашивает серьезно, доставая

презерватив и раскатывая его, со стиснутой челюстью.

Я выгибаю спину и, пятками прижимаясь к его заднице, подталкиваю его к себе:

— Прошу, — умоляю, забыв про все свои намерения преклоняться ему.

Руками сжимаю края стола и крепко зажмуриваю глаза.

— Ты закрываешься от меня, Оливия, — он прикасается к соску, нежно сжимая его кончиками большого и указательного пальцев. — Ты знаешь, что я от этого чувствую.

Знаю, но он высосал из меня все причины. Я начинаю качать головой, отпускаю края стола и зарываюсь ими в свои мокрые волосы. Я теряю голову, и когда его рука опускается на внутреннюю часть моего бедра, мучительно кружа совсем близко к пульсирующему лону, я обозначаю своё отчаяние:

— Миллер! — Мышцы живота сводит, и я выгибаюсь, распластав руки, роняю все краски и кисти. Я слишком увлечена, чтобы беспокоиться, а Миллеру вообще плевать на добавившийся беспорядок, в его глазах блеск, излучающий победу. Я превратилась в содрогающееся месиво сокращающихся мышц и рваного дыхания. А ведь он еще даже не прикасался к моим самым чувствительным местам. Всё это слишком — его прикосновения, мои мысли... проникновенная песня.

— Я заставляю тебя чувствовать себя живой. — Он вводит в меня два пальца, и это действие выбивает из моих лёгких весь воздух. Я спиной вжимаюсь в стол, глядя в его спокойное лицо. Я могу сходить с ума от удовольствий, которые он мне дарит, но ничто не заменит этот проникновенный взгляд синих глаз, когда он смотрят на меня, извивающуюся от его прикосновений. Его глаза полуприкрыты, и каждый раз он моргает как всегда не спеша, целая вечность уходит на то, чтобы они закрылись и открылись вновь. — Я рождаю в твоей голове вопрос, как ты выживешь без моего внимания к этому потрясающему телу. — Не торопясь вытаскивая пальцы, он подушечкой большого пальца потирает пульсирующий клитор, а потом снова толкается в меня пальцами. — Кричи моё имя, Оливия, — командует он.

Почти невозможно держать глаза открытыми, зато *возможно* сдерживать крик. Я дохожу до кульминации. Меня всю пробивает током, руками в поисках опоры хватаюсь за уже пустую поверхность стола, когда, в порыве всепоглощающего наслаждения, весь воздух из меня выходит громким, пронзительным криком его имени. Он смотрит на меня, лицо по-прежнему бесстрастное, взгляд победителя, пока я в полной мере испытываю дрожь и неконтролируемую пульсацию вокруг его пальцев, которые всё так же во мне. Не вытаскивая их, он нависает надо мной, наклоняясь к моему лицу. — А я постоянно себя спрашиваю, как смог бы выжить без привилегии дарить тебе это внимание. — Он сладко целует меня в губы. — Особенно без этой части. — Я позволяю ему целовать меня, пока он продолжает ласково наполнять меня своими пальцами, помогая мне медленно спускаться с небес, лениво, признательно мурлыча мне в рот.

Я бы никогда не смогла так его боготворить. Я уверена, что не смогла бы подарить ему такие ощущения, такую безопасность и покой.

— Теперь я собираюсь не торопясь заниматься с тобой любовью. — Он носом потирается о мои волосы, а потом отстраняется от меня, открывая мою влажную кожу свежему воздуху студии. — Я покажу тебе, как сильно ты меня очаровала.

Я следую за ним взглядом, и мы просто смотрит друг на друга, когда он вытаскивает пальцы и вытирает их о свою нижнюю губу. А потом не спеша их облизывает. После он смотрит на меня. Долгое, долгое время. Его пристальный взгляд не доставляет мне

дискомфорта, но, как всегда, заставляет задуматься, что происходит в его сложной голове.

— О чем ты думаешь? — спрашиваю тихо, позволив себе кончиками пальцев пробежаться по его прессу.

Он следит за моим движением, позволив мне почувствовать его ещё немного, а потом берет мою руку и подносит к своим губам. Он, раскрыв мою ладонь, целует каждый пальчик, а потом кладет мою руку мне на грудь.

— Думаю, как мило ты смотришься на моём столе для рисования.

Я широко улыбаюсь, и он начинает двигать мою руку, заставляя подчиниться, и накрывает ею мою грудь. С губ срывается стон, и я вздыхаю, долго и умиротворённо.

— Ты везде смотришься мило. — Его свободная рука опускается к члену, и он стонет еле слышно, обхватывая своё возбуждение. Челюсть напрягается. — Ты просто слишком чертовски милая. — Опустив глаза, он прижимается к моему лону и проводит вдоль входа. Я начинаю выгибаться, провоцируя ещё одно мучительное, легкое как перышко прикосновения. Это всё слишком.

— Нет! — Я шокирую себя такой вспышкой, и взгляд Миллера взметает ко мне, обеспокоенный. — Не своди меня с ума, пожалуйста!

Потрясенный взгляд становится понимающим.

— Знаю, что тебе это доставляет удовольствие, но, прошу, не мучай меня, — это звучит безумно жалко, но мне, на самом деле, плевать. После сегодняшнего дня и всего, что случилось, мне совсем не нужны эти мучения и поддразнивания.

Ничего не говоря, он медленно погружается в меня, кладёт руки мне на бедра и слегка приподнимает их. Моё волнение пропадает, на смену ему тут же приходит искреннее, потрясающее чувство спокойствия. Рукой накрыв вторую грудь, я расслабляюсь и позволяю ему довести меня до экстаза — места, где не существует наших проблем и сомнений. Места где я навсегда хочу потеряться с Миллером Хартом. Его преклонением. Его губами. Его глазами. Его.

Его высокое, сильное тело не спеша толкается в меня, расчётливо, размеренно, мышцы перекачиваются с каждым движением бёдер, глаза внимательно за мной наблюдают, губы приоткрываются. Сейчас нет напряжения, нет ничего, кроме простого удовольствия, его талант дарить такое невероятное наслаждение быстро доведёт меня до безумия, тяжесть внизу живота уже растекается к самому центру. Хочу отсрочить этот момент. Хочу, чтобы это продолжалось и продолжалось, так что я стискиваю зубы и напрягаю мышцы, пытаюсь остановить неизбежное, ну или, по крайней мере, отсрочить.

Его пристальный взгляд не помогает. Так же, как и рельефное совершенство его тела. В частности, каждое из вызывающих привычку качеств Миллера сильно. В совокупности они убийственны.

— Люблю наблюдать за тем, как это тело пытается бороться с неизбежным. — Его ладонь отпускает моё бедро и обхватывает мою шею, медленно спускаюсь вдоль центра груди к животу. Я довольно стону, выгибая спину, пока он продолжает наполнять меня, ему, кажется, легко даются размеренные движения, я же на грани того, чтобы прекратить сдерживаться. — Люблю чувствовать, как напрягается каждая твоя мышца. — Он кончиками пальцев вырисовывает круги по центру моего живота, и я хнычу, заставляя себя не отводить от него глаз, хотя, на самом деле, хочу запрокинуть голову и кричать его имя. — Особенно здесь. — Он отстраняется и с силой вколачивается в меня, его рука возвращается на моё бедро и замирает, я же сдерживаю свой крик. Теперь, он тоже задыхается, непослушные

волосы взмокли. — Это работает, Ливи? — спрашивает он игриво, уже зная ответ.

— Ничто не помогает. — Я извиваюсь под ним, мои руки отпускают грудь и падают по сторонам. Я снова что-то ударяю, но на этот раз чувствую влагу и, посмотрев в сторону, вижу свою руку, испачканную в краске и опрокинутую баночку с водой. Темная дорожка воды бежит по столу прямо ко мне. — О Боже! Миллер! — Я поднимаю руки и хватаюсь за его предплечья, ногтями впиваясь ему в кожу. Его челюсть сжимается, выражение лица искажается, а голова запрокидывается. Только взгляд меня не отпускает. Дыхание замирает, чувствую, как искры внутри живота взрываются и приближаются к центру.

Отдаю должное его продолжительному, чёткому ритму. Неторопливые толчки. Неспешные движения назад. Неторопливые толчки. Всё медленное и такое расчётливое.

— Как? — стону, эта загадка пробуждает в моём спутанном сознании раздражение. — Как ты можешь так себя контролировать?

Он передвигается, принимая более устойчивое положение, берёт меня за руки, переплетая наши пальцы, и наклоняется ко мне.

— Благодаря тебе. — Его руки как канаты, с каждым толчком несильно подтягивают меня к себе. Я кусаю губы, принимая удар за ударом. — Хочу бережно хранить каждый, проведённый с тобой момент. — Его сильные руки напрягаются и поднимают меня, он погружается в меня глубже, его крик, мой стон. Мы с ним сталкиваемся, и он замирает, давая мне привыкнуть к невысказанно глубокой наполненности. Он дышит мне в лицо, тяжелыми, рваными, полными удовольствия вдохами. — Я чувствую твой вкус и хочу наслаждаться каждой секундой в тебе. — Его губы захватывают мои в жадном поцелуе, он с прежним темпом толкается в меня. — Боже, Оливия, хотел бы я дни и ночи напролёт предаваться тебе. — Мягкость его потрясающих губ с новыми толчками теряет свою нежность, теперь поцелуй становится развратным.

Вожделение к моему сбивающему с толку, временами джентльмену, умножается. Но его притупляет наша действительность. Он не может посвящать мне все дни и ночи. Он связан, и это делает меня невероятно беспомощной.

— Однажды, — выдавливаю слова сквозь наш чувственный поцелуй, оторвавшись от него и куснув его за губу, после снова переплетаюсь с ним языками и прижимаюсь к нему грудью.

— Скоро, — говорит он, несильно наклоняя мою голову, и губами прижимается к моему горлу, посасывая влажную кожу. — Я обещаю тебе. Я не сдамся, — шепчет он в изгиб моей шеи, ласково целует, прежде чем побудить меня отстраниться от безопасности его груди. Он смотрит на меня, наполняя меня решительностью и силой. — Я не потеряю нас.

Я киваю, а потом позволяю ему уложить меня обратно на стол. Он отпускает мои руки и тянется за чем-то в стороне от меня, берёт что-то и кладет руки мне на живот. Я опускаю глаза и вижу кончик его указательного пальца, испачканный красной краской. Смущённая, я смотрю ему в лицо, а он сосредоточен на моем животе. Потом он медленно пальцем проводит по моей коже, возобновляя движение бёдер, воскрешая томительное удовольствие. Меня трясёт и накрывает колоссальной волной удовольствия при виде сконцентрированного на своей задаче Миллера и ощущении его непринуждённых толчков.

Он спокоен и нетороплив в обоих своих действиях, рисуя на моём животе и занимаясь со мной любовью. Но я попадаю в цейтнот.

— Миллер, — выдыхаю, выгнув спину и стиснув кулаки. Я, закипая, балансирую на краю.

— Люблю чувствовать тебя, — шепчет он и, дёрнувшись, вырывает крик из меня и дикий рык из себя. — Твою пульсацию вокруг меня, — задыхается он. — Чёрт поberi, Оливия!

— Прощу! — умоляю, в голове начинает стучать, меня бросает в водоворот невероятных ощущений. Мне не сбежать. Я разобьюсь на мелкие осколки. Он обеими руками хватает меня за бедра, насаживая на себя, не безумно жёстко, просто сильнее его размеренной тактики. — О-о-о...

Я отчаянно стараюсь собраться, отыскать в пучине наслаждения хоть немного контроля так, чтобы увидеть его лицо, когда он кончает. Смотрю на него, всё плывет, когда он запрокидывает голову, челюсть вот-вот хрустнет от силы, с которой он стискивает зубы. Теперь наши тела ударяются друг о друга, каждый удар — взрыв удовольствия.

И это происходит.

С нами обоими.

Миллер вколачивается в меня с рыком, останавливаясь глубоко во мне, и я выкрикиваю его имя. Взрываюсь. Перед глазами всё расплывается, спазм внутренних мышц такой же сильный, как дрожь тела.

— Боже, — делаю долгий, удовлетворенный вдох, наконец, возвращая себя что-то близкое к нормальному зрению, и вижу его вздымающуюся грудь и покрытое испариной лицо. Взглянув на свой живот, замечаю изгибы нескольких линий, но его ладонь быстро накрывает буквы и стирает их, повсюду размазывая краску, слова теперь превратились в большое красное пятно.

А потом он прижимается ко мне всем телом, найдя своими мои губы.

— Я стер их. Мне жаль. Мне так чертовски жаль. — Даря моим губам особое внимание он обволакивает меня. Тело. Губы... Сердце.

Я улыбаюсь и лгну к нему, обнимая, и отвечаю на поцелуй.

— Здесь были чувства, — произношу ему в рот. Дело было в их отсутствии на той встрече с наказывающим эскортом, не в том, как жёстко он брал меня. В том, каким нелюбящим и отстранённым он был.

Он прячет лицо в изгибе моей шеи:

— Я сделал тебе больно?

— Нет, — заверяю его. — Единственная боль, которую я чувствую, приходит, когда мы не вместе.

Он медленно поднимается, открывая свой испачканный краской торс.

— Мы только что нарисовали совершенство, сладкая.

Я улыбаюсь, вздохнув:

— Помурлычь мне.

Он отвечает мне той же улыбкой, даря одно из своих самых своих красивых выражений лица.

— Буду, пока есть воздух в моих лёгких.

Глава 26

Идеальная чашка кофе была бы сейчас очень вовремя, но я вряд ли справлюсь без прославленной кофе-машины, а выходить сейчас из квартиры без Миллера не самая лучшая идея.

Я стою на кухне в трусиках и одной из черных футболок Миллера и глазами сканирую всю столешницу в поисках чайника... и не нахожу. Фактически, я там мало что вижу — нет тостера, разделочной доски, кухонных полотенец, вообще никакой кухонной техники, если уж на то пошло. Всё подходящее пространство свободно от всего. Решив, что Миллер со своей навязчивостью чистоты всё *убрал*, я в поисках чайника начинаю открывать все шкафчики. Прохожусь по рядам полок и встроенных шкафчиков, открывая все по очереди и всё больше и больше выходя из себя. Всё содержимое расставлено слишком идеально, и всё же я быстро проверяю, что в каждом из них. Я по-прежнему не нахожу чайника. Хмурясь, я закрываю последнюю дверцу и пальцами начинаю стучать по пустой поверхности стола, но от загадки отсутствия чайника меня отвлекает сильное покалывание кожи. Пальцы замирают, и я улыбаюсь, продолжая стоять спиной к двери, покалывание перерастает в приятные вспышки внутри.

— Бум, — шепчет он мне в затылок, от чего каждое моё нервное окончание взрывается. Сильные руки забираются под футболку и, накрыв мою талию, разворачивают меня. Теперь я стою лицом к обнажённому, сонному Миллеру. — Доброе утро, — его губы шевелятся так же сонно, тут же гипнотизируя меня.

— Доброе.

Он улыбается, наклоняясь и захватывая мои губы.

— Я только что был немного шокирован, — произносит он мне в губы, целуя между словами.

— Чем?

— Заглянул в свою гардеробную. — Он отстраняется и смотрит, как я поджимаю губы, меня накрывает волной стыда и вины. О Боже, он... спокоен. Я расслабляюсь, но меня настораживает его реакция на разорванный в клочья гардероб. Он наклоняет голову. — Хотя, полагаю, теперь это больше похоже на лавку старьевщика.

— Я всё заменю, — обещаю искренне, а сама думаю, что, возможно, даже счёт, оставленный мамой, не покроет стоимость. — Прости.

Он рукой забирается под мои волосы и, прижав ладонь к затылку, тянет меня к себе, пока губами не прикасается к моему лбу.

— Уже простил. Что-то ищешь?

— Чайник, — отвечаю, заглядывая ему в глаза, поражаясь его спокойствию.

— У меня его нет.

— Тогда, как ты готовишь горячие напитки? — ладонями провожу вверх по всей длине его рук и останавливаюсь на плечах, как раз когда он усаживает меня на столешницу.

Он не отвечает, вместо этого оставляет меня сидеть на столешнице, а сам отворачивается к раковине. Мне любопытно, но не настолько, чтобы заставить себя смотреть, что он делает, намного приятней наблюдать за потрясающим видом его задницы, мышцы которой сокращаются с каждым его шагом. С довольной улыбкой я задумчиво наклоняю голову, а потом он разворачивается, и вот я уже лишена этого зрелища.

— Земля вызывает Оливию, — от его ласкового голоса я глазами медленно скольжу вверх по его торсу, в конце концов, встретившись с полным понимания намёком на улыбку. Он кивком головы показывает, куда мне следует посмотреть, и я вижу, как он нажимает кнопку на хромированном, ультрасовременном кране. Из головной части тут же начинает клубиться пар. — Постоянно кипящая вода.

Я, опустив руки на колени, закатываю глаза.

— Так аккуратно, — насмешливо бормочу я. — Готова поспорить, ты был безумно рад, когда эту штуку изобрели.

В попытке сдержать улыбку он поджимает губы.

— Это чертовски хорошая идея, согласна?

— Да, для помешанных на чистоте, таких же, как ты, тех, кто ненавидит беспорядок, идея идеальна.

— Дерзить не обязательно. — Он выключает воду и тут достаёт из-под раковины тряпку, вытирая капли воды, появившиеся в результате демонстрации. От моего внимания не ускользает, что он решил не замечать моего намеренного упоминания об одержимом компульсивном расстройстве, я не утруждаю себя заметить, что причины для дерзости есть, вместо этого я просто продолжаю его подстрекать.

— Я тобой горжусь, — говорю ему, как ни в чём не бывало, с интересом осматривая пространство кухни и понимая, что он будет смотреть на меня с любопытством.

— В самом деле?

— Да. Ты усадил меня на свою столешницу, придав ей немного неряшливый вид, и подверг себя риску. — Обращаю свой взгляд обратно на обнажённый, пылливый силуэт Миллера.

— Я довольно хорош в оценке и снижении рисков, — он делает несколько шагов ко мне, взгляд становится голодным. — Но мне хотелось бы знать, в чём заключается риск моего поступка.

— Справедливо, — согласно киваю, заставляя себя не опускать глаза ниже уровня его шеи. По его затуманенному взгляду, понимаю, что он возбуждён. Если увижу доказательство, то сдамся, а мне слишком нравится над ним подтрунивать. — Я расскажу тебе про риск.

— Будь добра, — шепчет он низким, глубоким и соблазнительным голосом. Мои соски твердеют.

Я медленно снимаю футболку и ставлю босые ноги на стойку, опускаюсь на спину, так что оказываюсь распротёртой по всей длине мраморной поверхности. Сложно сохранять спокойствие с обнажённым Миллером в непосредственной близости, и ещё сложнее, когда кожу холодит мрамор. Сдерживаю шокированный вдох и поворачиваюсь к нему лицом.

Он улыбается, и это выбывает из моих легких сдерживаемый до этого воздух, так что я разделяю его радость.

— Мне это риском не кажется. — Его взгляд медленно скользит по всей длине моего тела сверху вниз и обратно. Похоть в его глазах словно кувалдой пробивает меня между ног. Извиваюсь под его очевидной решимостью, что источает каждая клеточка его тела. — Скорее возможностью.

Закусив нижнюю губу, слежу за его шагами ко мне, пока он не нависает надо мной.

— Согни колени, — командует он ласково, и я сильнее кусаю губу. — Сейчас же, Оливия. — Это авторитарный тон — всё, что требуется. Во мне больше нет ни скромности, ни сопротивления, ни сдержанности. Согнув колени, я пятками упираюсь в края столешницы, меня накрывает чувство предвкушения его прикосновений. Меня всю пробивает дрожь. Он пальцами подцепляет резинку моих трусиков и не спеша тянет их вниз по бёдрам, побуждая меня приподнять ноги. Маленький кусочек хлопковой ткани аккуратно сложен и отложен в сторону, прежде чем его ладони ложатся на внутреннюю сторону моих бёдер и раздвигают мои ноги. Я жадно глотаю воздух и в ожидании его следующего действия закрываю глаза. — Пальцы или язык?

— Мне всё равно, — я задыхаюсь. Приму всё. — Просто прикоснись ко мне.

— Ты как будто в отчаянии.

— Так и есть, — признаюсь, не чувствуя ни капли стыда. Он доводит меня до грани желая и отчаяния, а потом дразнит и мучает меня своими первоклассными «преклоняюсь» штучками. Это одновременно мучительно и восхитительно.

— Пальцы, — решает он и подушечкой большого пальца проводит вдоль моей разгорячённой плоти. Яростно выгибаю спину и кричу. — Так я смогу поцеловать тебя, если решу.

Открываю глаза и вижу его, одной рукой упирающегося в поверхность надо мной, его лицо совсем близко, а лоб щекает непослушная прядь его волос. Я молчу и изнываю в мучительном ожидании нового прикосновения, пока он сканирует моё лицо. А потом это происходит, и я, не подумав, в поисках его губ приподнимаю голову. Только один его палец наполовину во мне, и мои жадные мышцы, сокращаясь, изо всех сил стараются держаться за него, но он убирает его и разрывает наш поцелуй. Я в отчаянии хнычу, опуская голову обратно на столешницу, задыхаясь и дрожа.

— Не ты здесь решаешь, сладкая, — предупреждает он игриво, испытывая моё терпение.

— Ты всегда говоришь, что сделаешь всё, что я захочу, — использую против него его же обещание, хотя и прекрасно осознаю, что оно не относилось к сексу.

— Согласен. — Он приближает ко мне свои губы максимально близко, но не касаясь. — Только ты не сказала, чего хочешь.

— Тебя. — Не колеблюсь.

— Я уже твой. Скажи мне, что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал. — Он, как всегда, решителен в своих заявлениях, отчего у меня на щеках вспыхивает румянец, а я обдумываю сказанное. Он хочет инструкций? — Давай же, Ливи. Воспринимай это как план поддержания оценки и уменьшения риска. — Есть в его голосе тень насмешки, что только увеличивает мой румянец и *распалает* мою дерзкую сторону. Так что, с долгим, придающим уверенности вдохом, я хватаюсь за эту дерзкую себя и держу её обеими руками, стараясь, чтобы она из меня не вырвалась.

— Войди в меня.

— Как? — спрашивает он хладнокровно.

— Пальцами, — выдыхаю, тут же понимая, что он хочет не просто инструкций. Он жаждет точных, пошаговых команд.

— Оу, ясно. — Он хорошо скрывает своё веселье, смотря вниз на свою руку, остановившуюся между моими бедрами. — Не должен ли я сначала проверить твоё, — он замолкает и секунду раздумывает, — состояние?

Чёрт бы его побрал! Внутри растёт раздражение, я сама готова сделать всю работу, если он не готов.

— Миллер, пожалуйста. — Я окунаюсь в темноту, в отчаянии закрыв глаза. Меня разрывает чувство потребности, тяжесть внизу живота увеличивается, начиная дико пульсировать.

— Сфокусируйся, Ливи. — Как только я пытаюсь сжать ноги, уменьшив пульсацию, он снова их раздвигает.

— Благодаря тебе это слишком сложно! — Стону, тщетно извиваясь. На плечи ложатся две большие ладони, удерживая меня, и я, открыв глаза, лицом к лицу встречаюсь с

победным блеском в глубокой, довольной синеве его глаз. Я инстинктивно поднимаю руку и хватаю его за волосы, недовольно сжимая их.

Эффект нулевой. Он убирает от своих волос мои пальцы и опускает их на мой живот, с серьезным выражением лица предупреждая стиснув руку.

— Люблю твою дерзость, — шепчет он, дразня меня своими губами, флиртуя, и, хотя знаю, что поцелуй, от которого замирает сердце, я не получу, моё тело реагирует и приподнимается в тщетной попытке поймать его губы.

— Хочешь почувствовать мой вкус? — шепчет он, позволив лишь легкое соприкосновение наших губ, но лишив меня полного контакта. — Хочешь поглощать меня и теряться во мне целую вечность?

— Да! — моё недовольство растёт по мере того, как он продолжает отказывать мне в контакте, которого я прошу.

— Помнишь, кто может утолить эту всеобъемлющую потребность?

— Ты, — стону, ерзая от короткого прикосновения его пальцев к моему лону.

Он неожиданно от меня отстраняется, его самодовольное выражение перерастает во что-то другое. Не уверена, что это. Могу сравнить это только с чувством гордости. Он выглядит так, как будто открыл месторождение золота. Для кого-то другого его лицо безэмоциональное, пустое... ничего не выражающее, но для меня в нём миллион слов счастья. Миллер Харт счастлив. Он удовлетворён. И я точно знаю, что *такого* никогда не случилось в прошлом Миллера.

— Я не хочу быть мужчиной, просто даю тебе сногшибательные оргазмы.

Моё довольство и мечтательность прерваны его заявлением, и я тут же замечаю, что искры гордости его глазах гаснут. Я сбита с толку:

— Ты постоянно это говоришь, — возражаю тихо, желание во мне стихает от его неуверенности. Я клялась заставить его почувствовать себя гораздо более значимым, чем просто ходячей, говорящей машиной для удовольствий, к тому же, он, кажется, счастлив получать похвалы во время наших интимных сцен. Он требует их, доводя меня до безумия и заставляя меня умолять. Он этого заслуживает, клянусь Богом, ему нужно вручить медаль, но я никогда, ни на секунду не задумывалась о том, что могу заставить его чувствовать себя использованным. Ему нравится, когда я прошу его прикосновений. От этого он чувствует себя желанным. Нужным.

Всё во мне умирает, когда в голову приходит мысль, что он вбивает это в головы всем женщинам, с которыми спит. Говорит ли он им все эти убедительные слова? Вероятно. Это его работа. Дарит ли он им столь же потрясающие ощущения, какие дарит мне? Знаю, что дарит.

В запале он мрачен и обжигающе горяч, когда вооружён ремнём и кроватью с балдахином.

— Ты выражаешь такую страсть всем женщинам, которых берёшь? — Меня шокирует собственный вопрос, особенно учитывая то, что я рассчитывала подумать об этом молча. Моё подсознание жаждет ответа.

— Всё, что ты получаешь от меня, инстинктивно, Оливия Тейлор. Я никогда раньше не был очарован. И никогда раньше не отдавал всего себя. Ты же получаешь меня целиком. Каждую испорченную частичку меня. И каждую секунду каждого дня я молю о том, чтобы ты никогда не сдалась относительно нас, даже если я сдамся. — Он губами прижимается к моим губам и терзает их, кажется, целую вечность, наполняя меня силой, распаявая мою

любовь. — Удержи меня в этом прекрасном, светлом месте рядом с тобой. — Он отпускает меня и пробивает полным мольбы взглядом. — Не дай мне провалиться обратно в темноту, умоляю.

Я перевариваю его слова, парализованная ясным взглядом синих глаз. Признание в чувствах, такое четкое выражение себя должно было только укрепить мою решимость. Но в его заявлении я услышала отрицательное. *Даже если я сдамся.*

Меня слишком ранили недавние поступки Миллера. Правильные слова неправильных людей могут сбросить его обратно во мрак, и только моя сила сможет его вытянуть.

— Прикоснись ко мне, — командую я ласково, — пальцами. — Беру его руку и направляю её к точке между моих бёдер. — А потом войди в меня и двигайся не спеша.

Он кивает в молчаливом понимании и рукой облакачивается о стойку, когда меня обжигает его прикосновение. Дыхание перехватывает.

— Позволь мне ощутить твой вкус, — шепчет он, сближая наши лица.

Отвечаю на автомате, нет нужды в раздумьях, я приподнимаюсь и со стоном сплетаю наши губы, руками обнимаю его за шею. Каждая моя мышца напряжена в предвкушении, ноги раздвинуты еще шире, готовясь принять как можно больше его. Его движения неспешные, расчётливые, два пальца идеально скользят по плоти, изысканно меня распаяя. Я не дышу, по мере нарастания удовольствия углубляю поцелуй.

Я выдыхаю, посасывая его нижнюю губу, после роняя голову обратно на столешницу.

Его глаза прикрыты, рваное дыхание в такт моему собственному, он не прекращает уверенных движений пальцев по моей пульсирующей плоти.

— Боже, Оливия. — Он обессилено опускает голову, в конце конов, пальцами раздвинув мою плоть, осторожно опустившись на меня всем своим весом, со стоном заполняет меня.

Я выгибаюсь с безумным криком:

— Миллер!

— Блять! Люблю слышать, как ты кричишь моё имя. — Он отстраняется и снова заполняет меня, сила его движений очевидна не только от моих непрекращающихся криков и стонов, но и от резкости черт его лица. Я борюсь с желанием закрыть глаза, отчаянно стремясь потеряться в темноте наслаждений, но еще отчаянней желая видеть его. Есть нечто удивительное за пеленой мрачного желания его пьянящих глаз, но я теряю этот потрясающий вид, когда он наклоняется и теплотой рта терзает мой чувствительный сосок. Это отправляет меня в чувственный перегруз. Меня начинает трясти.

— О Боже! — Мои руки в его волосах сжимаются в кулаки, прижимая его к моей груди, бедра приподнимаются навстречу давлению его пальцев. Все нервные окончания бесконтрольно вибрируют, голова мечется из стороны в сторону, мысли разбросаны. Чувствую, как приближается оргазм, удовольствие, захватившее каждую клеточку тела, собирается в одной точке, готовое взорваться. И благодаря укусу соска и движению сильных пальцев глубоко во мне это происходит.

Земля перестаёт вращаться вокруг своей оси. Жизнь останавливается. В голове туман. Слышу отдалённый звук рычания и, как только перебарываю первоначальный натиск дичайшего удовольствия, я устало поворачиваю голову и вижу Миллера, он стоит в полный рост и смотрит, ласково поглаживая меня между ног, снимая моё напряжение. Его толстое, пульсирующее возбуждение гордо стоит в паху.

Я ничего не говорю, преимущественно потому, что у меня нет сил, но я все же поднимаю руку и, проведя по всей его длине, подушечкой большого пальца снимаю каплю

смазки, сочащуюся из головки. Миллер шипит, мышцы торса заметно сокращаются, пока он пытается совладать с моим прикосновением. Он беспрестанно пульсирует, и я прямо вижу, как колотится сердце у него в груди. Хватает всего одного ласкового движения моей руки по нему, чтобы заставить его кончить. Он убирает мою руку и, придвинувшись ко мне, со стоном изливается мне на живот. Меня накрывает его тепло, и от этого я расслабляюсь, спиной прижимаясь к мрамору, глазами впитывая этот потрясающий вид. Я плыву в волшебной долине совершенства.

— Засыпаешь? — ушей касается его грубоватый голос, и я мурлычу, закрыв глаза. Он осторожно убирает руку от моего лона и кладёт её на мой живот. А потом он размазывает по мне своё семя, повсюду от груди до ног. Я испачкана. Более безразличной по этому поводу быть невозможно. Он наклоняется и целует меня в губы, побуждая открыться ему. Позволяю ему со всей внимательностью терзать мой рот. Я могла бы уснуть прямо здесь на этой массивной столешнице.

— Давай же. — Он поднимает меня в сидячее положение и устраивается между моих ног, всё это время не разрывая наш поцелуй. Я обнимаю его за плечи и он, обхватив меня за ягодицы, подтягивает к себе. — Можешь помочь мне приготовить завтрак.

— Могу? — выпаливаю, отчего он отстраняется, пытливо хмурясь. Навела бардак на его столе, с его одеждой... с собой. И теперь я могу помочь ему приготовить завтрак на его идеальной кухне, где всё расставлено с военной точностью? Не уверена, что готова к этому и, положа руку на сердце, с учётом степени его помешанности, меня эта перспектива пугает.

— Только давай не будем придавать этому слишком большое значение, — предупреждает он.

Это большое значение. Огромное.

— Ты сам можешь приготовить, — предлагаю, чувствуя небольшое потрясение. Он и так уже столько мне дал. Не хочу испытывать судьбу.

— Так просто тебе не отвертеться. — Он едва уловимо целует меня в щёку, ставит на ноги и, развернув в своих руках так, что я спиной прижимаюсь к его торсу, кладет подбородок мне на плечо. — Но сначала быстро умыться.

Он ведёт меня вперёд с руками, прижатыми к моему животу, шаг за шагом, пока мы не останавливаемся у раковины, и он не включает кран. Он смачивает полотенце, выдавливает немного жидкого мыла и тщательно обтирает мой живот, а потом, встав на колени, обтирает мои ноги. Всё, что я могу делать, это стоять и глотать собственный стон.

Намылив наши руки вместе, он тянется через меня и моёт раковину, я же просто наблюдаю за ним с улыбкой.

— К холодильнику, — шепчет он, нежно подталкивая меня, и вот мы стоим перед огромными зеркальными дверцами. Нагота Миллера скрыта. Но не моя. — Потрясающий вид. — Он, не отводя взгляда, кусает меня за плечо и рукой скользит вниз по моему животу к местечку между ног. Я перестаю дышать и, с едва слышным писком, щекой прижимаюсь к его лицу. — Такая тёплая и притягательная, — шепчет он, а потом языком пробегает по оставленной им у меня на плече отметине, сразу четырьмя пальцами проводит по моей влажности. Это движение на чувствительной коже вызывает у меня стон, я замечаю, как темнеет его взгляд. — Ты всё ещё пульсируешь, сладкая.

Бёдрами толкаюсь в пах Миллера, вырывая из него похожий на мой собственный, полный похоти звук.

— Ты хотел меня покормить, — напоминаю ему, довольно глупо. Я всегда предпочту

еще больше сеансов его обожания рутинной необходимости принимать пищу.

— Верно, но не обещаю, что не воспользуюсь одним из твоих самых притягательных состояний, пока мы готовим завтрак. — Он пальцами кружит вокруг клитора, усиливая пульсацию.

Боже, помоги мне!

— Миллер, — я зажмуриваюсь, отодвигаясь, тело само перемещается, стараясь избежать его невероятно искусных прикосновений.

Он губами прижимается к моему уху:

— Я могу привыкнуть готовить нам еду с моей привычкой, тесно прижатой к моей груди.

Если так случится, мы, наверное, никогда не будем есть. Моя потребность в нём разрушительна, и я заставляю себя развернуться.

Только ничего не выходит.

— Нет-нет-нет, — его ладонь прижимается к мягкой коже моего живота и не спеша перемещается вверх, пока пальцы не замирают в уголке рта. Наши взгляды прикованы друг к другу, когда он оставляет на моих губах мою же влажность. — Оближи.

Тогда как его приказ должен был заставить меня пристыжено съежиться, он, наоборот, лишь распалает моё желание. Я следую его команде, губами не спеша захватывая его пальцы, всё это время он удерживает меня на месте, скорее жадным взглядом, чем своей сильной рукой.

— Вкусно, согласна?

Я киваю, хотя более склонна думать, что кожа под влажностью гораздо вкуснее.

— Пока достаточно, — он убирает пальцы и ладонями проводит вниз по моим рукам, пока не накрывает тыльные стороны моих ладоней. — Это может занять некоторое время.

— Только если ты не можешь держать при себе свои руки, — отвечаю тихо, желая, чтобы мне не надо было идти на работу, и мы могли бы весь день готовить завтрак.

Он поднимает наши руки и переплетает пальцы так, чтобы мы могли вместе открыть дверцу холодильника.

— Ты бы этого не хотела, так что это бесполезный спор.

— Согласна. — Стою перед содержимым холодильника Миллера и вижу полки аккуратно расставленных продуктов — в основном фрукты или какая-то здоровая пища, плюс бутылированная вода. Он протягивает наши руки к контейнеру с клубникой, и я улыбаюсь. — Шоколад на завтрак?

— Это было бы чрезвычайно вредным.

— Так что же?

Он прикусывает мочку моего уха, вытаскивая ягоды из холодильника.

— На завтрак у нас будет клубника с греческим йогуртом.

— Звучит не так вкусно, — бормочу, а еще я готова поспорить, что он обезжиренный.

Он ничего не говорит в ответ, но то, как поджаты его губы, даёт мне понять, что дальше лучше не спорить. За лёгким толчком его бедёр мне в поясницу следует наше синхронное отступление от холодильника. Его глаза приклеены к моему отражению, исследуя каждый обнажённый участок, так продолжается до тех пор, пока ему не приходится нас развернуть. Мы перемещаемся по кухне, как одно целое, из одного шкафа берём разделочную доску, из другого две миски, сито из третьего, и, наконец, из ящика достаём пару ножей, после чего всё необходимое расставлено на столешнице. Наши руки работают вместе, и, хотя все

действия спровоцированы Миллером, я рада, потому что так я не сделаю ничего неправильного. Он, забывшись, мурлычет мне на ушко свою мелодию, он кажется таким умиротворенным, и это ощущение согревает меня изнутри. Он так счастлив и доволен, как будто я, готовящая завтрак по его стандартам и следующая за *ним*, могу быть самой удовлетворительной вещью в мире. Для Миллера это, может быть, так. Он помогает мне взять нож и, накрыв мою руку своей, берёт клубнику и раскладывает её на разделочной доске. А потом, руководя моей рукой, он поднимает нож и проводит лезвием по плоти, отрезая стебель. Он отодвигает стебли в одну сторону, разрезает сочные ягодки пополам и, оставив на моей щеке полный любви поцелуй, он выкладывает ягоды в сито.

— Идеально, — хвалит он, как будто это не он только что руководил проделанными нами просчитанными действиями, вплоть до орудования ножом. Но если благодаря этому совершенный мир Миллера продолжит вертеться вокруг идеальной оси, я с радостью соглашусь. Положив подбородок мне на плечо, он берёт ещё одну клубничку. Близость его уверенного дыхания у моего ушка за гранью простого комфорта. Это сродни раю на земле.

— Я подумал, ты могла бы остаться со мной сегодня, — говорит он тихонько, подводя мою руку к клубнике. Ласковым давлением на мою руку он разрезает сочную, аппетитную плоть. Я бы не посмела сделать такую глупость, как стащить кусочек, только не под надзором моего требовательного Миллера, так что я потрясена, когда он берёт одну из половинок и подносит к своему рту. Хмурясь, слежу за его действиями, но тут же отвлекаюсь тем, как он медленно приоткрывает губы и захватывает ими ягоду. Хотя, отвлекаюсь только на мгновение. Недовольство гасит это чувство.

— Это, — не успеваю сказать, меня останавливает рот Миллера. Он раскусил ягоду, и её сок растекается в нашем поцелуе, делая его самым вкусным из всех. Миллер и клубника. — Ммм, — мурлычу довольно, сок стекает по моему подбородку.

— Согласен, — шепчет он, разорвав наш поцелуй, и слизывает вкусные капельки с моего подбородка, выполняя самопровозглашённую роль убрать наш бардак. Вероятно, ему это доставляет удовольствие, и всё же это немного неестественно, так что предполагается, что Миллер охотно взял на себя эту роль.

— Мне сегодня нужно на работу, — шепчу под его пронзительным взглядом. У меня всё тело, словно в огне, и перед соблазном провести целый день с Миллером в его квартире, в сохранности от всего мира, почти невозможно устоять, но я не могу снова игнорировать работу.

Смирено вздохнув, он целует меня в нос. Слишком смиренно.

— Я понимаю, просто пообещай мне, что не будешь рисковать и добираться сама. — От его просьбы довольство и комфорт внутри меня превращаются в тревогу. За мной следят. — Я сам отвезу тебя и заберу.

— Как долго ты планируешь сопровождать меня? — спрашиваю. Меня более чем волнует вопрос разоблачения моей нежеланной тени, а ещё мне не хочется, чтобы Миллер всю жизнь со мной нянчился.

— Только пока мы не выясним, кто и почему. — Он снова упирается подбородком мне в плечо и возвращается к нарезанию клубники.

— Кто это «мы»?

Мне, определённо, не померещилась нерешительная пауза перед его ответом:

— Ты и я.

Я подозрительна. Ненавижу быть подозрительной. Подозрительность опасна и она

только разжигает любопытство. А я ненавижу любопытство, может даже больше, чем подозрительность.

— Я не смогу ничего выяснить, пока ты не поделишься со мной информацией, чего ты не сделаешь, оставив только *тебя* всё выяснять.

— Ну, так должно быть, — безапелляционно утверждает он, распалая эту проклятую подозрительность и любопытство. — Не хочу, чтобы твоя прекрасная головка беспокоилась об этом. — Он подтверждает свои требования, рассекая ножом еще одну клубничку и целуя меня в висок. — Мы закроем эту тему прямо здесь.

— Где? — Спрашиваю, закатив глаза. Меня жёстко поставили на место, типа того, и всё же я не могу удержаться от сарказма.

— Нет необ....

— Миллер, — вздыхаю я. — Расслабься. — Один шаг вперёд, миллион назад.

— Я совершенно расслаблен. — Он пахом толкается мне в поясницу и кусает за шею, от чего я взвизгиваю и смеюсь, так просто обрезая мои предыдущие мысли.

— Прекрати! — выдыхаю сквозь смех.

— Никогда.

Но он прекращает, и я тоже резко перестаю смеяться, внимательно задрав голову.

— Это был дверной звонок? — спрашиваю, заинтригованная. Никогда раньше не слышала этот звук.

— Полагаю, что так. — Миллер кажется таким же заинтересованным, как я.

— Кто это может быть?

— Ну, давай выясним, — он снимает мою руку с рукоятки ножа и кладет его параллельно разделочной доске, после чего отпускает меня. Потом он быстро и деловито убирает рабочее пространство, поднимает мои сложенные трусики и футболку.

Он берёт меня за руку и быстро проходит по квартире. Спустя секунды мы стоим в его гардеробной, я снова слышу дверной звонок, и он бормочет себе под нос что-то о помехах. Он натягивает чистые, черные боксеры и, фактически, начинает перебирать дурацкие футболки, пока где-то вдалеке снова и снова верещит дверной звонок. Я стою и молча наблюдаю за тем, как он становится всё злее и злее к моменту, когда надевает футболку. Он берёт мои руки и целует костяшки пальцев.

— Прими душ. — Быстрый поцелуй в лоб, и он исчез, оставив меня стоять, словно статуя, посреди его гардеробной в компании собственного любопытства. Оно накрывает меня и, не готовая оставаться наедине с этим сводящим с ума чувством, я надеваю трусики, футболку и тихонько слеую за Миллером, его длинные, сильные ноги быстро доносят его к входной двери.

Когда он открывает дверь, от него волнами исходит агрессия, и она как будто преумножается, когда его взору открывается тот, кто там стоял. Мне не видно, высокий силуэт Миллера закрывает обзор, но, судя по холоду, исходящему от застывшей фигуры Миллера, мы не хотим видеть этого человека.

— Сейчас ты можешь свалить на хер, или остаться и доставить мне удовольствие, позволив переломать все кости в твоём теле. — В его голосе абсолютная ненависть. Пугающая. Кто там? Вижу, как вздымается спина Миллера, и как из его ушей буквально валит пар. Он в любой момент слетит с катушек. Господи Боже, он что, не слышал ничего из того, о чём мы говорили? Он просто не может это контролировать.

— Я остаюсь.

От этого мужского голоса сердце пускается вскачь. Он ищет меня? Пальцы Миллера сжимаются в кулаки, от чего вздуваются вены на его руках. Блин, он готов напасть. Я подхожу ближе, решая — вмешаться или остаться в стороне.

— Как пожелаешь, — отвечает Миллер небрежно, как будто только что не угрожал убить нашего гостя.

— Я желаю, чтобы ты отвалил, чтобы моя девочка могла рассуждать трезво, без твоего на неё влияния.

Миллер наступает. Угрожающе и целенаправленно. Моя тревога усиливается так же, как учащается стук сердца.

— Я скажу только раз, — шипит он, сжимая и разжимая кулаки. — Я никогда не заставлю Оливию делать то, чего она не хочет. Она принадлежит мне. И понимает это. Я понимаю, и ты, блять, тоже должен это понимать. Если я куда-то и уйду, она уйдет со мной.

Я нахожу в себе смелость и подхожу к Миллеру, рукой провожу по его спине, после чего обхожу его и спиной прижимаюсь к его торсу. Меня встречают синяк под глазом, отёкшая щека и разбитая губа.

— Грегори, — выдыхаю я нервно, чувствуя, как от Миллера исходят все виды беспокойных волн. Спиной ощущаю, как он напряжён. — Ты в порядке?

Взгляд карих глаз смягчается при моём появлении, черты лица практически расслаблены.

— Просто потрясающе, — шутит он, посылая Миллеру двусмысленный взгляд. — Нам надо поговорить.

Сильная ладонь накрывает заднюю часть моей шеи и начинает её поглаживать. Если это попытка хоть сколько-нибудь избавить меня от волнения, то она с треском провалилась. Оно клубится во мне бесконтрольно. Ничто его не уменьшит и не устранил.

— Ну, так говори, — приказывает Миллер.

— Наедине, — шипит Грегори, убивая во мне всю надежду на то, что он пришел сюда, чтобы исправить все с Миллером. Чувствую себя беспомощной.

— Ад покроется льдом быстрее, чем я оставлю Оливию наедине с тобой.

— Боишься, что она тебя оставит?

— Да. — Быстрый, жестокий, честный ответ Миллера шокирует меня и, очевидно, Грегори тоже, потому как в ответ он не говорит ничего.

Взгляд Грегори изучает меня несколько задумчивых секунд, прежде чем он подбирает слова:

— Хочешь поговорить наедине? — спрашивает он так, что каждая мышца в моем теле костенеет. Хочу. Я не боюсь того, что он мне скажет или что он попытается убедить меня оставить Миллера, что вполне вероятно. Это будет пустой тратой сил, к настоящему времени Грегори должен это понимать. Он был избит дважды за своё нежелательное вмешательство, и довольно сильно. Он, конечно же, не пойдёт на третий раунд. — Ну? — подталкивает он, когда я продолжаю стоять, молчать и обдумывать, как с этим совладать. Или совладать с Миллером.

Моё непроницаемое лицо вдруг смотрит на Миллера, потому что он развернул меня в своих руках. Вся ярость и волнение ушли, сейчас его взгляд ясный и сосредоточенный.

— Хочешь побыть минутку наедине со своим другом?

Я в шоке. В абсолютном шоке. Киваю, не в состоянии вытолкнуть из себя ни слова. Миллер тоже кивает, сделав глубокий вдох, и, наклонившись, целует меня в нос, при этом

ладонью обхватив заднюю часть моей шеи. Он готов дать кому-то возможность вмешаться?

— Я в душ, — говорит он тихо. — Используй столько времени, сколько понадобится. — Такое нехарактерное проявление заботы приводит меня в замешательство, и я знаю, что Грегори тоже слегка ошарашен. Я практически чувствую его состояние по удивленному, громкому биению сердца. Я почти кивнула, когда в голову приходит мысль, как некомфортно будет Грегори находиться в квартире Миллера. И мне тоже, если уж на то пошло. Миллер, притаившийся где-то в другой комнате и готовый наброситься в любой момент, услышав то, что ему не понравится, совсем не поспособствует моему спокойствию.

— Мы пойдем в кофейню, — произношу менее уверенно, чем мне хотелось бы, сердце обрывается, когда Миллер с обеспокоенным взглядом начинает качать головой. — Я буду с Грегори, — добавляю, глядя на него умоляющими глазами, хотя и не веря, что *это* его убедит. Грегори, должно быть, задается вопросом, что происходит. Я просто не могу подсунуть ему новости про сталкера, не в свете всего уже сказанного. — Пожалуйста, — поражённо сутулюсь.

Спор в его голове очевиден и ясен, всё написано на его лице.

— Ладно, — соглашается он нехотя, практически сбивая меня этим с ног. Его ласковый взгляд оставляет меня и ужесточается, когда он смотрит на Грегори. — Я верю, что ты будешь оберегать её с той же заботой и вниманием, с каким это делаю я.

Я кашляю, поперхнувшись, и изумлённо пялюсь на его совершенно спокойное лицо, понимая, что он получит точно такой же взгляд от Грегори. На самом деле, он не высказывает причин. Я его понимаю. Чувствую. Я вижу его за этой безразличной маской и самоуверенными словами. Но больше не видит никто.

— Чего? — спрашивает Грегори, в голосе явно слышится веселье вперемешку с раздражением.

Миллер дёргается, сузив глаза.

— Я не люблю повторяться.

— Какого хера! — смеётся Грегори. — Где ты, на хрен, откопала этого недоумка?

— Грег! — выдыхаю, разворачиваясь к нему, и спиной прижимаюсь к груди Миллера, предотвращая неминуемое.

— Ой, да перестань ты уже, пожалуйста!

— Я *ломаю* твою грёбаную шею! — рычит Миллер, яростным взглядом прожигая дыры в моём избитом друге.

— Хватит! — кричу с бешеным всплеском рук. — Просто... хватит! — Есть миллион слов, которые я хочу бросить в эту неразбериху, какие-то в сторону Грегори, что-то в сторону Миллера, но, не желая усугубить всё ещё больше, я делаю несколько успокаивающих вдохов и в поисках терпения закрываю глаза. — Грегори, подожди на кухне, — жестом руки показываю, где это. — Миллер, идём со мной, — хватаю его за руку и тяну за собой. — Я буду через десять минут, — кричу через плечо, не давая ни одному из них шанса противоречить. Я не оставлю их наедине. Иначе я вернусь к морю крови и разбросанным костям.

— Я подожду в холле, — выплёвывает Грегори, и я слышу злобный хлопок дверью, сотрясающий стены.

Миллер шипит, заставляя меня замереть на месте:

— Он только что хлопнул моей грёбаной дверью? — Взгляд дикий, он разворачивается, лицо искажено отвращением. — Он, блять, просто хлопнул моей дверью!

— Миллер! — кричу, вставая перед ним. — Спальня! Сейчас же! — Я сорвалась, ярости скручивает желудок, кровь приливает к лицу. Теперь ему придётся успокоиться. — Не заставляй меня повторять! — Меня трясёт. Я дошла до грани с этими двумя, ведут себя, как бульдоги, позволяющие своему эго затмевать то, что действительно важно. Меня! — Я иду выпить кофе с Грегом!

— Ладно, — говорит он, выглядя мрачным. — Но если хоть один волосок на твоей голове пострадает к тому времени, как ты ко мне вернешься, я за свои действия не отвечаю.

— Я буду в порядке, — ято со мной случится?

— Ему лучше в этом удостовериться, — фырчит он.

Что?

— Говоришь, как самодовольный придурок!

— Оливия, — он наклоняется ко мне нос к носу, глаза горят страстью, мои же горят раздражением. — Ты знаешь, что я чувствую к людям, которые вмешиваются, и ты знаешь, что я чувствую, когда они тебя расстраивают. Я не только сломаю ему хребет, если ты пострадаешь физически, я сдержу это обещание, если он тебя расстроит.

Я драматично сутулюсь. Намеренно, просто чтобы он увидел, как он меня раздражает.

— Слишком много думаешь, — шепчет он, ладонью накрываю мой затылок и притягивая к себе, уничтожая жалкое остававшееся между нами расстояние и сплетая наши губы.

— Я не буду слишком много думать, — обещаю, позволив ему высосать из меня всю злость. Теперь это в прошлом. — Но после всего, через что ты заставил меня пройти за прошедшие двадцать четыре часа, Миллер, я выпью кофе со своим другом.

Чувствую, как он надувает губы.

— Как пожелаешь. — Он не может с этим поспорить. Он обнимает меня, отстраняясь от моих губ так, чтобы мог зарыться лицом в мои непослушные светлые волосы. Как будто понимает, что *моё* Миллера может магическим образом придать мне сил. Всегда срабатывает. — Я полагаюсь на твою силу, моя восхитительная девочка.

Я обнимаю его и позволяю ему сильно обнять меня. Или сильнее. Я могу быть чертовски зла на то, что произошло с появлением здесь Грегори, но моя сила не пошатнулась. Я никогда не уйду от нас.

— Мне нужно принять душ.

Он отпускает меня, откидывает волосы мне за плечи, изучая *моё* лицо.

— Не оставляй меня без тебя на слишком долгое время.

Я улыбаюсь и нежно отталкиваюсь от него, принимаю душ, мысленно готовясь к ещё одному раунду вмешательства от моего лучшего друга.

Глава 27

Когда я выхожу из квартиры Миллера, Грегори стоит, прислонившись к стене и копаясь в телефоне.

— Хей, — говорю, закрывая за собой дверь.

Он поднимает глаза и с деланной улыбкой отталкивается от стены.

— Привет, малышка.

Только от этих слов мне уже хочется заплакать.

— Что с нами случилось? — спрашиваю я.

Грегори смотрит на чёрную блестящую дверь Миллера, а потом на меня:

— Кофененавистник случился.

— Он больше, чем кофененавистник, — возражаю тихо. — И он возненавидел только первый приготовленный мной кофе, так что технически мы не можем его так называть.

— Членосос.

— Это закреплено за Беном. Видел его в последнее время?

Широкие плечи каменеют. Это чувство вины.

— Мы здесь не из-за моей полной лажи в личной жизни.

Я чуть не споткнулась от его наглости:

— В моей личной жизни нет лажи!

— Успокойся! — Два широких шага, и он уже стоит прямо передо мной. — Это в его жизни, — он указывает на входную дверь Миллера, — полно лажи, и он оказывает на тебя влияние!

Я ощетиливаюсь, выражение лица становится яростным.

— Я не буду это слушать. — Я разворачиваюсь на своих конверсах, намереваясь закончить наш «разговор» и стремясь получить утешение в руках моего полного лажи, страдающего обсессивно-компульсивным расстройством, сдерживающего внутренних демонов, собственнического, испорченного, употреблявшего наркотики, экс-скандально-известного мужского эскорта, время от времени джентльмена. Ладно, может он и совершает ошибки, но он мой, полный лажи, привередливый Миллер. И я люблю его.

— Оливия, подожди! — Он хватает меня за предплечье немного грубо, но, когда я вскрикиваю, быстро меня отпускает. — Дерьмо! — ругается он.

Я разворачиваюсь и с оскалом тру руку.

— Полегче!

Он выглядит по-настоящему взволнованным.

— Прости, я просто не хотел, чтобы ты ушла.

— Так сказал бы об этом.

Он переводит взгляд карих глаз на мою руку:

— Надеюсь, следов не останется. Я очень даже за, чтобы мой позвоночник остался на своем месте и в целости.

Я поджимаю губы, скрывая улыбку на его язвительную шутку.

— Всё в порядке.

— Спасибо, грёбаный Боже. — Он прячет руки в карманы и смущённо опускает взгляд. — Мы можем начать сначала?

Меня охватывает чувство облегчения:

— Пожалуйста.

— Замечательно, — он смотрит на меня, раскаяние плещется в его карих глазах. — Можем мы пройти и поговорить? Мне совсем некомфортно сплетничать о твоём кофененавистнике, когда он находится в такой непосредственной близости.

Закатив глаза, я беру его под руку и веду к лестничной клетке.

— Идем.

— Лифт сломался?

Я замираю, хмурясь. Я даже не осознавала, что перенимаю маниакальные привычки Миллера.

— Нет.

Грегори хмурится так же, как я, пока мы идём к лифту, и хмурится еще больше, когда мы заходим в него. Его лицо выглядит просто ужасно, но не уверена, стоит ли подмечать это или просто спросить, как он, учитывая, что сейчас мы оба улыбаемся, именно поэтому я решаю перейти к чему-то абсолютно другому:

— Как работа?

— По-старому, — бормочет он не воодушевленно, на корню пресекая эту тему.

Я снова усиленно размышляю:

— Мама с папой в порядке?

— Хорошо.

— Как с Беном?

— Нестабильно.

— Он появлялся?

— Нет.

Я закатываю глаза:

— Дьявол, о чём мы разговаривали до того, как я встретила Миллера?

Он пожимает плечами как раз, когда открываются двери, и я выхожу из лифта, отчаянно перебирая в опустевшей голове варианты, о чём можно поговорить, кроме Миллера и нежелательном вмешательстве, что красуется на горизонте. Прихожу к нулю.

Вежливо кивнув консьержу и проигнорировав отражение колеблющейся фигуры Грегори за моей спиной, я открываю двери и выхожу на бодрящий, свежий воздух Лондона. Я думала, что открытое пространство поселит во мне ощущение свободы, но всё не так. Даже близко. Чувствую, что задыхаюсь от ощущения неминуемого допроса от Грегори, отчаянно хочу убежать обратно к Миллеру и вернуть себе ощущение свободы, спрятавшись в его квартире. В *его*. В нём.

Со вздохом я поворачиваюсь и вижу, как Грегори неловко топчется на месте, озадаченный тем, что сказать. Он настаивал на разговоре. У него должно быть, что сказать, и, даже если я не особо хочу слушать его, лучше бы он выложил уже всё, чтобы я могла сказать, что он зря теряет силы... снова.

— Идём пить кофе или нет? — спрашиваю, указывая направление вниз по улице.

— Конечно, — бормочет он раздражённо, как будто уже понимает, что только зря теряет время. Он присоединяется ко мне, и мы идём вниз по улице. Между нами, по крайней мере, три шага, и это расстояние заполнено чувством смятения. Такого между нами никогда не было, а, поскольку ни один из нас ничего не говорит, от этой слишком вязкой тишины, в моей голове верится вопрос, как же мы дошли до этого. Наша глупая ситуация тогда, в моей спальне, вызвала причину для беспокойства, но со всей ненавистью и драками между Миллером и Грегори она отошла на второй план, что, несомненно, хорошо.

Мы переходим дорогу без проблем, учитывая раннее время, и продолжаем не спеша идти, Грегори то и дело ловит ртом воздух, собираясь что-то сказать, хотя так ничего и не произносит, я же с нетерпением жду признаков того, что кофейня уже близко. Чувство растерянности между нами становится невыносимым.

— Просто скажи мне, что в нём такого особенного. — Слова Грегори заставляют меня остановиться, я открываю и закрываю рот, пытаюсь понять, как же объяснить. В голове всё ясно, как божий день, но попытка произнести это вслух вводит меня в ступор. Мне нет нужды оправдываться перед кем-то, и всё же глубокая необходимость заставить Грегори понять меня становится вдруг очень важной.

— Всё, — я качаю головой, отчаянно желая найти что-то более подходящее.

— Тот факт, что он в эскорте?

— Нет!

— Деньги?

— Не глупи. Ты ведь знаешь, что у меня очень даже приличный счёт в банке.

— Он сложный.

— Очень, но это здесь ни при чём. Он бы не был Миллером, если бы не испытывал трудностей. Каждая частичка этого мужчины — в значительной мере результат его жизни. Он был сиротой, Грегори. Его бабушка с дедушкой подбросили младенца в сомнительный детский дом и заставили его молоденькую маму вернуться в Ирландию, оставив его в прошлом, просто во избежание позора, которому он мог подвергнуть их семью.

— Не оправдание его идиотского поведения, — бормочет он, носком ботинка ковыряя землю. — У всех есть проблемы.

— Проблемы? — я распаляюсь в негодовании. — Быть сиротой, стать бездомным, иметь обсессивно-компульсивное расстройство и пойти в проституцию, чтобы выжить, — не проблема, Грег. Это, черт возьми, трагедия!

Глаза моего друга распахиваются, заставляя меня нахмуриться:

— Бездомным?

— Да, он был бездомным.

— У него обсессивно-компульсивное расстройство?

— Не подтверждено, но это довольно очевидно.

— Проституция? — кричит он с запоздалой реакцией.

Я тут же осознаю свою ошибку. Эскорт. Грегори не должен был узнать, что Миллер был обычной проституткой.

— Да, — я выпячиваю подбородок, заставляя его опустить комментарий, и думаю, что бы он сказал, добавь я к списку еще и наркотическую зависимость.

Моя хитрость терпит поражение по всем фронтам:

— Становится всё лучше! — он смеётся, только это нервный смех. — Я чертовски уверен, что он еще и психопат, так что ты и правда завела себе личного, страдающего психическими расстройствами придурка.

— У него. Нет. Психического. Расстройства, — я, шипя, выделяю каждое слово, кровь начинает закипать. — Ты не видел его, когда мы наедине. Никто, кроме меня, не видел. Да, он может быть напряжённым, и что, блять, такого в том, что он любит порядок? Он никого не убивает!

— Может, и убивает.

Я вздрагиваю от отвращения, слова накапливаются и прилипают к языку, мозг не совсем уверен, какое из ругательств бросить в Грегори первым:

— Пошёл ты знаешь куда! — Останавливаюсь на такой универсальной фразе и, бросив её ему в лицо, разворачиваюсь обратно к дому Миллера, ноги со злостью ударяются о тротуар.

— Да ладно тебе, Ливи!

— Отвали! — Не оборачиваюсь. Если обернусь, вероятно, будет взрыв. Но потом в голову кое-что приходит, и я разворачиваюсь. — Где ты взял визитку Миллера?

Он пожимает плечами:

— Та пташка, что была на открытии «Исе». Чертовски горячая штука!

Кэсси.

Чувствую, как внутри закипает злость, давление в голове возрастает. Сучка! Я закипаю, беспокоясь о растущей внутри ярости. Хочу ударить что-нибудь. Сильно.

— Ай! — Мой крик пронзительный, когда он хватается за меня и поднимает так, что я лежу поперёк его рук. Он разворачивается и снова идёт вниз по дороге, к кофейне, игнорируя мой скептический взгляд.

— Дерзкая девчонка, — говорит он просто. — Я, вроде как, рад, что ты за него держишься.

Моё тело отпускает сдерживаемого его напряжение, и я расслабляюсь в его руках:

— Я люблю его, Грегори.

— Вижу, — нехотя признаёт он. — А он тебя любит?

— Да, — отвечаю, потому что знаю точно, что он любит. Он просто не говорит об этом прямо. Но это его право.

— Он делает тебя счастливой?

— Больше, чем ты думаешь, но я была бы намного счастливее, если бы люди просто оставили нас в покое. — Чувствую, как он со вздохом сутулится под тяжестью моего тела.

Он останавливается и ставит меня на ноги, а потом с силой сжимает мои плечи:

— Малышка, у меня плохое предчувствие. Он такой... — Он замолкает и рукой трёт свое лоб, явный признак беспокойства.

— Такой *какой*?

Он поджимает губы и опускает руки по швам, оставляя их безжизненно болтаться.

— Мрачный.

Я киваю, делая глубокий вдох.

— Мне знакома каждая его тёмная частичка, какую только возможно узнать. Я снова наполню их светом. Я помогаю ему, и независимо от того, согласен ты, принимаешь это или нет, он тоже мне помогает. Он мой кто-то, Грегори. Я никогда его не оставлю.

— Вау, — мой друг выдыхает, прикусывая щёки. — Такие сильные слова, Оливия.

Я пожимаю плечами:

— Всё так, как есть. Ты разве не видишь? Он не привязывает меня и ни к чему не принуждает. Я с ним добровольно и потому что должна там быть. Я лишь надеюсь, что однажды ты найдешь своего кого-то и надеюсь, что ты почувствуешь себя столь же поглощенным этим человеком, какой я чувствую себя по отношению к Миллеру. Он особенный, — я вздрагиваю от собственных слов и отбрасываю эту мысль далеко, *далеко* прочь.

Умиротворение, кажется, охватывает меня при виде очевидного осознания в лице Грегори. Не уверена, понимает ли он, может и не поймет никогда, но принятие — хорошая отправная точка. Я не жду, что они станут закадычными друзьями. Не думаю, что Миллер вообще может с кем-то близко дружить; он не общительный человек. Он не слишком хорошо ладит с людьми, особенно с теми, кто вмешивается. Но они, по крайней мере, могут вести себя цивилизованно. Они должны найти в себе силы сделать это, ради меня.

— Я попытаюсь, — шепчет Грегори, нехотя, и всё же сердце в груди делает радостный кульбит. — Если он хочет попытаться, я в игре.

Я улыбаюсь, возможно, самой яркой улыбкой из всех, и кидаюсь в его объятия, от чего он со смешком, делает шаг назад.

— Спасибо. Он тоже обо мне заботится, Грегори. Так же, как ты. — Не замечаю, что он,

возможно, заботится даже сильнее, понимая, что это делу не поможет.

Нет больше слов, только мы, обнимающие друг друга с силой, равной многодневной тоске, пока я, в конце концов, не отстраняюсь от него, чувство победы и восторга спиралью скручиваются внутри меня. Его желание, конечно, основано на согласии Миллера, но я не сомневаюсь в том, что он согласится. Пока есть обещание не вмешиваться в моё счастье, мы будем в порядке. Я целую его в симпатичную щёку и беру под руку, продолжая нашу прогулку в кофейню.

И замираю.

Кровь отливает от головы, и Грегори хватается меня свободной рукой, удерживая:

— Ливи? Что такое?

Белый БМВ, припаркованный у тротуара, мне незнаком, но мой интерес вызывает не роскошная машина. Внимание привлекает женщина, прислонившаяся к машине и затягивающаяся сигаретой, наблюдая за нами. Я уже видела её однажды и никогда не забуду это лицо.

София.

На ней красивый плащ, такой же невероятно белый, как и её машина, губы накрашены кроваво-красной помадой, тугий пучок белых волос так же идеален, как и в прошлый раз, когда я имела удовольствие с ней встретиться. Мне плохо.

— Ливи? — взволнованный голос Грегори возвращает меня к жизни, я открываю глаза от самодовольного выражения на её совершенном лице. — Дерьмо, ты бледная. — Его ладонь ложится на мой лоб. — Тебя сейчас стошнит?

— Нет, — слабо твержу, а сама думаю, насколько велика такая вероятность. Эта женщина, среди всех в жизни Миллера, с которым я встречалась, беспокоит меня больше всего. Начнём с того, что она была в квартире Миллера посреди ночи. К тому же пила вино, как у себя дома, хотя эта мысль раньше мне в голову не приходила. Чем-то она отличается от остальных, и мне это не нравится. Совсем не нравится. Я только всё прояснила с Грегори, и последнее, что мне сейчас нужно, это её сцены, угрозы и унижения.

Отчаянно стараясь собраться с духом, я выдавливаю из себя улыбку и вжимаюсь в руку Грегори.

— Мы когда-нибудь доберёмся до «Costa»¹⁵?

— Я и сам задавался этим вопросом. — Он улыбается и идёт дальше, как будто не заметив ничего необычного, даже несмотря на неловкость момента. София могла бы всё испортить, а, когда я слышу цокот каблучков за своей спиной, я тут же понимаю, что сейчас она так и сделает.

— Оливия, я полагаю, — произносит она мягким голосом, отчего все мышцы в моём теле напрягаются. Мой шаг сбивается, и я крепко зажмуриваю глаза в молчаливой надежде на то, что если я буду её игнорировать, она просто уйдёт. Сомневаюсь, но хочу попробовать. Продолжаю идти. Грегори что-то говорит, но я ни слова не понимаю, слышу только звук его голоса где-то вдалеке. А вот её я слышу. — Или сегодня ты откликаешься на *сладкую девочку*?

Сердце в груди замирает, и ноги перестают нести меня по тротуару. Бежать некуда, а когда Грегори оборачивается с недоумением, я понимаю, что мне предстоит противостояние. Я медленно оборачиваюсь и вижу её всего в нескольких от меня шагах. Она делает затяжку, пристально меня разглядывая.

— Я могу вам помочь? — спрашиваю так злобно и равнодушно, как только могу, не

заботясь взглянуть и запечатлеть выражение лица Грегори. Я знаю, что оно будет любопытным, но просто не могу оторвать свой настороженный взгляд от понимающего и надменного.

— О, думаю, можешь, — отвечает она, бросая в решётку люка окурок своей сигареты. — Давай прокатимся? — Она протягивает руку в сторону БМВ, и я вижу, как водитель держит открытой заднюю дверцу.

— Кто это? — в конце концов, вмешивается Грегори, сильнее ко мне прижимаясь.

— Просто подруга, — отвечает за меня София, предотвращая возможные в дальнейшем сложные вопросы Грегори. Хотя, я не уверена, что её объяснение сработает.

— Ливи? — Грегори сжимает моё плечо, вынуждая посмотреть на него. Брови вопросительно нахмурены.

— Подруга, — бормочу бессильно, пытаюсь решить, что делать дальше. В голову ничего не приходит. Она назвала меня *сладкой девочкой*. Миллер разговаривал с ней, разговаривал обо мне?

— В моём распоряжении не целый день. — София нетерпеливо врывается в мои мысли.

— Мне нечего вам сказать.

— Зато я хочу сказать тебе многое — по крайней мере, если ты хоть немного заинтересована в Миллере... — Она провокационно останавливается, а мои собственные ноги повергают меня в шок, автоматически подводя меня к машине, меня подталкивает её приманка и потенциальная информация.

— Ливи! — зовёт Грегори, но я не оборачиваюсь. Мне не нужно видеть его лицо и не нужно, чтобы он отговаривал меня от совершения невероятной глупости. — Оливия, что ты творишь?

Я оборачиваюсь и вижу, как водитель преграждает путь Грегори, мешая ему ко мне подойти.

Грегори хмурится:

— Кто ты, черт возьми, такой? Уйди с дороги.

Рука водителя поднимается и ложится на плечо Грегори.

— Не глупи, парень. — Голос угрожающий, Грегори пробивается мимо него, по-прежнему хмурясь, смятение искажает его красивое лицо.

— Оливия! — Он начинает бороться с водителем, но мужчина крупный. Угрожающий. Я сажусь в машину.

Дверца закрывается и спустя несколько секунд открывается другая, София опускается на кожаное сиденье. Я, должно быть, сошла с ума. Мне не нравится эта женщина, и я точно знаю, то, что она скажет, мне не понравится. Но меня охватывает до неприличия неразумное желание узнать. Если она знает хоть что-то, что может помочь, я должна это выяснить. Узнать больше. Узнать то, что либо разобьет мне сердце, либо просто меня сломает.

Машина отъезжает от тротуара как раз, когда Грегори начинает барабанить в окно с моей стороны. Ненавижу себя за это, но игнорирую его.

— Парень? — спрашивает София, снимая плащ.

Я уже собираюсь резко ответить что-то типа того, что Миллер мой парень, только что-то меня останавливает. Инстинкт?

— Он мой лучший друг. А ещё гей.

— Оу! — смеётся она. — Как прекрасно. Лучший друг гей. Идеально.

— Куда мы едем? — спрашиваю, чтобы сменить тему. Я не хочу, чтобы она что-нибудь

еще узнала о моей жизни.

— Просто приятная поездка.

Я фырчу. Нет ничего приятного в том, чтобы быть с Софией.

— Вы сказали, у вас есть информация. Какая? — Перейдём к сути. Я не хочу быть в этой машине и намерена убраться отсюда как можно быстрее. Как только эта женщина скажет то, из-за чего я здесь.

— Первое и самое важное — я бы хотела, чтобы ты ушла от Миллера Харта.

Это просьба, но в том, как это было сказано, безошибочно, прослеживается угроза. Моё сердце, моя душа, моя надежда — всё замирает. Но слова Миллера — что-то об устранении последствий и отвлечении внимания, — вдруг всё, что я слышу. Никому о нас не известно, и, хотя меня это убивает, я знаю, что должна делать.

— Не от чего уходить. Я виделась с ним пару раз. — Мне кажется, я могу потерять сознание, сдать, а она только начала свою игру. Она может сказать гораздо больше, я это чувствую.

— Он недоступен.

Я хмурюсь, концентрируюсь на голубых глазах, которые так и кричат о победе. Эта женщина всегда добивается своего.

— Меня это не интересует.

— Оу, — она улыбается. У меня по коже бегут мурашки. — Ну, ты довольно близко от его квартиры.

Я почти сдаюсь, но потом беру себя в руки, и меня осеняет:

— Мой друг живёт поблизости.

— Х-м-м. — Она открывает сумочку «Mulberry»¹⁶ и достает оттуда гравированный серебряный портсигар. Меня раздражает её высокомерный тон. Чувствую, как раздражение подавляет во мне чувство тревоги, и прихожу к выводу, что это к лучшему. Дерзость, черт тебя подери, не подведи меня сейчас! Длинными пальцами она достаёт сигарету из аккуратного ряда в коробочке и, постучав ей по крышке, обхватывает её пухлыми губами. — Миллеру Харту некогда попусту тратить время на маленьких любопытных девочек.

Поворачиваюсь к ней, когда она прикуривает сигарету:

— Простите?

Делая долгую затяжку, она смотрит на меня задумчиво, а после выдыхает дым в моем направлении. Я игнорирую клубы противного дыма, что окутывает меня, и не отвожу от неё глаз. Я не сдаюсь. Моя дерзкая сторона появляется из ниоткуда и встаёт на мою защиту.

— Многие женщины приятно проводят время с Миллером Хартом, *сладкая девочка*. — Она специально использует ласковые по отношению ко мне слова Миллера. — А некоторые, такие, как ты, глупо воображают, что получают больше. Ты не получишь. Фактически, думаю, он назвал тебя «просто маленькая девочка, слишком любопытная для собственного блага. Я взял у неё деньги, повеселился с ней, ничего больше».

От её заявления у меня скручивается желудок, вдобавок к остальным нежелательным реакциям на её жестокие слова:

— Я знала, что ожидать от Миллера. Я не глупая. Было весело, но всё прошло.

— М-м-м, — произносит она, пристально меня разглядывая, от этого взгляда я хочу отвернуться. Но не отворачиваюсь. Я держусь. — Никто не понимает его так, как я. Я хорошо его знаю, — заявляет она.

Хочу её ударить:

— Насколько хорошо? — Сам не знаю, откуда взялся этот вопрос. Я не хочу знать.

— Я знаю его правила. Знаю его привычки. Его демонов. Я знаю всё.

— Думаете, он *ваш*?

— Я знаю, что он *мой*.

— Вы его любите.

Её колебание говорит мне всё, что нужно знать, но я понимаю, что она даст подтверждение:

— Я очень люблю Миллера Харта.

Горло сжимается сильнее, и всё же я заставляю себя заметить, она не заявила о том, что Миллер её любит. Это понимание усиливает мою решимость. Я не просто какое-то мимолетное увлечение, какая-то «любопытная девочка». Может, так было в начале, но наша взаимная увлечённость очень быстро всё изменила. Он терпеть не может Софию. Он скоблил себя, я была там, заботясь, когда он был в таком состоянии. Я не боюсь того, что он любит эту женщину. Она клиентка. Очевидно, хочет быть кем-то большим, но для Миллера она просто одна из тех, кто вмешивается, и он с радостью бы сделал ей больно, увидев её снова. Она хочет то, что получить не может. Для Софии Миллер Харт недоступен так же, как для всех остальных женщин. Кроме меня. Я уже его получила.

Как только машина останавливается у тротуара, она поворачивается ко мне всем телом и смотрит напряжённо, поднимает подбородок, выдыхая в люк сигаретный дым, на этот раз не удостоив меня этими противными клубами. Она демонстрирует лишь небольшую задумчивость сквозь слои дорогого макияжа, пока скользит по мне взглядом вверх-вниз.

— Мы закончили, — она улыбается, кивком головы указывая на дверь в молчаливом приказе убираться, что я и делаю, стремясь избежать, бросающего в дрожь, присутствия этой ужасной женщины. Я захлопываю дверцу и оборачиваюсь, услышав, как опустилось стекло. Она сидит, откинувшись на спинку сиденья, вся такая расслабленная и претенциозная. — Приятно поболтали.

— Не согласна.

— Я рада, что мы прояснили положение дел. Миллер не сможет опуститься до уровня тупых маленьких девчонок. Это приведёт к его уничтожению. — Стекло поднимается, и машина плавно отъезжает, оставив меня одним большим нервным комом стоять на тротуаре. Стараюсь дышать сквозь страх, но как бы сильно я ни старалась успокоиться, сказать себе, что она просто пытается меня напугать, крупица беспокойства всё же оседает глубоко внутри. Вру, не крупица. Это метеор. Огромный и подрывающий. Я боюсь, он нас сломает. Уничтожение?

Сквозь туман неуверенности я прижимаю ладонь к задней части шеи. Принимаюсь растирать кожу, но останавливаюсь, как только понимаю причину своих действий. Я поднимаю руку, волосы на затылке встают дыбом, заставляя меня резко развернуться в поисках совей тени. Повсюду прохожие, большинство куда-то спешат, но никто не кажется особо подозрительным. Страх поднимается по позвоночнику, вынуждая меня сильно выпрямиться. За мной следят. Знаю, что следят. Я лихорадочно верчусь сначала в одну сторону, волосы ударяют по лицу, потом в другую, в надежде уловить что-то глазами — хоть что-то, чтобы доказать себе, что я не совсем рехнулась.

Ничего.

Но я ведь знаю, что-то есть.

София. Но она уехала. Или это просто осадок от её недавнего появления? Возможно

вокруг этой женщины вязкий противный воздух.

Я верчусь, взгляд мечется, пытаюсь проникнуть в окружающие меня здания, и вскоре я понимаю, что нахожусь в целой миле от квартиры Миллера. Паника растекается по венам, когда я, развернувшись, на полной скорости бегу к его дому. Не оглядываюсь. Бегу по улицам, мимо людей, перебегая проезжие части, не смотря по сторонам, пока не вижу на расстоянии его здание. Чувство облегчения не приходит.

Залетев в вестибюль, забегаю прямо в ожидающий лифт. Снова и снова лихорадочно жму кнопку десятого этажа.

— Давай же! — кричу, воздерживаясь от того, чтобы выбежать из него и мчаться по лестнице. Меня переполняет адреналин, он, вероятно, смог бы донести меня по лестнице быстрее, чем лифт, но двери закрываются, и я спиной прижимаюсь к задней стене, внутри растёт чувство нетерпения. — Давай же, давай, давай! — Начинаю вышагивать по маленькому пространству, как будто мои движения могут ускорить подъем. — Ну, давай же! — Лбом прижимаюсь к дверям, когда они открываются, и я проталкиваюсь сквозь них, как только расстояние между ними становится достаточным для моего стройного тела.

Ноги едва касаются пола. Я бегу по холлу, ноги передвигаются так быстро, что я их не чувствую, волосы разметались за спиной, сердце вот-вот выпрыгнет из груди от ужаса, страха, тревоги, отчаяния...

Дверь в его квартиру распахнута, и я слышу крики. Громкие. Это Миллер. Он вышел из себя. Потребность добраться до него возрастает, ноги теперь немеют от нагрузки, и я вваливаюсь в квартиру, бегаю глазами до тех пор, пока не вижу его обнажённую спину. Он пригвоздил Грегори к стене, держа за горло.

— Миллер! — Кричу, ноги подкашиваются, когда я резко останавливаюсь, и мне, чтобы устоять, приходится схватиться за ближайший столик. Слезы бегут из глаз, все одолевающие меня эмоции собираются вместе и давят слишком сильно, чтобы выдержать.

Он резко разворачивается, взгляд дикий, волосы в беспорядке, движения резкие. Он выглядит, как одичавшее животное — опасное одичавшее животное. Он опасный. Безжалостный. Скандально известный.

Особенный.

Он без промедления отпускает Грегори, который, задыхаясь, безжизненно скользит вниз по стене, вздрогнув, он прижимает ладони к горлу. Отчаяние внутри меня не уступит место чувству вины и беспокойства за моего друга.

Миллер за доли секунды длинными шагами сокращает между нами расстояние, его взгляд по-прежнему мрачный, но в синих глазах, которые я так сильно люблю, отчетливо видно облегчение.

— Ливи, — выдыхает он, его грудь неустанно тяжело поднимается и опускается. Как только удостоверюсь, что он достаточно близко, чтобы поймать меня, я бросаюсь вперёд в его раскрытые объятия, от одного только ощущения его рук напряжение во мне ослабевает в миллион раз.

— За мной следили, — хнычу.

— Твою мать, — ругается он. Ему, как будто, больно физически. — Блять! — Он отрывает меня от пола и крепко держит меня. — София? — Тревога в его хриплом голосе снова распаляет моё напряжение. Он слишком взволнован.

— Не знаю. — Нет нужды спрашивать, откуда он знает про Софию. Думаю, он выбил описание из Грегори. — Она высадила меня в квартале отсюда. — Качаю головой, не

отрываясь от его шеи. Это глупо, но я сосредоточенно вдыхаю его, надеюсь, что, окружив себя всем этим комфортом, я избавлюсь от оков пережитого стресса. Я дрожу как листок, не важно, насколько крепко он меня обнимает, и сквозь неконтролируемые движения собственного тела слышу, как колотится в груди его сердце. Он безумно озабочен, и это только усиливает мой страх.

— Иди сюда, — рычит он, как будто у него и так уже нет полного контроля над моим безвольным телом. Он несёт меня вглубь квартиры, пока я ногтями впиваюсь в его плечи. Кроткая попытка оторвать меня от его тела заканчивается моим молчаливым отказом, усилением хватки, так что он сдаётся и садится на диван со мной, всё так же тесно прижатой к нему. Он с трудом сдвигает меня, кладя мои ноги по одну от себя сторону, пока я не сворачиваюсь клубочком на его коленях, лицом прижимаясь к изгибу его шеи. — Зачем ты села в ту машину, Оливия? — спрашивает он, в его голосе нет ни осуждения, ни злости. — Скажи мне.

— Я не знаю, — признаюсь. Глупость. Любопытство. Это, должно быть, одно и то же.

Он вздыхает, бормоча себе под нос:

— Не смей приближаться к этой женщине, ты слышишь меня?

Я согласно киваю, всем сердцем желая, чтобы никогда и не приближалась. Ничего хорошего из этого не вышло, кроме появления нежелательных познаний и мучительных вопросов.

— Она сказала, ты говорил, будто я просто для развлечения. — Слова, сорвавшись с губ, оставили после себя горьковатый привкус.

— Ты не должна с ней видеться, — заявляет он, отрывая меня от своей груди. На этот раз я сдаюсь, испытывая необходимость увидеть его лицо. В каждом его совершенном кусочке миллионы эмоций. — Она противный человек, Оливия. Ужасный. Я не просто так сказал ей то, что сказал.

— Кто она? — шепчу, а сама боюсь ответа.

— Человек, который вмешивается. — Его ответ прост, и говорит мне обо всём, что нужно знать.

— Она очень тебя любит, — говорю, хотя думаю, ему это уже известно. Он кивает, убирая непослушную прядь. Это привлекает моё внимание и вызывает желание откинуть её назад, что я и делаю. Не спеша.

Он пальцами сжимает мой подбородок и притягивает к своему лицу, пока наши губы не замирают на расстоянии волоска друг от друга.

— Ты должна понимать мою к ней ненависть.

Я киваю и он, закрыв глаза, медленно вдыхает и выдыхает.

— Спасибо, — шепчет он, лаская мою щеку кончиком носа. Я окунаюсь в его очевидную признательность, видя вещи точно такими, какие они есть. Отвергнутые женщины. Женщины, ставшие зависимыми от внимания, которое им давал этот сломленный мужчина. Никто не говорил, что мои с Миллером отношения будут лёгкими, но никто и не говорил, что они будут близкими к невозможным.

Я тут же исправляюсь. Один человек говорил.

— Что ты ей сказала? — спрашивает Миллер.

— Ничего.

Он отстраняется:

— Ничего?

— Ты сказал, чем меньше людей знает, тем лучше.

Его лицо искажается болью, и он прижимает меня к себе:

— Красивая, умная девочка.

Опускается тишина, вместе с тяжким бременем миллиона, вызывающих беспокойство, проблем. Их нужно решать, справляться как-то с ними, но прямо сейчас я просто не могу. Я просто счастлива прятаться от жестокого мира, в который нас бросили, оставаясь в безопасности и уюте, которые предлагает Миллер. В уюте, от которого я стала зависима.

— Я не проиграю, Оливия, — клянется он. — Обещаю.

Я не отстраняюсь от него, вместо этого согласно кивая, пока он решительно меня укачивает.

— Так, так, так.

От этого дерзкого приветствия в венах стынет кровь, и Миллер и я поднимаем головы. Мне не нравится то, что я вижу, и мне, определенно, не нравятся злобные черты на его милом лице.

— В подаренном мной телефоне мало пользы, Оливия, если ты не отвечаешь на него.

— Уильям, — выдыхаю, чувствуя, как тело Миллера подо мной наливается свинцом. Боже, Грегори, Уильям, тонна дерьма от Софии. Хуже ситуация стать не могла бы. Суматоха на грани взрыва, и напряженная враждебность, исходящая от Миллера, с приходом Уильяма совсем не снижает моего беспокойства. Всё очень быстро может стать очень страшным.

Уильям с телефоном в руке заходит в комнату, по дороге бросив быстрый враждебный взгляд в сторону Грегори. Бедный Грегори всё так же сидит у стены, растирая шею. Но появление бывшего сутенёра моей мамы быстро привлекает его внимание.

Я вдруг оказываюсь на ногах, Миллер выпрямляется в полный рост, фигура напряжена как у гориллы, готовой к нападению.

— Андерсон, — рычит он, обнимая меня и спиной прижимая к своему торсу.

Уильям сам себе наливает скотч, достав из недр шкафчика невысокую бутылку.

— Ты сказала, что позвонишь мне, Оливия.

Я игнорирую его замечание и, затаив дыхание, жду, когда Миллер с энтузиазмом спрыгнет с обрыва одержимости при виде человека, который не просто вмешивается, но ещё и переставляет его аккуратно расставленные бутылки. Он вот-вот потеряет самообладание.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю.

Уильям медленно отворачивается и наливает в стакан темную жидкость, после чего, понюхав, одобрительно кивает. Я чувствую, как ошетинился Миллер и знаю, Уильям, хоть и с другого конца комнаты, тоже это чувствует. Только он его игнорирует. Провоцирует. Ему известно об обсессивно-компульсивном расстройстве Миллера.

— Мне позвонил Миллер, — заявляет Уильям, как ни в чём не бывало.

— Звонил? — выплевываю я, выворачиваясь из его рук и оборачиваясь, чтобы взглянуть на него. Он пригласил Уильяма вмешаться?

У Миллера раздуваются ноздри, и он своим злым взглядом пригвождает меня к месту.

— Я думал, тебя похитили.

— Думал, меня похитили? — давлю я. — София? — Какого бы дьявола ей это делать? И зачем он звонил Уильяму? Миллер его ненавидит, и я точно знаю, что это чувство взаимно.

Его лицо совершенно спокойное, только в глазах плещется настоящий, дикий страх.

— Да.

У меня нет слов.

Не могу дышать.

А потом что-то ударяет меня, словно пуля в висок.

— Ты сказал Уильяму о том, что за мной следили? — Я готовлюсь к ответу Миллера, хотя и знаю, каким он будет.

Он кивает. Желание поднять руку и сорвать с шеи невидимую петлю слишком сильное, я понимаю, что тру горло, заставляя Миллера наклониться и схватить меня за запястья.

— Оливия? — хриплый голос Уильяма, по-прежнему полный неприязни, привлекает моё внимание. — Когда я говорю, что заберу тебя в определённое время в определённом месте, я жду, что ты будешь там. Когда я звоню, жду, что ты ответишь.

Требуется каждая капля оставшейся у меня выдержки, чтобы не запрокинуть голову и не завывать от отчаяния, даже с отсутствием признаком неуважения, Уильяма всё ещё реагирует на мою наглость. Мне плевать, особенно сейчас.

— Я не чёртов ребёнок, — шиплю, стискивая в хватке Миллера пальцы в кулаки. Я вырываюсь и отворачиваюсь от него. Вся тревога смыта дерьмовыми подробностями, которыми меня только что окатили.

— Ты должна была слушаться, — ласково говорит Миллер у меня за спиной, заставляя меня резко обернуться. У меня голова кружится от всех этих шокирующих событий.

— Чего? — кричу я. По его ледяному взгляду и неохотным словам могу сказать, его убивает признавать это.

Его руки безвольно висят по бокам, широкие плечи ссутулены, всё угрожающие черты вмиг исчезли. Ума не приложу, что с этим делать.

— Если Андерсон о чём-то просит, Ливи, ты должна слушаться.

Только я подумала, что меня уже ничто не сможет шокировать, и он говорит мне это?

— Он хотел забрать меня. Я была с тобой! И я должна слушаться? Типа, я должна была послушаться, когда он снова и снова говорил мне уйти от тебя?

Взгляд Миллера становится злым и обращается к Уильяму:

— Никогда не слушай, если он говорит тебе это, — шипит он.

Запрокинув голову, я смотрю в потолок, ища помощи и спрашивая себя, что и кого мне следует слушаться.

— С чего бы Софии, по твоему мнению, меня похищать? — С трудом верится в то, что из моего рта вылетают все эти вопросы. Знаю, мне понадобится дерзость, чтобы выжить с Миллером Хартом, но не чёрный же пояс или... я выдыхаю, из меня вылетает осознание. — Самозащита.

— Это необходимость.

— На случай, если одна из твоих ревнивых подстилок попытается похитить меня?!

— Оливия! — кричит Миллер, взбесившись, я же, вздрогнув, замолкаю.

В поле моего зрения вдруг появляется Грегори, и я на какое-то время концентрируюсь на нём: челюсть отвисла, глаза переполнены тревогой:

— Ушам своим не верю, — бормочет он. — Мы что, на съемках *«Крёстного отца»*?

Подойдя к дивану, закрываю глаза и опускаюсь устало, спиной прижимаясь к мягкой подушке:

— Только она не удерживала меня против воли. — Делаю вдох, пытаюсь отыскать в сумасшедших сейчас мыслях разумные вопросы. — Связь со мной приведёт к твоему уничтожению. — Смотрю на него. — Так она сказала. — Если раньше её предостережение казалось абсурдным, сейчас спокойное лицо Миллера и говорящий взгляд сбрасывают на

меня реальность. — Она... она... это пра... — Я останавливаюсь, собираясь с мыслями, и позволяю им сорваться робким шёпотом. — Она права?

Миллер кивает, разбивая мой и так уже рухнувший мир. Страх, затерявшийся за шоком и злостью, обрушивается на меня с новой силой и парализует. Желудок скручивается. Я слышу вдох Грегори. Чувствую, как напряжён Миллер. И я чувствую грусть... Уильяма.

Софии известны последствия ухода Миллера? Он закован в кандалы, и не только женщинами, живущими в паутине извращенных удовольствий. Мне плохо. Его уничтожение? Кто эти люди?

Звонок мобильного телефона пронзает гнетущую тишину, и Уильям, не теряя времени, отвечает. Он полон раскаяния, тихо разговаривая с кем-то, его тучная фигура в сером костюме неловко топчется на месте.

— Две минуты, — говорит он натянуто, после чего сбрасывает вызов и пронзает меня своими серыми глазами. Они полны печали. Желудок скручивается. — Забирай её и уходи, — шепчет он, глядя на меня. — Сейчас же.

Я хмурюсь, не понимая, и встаю, переводя взгляд на Миллера. Он понимающе кивает.

— Что происходит? — спрашиваю, не зная, сколько еще смогу выдержать.

Миллер подходит ко мне и ладонью обхватывает заднюю часть моей шеи, намереваясь успокоить поглаживающими движениями. Я бы оттолкнула его, только не могу пошевелиться. Он поворачивается к Уильяму.

— У тебя есть документы?

Из внутреннего кармана пиджака Уильям достаёт коричневый конверт. Он несколько секунд раздумывает, прежде чем протянуть его Миллеру, который берёт его и, удерживая под мышкой, достает оттуда два паспорта и стопку бумаг. Подбородком открыв одну из бордовых книжек на странице с фотографией, он пробегает по ней глазами. Там я. Я молчу, не в силах произнести что-либо, и смотрю, как он проверяет вторую, на этот раз со своей фотографией внутри.

— Вам лучше уйти, — давит Уильям, глядя на часы.

— Присмотри за ней. — Миллер отпускает меня и убегает в спальню, оставив меня бороться с паникой. Я задыхаюсь, жестокий мир окружает меня и превращает мою жизнь в хаос.

— Что происходит? — спрашиваю, в конце концов, голос дрожит в такт пробивающему меня ознобу.

— Вы уезжаете, — просто и коротко отвечает Уильям, не дрогнув, все эмоции исчезли.

— У меня нет паспорта.

— Теперь есть.

— Подделка? Зачем тебе подделывать для меня паспорт? — И откуда он его достал? Я практически смеюсь над собой, только этому мешает отсутствие сил. Это Уильям Андерсон. У его власти нет границ. Я должна бы об этом знать.

Он осторожно подходит ко мне, одна рука в кармане пиджака, в другой стакан со скотчем.

— Затем, Оливия, что с той секунды, как я узнал, что ты связалась с Миллером Хартом, я знал, что именно таким будет конечный результат. Я не вмешивался, всё усложняя.

— Что за конечный результат? Что происходит? — Почему люди говорят загадками?

Уильям как будто обдумывает что-то несколько секунд, а потом смотрит на меня полными сожаления, прекрасными серыми глазами. Он знает всё о темноте Миллера. Оковы

и дурной характер не единственные причины того, почему Уильям так упорно хотел уберечь меня от Миллера. Всё так предельно ясно. Ему также известны последствия наших отношений. Он слабо улыбается, ладонью накрывает мою щеку и подушечкой большого пальца ласково проводит по моей холодной коже.

— Может быть, мне и стоило так поступить с Грейс, — говорит он тихо, как будто сам себе, воспоминания разглаживают черты его лица. — Может быть, мне стоило увезти её из этого ужаса. Увезти её из этого.

Я смотрю в его полное сожаления лицо, но не задаю очевидный вопрос, в котором бы говорилось, из чего *этого*.

— Ты жалеешь об этом?

— Каждый день моей дерьмовой жизни.

Тревога уступает место грусти. Уильям Андерсон — мужчина, страстно любивший мою маму, — живёт с ежедневным сожалением. Оно сильное и живое. Оно съедает его. Не могу найти слов, чтобы облегчить его боль, так что делаю единственную правильную для себя вещь. Я тянусь к зверски властному мужчине и обнимаю его. Жалкая попытка облегчить боль длиною в жизнь, но когда он улыбается моему поступку и принимает мои объятия, крепко удерживая меня свободной рукой, думаю, я, возможно, могу на минутку всё изменить.

— Достаточно, — говорит он. Ну вот, властность снова на месте. Я отстраняюсь от него и, как только в поле зрения появляется вся комната, я вижу Миллера в паре метров от нас, он стоит рядом с Грегори. Мой лучший друг выглядит так, как будто находится в трансе, а Миллер необычайно спокоен, учитывая то, что только что увидел. На нём серые спортивные брюки, черная футболка и кроссовки. Необычный для Миллера вид, но после порчи всех его масок, думаю, у него нет особого выбора. А потом мое внимание привлекает спортивная сумка в его руке, и я перебарываю все, произошедшее с паспортами и словами Уильяма.

— Идите, — командует Уильям, указывая на дверь. — Машина припаркована на углу. Выходите на втором этаже и воспользуйтесь пожарной лестницей. — Миллер не шевелится, поэтому Уильям продолжает. — Харт, мы это уже обсуждали.

Я непонимающе смотрю на Миллера, тут же насторожившись от волн ярости, исходящих от него. Его покрытая щетиной челюсть, как будто, окаменела.

— Я их всех уничтожу, — обещает он, голос пропитан ядом. Я с трудом сглатываю.

— Оливия, — просто, на выдохе говорит Уильям. Это напоминание, и Миллер смотрит на меня, понимание как будто просачивается сквозь злость. — Увези её из этого гребаного беспорядка, пока мы не выясним, что происходит. Не подвергай её ещё большей опасности, Харт. Устраняй последствия. — Телефон звонит в руке Уильяма, и он, матерясь, принимает вызов. — В чём дело? — спрашивает он, смотря на Миллера. Мне не нравится выражение настороженности на его лице. — Идите, — говорит он, продолжая слушать, и подходит к нам. Миллер равняется со мной и в мгновение ока подводит нас к двери, Уильям идет прямо за нами.

Я дезориентирована. Ничего не понимаю. Я позволяю увести себя из квартиры Миллера, не имея представления, куда мы направляемся.

Мы уже в холле, и Миллер ведёт меня к лестничной клетке.

— Нет! — кричит Уильям, заставив Миллера резко остановиться и, распахнув глаза, обернуться. — Они поднимаются по лестнице.

— Что? — рычит Миллер, мгновенно покрывшись испариной. — Блять!

— Им известны твои слабости, мальчик. — Голос Уильяма мрачный, как и его взгляд.

— Что происходит? — спрашиваю, освобождаясь от руки Миллера, взгляд мечется между ним и Уильямом. — Кто это «они»? — Мне не нравится то, как настороженно Уильям смотрит на Миллера, не то чтобы тот заметил. Его начинает трясти, как будто он увидел приведение, кожа бледнеет прямо на глазах. — Отвечайте! — ору, отчего Миллер подпрыгивает и медленно поднимает на меня взгляд синих глаз. Затравленный. У меня перехватывает дыхание.

— Те, у кого ключи от моих оков, — шепчет он, капелька пота стекает по его виску. — Аморальные ублюдки.

Меня молнией пробивает всхлип, когда на меня обрушивается сказанное со всей своей силой и жестокостью.

— Нет! — Качаю головой, сердце грохочет, как ракетный двигатель. Не хочу спрашивать. Он выглядит по-настоящему испуганным, и я не знаю, от того ли это, что они, кто бы они ни были, уже идут или потому что путь к его побегу перекрыт, а ему нужно меня увезти. Интуиция подсказывает мне последнее, только сердце сжимается от страха из-за первого. — Чего они хотят? — храбрюсь задать вопрос и вздрагиваю при виде того, как он борется, чтобы не расклеиться. Когда он, в конечном итоге, заговаривает, это едва слышный шёпот.

— Я сказал им, что уйду, — он удерживает мой взгляд, пока я пытаюсь осознать чудовищность сказанного. А потом глаза наполняются слезами.

— Они не позволят нам быть, если мы останемся? — спрашиваю, задыхаясь.

Он медленно качает головой, боль искажает его совершенное, прекрасное лицо.

— Мне так жаль, моя прекрасная девочка. — Сумка падает на пол, и я вижу, как его охватывает чувство поражения. — Они владеют мной. Последствия будут разрушительными, если мы останемся.

Мне всю сотрясают рыдания от его обещания, щеки горят и болят, потому как я тру лицо, пытаюсь отыскать в себе силу, заменить ею потерянную Миллером. Я уже глубоко — глубже, чем могла себе представить. И я пойду за ним на дно, если потребуется. Я делаю глубокий вдох, подхожу к нему, поднимаю с пола сумку и беру его за трясущуюся руку. Он мне позволяет, но как только понимает, куда мы идем, замирает, и я слышу учащенное под властью паники дыхание. Миллер сопротивляется, усложняя задачу попасть туда, где нам необходимо быть, но вот мы всё же там.

Я жму кнопку вызова лифта и молюсь, чтобы он был где-то поблизости. Постоянно оглядываюсь в сторону лестничной клетки.

— Оливия?

Я смотрю в сторону и вижу, что рядом с Уильямом стоит Грегори. Он выглядит потерянным. Запутавшимся. Шокированным. Я улыбаюсь, пытаюсь унять его тревогу, но понимаю, что у меня не выходит.

— Я позвоню, — обещаю, двери лифта открываются, и Миллер делает шаг назад, утаскивая меня за собой. — Пожалуйста, скажи Нан, что я в порядке.

Бросаю сумку в лифт и, повернувшись к Миллеру, беру в свою и вторую его руку. А потом я начинаю медленно отступать, волнуясь о том, что наше время истекает, но еще больше заботясь о том, что здесь спешить нельзя. Он смотрит за меня, в закрытую коробку, и всё его тело наливается свинцом, именно в этот момент я понимаю, насколько жестокой была, заставляя его подвергаться этому страху. Проглатываю слёзы вины и продолжаю

отступать до тех пор, пока мы не стоим на расстоянии вытянутых рук, между нами наши сцеплённые руки.

— Миллер, — говорю тихо, отчаянно стремясь к тому, чтобы он сфокусировался на мне, а не на монстре за моей спиной, — смотри на меня, — прошу я. — Просто смотри на меня. — Голос дрожит, не важно, как сильно я стараюсь сдерживаться. Меня накрывает волной облегчения, когда он делает ко мне один осторожный шаг, но потом он яростно качает головой и делает два шага назад. Он то и дело сглатывает, руки становятся невероятно горячими. Локоны его красивых волос становятся тяжелыми под тяжестью пота, который ручьями стекает с его макушки, лба, отовсюду.

— Я не могу, — задыхается он, сглатывая. — Не могу это сделать.

Я смотрю на Уильяма и вижу в его взгляде озабоченность, он то и дело проверяет телефон и смотрит в сторону лестничной клетки, когда же я смотрю на Грегори, вижу то, чего прежде в своем друге не видела, когда дело касалось Миллера. Сострадание. Закусываю губу, когда начинают бежать слёзы, всхлипываю, и тогда он смотрит на меня глазами, полными ободрения. Потом он кивает. Едва заметно, но я вижу и понимаю. Чувствую себя беспомощной. Мне нужно вывести Миллера из этого здания.

— Ты иди, — говорит Миллер, подталкивая меня к лифту. — Я буду в порядке, иди.

— Нет! — кричу я. — Нет, ты не сдашься! — Я бросаюсь к нему и обвиваю руками. молчаливо клянусь никогда не отпускать. Не упускаю момент, когда напряжение его тела ослабевает под моими руками.

Моё.

Его.

Наше.

Я крепко его сжимаю, губами прижимаясь к его шее, он прячет лицо в моих волосах. Потом я отстраняюсь, сильнее потянув его за руку, и глазами умоляю пойти со мной. И он идёт. Один маленький шаг вперёд. Второй. Ещё. И ещё. Он в дверях, я в лифте. Его всё также трясёт, он задыхается, покрываясь испариной.

И я слышу громкий звук со стороны лестничной клетки, вслед за ним красочный мат Уильяма, тогда я делаю то единственное, о чем мне кричит инстинкт, и затаскиваю Миллера в лифт, нажимая кнопку второго этажа, после чего обнимаю его, задыхающегося, и прячу его в нашем.

Лихорадочный стук сердца в его груди граничит с опасным. Я заглядываю ему за плечо на холл, пока двери медленно закрываются, и последнее, что я вижу перед тем, как мы остаемся одни в ужасающей коробке, это Уильям и Грегори, подошедшие к лифту, оба тихо наблюдают за тем, как мы с Миллером исчезаем из виду. Я грустно им улыбаюсь.

Не удивлюсь, если та ярость, с которой его сердце колотится о мою грудь, оставит синяки. Он не успокаивается, не важно, насколько крепко я его обнимаю. Мои попытки успокоить его бесполезны. Единственно, на чём мне нужно сосредоточиться, это удержать его в вертикальном положении, пока мы не спустимся до второго этажа, что прямо сейчас довольно легко. Он застыл, я же смотрю за цифрами монитора, сменяющими друг друга, между каждой проходит, кажется, вечность. Мы спускаемся медленно. Всё как будто в замедленной съемке.

Всё, за исключением дыхания и сердцебиения Миллера.

Миллер дёргается под моими руками, и я пытаюсь отстраниться, но у меня ничего не выходит. Я не могу от него отодвинуться, и я вдруг начинаю паниковать от возможной

трудности вывести его, когда лифт остановится.

— Миллер? — шепчу я низко и спокойно. Слабая попытка заставить его поверить в то, что я в порядке. Всё далеко не так. Он не отвечает, и я снова быстро смотрю на монитор.

— Миллер, мы почти снаружи, — говорю, толкая его и заставляя отступать, пока он спиной не упирается в двери. От дергания лифта при остановке я вздрагиваю, Миллер издает слабый звук, прижимаясь ко мне. — Миллер, мы на месте. — Я борюсь с его окаменевшим телом, услышав, как начинают открываться двери. Только сейчас я начинаю думать о вероятности того, что *они* могут ждать нас снаружи, внутри поднимается паника, замираю, когда двери расходятся. Что, если они там? Что мне делать? Что *они* будут делать? Дыхание становится прерывистым, в такт Миллеру, я выглядываю за его плечо, ноги затекли от длительного стояния на носочках.

Двери открыты полностью, снаружи ничего, только пустой холл, и я пытаюсь прислушаться хоть к каким-то признакам жизни.

Ничего.

Толкаю застывшее тело Миллера, пытаюсь его сдвинуть, и у меня ничего не выходит. Как он поведёт себя, когда мы выберемся из коробки? У меня нет времени вытаскивать его из лифта, а потом из здания.

— Миллер, пожалуйста, — умоляю, проглатывая ком отчаяния. — Двери открыты. — Он остаётся застывшим, приклеенным ко мне, глаза застилают слёзы отчаяния. — Миллер, — шепчу разбитым голосом. — Они скоро начнут спускаться.

И тут мы слышим звук, оповещающий о скором закрытии дверей. У меня нет времени крикнуть Миллеру, чтобы он выходил. Он как будто влетает обратно в жизнь, причиной тому, несомненно, стал этот звук. Он отлетает, как будто кто-то выстрелил в него из ружья. Я смотрю на него, затаив дыхание. Он взмок, волосы прилипли к голове, глаза широко распахнуты, в них страх. И его по-прежнему трясёт.

Не зная, что делать, я поднимаю с пола сумку и продвигаюсь к выходу, при этом, не отводя от него глаза, он оглядывается по сторонам, знакомясь с окружением. Как будто осколки моего разбившегося мира снова собираются вместе, надежда врывается в нашу реальность, как только опускается маска, стирая все следы страха. Миллер Харт вернулся.

Пустым взглядом он осматривает меня с ног до головы, улавливает сумку в руках, и она исчезает в мгновение ока. Потом он берёт меня за руку и быстро выводит из лифта. Он переходит на бег, заставляя мои ножки мчаться в попытке поспеть за ним, он оглядывается каждую секунду, проверяя меня и то, что за нами.

— Ты в порядке? — спрашивает он, никаких видимых признаков напряжения.

Как бы то ни было, я теряю сковывающий меня адреналин. Может, потому что мой мозг уловил то, что решительность Миллера вернулась, и теперь он хочет избавить меня от давления. Не знаю, только усталость берёт верх, и эмоции требуют выхода. Только не здесь. Я не могу развалиться здесь. Киваю, сохраняя шаг достаточно быстрым, чтобы не задержать наш побег. С выражением дикой озабоченности он, когда мы подходим к пожарному выходу, перебрасывает сумку на плечо и отпускает мою руку, на полной скорости врезаюсь в дверь. Она распахивается, и в глаза бросается яркий солнечный свет, заставляя вздрогнуть.

— Возьми меня за руку, Оливия, — резко командует он.

Я хватаюсь за неё, позволив ему тянуть себя по запасному выходу и переулку. Тут же раздаётся гудок машины, и я замечаю водителя Уильяма, он держит открытой заднюю дверцу. Мы, сбивая поток плотного Лондонского движения, лавируем между машинами,

грузовиками и такси, получая в ответ озлобленные гудки, пробираемся к машине Уильяма.

— Садись. — Он коротко кивает водителю и перехватывает дверцу, гаркнув мне команду и бросив сумку внутрь. Я, не теряя времени, забираюсь на заднее сиденье, Миллер следом за мной. Водитель занимает свое место прежде, чем я успеваю понять, и с пугающим меня рвением выезжает на дорогу. Он с профессиональной собранностью и умением лавирует в потоке машин.

А потом ужас произошедшего накрывает меня, и я начинаю реветь. Прячу лицо в ладонях и ломаюсь, так много мыслей в моей бедной, перегруженной голове — некоторые разумные, такие, как необходимость позвонить Нан. Как же бабушка? И некоторые неразумные, такие, как: где этот мужчина научился так водить? И нужны ли Уильяму такие навыки водителя?

— Моя прекрасная девочка. — Его сильная ладонь обхватывает мой затылок, тянет меня к нему, подтягивает к нему на колени и обнимает так, что я мокрой от слез щекой прижимаюсь к его груди. Не перестаю плакать, содрогаюсь в его руках, не в силах, не хочу больше сдерживаться. Последние полчаса всё из меня высосали. — Не плачь, — шепчет он. — Пожалуйста, не плачь.

Сжимаю в кулаках ткань его футболки, сжимаю до тех пор, пока руки не начинают болеть, и я не выплакиваю реки сконфуженных, сжимающих внутренности слёз.

— Куда мы едем?

— Куда-то, — он отстраняет меня от себя, заглядывая в глаза. — Куда-то, где мы сможем потеряться друг в друге без помех и вмешательств.

Я едва его вижу сквозь застилающие глаза слёзы, но я его чувствую и слышу. Достаточно хорошо.

— Нан.

— О ней позаботятся. Тебе нет нужды об этом беспокоиться.

— Уильям позаботится? — выплёвываю я, думая о том, как жарко там будет, если он ступит на её порог. Боже, она с ума сойдет.

— О ней позаботятся, — повторяет он коротко и резко.

— Только я буду по ней скучать.

Подняв руку, он пальцами пробирается мне под волосы и обхватывает затылок.

— Это ненадолго, я обещаю. Только пока всё не уляжется.

— Сколько это? И что, если они не позволят всему улечься? Уильям будет вовлечён? Он их знает? Кто они? — Я останавливаюсь, переводя дыхание, хочу выпалить все вопросы, пока моя уставшая голове не опустела, и они не забылись. — Они ведь не обидят Нан? — Я выдыхаю, когда что-то врывается в спираль мыслей. — Грегори!

— Ш-ш-ш, — успокаивает он, как будто я только что не бросила своего лучшего друга в квартире Миллера, когда туда направлялся Бог знает кто. — Он с Андерсоном. Поверь мне, он будет в порядке. Так же, как и твоя бабушка.

Меня одолевает чувство облегчения. Я *доверяю* ему, но он не ответил ни на один из моих вопросов.

— Поговори со мной, — прошу я, не в силах высказать нежную просьбу. Его красивые синие глаза отчаянно пытаются убедить меня, внести легкость. Странно, но у него получается.

Он кивает и тянет меня в свои объятия:

— До последнего вдоха, Оливия Тейлор.

В аэропорту Хитроу царит хаос. В голове беспорядок, сердце колотится, взгляд мечется повсюду на пути к выходу на посадку. В то время как я суечусь, проходя регистрацию и службу безопасности, Миллер совершенно собран, обнимает меня, вероятно, в попытке унять мою дрожь. Я не особо обращала внимание на происходящее с тех пор, как мы оказались у Терминала 5. Я не знаю, куда мы направляемся и на сколько. Я позвонила Нан, вооруженная историей про сюрприз — путешествие от Миллера, только на звонок ответил Уильям. Сердце остановилось, а потом снова забило, когда Нан подошла к телефону, спокойная, как танк. Я не поняла, всё ещё не понимаю, что там произошло, но она уверенно сказала, как сильно меня любит и взяла с меня обещание, что я позвоню, когда мы приедем, куда бы мы ни ехали.

Всё это привело нас в настоящий момент.

Я стою у выхода, раскрыв рот, смотрю на экран.

— Нью-Йорк? — выдыхаю, борясь с желанием потереть глаза, просто на тот случай, если мне мерещится.

Миллер не смеётся надо мной, только ласково подталкивает к леди, которая пропустит нас, как только проверит наши паспорта и посадочные талоны... снова. Я застываю. Снова. Но она только улыбается и пропускает нас.

— Из тебя бы вышла ужасная мошенница, Оливия, — говорит Миллер на полном серьезе.

Я позволяю себе расслабиться, когда он ведёт меня по туннелю, ведущему к самолёту.

— Я не *хочу* быть мошенницей.

Он улыбается мне, в глазах блеск. Все признаки запуганного создания исчезли, вернув моего придирчивого, утончённого Миллера в первоначальное великолепие. Он на самом деле великолепный. Я делаю глубокий, довольный вдох и беру Миллера за руку. Глядя перед собой, вижу невероятно счастливую стюардессу, которая широко нам улыбается. Я могла бы зарычать, когда она попросила у нас наши паспорта и посадочные талоны. Вы думаете, я могла бы и привыкнуть после миллиона раз, когда нас уже об этом просили с момента нашего пребывания в аэропорт Хитроу. Но нет. Меня снова начинает трясти, когда она листает наши паспорта, прежде чем взглянуть на нас, проверяя наше соответствие фотографиям. Я выдавливаю из себя улыбку, уверенная, что сейчас она закричит «Подделка!» и вызовет охрану. Но она этого не делает.

Она проверяет наши посадочные талоны и, улыбаясь, передает документы Миллеру.

— Первый класс в той стороне, сэр, — жестом руки она указывает налево. — Вы как раз вовремя. Капитан дал приказ закрыть двери.

Миллер коротко кивает, и я, обернувшись, вижу, как вторая стюардесса запирает двери.

Вся кровь отливает от головы, когда я смотрю в туннель, ведущий к выходу на посадку. Это иллюзия, должна быть ей. Любопытство берёт верх, и я подхожу ближе к закрывающимся дверям, желая оказаться как можно ближе, и, не переставая, моргаю, уверенная в том, что у меня галлюцинации.

А потом я оставаюсь.

Прирастаю к полу, голова пустеет, кровь застывает в жилах.

И я смотрю на себя.

Это, определённо, я... только девятнадцать лет спустя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

Джинджер и Фред — кинофильм Федерико Феллини, снятый в 1986 году. В основе сюжета история пары танцоров, Амелии Бонетти и Пиппо Боттичелла, которые выступали под псевдонимами Джинджер и Фред (в честь знаменитых танцоров степа Джинджер Роджерс и Фреда Астера).

[

←2

]

«Кокни» акцент — акцент, свойственный коренному жителю Лондона, родившемуся и выросшему в низких слоях общества.

[

←3

]

Feel so close — чувствую тебя так близко.

[

←4

]

Двойная желтая линия — в Англии этот знак говорит о запрете на парковку.

[

←5

]

Сундук с приданым

[

←6

]

«Взрывы»

[

←7

]

Beef Wellington — мясной пирог

[

←8

]

Mayfair — торговый район в центре Лондона.

[

←9

]

«Pursuit of Happiness» — «В погоне за счастьем».

[

←10

]

Bury Street — улица в Лондоне.

[

←11

]

Piccadilly — одна из самых крупных и оживлённых улиц в историческом центре Лондона.

[

←12

]

The Stone Roses — британская рок-группа, которая была одним из лидеров «манчестерской волны».

[

←13

]

«M&S» — торговая марка компании Marks and Spencer.

[

←14

]

Британская певица Трейси Чепмен со своей песней «Fast cars».

[

←15

]

«Costa» — сеть итальянских кофеен в Лондоне.

[

←16

]

Mulberry (Малберри) — английский бренд, специализирующийся на производстве кожаных сумок, аксессуаров и одежды.